ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА» МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Семерник Снежана Здиславовна

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ ЭКОНОМОЦЕНТРИЧНОГО ОБЩЕСТВА

24.00.01 – теория и история культуры (философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук,
профессор В. И. Стрельченко

Волгоград - 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ ……. 3

ГЛАВА 1. **Экономоцентричное общество: теоретико-методологические основания исследования** …… 20

1.1 Понятие экономоцентризма как предмет философской рефлексии …… 20

1.2 Методология исследования проблемы экономоцентричного общества ……. 47

1.3 Инструментализация дискурса экономоцентризма в социокультурном контексте современности ……. 63

ГЛАВА 2. Парадигмальные основания развития экономоцентричного общества как рискогенного типа социума …….. 97

2.1 Социокультурная парадигма экономоцентризма в контексте социоэкономической динамики: от идеи хозяйственно-культурной целостности к принципу автономизации экономики ……. 97

2.2 Инверсия идеи труда в экономоцентричном обществе: от фетишизации к дискриминации ……. 146

2.3 Дилеммы идеи накопительства в формировании социокультурной специфики современности: перспективы и риски ……. 170

2.4 Рискогенность как социокультурный атрибут экономоцентричного общества ……. 196

ГЛАВА 3. Преодоление социокультурных рисков экономоцентричного общества: возможности и ограничения ……. 224

3.1 Антропологическое измерение социокультурных рисков экономоцентричного общества в условиях смены технологических укладов ……. 224

3.2 Принцип хозяйственно-культурной целостности как антитеза экономоцентричной парадигме развития социума …… .262

3.3 Механизмы сдерживания экспансии экономоцентризма ……. 282

Заключение ……. 304

Литература ……. 308

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования Современная эпоха, драматизм и рисковый потенциал которой стремительно нарастают, демонстрирует черты кризисности. Специфичность возникающих кризисных состояний проявляется в их системности и тотальности. Названная ситуация бросает «вызов» философскому логосу, требуя экспликации (развертывания) его исконных интенций к обнаружению в фактичности внешних событий глубинных духовных смыслов, генерируя презумпции, поднимающиеся над эмпирическим детерминизмом, ориентированном на верифицируемые в практическом опыте суждения. Апелляция к философскому дискурсу обусловлена также необходимостью сформировать синтетическое видение происходящего, в целостном восприятии которого только и могут быть сформулированы адекватные «ответы» на «вызовы» динамично меняющейся среды. Данная необходимость отчетливо обнаруживает себя при попытке выявить фундирующие предпосылки кризисных явлений.

Большинство современных обществоведческих наук рассматривает экономику в качестве главного источника кризисных состояний современного социума. Специфика современного экономического развития, проявляющаяся в диспропорциональном доминировании финансового сектора над аграрным и промышленным, поглощением третичным сектором (услуги) вторичного и первичного (производство и сельское хозяйство), приводит к делокализации индустриального производства в направлении от высокоразвитых стран к индустриально менее развитым, к углубляющемуся глобальному разделению труда, усилению диверсификационных тенденций не только в сфере экономики, но и в сферах образования, культуры, политики, порождая ситуацию глобальных социально-экономических и социокультурных дисбалансов.

Идея вычленения феномена экономического в качестве системообразующего принципа, определяющего стратегию, фактичность и перспективы развития современного социума, делает целесообразным фокусировку исследовательского внимания на понятии экономоцентризма, рассматриваемого в качестве специфической социокультурной парадигмы, сформировавшейся в новоевропейский период развития социума и получившей доминирующее значение в системе современных социальных и культурных отношений. Обращение к концепту экономоцентризма при анализе ведущих тенденций современной социокультурной динамики, изучении ее рисковых проявлений

указывает на попытку синтеза в духе постнеклассической науки нескольких исследовательских подходов: инструменталистского, отсылающего к классическим процедурам объяснения, и социокультурного, основывающегося на понимающих стратегиях философского дискурса. Данная тенденция проявляется в использовании принципа дополнительности – привнесении в логику экономического детерминизма концептуальной топики социокультурного подхода, внутренний синкретизм которого фокусирует стратегии понимания происходящего на категориях плюральности, гетерогенности, комплементарности, помещая в центр причинных оснований развивающихся событий культуру и собственно самого человека.

Привлечение в качестве инструментов анализа неологизмов «экономоцентризм», «экономоцентричное общество» имеет свои объективные трудности. Эпистемологический статус названных понятий на данный момент прояснен в недостаточной степени. Феномен экономоцентризма, хотя и обозначен, однако мало изучен в философии культуры. Многообразие попыток его теоретических репрезентаций, несовместимость существующих мнений, конкурирующих гипотез, теорий и идей, едва ли не полное отсутствие не только знаний, но и строгой постановки вопросов о природе, социальных и антропологических основаниях экономоцентризма современности – эпохи эскалации информационных, социальных и цивилизационных конфликтов – все это является выражением неопределенности оценок нынешнего состояния и будущего как европейской, так и отечественной культуры, ставит исследователей перед необходимостью глубокого проникновения в суть осуществляющихся преобразований.

Исследуя динамику экономоцентричного общества, представляется возможным и необходимым соотнести антропологический, культурный и собственно социальный уровень его функционирования, обозначив тот факт, что культурные и социально-практические установки экономоцентризма исполняют роль структур, порождающих нового человека – «homo economicus'a», – главного актора происходящих на наших глазах и грядущих перемен. Несмотря на то, что феномен «homo economicus'a» оценен представителями самых различных школ, как в философии, так и собственно в экономике, задача расширения проблемного поля исследований, посвященных данному вопросу, поиска новых граней и принципов его интерпретации на сегодняшний день остается чрезвычайно актуальной. В частности, недостаточно изученным остается

вопрос о тех социокультурных рисках, которыми чреваты культурно-цивилизационные инициативы «homo economicus'a», построении его отношений с обществом на основе ценностей идеологии экономоцентризма.

Актуальность углубления исследовательской рефлексии в отношении феномена «экономического человека» обусловлена также тем, что данный персонаж из эпизодического героя превращается во все более распространенный для современного общества тип личности. Он представлен в самых разнообразных слоях общества и обнаруживает тенденции к эволюции, постепенно превращаясь в свою специфическую разновидность – «homo finansicus». «Хомо финансикус» — финансовый рантье, живущий от непроизводственных доходов (спекуляций), позиционируется социумом не как маргинал или аутсайдер, но рассматривается как типичный представитель авангардной группы, инициативы которой формируют императивы экономического и социокультурного развития. Общим знаменателем данных императивов выступает феномен играизации (политики, культуры, экономики) — погружение социальных субъектов в произвольно конструируемый виртуальный мир. В результате мозаичных игр глобальных финансовых спекуляций, разворачивающихся в «экономике-казино» (Дж. М. Кейнс, М. Альбер) сокрушается твердь экономической онтологии: реальное производство, не выдерживающее конкуренции на площадке символического обмена, из атрибута экономики превращается в ее акциденцию.

В свете обозначенных тенденций одной из первоочередных является задача поиска оснований для социокультурных инициатив, способных преодолеть рисковые стратегии развития современного социума и культуры, обусловленные тотальной экономизацией всех сфер жизни, сопряженной с активным распространением экономических принципов на внеэкономическую реальность. Для её достижения отчетливо обнаруживается необходимость в преодолении разрыва между существующими представлениями об экономоцентризме и их естественной референциальной основой. Данная задача не только актуальная, но и объективно сложная. Путь к ее разрешению – включение в поле анализа эвристических идей философии хозяйства с целью истолкования феномена экономоцентризма в контексте достигнутого уровня знаний о «месте человека в природе и природы в человеке». Реактуализация и практическое воплощение идей философии хозяйства позволяет не только обнаружить истоки и движущие силы развития экономоцентричного общества,

но и решить задачу по выработке стратегий преодоления возникающих в данном обществе социокультурных рисков, формирования типов субъективности, способных к решению данных задач.

Степень разработанности проблемы Теоретический фундамент диссертации включает в себя достаточно широкий круг трудов ученых самых различных направлений социально-философской мысли, а также труды в области философии культуры. Это исследования, относящиеся к проблеме культурно-исторической динамики общества, в которых в непрерывной полемике соприсутствуют труды представителей линейного подхода в самых различных его вариантах (О. Конт, Г. Спенсер, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс), сторонников цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби), представителей мир-системного анализа (Дж. Арриги, И. Валлерстайн, С. Амин, С.Г. Франк), а также работы таких авторов, как Ю.А. Андреев, В.В. Балахонский, Л.Н. Гумилев, П.С. Гуревич, К.М. Кантор, И.Ф. Кефели, Г.П. Кибасова, Ч.С. Кирвель, А.С. Панарин, А.В. Петров, И.А. Пфаненштиль, Ю.И. Семенов, В.И. Стрельченко, Т.К. Фомина, И.К. Черёмушникова, Т.В. Юдина.

Решение поставленных в диссертационном исследовании задач потребовало обращения к работам, посвященным вопросам экономического развития общества, самым непосредственным образом влияющего на культуру и человека. Прежде всего, это исследования проблем хозяйственно-экономической деятельности, восходящие к трудам древних греков (Аристотель, Гесиод, Катон, Ксенофонт) и продолжающиеся в работах средневековых авторов, а также труды общепризнанных классиков экономической мысли (А. Смит, Д. Рикардо, Ф. Кене, Г. Шмолер, Дж. Кейнс, П. Самуэльсон) и недостаточно популяризированные разработки представителей альтернативного крыла экономической мысли (В. Зомбарт, Ф. Лист, В. Ойкен, К. Поланьи).

Решению вопроса о причинах и условиях возникновения экономоцентричного типа социума в значительной степени способствовало обращение к идейному корпусу теории мир-системного анализа. Согласно данной теории, современные хозяйственные процессы базируются не столько на взаимодействии локальных хозяйственно-экономических систем, сколько осуществляются в едином мировом хозяйстве, система организации которого построена по принципу «центр — периферия». Свойственные «центру» способы организации экономических процессов неразрывно связаны с «периферийностью» не входящих в «ядро» экономических систем, что, в свою очередь,

обуславливает неравное и заведомо неэффективное, с точки зрения решения задач по обеспечению социально-экономического благополучия, положение периферийных систем.

Школа мир-системного анализа по-новому ставит вопрос о развитии общества и культуры, уделяя главенствующее место в решении данного вопроса проблеме генезиса капитализма, понимание социокультурных принципов функционирования которого представляется не менее важным, чем выявление собственно экономических условий его развития. В связи с этим теоретическую базу исследования составили работы, посвященные анализу развития капитализма во всем многообразии его проявлений. Это труды ученых-классиков Ф. Броделя, М. Вебера, Т. Веблена, Ж. Ле Гоффа, В. Зомбарта, К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, К. Каутского, К. Поланьи, труды исследователей советской школы, а также работы современных авторов А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, Р.С. Дзарасова, В.Ю. Катасонова, Р. Лахмана, П. Розваллона, В.Г. Федотовой, А.И. Фурсова и др. Такие авторы, как В.А. Кутырев и Ф.В. Шелов-Коведяев полагают, что высшей стадией развития капитализма выступает экономоцентризм. Тем самым они реализовывают не столько политэкономический, сколько социокультурный подход к пониманию феномена капиталистического общества.

Новое прочтение проблем социоэкономической динамики предлагает С. Хантингтон, согласно которому развитие современных политики и экономики невозможно понять вне рассмотрения их в поле культуры. Эвристический потенциал социокультурного подхода и философии культуры к пониманию проблем современности связан с тем, что они на глубоком семантическом уровне раскрывают взаимопроникновение экономических и неэкономических факторов общественного развития. Реализацию названной исследовательской позиции можно найти в трудах классиков философской и экономической мысли, посвященных выявлению значимых зависимостей между культурными феноменами, культурой в целом и экономической деятельностью (Ж. Батай, С. Н. Булгаков, П. Бурдье, М. Вебер, В. Зомбарт, К. Маркс, М. Мосс, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, М. Фуко, Й. Шумпетер, М. Элиаде, Ф. Энгельс, И.И. Янжул и другие).

Современные авторы, продолжая традицию рассмотрения экономической проблематики во взаимосвязи с социокультурными и морально-этическими аспектами, уделяют этой теме достаточно серьезное внимание. Здесь можно назвать работы

И.И. Агаповой, Е.В. Алехиной, Л.А. Булавки-Бузгалиной, А.А. Воскресенского, Р.С. Гринберга, Л.Г. Горичевой, Н.Н. Зарубиной, Ч.С. Кирвеля, Т.Б. Коваль, А.А. Королькова, Т.А. Кузнецовой, А.С. Лаптёнка, Б.В. Маркова, Ю.Я. Ольсевича, И.А. Петровой, О.А. Платонова, О.А. Романова, В.Г. Федотовой, Т.Н. Юдиной и др.

Очевидно, что теоретические разработки по проблемам социокультурной динамики современного общества, вопросам его антропологических и хозяйственно-культурных трансформаций являются предметом исследования достаточно давно. Тем не менее, в пространстве современного социогуманитарного знания остро ощущается необходимость в выработке новых концептуальных подходов, позволяющих оценить названные процессы с учетом реалий современных социума и культуры. Данное обстоятельство в достаточной степени осознается нынешним социогуманитарным знанием, фиксирующим ситуацию конкуренции парадигмальных новаций, продуцируемых в обществе, и ставящим перед собой задачу творческого их синтеза (О.Н. Астафьева, П.П. Гайденко, О.В. Ивановская, Е.В. Карчагин, И.Т. Касавин, А.А. Кокорин, В.А. Лекторский, Н.Н. Летина, С.И. Платонова, И.Б. Романенко, В.С. Степин, В.И. Стрельченко, К.В. Султанов). Отказ от классического редукционизма, ориентация на полипарадигмальность, междисциплинарный синтез разнопорядковых идей, тем не менее, не снимает проблему определения эпистемологического статуса генерируемых концептов, поиска их онтологических оснований, выявления конкретного референта, подлинность существования которого является основанием для исключения того или иного концепта из пространства «пустых знаков», симулякров, и рассмотрения его в качестве валидного исследовательского инструментария.

Решение данной задачи требует верификации используемого в исследовании категориально-понятийного аппарата, прежде всего, понятий «экономоцентризм» и «социокультурные риски». Несмотря на то, что данные понятия не являются пока общеупотребительным, в XXI веке они прочно входят в семантическое пространство социогуманитарной рефлексии, конституируя специфический тезаурус, позволяющий исследователям расширять проблемное поле исследований в области социоэкономической динамики. Предметом самостоятельного анализа феномен экономоцентризма в различных аспектах его проявлений выступает в работах таких авторов, как И.К. Джерелиевская («Экономоцентризм как негативный фактор социокультурного развития России»), Е.Н. Улынина («Экономоцентризм в морали»),

А.А. Шаов («Генезис дискурса экономоцентризма как парадигмальной установки») и других.

Маркерами семантического пространства, заданного логикой, абсолютизирующей значение хозяйственно-экономических отношений в жизни общества, помимо экономоцентризма, выступают такие понятия, как «экономизм» (Г. Шмолер), «рыночный фундаментализм» (А.Г. Дугин), «экономический империализм» (Р.У. Саутер), «денежная цивилизация» (В.Ю. Катасонов), «экономическая цивилизация» (С.Н. Булгаков), «экономическое человечество» (Ж. Батай) и другие.

Одной из атрибутивных черт экономоцентричного общества выступает эскалация рисков, подробное изучение которой требует обращения к рискологической проблематике в целом. Внимание к социальной стороне риска проявилось у исследователей достаточно давно. Среди зарубежных авторов это З. Бауман, У. Бек, П. Бергер, Ж. Бодрийяр, Э. Гидденс, М. Дуглас, М. Кастельс, Н. Луман, Д. Ритцер, В. Лоуренс, А. Смит, Д. Сол, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, П. Штомпка и другие. Анализируя рисковый потенциал современного социума, данные авторы обнаруживают факт тотализации риска в условиях современности, что позволяет им обращаться к таким категориям как «цивилизация риска» (Д. Дюкло, П. Лагадек, Л. Мэмфорд, П. Гудмен, Ж. Эллюль), «общество риска» (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, С. Лэш). Предложенные концепты философской аналитики, несмотря на относительную недавнюю историю своего существования, принимаются научным сообществом как устоявшиеся и оправданные, имеющие под собой реальную референциальную основу.

Современная отечественная наука внесла свой существенный вклад в развитие идей рискологии. Это труды таких авторов, как И.А. Афанасьев, П.А. Водопьянов, Г.Б. Гутнер, В.И. Зубков, Ю.А. Зубок, С.Н. Илюшин, С.А. Красиков, А.Н. Куликов, С.В. Макеев, А.В. Мозговая, С.М. Никитин, В.В. Радаев, Н.Н. Седова, Д.С. Федин, В.Б. Устьянцев, И.Г. Яковенко, С.И. Яковлев, О.Н. Яницкий и других. Однако термин «социокультурные риски» как интегральный по отношению к понятиям «социальный риск», «антропологический риск» и т. п. апробирован (А.Ю. Шадже, Е. Б. Шестопал и др.), но в недостаточной степени разработан в современной социогуманитарной аналитике. Необходимость обращения к данному понятию представляется очевидной, поскольку изменения, происходящие в современном социуме, затрагивают не только отдельные сферы социума, но весь культурный и социально-экономический уклад

общества в целом.

Немаловажную роль при рассмотрении обозначенного вопроса играет антропологическое измерение данной проблемы. В осуществляемых в последние десятилетия исследованиях всё чаще обосновывается мысль о том, что для современного социума и культуры в значительной степени возрастает ценность хозяйственно-экономических поведенческих стратегий личности. Это выдвигает на первый план модель человека как рационального агента, стремящегося максимизировать свою прибыль, минимизируя издержки. При этом в свете нарастающих тенденции по экономизации неэкономических сфер общественного функционирования названная поведенческая формула все более тотализируется: распространяется не только на собственно экономическую сторону жизнедеятельности личности, но и на весь социокультурный строй общества в целом. Данному обстоятельству во многом способствует эволюция технико-экономических (К. Перес) и технологических (С.Ю. Глазьев, Д. С. Львов) укладов, восходящее развитие которых создает принципиально новые условия для функционирования экономики, культуры и человека. Преодоление рисковых стратегий экономоцентричного социума, нейтрализация характерных для него социокультурных рисков с необходимостью требует обращения к идеям философии хозяйства (С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, Ю.М. Осипов и другие).

Представленный анализ литературы позволяет заключить, что проблема рассмотрения современного социума в соотнесенности его с концептом экономоцентричного общества находится в стадии начальной разработки. Она не получила целостного отражения в современной философской литературе и требует глубокого изучения с учетом важнейших достижений современной социальной философии и философии культуры. При этом особого внимания требует разрешение вопроса о социокультурном потенциале, который может быть реализован в обществе, исходя из экономоцентричных ориентаций его развития. Это предполагает выявление актуальных и потенциальных рисковых стратегий развития социума и культуры с целью разработки принципов и механизмов преодоления социокультурных рисков, способствующих развертыванию характерных для них деструктивных явлений.

Объектом исследования выступает экономоцентричное общество как социокультурный феномен.

Предметом исследования являются социокультурные риски экономоцентричного общества.

Цель исследования – выявить природу и сущность экономоцентричного общества, идентифицировать социокультурные риски данного типа социума.

Задачи исследования:

1. Раскрыть содержание, социокультурный смысл понятий «экономоцентричное общество», «социокультурные риски», выявить и обозначить границы применимости названных семантических единиц современного философского дискурса с точки зрения аутентичности их целям выявления специфики современной культуры и анализа принципов общественного развития.

2. Разработать концепцию социокультурной парадигмы, на теоретическом фундаменте которой реконструировать культурные характеристики исторических и современных социальных систем с точки зрения отношения их к стратегиям экономоцентричного развития.

3. Определить модальность социокультурной парадигмы экономоцентризма, выявить её актуальные смыслы, раскрывающиеся в контексте культурно-исторической динамики.

4. Раскрыть механизмы экспансии экономоцентричных идей в современном социокультурном пространстве, определить масштабы и характер влияния данных процессов на развитие внеэкономических сфер жизни социума.

5. Выявить предпосылки становления и факторы развития экономоцентричного общества в контексте хозяйственно-культурной динамики с учетом смены технологических укладов.

6. Определить условия институализации экономоцентричных идей в современном социокультурном пространстве

7. Выявить и охарактеризовать особенности социокультурных рисков на основных этапах исторической эволюции экономоцентричного общества.

8. Идентифицировать человекоразмерное пространство экономоцентричного общества и рассмотреть его как структуру антропологических рисков, порождающих жизненные миры «homo economicus».

9. Обосновать положение о необходимости использования основополагающих идей философии хозяйства для преодоления идеологии и практик экономоцентризма,

деконструкции экономоцентричного типа социума.

10. Разработать принципы и механизмы преодоления социокультурных рисков, способствующие снижению вероятности развертывания их деструктивного потенциала в пространстве современного экономоцентричного социума.

Гипотеза исследования:

В современном обществе наблюдается ситуация дисбаланса между социоэкономической и социокультурной динамикой, проявляющаяся в экстраполяции логики экономических отношений и смыслов на внеэкономическую реальность, что позволяет рассматривать современный тип социума как экономоцентричный. В экономоцентричном обществе активно разворачивается процесс эскалации и генерализации рисковых стратегий общественного развития, порождая множественность социокультурных рисков. Механизмом нейтрализации социокультурных рисков современного социума может выступить смена социокультурной парадигмы развития с экономоцентричной на культуроцентричную.

Теоретико-методологические основы исследования. Диссертационная работа базируется на методологических презумпциях постнеклассической науки, предполагающих междисциплинарность, полипарадигмальность, конвергентный характер исследования, при этом рассматриваются классические и неклассические подходы к пониманию исследуемого феномена (формационный, цивилизационный, социокультурный), мир-системный анализ.

Широко используются следующие подходы философско-мировоззренческой аналитики: синергетический, аксиологический, философско-антропологический, культур-философский, историко-герменевтический, диалектический, системно-структурный и другие. В качестве общей методической базы избирается историко-компаративистский метод, поскольку проблема генезиса экономоцентричного общества, а также порождаемых им социокультурных рисков имеет ярко выраженную пространственно-временную специфику.

Научная новизна исследования определяется рядом основных положений и выводов:

1. Раскрыт социокультурный смысл понятий «экономоцентризм», «экономоцентричное общество» и «социокультурные риски», определены границы применимости названных понятий для анализа динамики современной культуры и

социума.

2. Разработана авторская концепция социокультурной парадигмы, в познавательных границах которой выявлена степень тотализации феномена экономоцентризма в функционировании современной культуры и социума.

3. Реконструированы актуальные смыслы и определена модальность социокультурной парадигмы экономоцентризма в условиях культурно-исторической динамики.

4. Раскрыты механизмы, масштабы и характер влияния экономоцентризма на развитие внеэкономических сфер жизни общества.

5. Выявлены предпосылки становления и факторы развития экономоцентричного общества в контексте хозяйственно-культурной динамики социума с учетом смены технологических укладов.

6. Выявлены условия институализации экономоцентричных идей в современном социокультурном пространстве.

7. Идентифицированы социокультурные риски экономоцентричного общества, выявлена их специфика и факторы развития.

8. Обосновано положение о реальности существования «homo economicus», определены его место и роль в системе исторически релятивных и преемственно связанных стратегий антропогенных изменений в структуре механизмов культурно-цивилизационной детерминации социума.

9. Обоснован вывод о том, что основополагающие идеи философии хозяйства открывают перспективу преодоления идеологии и практик экономоцентризма, деконструкции экономоцентричного типа социума.

10. Разработаны принципы и отвечающие им механизмы преодоления социокультурных рисков экономоцентричного общества в условиях современности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследование проблем экономоцентризма и связанных с ним социокультурных рисков нуждается в обновлении средств социогуманитарной аналитики, поскольку смена интеллектуальных традиций современной науки свидетельствует о наличии определенного несоответствия между системой методологических концептуальных и терминологических средств социогуманитарного познания и задачами уяснения природы вновь возникающих в обществе и культуре явлений. С целью преодоления

существующих трудностей в диссертации вводится и уточняется содержание следующих понятий: «экономоцентричное общество», «экономоцентризм», «социокультурная парадигма», «социокультурные риски»;

2. Экономоцентризм – система взглядов, жизненных ориентаций и установок, абсолютизирующих принципы материального роста, максимизации прибыли и индивидуального прагматизма (в противовес органическим потребностям природы, общества, человека), обуславливающих возникновение кризисных явлений как в собственно экономических, так и неэкономических сферах социального функционирования. С историко-генетической и с современной точек зрения экономоцентричное общество рассматривается как результат проникновения и легитимации принципов частнособственнических производственно-экономических, торгово-экономических и финансово-экономических практик в сферы, закрытые для них в эпоху, предшествующую модерну, что приводит к возникновению современной ситуации неразличимости между экономической, политической, социальной и культурной видами деятельности.

Социокультурная парадигма – это достаточно однородная система представлений и понятий о человеке, обществе, мире в целом, включающая в себя метафизические, онтологические, аксиологические, гносеологические, праксиологические презумпции, обусловленные конкретным социально-историческим контекстом и императивно конституирующие смысловое пространство общества и культуры, согласно заданным в них нормам и принципам. Принятая обществом социокультурная парадигма благоприятствует институционализации тех нововведений, которые способствуют ее полному развертыванию и развитию.

3. Для социокультурной парадигмы экономоцентризма, доминирующей в современном европейском социуме, характерны следующие черты: ориентация на максиму накопительства как генеральную смысложизненную стратегию личности и общества; запрос на формирование аутентичной экономоцентризму рациональности; деонтологизирующее восприятие реальности, экономическая редукция реальности в целом: стремление к сугубо материальному (в предельном варианте — экономическому) пониманию действительности; постулирование необходимости коммерциализации неэкономических сфер жизни общества; эскалация тенденций коммодификации (всеобщей товаризации); дегуманизирующие тенденции социализации; эскалация

рисков. Институализация идей, продуцируемых в рамках социокультурной парадигмы экономоцентризма, способствует становлению и развитию экономоцентричного типа социума.

4. Социокультурная модель развития общества находится в тесной взаимосвязи с экономическими проекциями социальности. Смена социокультурных доминант развития комплементарна изменениям в типах хозяйствования и экономической деятельности, что позволяет рассматривать социокультурную проекцию исторического развития, выделяя «космоцентризм» античности, «теоцентризм» средневековья, «антропоцентризм» эпохи возрождения и «экономоцентризм» новоевропейского периодов развития социума.

5. Динамика экономоцентричных тенденций социума свидетельствует об усилении данных ориентаций в стратегиях хозяйственно-экономического развития: от дискретных и локально-спорадических их проявлений в условиях традиционного общества до тотального доминирования в социокультурных условиях современности. Одним из важнейших факторов, обеспечивающих условия для практического воплощения идей экономоцентризма в пространстве новоевропейского и производного от него типов социума, выступает смена технологических укладов.

6. Развитие внеэкономической сферы жизни общества находится в прямой зависимости от тенденций усиления роли экономоцентризма в социокультурных практиках современности. Ведущее значение в данном процессе имеет лавинообразный рост виртуалистичности в экономической сфере (цифровизация экономики, рост фиктивного финансового капитала, доминирование фиктивного сектора экономики). Коррелируя с данными тенденциями, внеэкономическое пространство современного социума моделируется с ориентацией на фиктивность, формальность, условность (симулируемая реальность). Легитимация принципов экономоцентризма в ходе социокультурной динамики сопряжена с активной институализацией нововведений (рост институтов мобилизации капитала, виртуальных форм экономических отношений, прежде всего, финансово-спекулятивных и механизмов их реализации, отделение экономических транзакций от социокультурных и т. п.), способствующих закреплению и развитию в обществе данных принципов.

7. Социокультурный риск — это вероятность реализации неблагоприятной альтернативы развития социума и культуры, проявляющаяся в снижении уровня их жизнеспособности и невозможности воспроизводства [388]. Социокультурные риски

экономоцентричного общества проявляются в следующем: фетишизации накопительной деятельности как универсальной стратегии жизненных проявлений личности и социума; в сверхэксплуатации времени; инверсии идеи труда; в подрыве сущности творческой деятельности личности; риске тотальной дифференциации мирового сообщества, основанной на принципиальном неравенстве (прежде всего, экономическом); в культурном упрощении внутреннего бытия личности на фоне технического усложнения мира внешнего и т. п.

8. Эскалация деонтологизирующих тенденций в экономике и культуре приводит к формированию в обществе специфического антропологического типа «игрока-спекулянта», реализующего свои жизненные стратегии путем имитации, минимизации усилий, игры, риска. В собственно экономической сфере «игрок» конкретизируется в облике «хомо финансикуса» – человека финансового, представляющего собой определенный уровень развития «хомо экономикуса» – человека экономического. Если человек экономический проявляет себя как рациональный максимизатор, стремящийся при минимуме издержек максимизировать прибыль, то человек финансовый выступает как иррациональный мегамизатор: его сущностная черта — иррациональное стремление к *сверх*прибыли. В итоге нормативность современного экономоцентричного общества создает режим благоприятствования для дальнейшего утверждения и экспоненциального роста спекулятивно-финансовых транзакций, ведущих к сверхприбылям, и утверждению неравенства в обществе, способствуя росту социогуманитарной рецессии.

9. Одной из важнейших задач современной социогуманитарной рефлексии выступает реактуализация идейного потенциала философии хозяйства, рассматривающей нераздельную целостность социокультурных и экономических аспектов жизнедеятельности человека и общества. Принципы философии хозяйства, ориентирующие на гармонизацию отношений в системе природа – общество – экономика – культура – человек, способны создать противовес принципам экономического детерминизма, выступить теоретико-методологическим основанием для формирования стратегий по преодолению экономоцентричной парадигмы развития социума.

10. Значимыми инструментами сдерживания экспансии экономоцентризма могут выступить следующие механизмы: учреждение института социогуманитарной экспертизы; развертывание процессов гуманитаризации образования, создание

многоуровневых агрокультурных и культурно-промышленных систем, ориентированных на развитие местных и региональных экономик, аутентичных культурным, социальным, природным, духовным, экономическим запросам/потребностям локальных субъектов хозяйственно-культурной деятельности.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в том, что они способствуют выявлению специфики современного общества и культуры, разработке средств философской аналитики, позволяющих реализовать эвристический потенциал постнеклассической науки в объяснении и понимании актуальных проблем современности, выявлению негативных стратегий социокультурного развития, механизмов их преодоления. Экспликация содержания концепции экономоцентричного общества позволяет повысить уровень исследовательской рефлексии относительно проблем развития культуры, человека и социума, определении наиболее вероятного вектора их развития в ближайшем будущем, а также в долгосрочной перспективе.

Результаты и материалы диссертационного исследования могут быть применены при разработке теории моделирования современных социокультурных процессов, реализации антропологических, образовательных, экономических, социокультурных форсайт-технологий современности.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в работе государственных учреждений и общественных организаций для формирования у субъектов социальной коммуникации компетенций в вопросах, относящихся к рискологической проблематике, для расширения их возможностей по превенции рисковых ситуаций, возникающих в развитии важнейших сфер общественной жизни (экономической, культурной, политической и т.д.). Полученные данные могут быть использованы при создании современных концепций национальной безопасности России и Беларуси, выработке стратегий их устойчивого развития в условиях возникающих новых вызовов и угроз. Результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, могут быть использованы при построении перспективной модели развития социума и культуры. Теоретические материалы, предложенные автором, могут найти применение в учебной работе, при разработке курсов и спецкурсов по философии (философии культуры, философии экономики, антропологии, рискологии и др.).

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертационной работы и ее результаты были представлены в 64 публикациях автора: 4 монографиях (2 – индивидуальных, 2 – коллективных), 18 статьях, опубликованных в научных изданиях из перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в 1 статье в научном рецензируемом журнале, индексируемом в наукометрической базе данных SCOPUS, 9 статьях, опубликованных в научных изданиях из перечня белорусских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в 29 публикациях в журналах, сборниках научных трудов, материалах научных конференций. Теоретические положения работы представлены также на научных семинарах, конференциях, конгрессах и форумах в России и за рубежом, в том числе, на: IV Международной научной конференции «Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности» (3–4 марта 2017 г.), г. Москва, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; Международном Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт Россия» (СПЭК–2015) СПб, 23 марта 2015 г.; Международном экономическом форуме «Несырьевое будущее России» – МЭФ 2014. Москва, 26–27 марта 2014 г., МГУ им. М. В. Ломоносова; Международной научной конференции в РГПУ им А. И. Герцена «Ребенок в современном мире. Метафизика семьи и государственная политика» 20 апреля 2014 г., СПб, РГПУ им. А. И. Герцена; Международной научно-практической конференции IX Ямбургские чтения «Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность» 04 апреля 2014 г.. Кингисепп, АОУ ВПО ЛГУ им. А. С. Пушкина; Международной научной конференции Довгирдовские чтения III: философская антропология и социальная философия: 26–27 апреля 2012 г. (г. Минск, РБ); Международной научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы личности и общества»: 20 февраля 2014 г. – Днепропетровск; Городском теоретико-методологическом семинаре «Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания» г. Гродно, РБ (2008–2019 гг.).

Результаты исследований нашли применение при подготовке и публикации учебных и учебно-методических пособий (с грифом МО РБ) по истории философии, философии для студентов высших учебных заведений, а также учебного пособия с

грифом МО РБ для магистрантов и аспирантов по курсу «Философия и методология науки». Результаты исследования используются в научно-образовательном процессе в средне-специальных и высших учебных заведениях РБ и РФ (акты внедрения: № 03-8/064 от 14.05.2015 г.; № 03-8/090 от 08.06.2015 г.; № 03-8/162 от 06.11.2015 г.).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А И. Герцена. Протокол № 5 от «13» января 2020 года. Автором опубликовано более 100 научных работ, 64 из них – по теме диссертационного исследования.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав (включающих 10 параграфов), заключения и списка литературы. Список использованной литературы включает 577 источников.

Глава 1. Экономоцентричное общество: теоретико-методологические основания исследования

1.1 Понятие экономоцентризма как предмет философской рефлексии

Динамика современных социальных процессов, фиксирующаяся на уровне теоретического сознания с помощью понятий «эскалация перемен» и «ускорение ритмов истории», отличается столь радикальным характером, что приводит к кризисным явлениям, дезавуирующим апробированные и утвердившиеся в культуре нормы, погружая социум в состояние неопределенности и риска. Данная ситуация воспринимается общественным сознанием не как периферийная по отношению к проблемам воспроизводства и жизнесохранения социума, но как требующая незамедлительного разрешения, что, в свою очередь, предполагает создание адекватного действительности представления о происходящем. Необходимо заметить, что проникнуть в суть экспоненциально нарастающих изменений достаточно трудно не только на уровне индивидуального сознания, автономно осуществляющего социальную и культур-философскую рефлексию, но и на уровне общественного сознания, прибегающего к помощи коллективных усилий, поскольку уровень сложности описываемых процессов не сопоставим с теми возможностями, которые дает использование научного инструментария, разработанного в рамках классического и неклассического этапов развития науки. Сегодня требуются принципиально иные подходы при анализе сложных нелинейных процессов, происходящих в обществе. Альтернативный классическому и неклассическому этапам развития науки подход, ориентирующийся на постоянно меняющуюся реальность, предполагает проникновение заинтересованного взгляда исследователя в самые глубины научной аналитики, преобразование фундаментальных ее характеристик, ведущее к возникновению нового понятийно-категориального аппарата, направленного на построение комплементарного стремительно меняющейся действительности объяснения происходящему.

При внимательном взгляде на разграничительные линии, возникающие в недрах современного социума, обнаруживается факт «исчезновения» референций, соответствующих таким понятиям, как «класс», «объективные условия», «пролетариат» и т. п., на что указывал еще в восьмидесятых годах ушедшего века в своей работе «В

тени молчаливого большинства, или конец социального» [65] известный французский мыслитель Жан Бодрийяр. Однако использование названных понятий всё ещё имеет место, что приводит к ситуации «разрыва» времени: стремительно возникающие изменения существенным образом преобразовывают условия жизни общества, но адекватной оценки/понимания происходящего не происходит. Дискурсы прошлого довлеют над пониманием современных событий, благодаря чему на настоящее мы смотрим глазами ушедшего века, применяя для понимания текущих процессов соответствующую терминологию. Названная ситуация порождает феномен «неосознанности происходящего» (Римский клуб), «дефицита понимания» (П. Кругман), на что обращали обоснованное внимание западные исследователи ещё в конце XX века.

Сегодня стало особенно очевидным, что всесторонняя и объемная оценка осуществляющихся изменений имеет не только теоретическое значение, но носит вполне осязаемый практический характер. Например, известный экономист П. Кругман в работе «Возвращение великой депрессии», указывая на большой экономический потенциал феномена понимания, писал: «Истинная редкость в мире — это не ресурсы, … а понимание происходящего» [232, с. 296]. Соглашаясь с данной позицией автора, можно утверждать, что значительной проблемой современности является создание на уровне теоретического и обыденного сознания обобщающих знаний, способных предложить такое понимание происходящего, которое позволило бы социальным субъектам действовать адекватно и конструктивно/успешно в условиях стремительно меняющихся социума и культуры.

Одним из первых шагов на пути решения данной проблемы может стать ревизия устоявшихся понятий, описывающих социальную действительность на основе апробированных теоретических постулатов и презумпций, с одной стороны, и генерирование новых терминов, фиксирующих возникающую социокультурную реальность в соответствующей новому содержанию форме, с другой. Данная задача в той или иной степени хорошо осознается современной наукой, требующей «существенного преобразования методологии и понятийного аппарата социальных наук» [334, с. 4]. При обращении к вопросам исследования современных социальных и культурных трансформаций можно наблюдать использование аналитиками ранее не употреблявшихся в пределах научного дискурса терминов, которые являются понятиями-новациями. Авторы нередко продуцируют (либо реконструируют) термины,

акцентуированное внимание которых к какому-либо предмету, процессу либо феномену отражает остроту стоящих за ним проблем. Инновационность возникающего терминологического инструментария нередко обусловлена освоением междисциплинарных предметных областей, в синтетическом пространстве которых меняется оптика восприятия изучаемых предметов, в результате чего возникают «опорные точки», создающие предпосылки для глубокого понимания/внятного объяснения процессов, происходящих в пространстве современного социума и культуры. Новые фокусировки понятий-новаций становятся индикаторами того, что научная рефлексия стоит в преддверии трансформации теорий, описывающих некоторую реальность. Об этом, в частности, пишет немецкая исследовательница Д. Бахманн-Медик, специалист в области наук о культуре. Названные трансформации она отождествляет с понятием «культурный поворот», выделяя соответственно последовательные ряды исследований, обращающихся к новым теоретическим апробациям («лингвистический поворот», «перформативный поворот», «интерпретативный поворот», «пространственный поворот», «пикториальный поворот» и т. п.) [45]. Рассматривая ближайшие перспективы развития научного знания о культуре, Д. Бахманн-Медик разделяет позицию тех авторов, которые уверены, что данные перспективы невозможны вне обращения к такому понятию культуры, которое было бы «расширено за счет экономики» [45, с. 461]. При этом немецкая исследовательница не исключает возможности того, что подобная экономизация наук о культуре перерастет в настоящий «экономический поворот» [45, с. 461].

Описанная логика возникновения теоретических новаций не чужда и другим отраслям знания, в рамках которых также вполне оправдано выделять радикальную смену направления исследовательских интересов, способов и методов понимания/объяснения действительности. В частности, философия знала целый ряд подобных «поворотов» (антропологический, гносеологический и т. п.). Д. Бахманн-Медик говорит о возможности выделения в рамках современного философского знания «цифрового поворота» [45, с. 461]. Однако представляется, что фактичность нового исследовательского «поворота» возможна лишь в случае исчерпанности гносеологического, праксеологического и т. п. потенциалов предшествующей научной аналитики и обобщений. В связи с этим обращает на себя внимание идея «экономического поворота» в науках, описывающих развитие современного социума и

культуры. Наличие подобного поворота обнаруживается при осуществлении ревизии того терминологического инструментария, которым пользуется современное социогуманитарное знание при исследовании самых разнообразных явлений, базирующихся на широких социокультурных основаниях. В качестве примера здесь можно привести следующий понятийный ряд: *«человеческий капитал»*, *«корпоративный капитал», «прекариат», «превратный сектор», «превратный труд», «экономический человек», «финансовый человек», «финансомика», «хрематистика», «капиталократия», «капиталоподобность», «экономический фундаментализм», «экономизм», «экономическая цивилизация», «экономическое человечество», «экономоцентризм», «экономоцентричное общество» и т. д.*

Данный понятийный ряд свидетельствует об акцентуированном внимании общества к феномену экономического, в частности, применение характерной для экономических явлений логики в важнейших сферах существования социума. Обозначенная ситуация имеет тенденцию к усилению, поскольку представления о мире социального являют собой не механически полученную сумму разрозненных фактов и обстоятельств, но в значительной степени целостное повествование, позволяющее осуществлять своеобразное «картаграфирование реальности» [45]. Создаваемая «карта» реальности, сквозь призму которой субъект воспринимает действительность, оказывает существенное влияние на его социальную активность и способ построения отношений с миром. Рассматривая мир сквозь призму в значительной степени экономизированных понятий, общество не мыслит себя в иных ракурсах понимания действительности, предлагает экономические императивы в качестве важнейших и практически единственно возможных стратегий собственного существования (выдвигает на первый план вопросы о максимизации прибыли, комфорте и потреблении). Обозначенная тенденция становится универсальной. Это выражается в некритичном восприятии и применении экономических презумпций в качестве главнейших императивов развития социума и культуры, аппликировании свойственных им принципов и норм на все сферы существования социума (культурную, политическую, экономическую).

В итоге сегодня невозможно обнаружить какое-либо социокультурное пространство, в котором бы активно не проявлялась экономическая логика, экономические смыслы не выступали бы доминантой общественного и индивидуального сознания. Экономизированная логика активно проникает в сферу неэкономических

институтов, неэкономических процессов и отношений. Ей уделяют внимание все отрасли научного знания: философия, политика, культурология и т. п. Этим в значительной степени объясняется возникновение значительного числа неологизмов, отсылающих к проблеме экономического. Вышеперечисленные неологизмы апробированы на разнообразных интеллектуальных площадках, используются в публичных устных и письменных высказываниях в среде интеллектуалов, представляющих, прежде всего, социогуманитарные отрасли знания. И хотя они все еще не являются общеупотребительными, следует отметить, что в достаточной степени корректно фиксируют специфику современности, аутентичные ей смыслы, раскрывающие характер происходящих изменений. В частности, указанные неологизмы дают возможность проанализировать динамику важнейших ценностных предпочтений субъектов социального взаимодействия, выявить смену их поведенческих стратегий, связанную с ростом потребительских запросов общества, его сугубо материальной заинтересованностью, актуализацией потребности в накопительстве и расточительности одновременно, преданием забвению высших духовных смыслов человеческой деятельности, развитием бухгалтерской логики взаимовыгодных расчетов между людьми даже в неэкономических сферах их взаимодействия и т. п.

Очевидно, что центральная смыслообразующая доминанта указанных изменений находится в плоскости экономической рациональности, для развития познавательных и праксиологических возможностей которой социум продуцирует на уровне обыденного и теоретического сознания соответствующие формы мысли. Например, одним из наиболее рано возникших (более ста лет назад) и активно реактуализируемых современным научным дискурсом является понятие *экономизма.* Оно подчёркивает наличие в культурном контексте социума принципа, предполагающего допустимость перенесения на внеэкономическую реальность норм, характерных для экономической деятельности. [85; 86; 392]. Здесь можно назвать и понятие *экономического фундаментализма,* указывающего на факт абсолютизации в общественной жизни роли рыночного обмена, интерпретацию его как универсального регулятора складывающихся в обществе отношений [167; 183]. В научной литературе встречается также понятие *экономоцентризма* [160; 497], однако содержание названного понятия не раскрывается исследователями, поэтому необходимо обратиться к тем смыслам, которые за ним стоят. Можно дать следующее определение понятию экономоцентризма: это система взглядов,

жизненных ориентаций и установок, абсолютизирующая принципы материального роста, максимизации прибыли и индивидуального прагматизма (в противовес органическим потребностям природы, общества, человека), обуславливающие возникновение кризисных явлений как в собственно экономических, так и неэкономических сферах социального функционирования. Экономоцентризм выступает мировоззренческим ядром специфического типа социума, который соответственно может быть назван *экономоцентричным.* В нём значение экономических феноменов абсолютизируется: «решающая роль при рассмотрении природы, общества, собственно самого человека, а также связей, устанавливаемых между ними и норм, регулирующих возникающие отношения, отводится экономике и производным от нее феноменам» [392]. По поводу понятия экономоцентричного общества хотелось бы заметить следующее. Несмотря на то, что критерием различения специфики указанного феномена выступает не материальный фактор – способ производства (К. Маркс), но идеальный – смысловая сфера общества, тем не менее, при детальном анализе обнаруживается, что продуцируемые и транслируемые данным обществом смыслы весьма специфичны: в качестве системообразующей смысловой доминанты в них выступают отношения к явлениям экономического порядка, центральными из которых выступают идеи по реализации принципа накопительства и выбору способов накопления материальных благ.

Представляется, что оперирование названными категориями не имеет перед собой цель «умножения сущностей» (У. Оккам), но реализует задачу анализа сложнейших проблем в развитии современного социума и культуры. Несмотря на то, что избыток новаторских понятий не столько проясняет, сколько затрудняет понимание происходящих в обществе процессов, тем не менее, если мы сталкиваемся с ситуацией, когда некоторые термины сначала спорадически, а затем все более систематически появляются в интеллектуальном пространстве некоторых наук, и тем более, если они используются как языковой конструкт представителями нескольких различных научных дисциплин, это может свидетельствовать о том, что исследовательская рефлексия обнаружила новый для себя феномен, первичным уровнем постижения которого в традициях классической рациональности является формирование логического образа названного явления – образование соответствующего понятия. Только лишь с производством новой терминологии может быть создана новая методология, адекватная

актуальным требованиям исследовательского поиска. Как справедливо отмечает А. М. Соколов, институализация новой методологии с необходимостью требует радикальной модернизации категориально-понятийного аппарата, применяемого в науке, предполагающей не только продуцирование новых терминов, но и ревизию (новое понимание) устоявшихся [405].

Сравнительно недавно возникшие в пространстве социогуманитарной (в частности, философской) рефлексии понятия «экономоцентризм», «экономоцентричное общество» указывают на попытку выявления некоторой системообразующей характеристики, актуальной для современной социальной и культурной систем, которая может рассматриваться как важнейший фактор социокультурной эволюции, способный задавать/направлять вектор социальных и культурных перемен, способствуя формированию восходящих (либо нисходящих) его линий.

Для решения задачи выявления сущности и раскрытия природы экономоцентричного общества необходимо обратиться к одной из важнейших проблем, решаемых в социальной философии и философии культуры, – поиску ответа на вопрос о наиболее значимых факторах социокультурной динамики. Рассмотрение названного вопроса на протяжении длительного времени строится вокруг дилеммы единства и многообразия социокультурного развития, на одном полюсе которой возникают идеи, утверждающие, что социокультурная динамика может быть описана на основе теорий линейно-монистического характера, на другом проявляются дифференцирующие тенденции в исследовании культуры. Монистическое видение культурно-исторического развития предполагает апелляцию к логике «центризмов» – поиска центральных смыслообразующих доминант, усматривающих единство, универсальные закономерности в социокультурном развитии. Плюралистическое понимание, наиболее отчетливо представленное в рамках цивилизационного подхода, тяготеет к децентрированному описанию общества и культуры, акцентуированное внимание которого сосредоточено на различиях, автономных особенностях и уникальной специфичности нетождественных друг другу культур. Точкой соприкосновения в названных полярных подходах выступает темпоральный критерий, фокусирующий исследовательский интерес на идее периодизации развития социума и культуры как некоторого целого.

Идея периодизации, описывающая динамические тенденции социума и культуры, в

современной науке представлена богатой палитрой исследовательских установок, предлагающих самые разнообразные подходы к маркировке этапов хозяйственно-экономического быта народов и выявления их культурной специфики. Следует подчеркнуть, что существующие сегодня и наиболее часто используемые в качестве авторитетных подходов к пониманию социальной и культурной действительности линейно-стадиальный, линейно-формационный, цивилизационный и мир-системный подходы опираются на принцип периодизации для объяснения и интерпретации динамики рассматриваемых ими феноменов. Особо обратим внимание, что в большинстве из названных подходов основой для проведения демаркационных линий, выявляющих периодизацию социального развития, выступает различение факторов хозяйственного порядка («земля», «труд», «капитал», «предпринимательская способность», «информация») в их сочетании с особенностями социальных институтов, складывающихся в рамках некоторой исторической общности, а также способом разрешения проблемы распределения богатства. В обществоведческом знании, как известно, возникали различные (порой, полярные) представления о том, что выступает главным фактором социальной и культурной динамики, и каким образом она реализуется. Наибольшее признание в научной среде вплоть до недавнего времени получали теории, выстраивающие логику, объясняющую движение всемирной истории, по экономическому признаку (материалистический монизм). При этом по мере развития названных теорий наблюдалась динамика в определении значения и роли причинных факторов экономического порядка: от широких общехозяйственных (труд, земля, капитал) исследователи переходили к узкоспециальным (деньги и их производные) показателям.

К примеру, представители линейно-стадиального подхода (А. Фергюссон, Л. Морган, Ф. Энгельс, С. Десницкий и др.) взяли за основу различия в характере хозяйственных занятий и правах собственности и выделяли такие стадии, как дикость, варварство, цивилизация. Данные воззрения нашли отражение в таких работах, как «Очерки истории гражданского общества (1767), «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), «Юридические рассуждения, о разных понятиях, которые имеют народы о собственности» (1781) и других. Хотя в рамках названного подхода рассматривались разнообразные именования

стадиального членения, при этом использовался категориальный аппарат, полностью соответствующий хозяйственному тезаурсу: охотничье-собирательское, скотоводческое («пастушеское»), земледельческое («хлебопашенное») и торгово-промышленное (коммерческо-«рукодельное»). По мере добавления в названную классификационную систему дополнительных факторов хозяйственного развития (например, таких как демографический, географический или ресурсно-технологический) стадиальный подход все более углублялся, расширяя представления о хозяйственных принципах общественного развития.

Большое влияние на смену представлений социогуманитарной мысли по вопросу линейно-стадиального развития общества оказала германская историческая школа политэкономии (К. Бюхер, Б. Гильдербранд, К. Книс, Ф. Лист, В. Рошер и др.), обратившая внимание на наличие специфических национальных производительных сил, разнящихся у отдельных народов. В рамках постулатов данной политэкономической школы также выдвигались такие критерии вычленения стадий хозяйственного развития как труд, земля и капитал. Бруно Гильдебранд в специальном труде «Политическая экономия настоящего и будущего» (1864) осуществил компаративный анализ различных стадий развития хозяйства, выделив более раннюю форму натурального хозяйства и более позднюю меновую его форму, в которой реализуются денежно-кредитные отношения. Карл Бюхер в трактате «Происхождение народного хозяйства» (1893) выдвинул новый критерий – длину пути, проходимого продуктом от производителя до потребителя. В итоге выстроилась линейная схема развития хозяйства у цивилизованных народов: домашнее (замкнутое, натуральное), городское (меновое), народное. Интересно, что, по мнению К. Бюхера, в натуральном, замкнутом домашнем хозяйстве капитала нет. В городском хозяйстве капитал приобретает натурально-вещественную форму: им становятся инструменты, помещения и сырье для труда. И только лишь на третьей – денежной – стадии капитал охватывает всю сферу национальной экономики. Здесь мы видим, что политэкономическая мысль достаточно рано зафиксировала тот факт, что условием экспансии капитала, претендующего на всеохватность собственных транзакций в хозяйственной системе, выступает внутренняя его трансформация, переход в сугубо денежную форму.

К линейно-стадиальному подходу при рассмотрении исторической динамики общества можно отнести воззрения Вир Гордона Чайлда, разделяющего позицию смены

стадий хозяйственного развития по восходящей линии: от неантагонистических (первобытно-общинные) к антагонистическим (классовые) обществам. На пути восхождения классово-противоречивых обществ он выделил два важнейших события, две архаические революции: неолитическую (переход от кочевого, бродячего присваивающего хозяйства к производящему на основе каменных орудий труда) и городскую, ознаменовавшую собой возникновение структур классового господства-подчинения на основе формирования городов и перехода к веку металлов.

Важнейшим критерием при построении следующего типа теорий (теорий общественно-экономических формаций) выступают понятия «производительные силы» и «капитал». Теория общественно-экономических формаций неразрывно связана с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. У истоков идеи поступательного развития социума стоят, как известно, французские и английские утописты К. А. Сен-Симон, С. А. Базар, Ш. Фурье, Р. Оуэн и другие. В частности, у К. А. Сен-Симона выявляются следующие критерии стадиального развития:

а) прогресс знания (религиозное, метафизическое, научное);

б) ослабление эксплуатационных тенденций в отношениях между людьми (на смену рабовладению приходит крепостное право, которое затем замещается наемным трудом);

в) развитие диаметрально противоположных стилей социального взаимодействия: убывание антагонизма и возрастание ассоциации классов;

г) смена типов властвующих сословий: переход от власти привилегированных сословий (поземельной наследственной знати и духовенства) к господству промышленников-индустриалов [381].

Линейно-стадиальный подход разрабатывал и Ф. Энгельс. В его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) в качестве критерия стадиальных различий социальной динамики предлагается общественное разделение труда и выделяются три его основные формы:

-отделение земледелия от скотоводства;

-отделение ремесла от земледелия;

-обособление торговли.

Обособление одних видов труда от других, по мнению Ф. Энгельса, инициировало следующие процессы:

-регулярное получение не только необходимого (для жизнеобеспечения), но и прибавочного (для накопления) продукта;

-неравенство в распределении прибавочного продукта;

-эксплуатацию чужого труда (как присвоение избытков производства внутри племени);

-варварские набеги на соседние племена ради захвата прибавочного продукта, полученного внешними участниками трудовой активности;

-выделение сильного меньшинства, которое легитимировало изъятие прибавочного продукта в собственность господствующих классов под эгидой формирования государства [521].

В целом формационный подход к социокультурной динамике общества обогатил современную исследовательскую рефлексию такими понятиями, как «внеэкономическое» и «экономическое принуждение к труду», «воспроизводство», «прибавочный продукт», «финансовый капитал», активно используемыми и по сей день. И это совершенно не случайно. К. Маркс увидел в основе общественной динамики материально-вещественный фактор – развитие производительных сил, уровень сложности которых задает не только формат материального функционирования социальной системы, но и ее духовное измерение, которое преимущественно сводится к совокупности «производственных отношений». Данная сосредоточенность на идее материальной (экономической) организации социума и культуры, возникшая в обществе, получившем название капиталистическое, указывает на то, что учение Маркса в значительной степени было аутентично тем запросам, которое данный общественный уклад предъявлял миру и социуму.

Обновленный вариант формационного подхода на сегодняшний день представлен в трудах российского исследователя Ю. И. Семенова «Философия истории» (1999), указывающего на существование не формаций, но социоров, разделенных по принципу «центр» – «периферия». Данная концепция, по всей видимости, родилась под воздействием идей мир-системного подхода французской школы историков «Анналы», у истоков которых стояли основатели журнала «Анналы экономической и социальной истории» (1929) Люсьен Февр и Марк Блок. Данные мыслители отказались от линейно-стадиального понимания истории и попытались рассмотреть историю обществ и цивилизаций как целостный, внутренне связанный процесс, в котором не существует

жестких вертикальных и горизонтальных «разделительных линий» между разнородными историческими состояниями (между историей и современностью, а также между различными общественными науками). Продолжатели дела Л. Февра и М. Блока (историк Ф. Бродель, а в последующем такие авторы как И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Г. Франк, С. Амин и другие), переосмысливая формационное наследие, предложили принципиально иные объяснительные модели социокультурного развития. В частности, И. Валлерстайн противопоставил понятию «общественно-экономическая формация» термин «исторические системы». Референциальной основой данного термина выступило не праксиологическое измерение человеческой деятельности, погружающее его в мир вещей (производительные силы), но принципиально иное качество – система отношений «человек-человек». В частности, И. Валлерстайн обратился к учению неортодоксального экономиста-антрополога К. Поланьи, развивающего идею об институционально закрепленных различиях во взаимодействиях между людьми при реализации ими потребности в получении разнообразных благ и услуг. К. Поланьи в своей долго остававшейся незамеченной официальной экономической наукой работе «Великая трансформация» (1944) развил идею о существовании различных видов координации экономического взаимодействия между людьми: реципрокности, редистрибуции и рыночного обмена. Реципрокность, по К. Поланьи, означает отношения по принципу дарения, безвозмездного либо не претендующего на возмездность дара, основа существования которого коренится в традиции, заведенном в обществе порядке, обычае и т. п. Редистрибуция – принудительное «внеэкономическое» (властное: военное, бюрократическое и т. п.) перераспределение благ и услуг между членам сообщества, как правило, по принципу «центр» – «периферия». Наконец, рыночный обмен – собственно экономическая координация движения благ и услуг, присущая индустриальному (капиталистическому) обществу [347; 348]. Описывая социоэкономическую и культурную динамику, К. Поланьи попытался отойти от чистого «экономического детерминизма», оставляя за ним лишь последнюю — современную — стадию развития общества. В целом его идеи оказали влияние на развитие представлений о единстве истории, с одной стороны, и внесли вклад в возможность обоснования позиции о многоукладности, «множественности современности» (Ш. Эйзенштадт), с другой.

Применение сравнительно-исторического анализа к развитию общества выводит исследователей на необходимость выделения некоторых хронологических либо

типологических этапов в его функционировании. При этом ученые не только выявляют определенные ведущие тенденции, факторы социоэкономической динамики, но и экстраполируют логику названных тенденций на культуру в целом. Факт фиксации *полистадиальности* как феномена общественного развития объясняется обществоведами по-разному. Одни полагают его универсальным явлением [26;49;290], другие утверждают, что оно в большей степени соответствует цивилизациям европейского типа [147; 462].

Представляется достаточно обоснованной позиция тех ученых, которые рассматривают проблему стадиальности через темпоральный критерий, фиксирующий уровень (скорость) социокультурной динамики в целом. При такой постановке проблемы отмечается, что европейские народы преуспели относительно других в скорости создания разнокачественных состояний, поэтому социокультурное развитие данных народов вызывает особый интерес исследователей. Прослеживается тенденция по выявлению центральных системообразующих факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на конкретный культурно-исторический период развития. Исследователи отмечают, что «в конкретный период человеческой истории, в определенных пространственно-временных координатах жизнедеятельности тех или иных обществ роль и значение различных факторов (детерминант) отнюдь не равноценна и не одинакова» [31, с. 76]. Они обоснованно аргументируют тезис о доминировании различных культурно-исторических факторов в определенные периоды социокультурного развития. Ученые отмечают, что в различные периоды существования социума и культуры в качестве доминанты выдвигается один или несколько факторов, определяющих вектор, стратегию и принципы социального функционирования. Эти факторы выступают своеобразным каркасом, стержнем, поле влияния которого в той или иной степени распространяется на иные факторы, определяющие специфику социокультурной динамики [31].

При объяснении характера социокультурной динамики современное философское знание в большей степени тяготеет к идее «множественных современностей» (Ш. Эйзенштадт), опирается на плюралистичность в восприятии динамики культуры и социума. Примером здесь может служить цивилизационный подход, фиксирующий, скорее, различия, нежели общие моменты в культурно-исторических характеристиках различных обществ (цивилизаций). Несмотря на это, попытки выявить основания для

синтетического, обобщающего понимания/объяснения социокультурного развития не перестают множиться и по сей день. Представляется, что многообразие в историческом развитии общества неразрывно связано с его единством, поэтому, наряду с подходами, апеллирующими к идее разнообразия, уникальности каждой отдельно взятой социальной и культурной целостности, правомерно использовать такие теоретические приемы, которые позволяли бы обнаруживать над разнообразием и множеством хорошо просматриваемое единство, благодаря чему единство и множественность в понимании социокультурной динамики могли бы диалектически сочетаться.

Для решения названной задачи представляется целесообразным прибегнуть к понятию «социокультурная парадигма». Необходимость оперирования парадигмами как специфической формой систематизации научного знания отчетливо осознается как классическим, так и неклассическим знанием достаточно давно. Достаточно вспомнить, что понятие «парадигма» традиционно используется в онтологическом (Платон), гносеологическом (Платон, Плотин и др.) аспектах его понимания. За время существования философского и в целом социогуманитарного знания выработаны такие понятия как «парадигма» (Г. Бергман), «научная парадигма» (Т. Кун), «технико-экономическая парадигма» (К. Перес), «парадигма образования» (Б. Битинас), «культурная парадигма» [276; 505]. Несмотря на определенный опыт использования идеи парадигмы, некоторые современные исследователи полагают, что социогуманитарное знание в недостаточной степени применяет эвристический потенциал парадигмального подхода, и фиксируют факт существенного отставания наук гуманитарного профиля от естественнонаучных областей знания в вопросе использования парадигмы как специфического инструментария, позволяющего систематизировать и обобщать значительный объем информации [185].

Использование парадигмального подхода к исследованию социокультурной динамики отвечает требованиям современного – постнеклассического – этапа развития науки, в котором наряду с объяснительными стратегиями всё большее значение приобретают понимающие подходы научного исследования, отсылающие к процедурам интерпретации, опирающимся на смысловое содержание исследуемых предметов. Именно парадигмальный подход наиболее полно соответствует названному запросу – акцентировать внимание на смысловой целостности, имеющей место в культуре в определённую эпоху. Причем, следует обратить внимание, что для решения

поставленных в исследовании задач необходимо использовать понятие «социокультурная парадигма» не в узком смысле, как некоторую совокупность научных представлений, установок, понятий и т. п., разделяемых и принимаемых научным сообществом, но в расширительном его значении, как совокупность представлений о мире, вырабатываемых в рамках общественного сознания в целом (в том числе, и на научно-теоретическом его уровне) и принимаемых, в большинстве своем, на уровне индивидуального сознания, как идей, воплощенных во всем социальном и культурном укладе жизни. В таком расширительном значении социокультурная парадигма может рассматриваться как один из системообразующих факторов общественного развития. Социокультурные парадигмы возникают на пересечении социальных, экономических, культурных тенденций общественного развития, образующих уникальную конкретно-историческую констелляцию, определяющую специфику господствующего в культуре типа мировоззрения (миропонимания/мироотношения/мироощущения) на уровне общественного и индивидуального сознания. Социокультурная парадигма проецируется в способе организации основных институтов общества (социальных, экономических, политических, культурных и т. д.) и связывается с ними взаимообратными связями, стимулирующими либо ингибирующими их развитие.

Индикатором существования социокультурных парадигм служит возможность синхронического обнаружения некоторой общности в мыслительных стратегиях, способах самовыражения, предметах интеллектуальных дискуссий и т. п. субъектов социокультурного взаимодействия, осуществляющегося при исследовании социокультурного наследия, представленного корпусом работ самого различного уровня и вида (художественных произведений, научных трудов, произведений искусства и т. д.), а также возможность усматривать в них единую логику построения отношений с миром (природой, социумом, человеком), характерную для различных временных эпох (Античность, Средневековье, Возрождение и т. п.). Названная общность фиксируется теоретической рефлексией по-разному: «дух эпохи» (Г. Гегель), определенный «ответ на вызов среды» (А. Тойнби) и другие обобщающие конструкции, объясняющие коллективность совокупных реакций-рецепций в рамках некоторого временного отрезка, строго не связанного с историческими датами, а указывающими лишь на тенденции. В целом наличие смыслов, создающих высокую степень общности взглядов у различных субъектов социального взаимодействия, позволяет типичные умонастроения эпохи четко

очерчивать и именовать так, как они артикулируются на уровне общественного сознания и выражаются элитами общества (интеллектуальной, экономической, культурной, политической и т. п.), а также закрепляются на уровне социальных институтов, порождая новые принципы и нормы социального взаимодействия.

В каждый конкретный исторический период развития социума, как на уровне общественного и индивидуального сознания, так и на уровне культуры в целом отчетливо различимы специфические смыслы, транслируемые/воспринимаемые данным обществом. Они существенным образом отличаются от смыслов, характерных для социума и культуры в предшествующие или последующие периоды их развития. Другими словами, общество в конкретный культурно-исторический период своего развития транслирует свое особое отношение/понимание окружающего мира, формирует смыслы и цели социокультурного развития, актуализирует поведенческие императивы и ценностные предпочтения, фиксирующие те глубинные изменения, которые происходят в названный период с социумом и культурой.

Социокультурный анализ происходящих изменений позволяет выделить центральную мета-ориентацию (В.С. Степин), смысловую доминанту каждой конкретной эпохи, обозначить ее с помощью соответствующих категорий. Так, например, рассматривая разнообразные проекции культуры в исторической ретроспективе, современное философское знание использует понятие «культурная парадигма» [276; 505]. При этом выделяется несколько культурных парадигм и соответствующих им дискурсов, оказавших влияние на развитие культуры и социума: «космоцентризм», «природоцентризм», «теоцентризм», «родоцентризм», «антропоцентризм», «социоцентризм» [276; 505]. Названные характеристики являются важнейшими императивами, определяющими смыслы и специфику осуществляемой человеком деятельности, а также способы построения его отношений с миром. Именно поэтому обращение к понятию парадигмы как смысловой конструкции, имеющей высокий уровень обобщения и способной задавать стратегию, направление мышления при рассмотрении самых разнообразных характеристик культуры в их исторической проекции, является оправданным и актуальным для современных исследований проблем культуры и социума.

Отдельно стоит подчеркнуть, что при всей кажущейся близости понятий «культурная парадигма» и «социокультурная парадигма» между ними есть определенная

разница. Она заключается в том, что если культурная парадигма как явление и понятие описывает смысловые доминанты, имплицитно присутствующие в культуре на определенном этапе её развития и артикулирующиеся прежде всего интеллектуальными элитами общества, то понятие «социокультурнная парадигма» охватывает не только соответствующий философский либо научный дискурс, но «обустраивает повседневность», глубоко проникает в общественное сознание, в профанный мир обывателя. Социокультурная парадигма выражается не только на уровне культурных смыслов, но и на уровне социальных действий, учитывает социальный статус смыслов, транслируемых культурой, и то влияние, которое данные смыслы оказывают на развитие социума и культуры в целом. Можно утверждать, что культурная парадигма и социокультурная парадигма находятся в иерархических отношениях. В рамках одной социокультурной парадигмы могут соприсутствовать несколько культурных парадигм.

Социокультурная парадигма в широком смысле слова – это достаточно однородная система представлений и понятий о человеке, обществе, мире в целом, включающая в себя метафизические, онтологические, аксиологические, гносеологические, праксиологические презумпции, обусловленные конкретным социально-историческим контекстом, и императивно конституирующие смысловое пространство общества, согласно заданным в них нормам и принципам. В данной дефиниции указание не столько на традиционную «отражательную», сколько на «конституирующую» функцию социокультурной парадигмы представляется вполне правомерным, поскольку на сегодняшний день положение о взаимовлиянии «концептуальной картины общества» (Ле Гофф) и системы его социокультурных институтов является достаточно обоснованным [254; 459].

Как уже указывалось, отличительной чертой социокультурной парадигмы является выделение в ее смысловом пространстве некоторой доминантной «мета-ориентации», относительно которой выстраивается весь остальной корпус семантических конструктов. В зависимости от смыслового содержания данной метаориентации на первый план могут выходить либо проблемы метафизического порядка, либо гносеологическая состоятельность личности и общества, либо их праксиологическая зрелость и т. п. Существует гибкая взаимосвязь между типом социокультурной парадигмы и типом воспринимающего ее социума. Так, например, антропоцентризм как социокультурная парадигма наиболее благоприятное развитие нашел в сочетании с

фактичностью западноевропейского возрожденческого социума, в то время как традиционные общества Востока не могли воспринять ее в такой форме, чтобы это существенно повлияло на строй их существования и складывающиеся отношения.

Принятая обществом социокультурная парадигма, в свою очередь, благоприятствует институционализации тех нововведений, которые способствует ее полному развертыванию и развитию. Она выступает мощным аттрактором, притягивающим вероятность реализации некоторой модели общественного развития, способствует концептуализации и конкретизации определенных социальных, экономических, политических, культурных, личностных и т. п. отношений. Данное комплементарное взаимодействие создает систему обратных связей между институтами общества и социокультурной парадигмой до тех пор, пока в глубине данных отношений не возникнут тенденции, ведущие к их разрушению, после чего происходит смена социокультурной парадигмы, а также смена типа социального развития. Смена социокультурной парадигмы приводит к трансформации представлений о смыслах и целях осуществляемой обществом деятельности. Как отмечает К.Х. Делокаров: «Переломные этапы в мировой истории потому и называются таким образом, что цивилизация в реальности сталкивается с необходимостью переосмысления не частных положений, а базовых, исходных принципов. Тем самым меняется онтология сущего, методология решения встающих задач, категориальный аппарат познания» [153, с. 21]. В то же время можно наблюдать ситуацию, когда тип социального развития меняется, а главная метаориентация социокультурной парадигмы остается неизменной. В этом смысле можно говорить о модусных проявлениях социокультурной парадигмы, благодаря возникновению которых происходит развернутая объективация/институализация ее сущностных глубин.

Необходимо также подчеркнуть, что социокультурная парадигма имеет более длительный временной лаг существования по сравнению с техно-экономической или научной парадигмами. Если последние насчитывают, по оценкам различных ученых, от нескольких десятков до полусотни — сотни лет, то социокультурная парадигма измеряется столетиями, а то и тысячелетиями (как, например, в случае с социокультурными парадигмами теоцентризма или космоцентризма). Это связано с тем, что назначение социокультурной парадигмы принципиально не совпадает с назначением научной и технико-экономической парадигм. Ей в большей степени присуще такие

черты, как сдерживание темпов социокультурной динамики, обеспечение механизма социальной инерции, воспроизводство и сохранение традиций и т. п.. Поэтому, несмотря на то, что фактические проявления социокультурной парадигмы экономоцентризма наиболее ярко мы наблюдаем в последние десятилетия, зарождение и становление данного типа миропонимания/мировосприятия мы можем отнести к Новоевропейскому периоду общественного развития, когда на арене мировой истории всё отчетливее стал проявлять себя такой тип общественного устройства как капитализм.

Следует также отметить, что общества не равны в своей способности продуцировать и трансформировать определенные социокультурные парадигмы. Смена парадигмы возможна в условиях изменения типа доминирования общих социокультурных презумпций, в рамках которых общество выстраивает свои внутренние и внешние взаимодействия. Здесь уместным представляется обратиться к компаративному исследованию различных типов социальных формаций, предпринятых Ш. Эйзенштадтом [513]. Он, в частности, разделил общества, согласно восприимчивости их к принятию некоторых типов (моделей) социальных изменений на три вида: «коалесцентные», «частично коалесцентные» и «некоалесцентные». Под коалесцентностью автор понимает такой тип социальных изменений, который отличается одновременностью и единством: изменения не только возникают в исторически конкретный период, но и соотносятся друг с другом, комплементарны друг другу, взаимодополняют одно другое, в каком-то смысле гомогенны, и, несмотря на свою разнопорядковость, могут идентифицироваться как некое тождество. К подобным «коалесцентным» обществам Ш. Эйзенштадт относит Византию, Россию, Китай, халифат Абасидов, Османскую империю, а также средневековую и новую Западную Европу.

Теория Ш. Эйзенштадта, обладая определенным эвристическим потенциалом в рамках исследования проблем экономоцентричного общества, способна выступить связующим звеном в вопросе о правомерности вычленения специфически оформленных, самостоятельных стадий в развитии всякого общества. Она показывает, что некоторые – некоалесцентные – общества характеризуются взаимоизолированными в пространстве и времени изменениями, низким уровнем связей между различными сферами общества, а другие – коалесцентные – обладают ярко выраженной восприимчивостью к изменениям, обеспечивающим мобилизацию вокруг некоторой

идеи, способной находить свое воплощение в самых различных институциональных формах, социокультурных проекциях.

Рассматривая идею коалесцентности в контексте теории социокультурных парадигм, можно отметить, что в склонных к «одновременности изменений» обществах возможна динамика некой универсальной целостности разнопорядковых идей, объединенных общим знаменателем, эксплицирующихся в пространстве данных обществ на самых различных уровнях: от индивидуально-личностного до институционального и надинституционального. Именно в них наиболее отчетливо можно проследить зарождение, развитие и смену социокультурных парадигм, в контексте которых разрозненные события и факты социального функционирования могут быть поняты как модусы-модификации некоторого универсального целого.

В свете сказанного представляется, что демаркационные линии, возникшие в социогуманитарной рефлексии, предлагающие видеть стадиальность, выделять периоды при рассмотрении динамики западноевропейского общества, фиксирующие феноменальную тождественность многообразных событий в рамках некоторого культурно-исторического периода, именуемые «космоцентризм», «антропоцентризм», «теоцентризм», появились отнюдь не случайно. Именно сопоставимые по времени возникновения и целостные по генеральной направленности изменения характеризуют западноевропейскую цивилизацию как таковую, фиксируют факт существования некоторой доминанты в смыслопорождающей сфере соответствующих обществ, тем самым реализуя *социокультурный* уровень концептуализации. В то же время, если рассмотреть понятие «Новое время», ставшее общеупотребительным примерно со второй половины XVII века, то можно отметить, что оно, несмотря на попытки содержательного наполнения его различными социокультурными оттенками, в большей степени осталось *историко-хронологическим.*

Для осуществления социокультурного уровня анализа новоевропейского периода общественного развития представляется возможным и необходимым актуализировать понятие «экономоцентризм», понятого как фиксирующего специфику социокультурной парадигмы, развернувшейся в западноевропейском обществе, начиная с эпохи Нового времени до настоящих дней. Данное понятие сможет восполнить некоторую теоретическую асимметричность в интерпретации социокультурной динамики европейского общества, углубить научные представления о нем, поэтому анализу

понятия «экономоцентризм» и производного от него понятия «экономоцентричное общество» необходимо уделить самое пристальное внимание. Однако прежде, чем перейти к рассмотрению понятия и феномена экономоцентризма, обратим внимание на то обстоятельство, что ряд исследователей описывают факт существования в обществе новоевропейского типа особой культурной парадигмы «наукоцентризма» и соответствующего ей философского дискурса [276; 505], усматривая в данной парадигме ведущую характеристику Нового времени. Следует лишь отчасти согласиться с авторами данной идеи и отметить, что в качестве культурной парадигмы, имеющей влияние на интеллектуальную элиту общества, выявление наукоцентричных смысловых ориентаций и устремлений представляется возможным, в то же время для широких слоев общества названная парадигма в целом не была характерна. Можно утверждать, что культурная парадигма наукоцентризма являлась составным элементом более широкой экономоцентричной социокультурной парадигмы, ведущие презумпции которой стали основанием для преобразования новоевропейского социума и культуры в целом.

Чтобы рассмотреть понятие экономоцентризма более подробно, необходимо отметить, что поскольку каждая социокультурная парадигма имеет свое метафизическое, аксиологическое, гносеологическое, праксиологическое измерения и при этом заданность гносеологических и аксиологических возможностей личности и социума императивами социокультурной парадигмы столь глубоки, что в пространстве воспринявшего ее социума редко можно встретить опыт теоретизирования, частично или полностью свободного от данного генерального смыслопорождения, то в рамках каждой социокультурной парадигмы наблюдается ярко выраженная склонность маркировать явления и предметы внешнего и внутреннего мира сквозь призму некоторой ведущей смысловой метаориентации. Особенно наглядно данная – гносеологическая – специфика прослеживается на *теоретико-методологическом уровне* человеческого познания. Если рассматривать собственно социокультурную парадигму экономоцентризма, то здесь мы наблюдаем, что специфическая нормативность данной парадигмы подспудно складывалась на протяжении длительного культурно-исторического развития и зримо проявила себя лишь в рамках новоевропейского общества. Экономоцентричная парадигма долгое время оставалась в тени других, более востребованных на определенном историческом этапе социокультурных парадигм. И только на рубеже средневековья – нового времени она получила возможность

собственного развития и оказала решающее влияние на становление новоевропейского общества, развитие его по капиталистическому сценарию. Этому способствовали её характерные черты: абсолютизация роли экономики в жизни социума и развитии культуры; не органическое, но механистическое восприятие реальности; табуирование холизма в самых различных формах его проявления и связанный с ним запрос на формирование аутентичной экономоцентризму рациональности (экономический детерминизм) в направлении диалектического отрицания типологически не совпадающими с нею видами рационализирования (культурный детерминизм, антропологический детерминизм, аксиологический детерминизм и т. п.); развертывание тенденции по деонтологизирующему восприятию действительности, с одной стороны, и экономической редукции реальности, с другой. Совокупность вышеперечисленных тенденций ведет к инверсивному восприятию реальности в целом: усиленное стремление к сугубо материальному (в предельном варианте – экономическому) существованию преобразует саму жизнь «в абстрактный анемичный процесс» [175, с. 99].

Представляется, что указанные характеристики напрямую связаны с сущностными чертами названной социокультурной парадигмы. Во-первых, в ней впервые за историю человечества в качестве источника смысло-производства, а также центра всякого другого вида активности человека и социума выбирается не бытийствующий в своей фактичности феномен: космос (космоцентризм), природа (биоцентризм, натуроцентизм), человек (антропоцентризм), Бог (теоцентризм), но вторичный, производный элемент – экономика. Многие современные исследователи убеждены, что роль экономики в жизни социума сегодня в значительной степени преувеличена: «Экономическая деятельность из инструмента обеспечения частных и общественных нужд превратилась в самодовлеющую сущность: недаром все чаще приходится слышать: «экономике требуется то-то и то-то», «экономика диктует» и т. д., будто она есть некая, абсолютно независящая от нас сила» [504, с. 157].

Напомним, что еще немецкий философ-экономист К. Маркс выступил с обоснованием проекта, в котором социальная действительность не дана человеку Богом или природой, но производится им, прежде всего, в рамках материального производства. Возведя данный материально-технологический подход в ранг общеметодологической и общеисторической категории, К. Маркс во многом способствовал тому, чтобы

общественное сознание и отдельная личность осознали такое свойство действительности как производность. Проникновение идеи о производности мира, социума и человека в глубины индивидуального и общественного сознания существенным образом трансформировало общественное самовосприятие. Во-первых, представление о действительности как о произведенной человеком и обществом побудило воспринимать ее в конструкторских категориях под знаком «иначе возможного» [336]. Это, в свою очередь, подтолкнуло общество к преобразованию действительности по улучшенным лекалам, инициировало стремление к эталонному (райскому) обществу. Во-вторых, утрата представлений о действительности как о данности-даре способствовала тому, что отношения дара как таковые практически полностью вытеснились из пространства социальных отношений, и были заменены на обменно-контрактные, взаимозачетные, исходящие из максимы о существовании издержек производящих действий, центральным системообразующим элементом которых выступают экономические отношения.

Следует подчеркнуть, что, будучи по природе своей феноменом производным, с одной стороны, и занимающим в соотношении часть – целое в контексте культурно-цивилизационной жизни общества положение части, с другой, экономика, претендуя на статус центрального системообразующего элемента (на статус целого), нарушает сам принцип структурирования некоторой целостности, маргинализируя (в крайнем варианте – «упраздняя»[1]) те принципы, нормы, феномены, которые являют собой некоторую целостность и противоречат аутентичным ей императивам. В разряд маргинальных попадает принцип холизма, позволяющий обратиться к целостности взаимоотношений человека с миром, препятствующей абсолютизации роли экономики в жизни общества; остракизму подвергается принцип онтологичности как таковой (жизненный мир объявляется сферой виртуальных игр с проекциями бытия), утверждается деэтицизация рациональности как продолжение разделяющего, антихолистического принципа и т. п.

Явный деонтологизирующий посыл экономоцентричной парадигмы приводит к тому, что зависимые от нее феномены помещаются в пространство свобода – насилие, и данный силовой (насильственный) подход к окружающей действительности и отдельной

---

1 «Упраздняет» человека, общество, природу.

личности начинает преобладать. Другими словами, «онтологизированные» парадигмы не нуждались в максимизации насилия, с одной стороны, и не проявляли себя так тотально, с другой, в силу более естественной, чем в экономоцентричной, собственной основы. Онтологизм мировосприятия предполагает понимание индивидуального бытия в его соотнесенности с надличностным, объективным, данным природой (Богом) бытием, составляющей с ним неразрывное целое. Бытие индивидуума принадлежит одновременно и всеобщему бытию, укореняется в нем, неотчуждаемо от него. Собственно объективный, надличностный мир — суть некая данность. Мир искусственного, ирреального, виртуального – вот питательная среда, вне живительного действия которой экономоцентризм не может получить достаточности оснований для собственного утверждения в обществе.

Всякая искусственность требует усилий (в крайнем варианте – насилия) для своего поддержания. В силу данной – насильственной по отношению к естеству человека и мира – конструкции глубинные основания подобного рода мироотношения достаточно рано обнаружились в своей предметности и стали маркируемыми на уровне рефлексирующего сознания. В частности, работы структуралистов, постструктуралистов, постмодернистов и других философских течений являются наглядным примером данного обнаружения.

В свете обсуждаемых проблем интерес представляют рассуждения И. Валлерстайна, пытающегося определить специфику смысловой сферы капиталистической «мир-системы» (которую в логике осуществляемого исследования можно рассматривать как в наибольшей степени реализовавшей потенциал социокультурной парадигмы экономоцентризма) и указывающего, что данная система всё дальше уходит от принципов священного, этически ангажированного, ненасильственного, справедливого и апеллирует к рациональному, эффективному и полезному. Это, по мнению исследователя, выразилось не только на уровне конкретных поведенческих стереотипов, но и на уровне производства знаний. И. Валлерстайн пишет о том, что анализ способа структурирования знаний, осуществляемого в рамках современной мир-системы, позволяет сделать заключение о наличии в ней «двух культур», критерием различения которых служит характер тех отношений, который складывается между таким типом знаний как наука, с одной стороны, и философия и этика, с другой. Исследователь отмечает, что синкретизм данных сфер человеческой

реализации, характерный для докапиталистической мир-системы, в настоящее время разрушен. Пропасть, возникшая со становлением капиталистической мир-системы между наукой, этикой и философией, закрепившаяся на уровне социальных институтов, вызвала существенные изменения в характере производимых и транслируемых социумом знаний, в специфике влияния их на современную культуру [94]. Апплицируя названные теоретические постулаты на конкретно-эмпирический уровень, И. Валлерстайн отмечает, что «мир модернити» не только вытесняет идею этичного на периферию социокультурной нормативности, но и отказывает ей в какой-бы то ни было представленности на уровне личности, занятой профессиональным трудом или участвующей в широких практиках общественной жизни [94, с. 246]. При этом американский ученый справедливо обращает внимание на то обстоятельство, что, например, вытеснение теологии и философии из науки, начиная с XVIII века, происходило и потому, что «та и другая предполагали «освящение» знаний» [94, с. 250]. Тем самым он подчеркивал факт заинтересованно отрицательного отношения капиталистической системы к феномену священного как не могущего быть реализованным в логике тотального обмена.

Тема «заката» эпохи, апеллирующей к священному как системообразующему началу собственного существования, представлена также в трудах другого современного мыслителя – Жака Аттали. Выступая апологетом экономоцентричной ориентации современного общества, полагая, что грядущая эпоха, «эра денег», – неизбежный результат развития самоосуществляющихся тенденций настоящего, а потому задача общества не столько преодолеть, сколько воспринять и подчиниться императивам господствующей «цивилизации денег», Ж. Аттали призывает полностью отдаться во власть денежных императивов, выстраивать отношения в обществе по тем принципам, которые им свойственны. При этом автор указывает на динамику социального развития по принципу смены некоторых укладов, условно обозначаемых им как основанных на священстве, на силе и на деньгах [26]. Священное, как не могущее принадлежать области обмена, в современной цивилизации, основанной на власти денег, по мнению Ж. Аттали, полностью утрачивает свое значение. Мир, построенный по совершенно новым правилам, не ведомым нормативности традиционного общества, ожидает человечество, стоящее «На пороге нового тысячелетия» [27].

Апологетика экономоцентричной парадигмы свойственна далеко не всем

западноевропейским авторам. Попытки постмодернистов выйти из-под власти каких бы то ни было парадигм (аппеляция к ацентрированным, деструктурированным жизненным проявлениям социума, культуры и личности), в том числе, связаны с тем, что смысловое пространство экономоцентричной социокультурной парадигмы проявляет себя как гораздо более насильственное и сковывающее человеческую свободу, чем антропоцентричное, космоцентричное и теоцентричное. Тем не менее, интенции на смену типа рациональности, возврата к ситуации, когда «благо», «добро» выступают тождественными «истине» и «рацио» уже достаточно отчетливо обозначились в современной как зарубежной, так и отечественной науке. Об этом, в частности, говорит И. Валлерстайн: «В далекой перспективе благо оказывается тождественным истине» [94, с. 256]. К «новому формационному прорыву», основанному на подлинности бытия, апеллирующему к морали и нравственности, призывает А. С. Панарин [333; 335], о необходимости мобилизации против «экономического дисконта» и значимости утверждения альтернативного социокультурного проекта на основе философии, культуры высказывается А.Г. Дугин [167]. О необходимости создания и обоснования новой социокультурной организации, учитывающей идею справедливости, пишет российский учёный Е. В. Карчагин [203]. Сходные идеи высказывают и другие авторы [323, 325, 428]. При этом они обращают внимание на то, что это «титаническая задача», «но это не значит, что она не выполнима» [94, с. 256].

На основе изложенного выше могут быть сделаны следующие **выводы**:

1. Для современного социогуманитарного знания в целом и философского, в частности, характерен поиск познавательных стратегий, способных сформировать адекватное понимание/оценку происходящим в обществе изменениям. Накопленный на сегодняшний день гуманитарной наукой методологический и фактический материал указывает на эвристическое значение постнеклассического подхода к пониманию/объяснению причин социального развития, согласно которому социальный детерминизм имеет множественную причинность, проявляется в многофакторности.

2. Учитывая запрос на понимание происходящего, приближенное к реалиям осуществляющихся в обществе изменений, современное социогуманитарное знание порождает специфические понятия, само производство которых свидетельствует о глубинных сдвигах, происходящих в обществе. Обновление категориально-понятийного аппарата свидетельствует о том, что гуманитарии ищут адекватный ответ на те «вызовы»

современности, которые в виде нарастающих масштабных кризисов (политический, экономический, культурный, антропологический и т. п.) предстают перед вступившим в новое тысячелетие социумом.

3. Для углубленного понимания причин социокультурной динамики представляется целесообразным оперировать понятием «социокультурная парадигма», в смысловом пространстве которого аксиологические, праксиологически, гносеологические, метафизические и т. д. ориентации социума и культуры выступают как некоторая целостность. Социокультурная парадигма как понятие и феномен позволяет выявить каузальные зависимости между разнородными социальными и культурными явлениями, указать пути преодоления возникающих проблем современного общества.

4. Аутентичной запросам современного социума выступает социокультурная парадигма экономоцентризма, обладающая следующими характерными чертами: экономическим редукционизмом; фетишизацией идей материального роста, максимизации прибыли; развитием принципа деонтологизирующего восприятия действительности, абсолютизацией значения экономического (и, прежде всего, экономической логики понимания действительности) как такового во всем многообразии его проявлений, ориентацией на дегуманизирующие тенденции социализации и др.

5. Реализация идей социокультурной парадигмы экономоцентризма способствует становлению специфического типа социума, генеральные стратегии жизнедеятельности которого заданы экономическими императивами. Экономический дискурс становится доминирующим при описании/понимании складывающихся в обществе отношений и построении взаимодействий с окружающим миром в целом. В данной ситуации проблема раскрытия механизмов влияния социокультурной парадигмы экономоцентризма на смысловую сферу общества и на весь социокультурный уклад жизни в целом, обнаружение рисковых стратегий развития социума и культуры, функционирующих согласно принципам и нормам, заданным в социокультурной парадигме экономоцентризма, является весьма актуальной.

1.2 Методология исследования проблемы экономоцентричного общества

Выбор методологических оснований научного исследования определяет характер и качество получаемых на его основе результатов. Эта максима признавалась наукой еще со времен новоевропейского этапа ее развития. Опираясь на названную исследовательскую установку, методология диссертационного исследования «Социокультурные риски экономоцентричного общества» определялась с учетом специфики её предметно-объектной области, образующей особое синтетическое пространство, где на взаимопересекающихся линиях соприсутствуют социокультурные и социоэкономические факторы, структуры и элементы, тесно связанные между собой. В работе использовались методологические подходы, сообразующиеся с презумпциями современного – постнеклассического – этапа развития науки, задающего рамки исследования, в которых анализ взаимосвязей и опосредований получаемого знания с необходимостью соотносится с социокультурным фоном эпохи, предполагает рассмотрение исследуемых объектов в исторической ретроспективе, учитывая синергетические, кооперативные эффекты их сосуществования и взаимодействия. В частности, здесь могут быть названы:

- системный подход, позволяющий рассматривать экономоцентричное общество как особую сложную систему, взаимосвязи многочисленных элементов которой создают неповторимую топику её сущностных проявлений;

- синергетический подход, за кажущейся монокаузальностью экономических императивов обнаруживающий тесную взаимосвязь и возможность многовариантного развития экономики, социума и культуры;

- холистический подход, постулирующий неразрывную целостность всех сфер социального функционирования, рассматривающий экономические процессы в качестве неотъемлемых элементов социокультурных процессов; данный подход отсылает к природно-климатической, географической, культурно-исторической, ментальной специфике субъектов хозяйственного взаимодействия, предполагает учет названных причинных факторов в определении характера, способов и принципов ведения экономической деятельности в разных регионах планеты, взаимообратное влияние ее на культуру;

- герменевтический подход, оперирующий понятиями «контекст», «понимание», «интерпретация», позволяющими выявить уникальные, имплицитно присутствующие в

фактичности культурно-исторических событий смыслы, вне содержания которых составить ёмкое представление о предмете исследования не представляется возможным;

- междисцилинарный подход, позволяющий использовать в исследовании эвристический потенциал самых широких областей знания: философии, культуры, экономики, политики и других;

- полипарадигмальный подход, ориентирующий исследование на использование различных парадигм – от социокультурных до хозяйственных – для объяснения специфики развития экономоцентричного общества и сопряженных с ним феноменов;

- конструктивистский подход, позволяющий осмыслить роль социокультурной парадигмы экономоцентризма в конституировании смыслового пространства новоевропейского социума, ставшего основой для становления/ развития экономоцентричного общества, а также дающий возможность обнаружить смену вектора трансформационных изменений социума и культуры в направлении от преобразования окружающего человека мира к изменению самого человека;

- конвергентный подход, позволяющий для объяснения феномена экономоцентричного общества в единой оптике использовать фундаментальные знания приоритетных направлений современной науки;

- компаративный анализ, используемый в синхроническом и диахроническом ракурсах, позволяющих сопоставить аксиоматику культуры в исторической ретроспективе и футурологической перспективе;

- комплексный подход, позволяющий выявить в социокультурной топике современности уникальную констелляцию разнопорядковых характеристик экономоцентричного социума, влияющих на его конъюнктуру и перспективы развития;

При осуществлении исследования учитывалось также то обстоятельство, что современная наука осознает необходимость создания новых объяснительных концепций, рассматривающих проблему социальности как таковой и проблему социокультурной динамики, в частности, в контексте актуальных для современного социума и культуры презумпций (сдерживания и преодоления кризисных состояний, поиска моделей сбалансированного благополучного развития, генерирования «ответов» на актуальные «вызовы» современности и т. п.). Стоит подчеркнуть, что в отличие от классического этапа развития науки, неклассические и постнеклассические стратегии научных изысканий предполагают необходимость рассмотрения объекта/предмета исследования

как обладающих внутренней логической основательностью, вне раскрытия которой постижение их сущностных глубин невозможно.

В связи с этим необходимо отметить, что предметно-объектная область диссертационного исследования «Социокультурные риски экономоцентричного общества» предполагает обращение к проблемам экономики в контексте общекультурных явлений. Акцент на проблемах экономического как такового и экономического детерминизма, в частности, сопряженных с идеями и ценностями, транслируемыми философией, культурой, политикой, является необходимым условием, фундирующим характер осуществляемого исследования и получаемых на его основе результатов.

Стоит подчеркнуть, что идея реализации подобной стратегии рассмотрения изучаемого предмета не является совершенно новой для современного научно-философского знания. На возможность и необходимость рассмотрения экономической проблематики в русле культур-философских, а также политических, исторических знаний, позволяющих реализовывать холистическое видение изучаемой проблемы, обращала внимание русская исследовательская мысль еще в конце XIX века. К примеру, известный русский экономист С. Ф. Шарапов в своем труде «Бумажный рубль» (1895) при изучении узких экономических вопросов, касающихся денежного обращения, вышел, по признанию исследователей его наследия, далеко за рамки узко финансовой сферы, «..рассмотрев область финансов не только с экономической, но и с социальной, философской и религиозной точек зрения» [345, с. 122].

Наиболее ярко данная теоретическая позиция представлена в трудах русского богослова и экономиста С. Н. Булгакова, который разработал особую область исследования – философию хозяйства. Правомочность существования названной междисциплинарной исследовательской сферы автор обосновывает тем, что, по его мнению, для понимания экономических процессов и управления ими необходимо использовать социокультурный подход, поскольку именно социокультурная сфера, а также институциональные факторы являются основополагающими для экономических отношений [85]. Тем самым С. Н. Булгаков использовал подход, в методологическом плане позволяющий при изучении закономерностей хозяйственно-экономической жизни применять более широкую палитру методов исследования (герменевтических, нормативных и т. д.), что дает возможность достаточно глубоко проникать в сущность

изучаемых явлений.

Данная исследовательская установка, ориентирующаяся не столько на узкоспециализированный подход к изучаемому объекту, сколько на конвергентные стратегии исследовательской аналитики, предполагающие выработку научных взглядов на изучаемый предмет с учетом данных самых разных наук – от политологии до математики – на рубеже XX–XXI веков становится ещё в большей степени актуальной. Это выражается в том, что в гуманитарном знании множится количество исследований, которые при изучении предметов, относящихся к узкой отрасли знания (психология, экономика, педагогика и т. п.), избирают в качестве методологических посылок дающие простор для широких обобщений цивилизационный, социокультурный подходы, стремятся привлечь результаты философских изысканий в целом.

Тем не менее, лишь с большой долей условности можно предполагать, что наука стоит на пороге «эпохи великого синтеза», предполагающего переориентацию ее с принципа дисциплинарной дифференцированности на принцип целостного миропостижения, хотя идеалы «цельного знания» в целом присутствуют в культуре, прежде всего, у представителей религиозно крыла русской философии (Г. С. Сковорода, В. С. Соловьев). Сегодня в той или иной степени они оказываются востребованными у специалистов самых различных направлений. Названная ситуация требует особого внимания еще и в связи с тем, что классическая наука, активно институализировавшаяся в эпоху модерна, унаследовала свойственную данной эпохе ориентацию на монокаузальность и редукционизм, осуществляя выбор причинных факторов социальной эволюции в пользу материального фактора, крайним вариантом выражения которого является феномен экономического.

В результате на протяжении последних нескольких столетий наблюдается ориентация социума на императивы экономики, ситуация стремительного проникновения экономического дискурса во все сферы общественной жизни, а также в исследующие их отрасли знания. В значительной степени это касается философии. С одной стороны, потому что назначение философии – проникать в суть изучаемого предмета, формируя наиболее полное представление о нем, поэтому понять суть происходящих социокультурных трансформаций, осуществляющихся по экономическим лекалам, вне философского постижения названной проблемы невозможно; с другой, потому что у философии и экономики особые отношения.

Достаточно вспомнить, что экономика как наука вышла из философии, дополняясь фактами, деталями, сентенциями из хозяйственной практики [322]. Например, один из «отцов-основателей» современной экономической мысли Адам Смит свой классический труд «Исследование о причинах богатства народов» мыслил, скорее, как философскую работу, в которой стремился раскрыть идею о необходимости применения современных ему философских и этических учений в плоскости хозяйственных отношений. Однако впоследствии логика экономического дискурса стремительно менялась. Пройдя через идейное сито эпохи Просвещения, экономическая мысль обрела вид сначала политической экономии, а затем экономической теории, наиболее «онаученное направление» (Ю. М. Осипов) которой превратилось в эконометрику. В итоге, как отмечают современные исследователи, при изучении экономической деятельности возобладал механический, формальный, ориентирующийся на естественнонаучные парадигмы подход, вытеснив на периферию исследовательского внимания философию, культурологию и другие гуманитарные науки. В результате за пределами внимания экономистов остались не только метафизика, но и диалектика, что в значительной степени снизило уровень научной рефлексии в области экономических наук [322].

Другими словами, экономическая мысль, сложившаяся в эпоху модерна, взяла целенаправленный курс на формирование представлений о том, что экономика эмансипирована от культуры. За этим искусно создаваемым проектом, в обеспечение которого были вовлечены мощнейшие интеллектуальные силы от экономистов до философов, осталось незамеченным то обстоятельство, что экономика не эмансипируется от культуры в собственном смысле этого слова, но, будучи взаимообусловленной и неразрывно связанной с последней, *трансформирует* ее. Очевидность данного факта за последнюю сотню лет обнаружила себя достаточно явно, тем не менее, глубина и масштаб произошедших трансформаций, как и потенциал формирующего воздействия экономики относительно культуры, осознаны еще в недостаточной степени, во многом благодаря тому «инженерно-физическому мифу об экономике», о котором говорит действительный член РАЕН Ю. М. Осипов. По мнению учёного, недостаток экономических наук в целом и экономической теории, в частности, заключается в том, что она тяготеет к сциентизму, ориентируется на инженерно-физический подход к экономике, математическими исчислениями пытается описать закономерности экономических отношений, забывая о том, что в данной сфере, как и во

всякой другой, действуют люди с их интересами, социальными и культурными установками, принципами поведения [322]. Взгляды российского ученого разделяют и представители экономических наук за рубежом. В частности, еще в 1970-х годах ушедшего столетия Нобелевский лауреат по экономике Василий Леонтьев выступал против сциентизма в экономических науках, под которым он подразумевал ориентацию на эконометрические методы решения хозяйственных проблем. Схожие идеи в текущем веке высказывают и другие зарубежные экономисты. Например, американский исследователь, политический экономист Кембриджского университета Джон Рапли, автор книги «Сумерки богов денег: экономика как религия и как все пошло не так» (2017), обнародовал тезис о том, что «Мало что так опасно, как экономисты с завистью к физике» [568]. Дж. Рапли уверен, что в экономике нет универсальных законов, наподобие законов физики, и что экономика – это наука об обществе, людях, их интересах и социальных отношениях [568].

Однако названные идеи не являются популярными в обществоведческих науках и не признаются многими экономистами. Эконометрические методы, оперирующие абстрактными формулами и графически описывающие закономерности поведения субъектов экономических взаимодействий, все еще доминируют в теоретических построениях ученых. В итоге современный мир ощущается исследователями как «мир-инкогнито» (Н. Б. Шулевский), закрытый от обнаруживающего действия научно-философского логоса, вход которому в пространство экономических смыслов запрещен тем объективно-научным статусом, который самопровозгласила экономическая мысль не менее сотни лет назад [508]. В свою очередь, это привело к геометрическому росту лакун непознанности в социокультурной сфере, затрудняя анализ зарождающихся и развивающихся феноменов, истоки которых восходят к экономическим отношениям.

Пытаясь обнародовать факт увеличения в социокультурной сфере неосознанного, связанного с экономическими транзакциями, австрийский исследователь Ф. Хайек заявил о «принципиальной непознаваемости гуманитарного», «непреодолимых пределах знания». С явной отсылкой к Марксу, он формулирует положения, которые условно можно обозначить как «закон убывающей производительности теоретической науки в общественной сфере». Суть его заключается в том, что чем глубже наука проникает в содержание общественной системы, тем менее достоверными становятся ее знания и полученные выводы, а конкретные рекомендации и предсказания ошибочны [471].

Данное обстоятельство не только не осталось за пределами внимания социальных философов и теоретиков в области философии культуры, но и стало предметом столкновения мнений в среде экономистов. Хорошо известный «спор о методе», развернувшийся в рамках дискуссий немецких экономистов по поводу предмета, средств и методов решения экономических проблем, разрешился оформлением полярных позиций, представленных различными научными школами, одну из которых возглавил Густав Шмоллер, а другую Карл Менгер.

Идейные приверженцы названных оппозиционных исследовательских стратегий в своем саморазвитии окончательно укрепились в практически взаимоисключающих мнениях. Первые уверенны в том, что экономические явления не могут рассматриваться без учета географических, культурных, социальных, этических, политических, религиозных и других факторов, во взаимовлиянии которых раскрывается вся полнота социально-экономической жизни. Вторые предпочитают оперировать внеисторичными, индивидуалистичными, универсалистскими схемами, полагая, что экономические явления не зависят от окружающих неэкономических факторов. Они занимаются исследованием валютных курсов, процентных ставок, экономического роста и развития в автономном режиме на основе узкого экономического дискурса, оставляя за пределами собственных методологических установок необходимость использования иных, в частности, философских, принципов анализа существующих проблем.

Стоит отметить, что философские презумпции были «вынесены за скобки» экономических теоретизирований не без помощи самой философии. Такие течения, как позитивизм (О. Конт, Дж. С. Милль, Г. Спенсер), неопозитивизм (М. Шлик, Р. Карнап, Г. Рейхенбах), прагматизм (Ч. Пирс, У. Джемс, Дж. Дьюи) и т. п., во многом определявшие «дух» нарождающейся эпохи прошлого столетия, продуцировали мировоззренческие мотивы, которые предполагали прямое воздействие на общественное и индивидуальное сознания результатов изысканий различных наук (физики, биологии, психологии, в том числе и экономики) без посредничества философии. В результате, как справедливо отмечает Славой Жижек, жертвой позитивизма стали «не путаные метафизические понятия, а сами факты» [175, с. 99].

Несмотря на то, что данная тенденция уже в 20-х–30-х годах XX века была преодолена, во многом благодаря трудам представителей «гегельянского марксизма» (Д. Лукача, М. Хоркхаймера, Т. Адорно), которые на основе работ М. Вебера

переинтерпретировали «Капитал» Маркса и перевели его на язык теории овеществления, ставившей проблему производства в прямую зависимость от антропологической проблематики, чем в некоторой степени восстановили прерванную связь между экономикой и философией, нежелание учитывать философский дискурс в экономических теоретизированиях сохраняется и по сей день. Другими словами, «изгнать» философию из сферы действия конкретных наук оказалось легче, чем восстановить ее права.

Размежевание с философским дискурсом рассматривается рядом современных исследователей как существенный недостаток конкретно-научной мысли вообще и экономической мысли, в частности, не позволяющий ей не только приблизиться к гносеологической истинности, но и в целом создавать адекватную социоэкономической, шире – социохозяйственной – сфере картину реальности [8; 91; 93; 324; 438]. Преодолевая скепсис критиков современных гносеологических установок на организацию взаимодействия самых различных отраслей социогуманитарного знания, уверенных в том, что «…стальную скорлупу разума, ставшего позитивным, не просветить» [466, с. 63], они выступают не просто за сближение философского и экономического дискурсов, но инициируют создание междисциплинарных областей знания, в синкретизме которых могли бы рассматриваться самые широкие проблемы социально-философского, культур-философского и экономического порядков.

На сегодняшний день в академическом сообществе существует понимание того обстоятельства, что тяготение экономической науки к внеисторической и универсалистской методологии необходимо преодолевать герменевтическим (контекстуальным) подходом, «погружающим» конкретную экономическую ситуацию в социокультурный контекст исторической эпохи, атрибутивными элементами которой выступают существование некоторой духовно-этической нормативности и определенным образом организованного социального и культурного укладов [46; 82; 91; 213; 438; 519].

Данная установка на рассмотрение специфики экономической реальности, онтологических основ экономических отношений как внутри экономической системы, так и за ее пределами возникла в современном научном знании отнюдь не случайно. Начальные десятилетия XXI века наглядно продемонстрировали небезупречность доставшихся от предшествующих столетий парадигмальных установок

(рассматривающих экономическую сферу как автономную область самодостаточных отношений), на идейном корпусе которых выстраиваются социально-экономические практики, способствующие нарастанию кризисных проявлений социума и культуры.

Деонтологизирующие тенденции восприятия действительности, свойственные экономическому знанию последних десятилетий (особенно наглядно проявляющиеся в работах постмодернистской направленности, в которых прямо заявляется о том, что экономика – это мир виртуальных игр языка, повествующего об экономических отношениях [271]), с необходимостью должны быть преодолены. Актуализация проблем, связанных с необходимостью раскрытия специфических онтологических черт экономического мира, позволяет выйти на широкие – философские – обобщения, объясняющие феномен экономического, и выявить характер влияния его на современную культуру и социум.

Рассматривая экономическую онтологию, Ю. М. Осипов отмечает, что экономика не имеет никаких абсолютных параметров, как, например, природный и технический мир, не имеет постоянных величин и незыблемых истин (кроме утверждения о том, что экономика есть товарообмен, деньги и цены). Но она и не мир хаоса, анархии, предельной свободы. Это мир *своеволия* (произвола), никогда не выносимого за скобки и не теряющего своей действенности. Человек желающий, реализовывающий свои устремления благодаря волевым усилиям и направленному интересу, является главным субъектом осуществляющихся в экономике преобразований, не могущих быть понятыми как абстракция объективных процессов [322].

Следующее онтологическое свойство экономики – ее принципиальная неполнота, выступающая как органическое свойство, а не случайная девиация. Отсюда – риски, сбои, неправильные решения, неожиданные выигрыши и т. п. Информационно-аналитическая неполнота сочетается, с одной стороны, с неустойчивостью и относительностью экономических чисел, с другой – с необходимостью взаимодействовать с неэкономическим и нерациональным контекстом, который вплетается в каждое экономическое решение. Более того, по мнению Ю. М. Осипова, в экономическом решении содержится много и трансцендентного, того, что скрыто в глубинах частного человеческого и общесоциального и всегда влияет на решения конкретного экономического субъекта. Он уверен: «В *экономике метафизика важнее физики*» [322, с. 17].

Преодоление кризисных явлений в современном социуме и культуре, порожденных спецификой складывающихся экономических отношений, невозможно без преодоления методологического кризиса экономических наук. Решение названной задачи многие исследователи видят в том, чтобы вывести экономическую мысль из царства формально-логических абстракций, цифро-графических методов понимания действительности и вернуть ее, условно говоря, в духе Руссо, «назад, к культуре», «назад, к философии», «назад, к человеку». Например, английский исследователь Л. Кор, автор книги «Переразвитые государства» (1977), в главе «Метаэкономика» говорит о том, что экономика должна перестать быть лишь эмпирической дисциплиной, построенной на игре в цифры, и превратиться в философскую экономику, или метаэкономику. Это, по его мнению, позволит активно и плодотворно использовать знания и результаты, полученные вне научного поля экономики. Философский (междисциплинарный, теоретический) подход к реальности Л. Кор называет старейшим и наиболее плодотворным подходом к изучению социальной реальности [227].

Стремление преодолеть узость экономической логики при рассмотрении широкого круга экономических явлений, влияющих на развитие культуры, личности и социума, проявляется, к примеру, в появлении целого ряда дисциплин, которые вовлекают экономическую мысль в синтетическое междисциплинарное пространство, помогая ей обрести новые грани собственного осмысления и самораскрытия. В частности, это такие направления, как экономическая психология [151; 293; 319; 418; 516], экономическая социология [183; 358], экономическая герменевтика [46], наконец, экономическая философия [217; 219] и философия экономики [102; 109; 133; 437]. Данное многообразие междисциплинарных синтезов экономических и неэкономических наук является отражением методологической установки целой плеяды современных исследователей, полагающих в духе М. Хайдеггера [467], что экономическую реальность необходимо изучать дистанцированным взглядом извне, с позиции неэкономических общественных дисциплин [532].

Представляется необходимым на основе культур-философского подхода выявить формы проявления и принципы функционирования существующей глубинной взаимосвязи экономической и социокультурной реальностей, показать, что определенный экономический проект неизбежно инициирует оформление специфического социокультурного проекта и наоборот. Проблематизация вопроса о

существовании экономоцентричного общества, как специфического социокультурного образования, характерного для современной нам действительности, представляется чрезвычайно актуальным. Модель экономоцентричного общества позволяет рассмотреть, выявить и проанализировать те неразрывные комплементарные корреляции, которые существуют между социоэкономическим и социокультурным пластами реальности.

В свете сказанного представляется, что, в свою очередь, задача философского осмысления проблем экономоцентричного общества с привлечением данных таких областей знания, как экономика, социология, культурология, философия культуры и т. п. выступает сегодня особенно актуальной. Взаимопересечение научных обобщений из области социальной философии, антропологии, социологии, философии культуры, экономической теории и политэкономии позволят вывести исследование на принципиально более высокий уровень понимания рассматриваемых проблем.

Вместе с тем необходимо отметить, что на сегодняшний день в обществоведческих дисциплинах удельный вес объяснительных моделей универсально-монистического характера значительно превышает долю плюрально-вариативных подходов. К примеру, в демографии роль универсалии, выстраивающей логику рассмотрения проблем народонаселения, играет концепция «демографического перехода», утверждающая предопределенность тренда репродуктивного угасания обществ современного типа (Р. Лестег, Д. Ван де Каа). Религиоведение, описывая процесс становления религиозных воззрений, выстраивает линию: первобытная магия – язычество – монотеизм [294]. В биологии, социологии, собственно экономической и ряде других наук востребованы идеи линейной эволюции природы и общества, восхождения его по стадиально-прогрессивному пути развития [284; 291] и т. д.

В то же время, адекватным реалиям развития современного общества и культуры представляется применение вариативного, цивилизационного и социокультурного подходов к пониманию социокультурной динамики. По мнению современных исследователей, цивилизационный подход при изучении специфических особенностей какого-либо общества является весьма перспективным [107; 167; 216; 529; 530; 531]. Например, известный российский культуролог, историк и политолог И. Г. Яковенко пишет о перспективности применения цивилизационного подхода при изучении российской действительности. Он отмечает, что строгая дифференциация знания,

устанавливающая разделительные линии, отделяющие одну область познания от другой, постепенно уходят в прошлое. На смену ей приходит цивилизационная компаративистика, в сопоставительном анализе выявляющая характерные черты близких и культурно удаленных друг от друга цивилизаций. Подобное цивилизационное сравнение, по мнению ученого, обладает высокой гносеологической продуктивностью и поэтому привлекает специалистов самых различных областей от экономистов до философов, благодаря чему формируется «полноценная научная традиция» [529, с. 14].

На признание эвристического потенциала цивилизационного и социокультурного подходов при решении проблем социоэкономической динамики обращают внимание такие авторы как В. Э. Багдасарян, В. А. Волконский, С. С. Сулакшин, Ж. Т. Тощенко, В. И. Якунин и другие. Характерно, что часть ученых-экономистов (Л. И. Абалкин, Л. Г. Горичева, С. Г. Кирдина, Е.Е. Румянцева, Д. Е. Сорокин, Ю. Н. Яковец и многие другие) также поддерживают данную исследовательскую установку, так как они не удовлетворены объяснительными возможностями существующих экономических теорий при анализе тех процессов, которые происходят в современном обществе и особенно в России.

В данном диссертационном исследовании мы попытались использовать концептуальный потенциал цивилизационного подхода, одновременно рассмотрев феномен экономоцентричного общества с позиций сравнительно-исторического метода, поскольку понимание названного феномена неразрывно связано с вопросом о его генезисе, указывающем на ярко выраженную пространственно-временную специфику данного социокультурного феномена. Здесь также можно указать на методологическую посылку, наиболее отчетливо артикулированную российским экономистом А. В. Бузгалиным, который отметил, что «конкретное есть не (только) результат, но вся система в ее историко-логическом генезисе-развитии-самоподрыве («закате»)» [82, с. 198].

Рассматривая вопрос о динамике экономоцентричного общества, необходимо обратиться к методологии осмысления мирового исторического развития в целом. Интересной представляется позиция тех исследователей, которые полагают, что при изучении вопросов социоэкономической динамки в некотором смысле даже можно говорить о необходимости рассмотрения «историософской парадигмы экономической политики» [531], оказавшей существенное влияние на ее ход. От теории и методологии

сегодня ожидают эвристических идей, способных преодолеть методологические клише эпохи модерна, вывести общество из состояния кризиса. Генерирование идей, способных предложить оригинальное решение накопившихся проблем, безусловно, требует «переоценки ценностей» (Ф. Ницше), открывающей перспективу для самых разных вариантов развития теоретической мысли:

Это может быть путь «реактуализации» эвристического потенциала парадигм прошлого, заявленных, но не реализовавших себя в полном объеме в силу тех или иных исторических обстоятельств; либо движение по пути создания новой парадигмы, способной выступить с идеей синтеза важнейших интенции полярных теоретических установок (рынок – план, коллективизм – индивидуализм и т. д.); наконец, перспективным может стать развитие полипарадигмального подхода, предполагающего апелляцию к субъективным предпочтениям (выбору) такого корпуса теоретических допущений и доказательств, который отвечал бы запросам конкретных субъектов социального взаимодействия.

Сегодня особый интерес вызывает именно последняя из названных методологических стратегий, отсылающая исследователей к ситуации субъективного выбора и конструирования некоторой модели, нетождественной естественному (социо)бытийному состоянию, функционирующей по искусственно созданным (личностью и обществом) принципам. Данная методологическая установка восходит к общему умонастроению современной эпохи, этапами развития которого в понимании окружающего мира в целом и социально-хозяйственных закономерностей, в частности, выступили теоретические модели, основанные на модернистских проектах экономического детерминизма (К. Маркс) и постмодернистских постулатах лингвистического монизма (Ф. Соссюр).

Развертывание названных методологических презумпций оказало самое существенное влияние на становление и развитие экономоцентричного общества, сущностные черты которого невозможно понять без учета тех императивов, которые формулируют названные концептуальные посылы. Различные по своей направленности концепции в целом зафиксировали возникновение и развитие в обществе жизненного проекта, который условно можно обозначить понятием «онтологический нигилизм» (А. Панарин).

Обратной стороной данного отрицания бытийственной основательности мира

выступает погруженность в виртуальное, фасадно-имитационное. В связи с этим актуализируется проблема знаково-символических отношений, складывающихся в обществе, предельным выражением которых выступает произвольность и условность всякого акта-действия. Таким образом, общество восходит к тому состоянию, когда оно вполне может реализовать свою просвещенческую мечту о конструировании социальности и культуры.

Социальный конструктивизм исходит из презумпции взаимозависимости научного познания, его форм, содержания и результатов от внешних обстоятельств: социальных, культурных, экономических и других. Другими словами, активно разрабатывается мысль о том, что развитие научного знания зависит от социокультурного контекста, с одной стороны, но и оказывает обратное влияние на последний, с другой. Сам факт осознания данной взаимозависимости выступает на сегодняшний день дополнительным фактором координации онтологического, гносеологического и культурного пластов социальной реальности.

Рост технологических возможностей рубежных десятилетий XX–XXI веков позволяет реализоваться принципиальной неоднородности социокультурного контекста по степени влияния его на развитие и утверждение научных идей. Насыщение данного контекста субъектами, заинтересованными в усилении доли собственного влияния на становление и развитие общественных идей в целом и научного знания, в частности, позволяющее скрывать крайнюю ангажированность собственной субъективности за общепринятыми постулатами об объективности научного знания, становится пока еще недостаточно глубоко осознанным и исследованным фактором развития социальных систем. Тем не менее, попытки связать пласт когнитивных конструкций с его предметно-практическим воплощением решительно осуществляются в современной конструктивистике. Достаточно вспомнить труды руководителя Бостонских исследований по философии науки Маркса В. Вартофского [97], фундирующим постулатом работ которого выступает положение о человеческой деятельности как движущем механизме человеческого общества и человеческой истории. Рост количества конструктивистских идей в целом, реставрация элементов конструктивисткой мысли прошлого, сообщающая современным теоретизированиям в данном направлении основательность исторической преемственности, совпадает с линиями технологических успехов общества, претендующего на постиндустриальность собственного технико-

экономического уклада.

Конструктивистские взгляды в классической и неклассической философии не представлены как самостоятельная сфера реализации философских замыслов. Отдельные идеи Дж. Беркли, И. Канта, отчасти Д. Юма, а также А. Шопенгауэра, Ф. А. Ланге, Э. Кассирера являют совокупность элементов философских посылок, экспликация содержания которых в последующем позволила выстроить фундамент тем конструктивистским идеям, которые активно разворачиваются в современной науке. Сегодня сфера влияния конструктивистских идей неуклонно растет: начиная от конструктивистских мотивов в исторической науке (Ле Гофф), конструктивизма в искусстве [115], конструктивизма в психологии (восходящего к работам по генетической эпистемологии Ж. Пиаже [343]), биологических науках (труды У. Матурана, Ф. Варела [291]), философии, в частности, эпистемологии (безусловным лидером по числу обращений исследователей к проблемам конструктивизма [226; 331]), наконец, экономического конструктивизма (В. К. Бурлачков, В. Полтерович, В. В. Попков и другие [89; 350; 351]), политического конструктивизма [537], этического конструктивизма (А. И. Бродский [78]) и т. д.

Факт влияния корпуса теоретических идей на описываемую ими реальность становится сегодня одним из безусловно признаваемых. В частности, представитель экономического конструктивизма В. М. Полтерович, рассматривая влияние экономических теорий на экономическую реальность, утверждает следующее: «Изменчивость экономических реалий отчасти коренится в обратном влиянии экономических теорий на экономическое поведение. Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием массы экономических агентов и влияют на формирование их ожиданий. Здесь имеется (возможно, поверхностная) аналогия с принципом неопределенности Гейзенберга: процесс познания оказывает влияние на познаваемый объект» [350, с. 61].

На признание связей между экономической теорией, практикой и всем социокультурным строем жизни общества указывают труды таких исследователей как Дж. Хикс «Теория экономической истории» [479], Ги Дебор «Общество спектакля» [148] и другие. В частности, французский социальный мыслитель Ги Дебор, размышляя о сущностных характеристиках современного общества, указывает на то обстоятельство, что в нем все связи из реальных превращаются в кажущиеся, реальные экономические

процессы отчуждаются в пустые знаки, в принципе могущие означать все, что угодно. Поэтому реальные процессы превращаются в игру, а социальная жизнь – в спектакль» [148].

Особый интерес здесь вызывает каузальная линия анализа, фактически выводящая автора к конструктивистской идее, указывающей на роль исследовательской рефлексии в построении описываемого им общества спектакля: «Спектакль – наследник всей *слабости* западного философского проекта, представлявшего собой понимание деятельности, в котором первенство принадлежало категориям *видения;* подобно этому сегодня он базируется на непрерывном развертывании точной технической рациональности, происшедшей из этого образа мысли. Он не делает реальной философию – он философизирует реальность. И конкретная жизнь каждого вырождается в *умозрительный* космос» [148, с. 27].

На перспективность конструктивистского подхода к осмыслению экономизированных до предела явлений современной действительности, предполагающего создание теоретического блока идей, способных созидать реальность, указывает, в частности, следующая мысль Ги Дебора: «В момент, когда общество открывает, что оно зависит от экономики, на самом деле уже экономика зависит от него» [148, с. 38]. Другими словами, автор в своих высказываниях близок ко всё более закрепляющейся в современной академической среде позиции радикального конструктивизма (П. Ватцлавик, Х. Фон Фёрстер и др.), согласно которой, исследователь заявляет о себе не только как о теоретизирующем субъекте, стремящемся отразить объективную действительность в интеллигибельных презумпциях, но стремится стать на позиции социального конструктора, инженера, задача которого заключается в том, чтобы не наблюдатель за окружающей действительностью, но формировать ее [512].

На основе изложенного выше, можно сделать следующие выводы:

1. Потенциал универсалистского подхода, оперирующего логикой линейной каузальности, рассматривающего явления современной социокультурной действительности вне конкретного исторического, политического, психологического и т. п. контекстов, в значительной мере исчерпан. Возникает необходимость обращения к плюрально-каузальным, синергетическим, конвергентным интерпретационным моделям к пониманию социокультурной динамики, комплементарно сочетающимся с цивилизационным подходом, принципами холизма, различными формами

конструктивизма (экономический конструктивизм, политический конструктивизм, философский конструктивизм, этический конструктивизм).

2. Анализ факторов современной социокультурной динамики, способствующих формированию специфического социокультурного феномена – экономоцентричного общества – требует обращения к междисциплинарному подходу при анализе проблем, возникающих на их основе. Исследование характера современной социокультурной ситуации с необходимостью требует формирования синтетического методологического пространства, образующегося на взаимопересечении исследовательских линий, восходящих к экономической теории и политэкономии, социальной философии, философии культуры и антропологии.

3. Большое значение для адекватного понимания происходящих в современном обществе процессов имеет апелляция к нормативному подходу, противостоящему абстрактной логике позитивистского объяснения социальной причинности, не позволяющей увидеть за конкретными проблемами современности их социокультурные истоки и цивилизационные перспективы.

4. Данные методологические установки соответствуют инструментарию и принципам современного (постнеклассического) этапа развития науки, благодаря использованию которых можно выявить природу и сущность экономоцентричного общества, идентифицировать социокультурные риски данного типа социума.

1.3 Инструментализация дискурса экономоцентризма в социокультурном контексте современности

Социокультурная парадигма экономоцентризма, господствующая в современном обществе, предлагает целый спектр инструментов, с помощью которых в практике повседневной жизни, а также на уровне теоретического сознания и социальных институтов (политико-правовых, экономических, морально-нравственных) могут быть развёрнуты и закреплены аутентичные ей нормы и принципы. Прежде всего, речь идет о таких неэкономических средствах, как язык, концептуализация научного знания согласно доминирующим в экономоцентричной парадигме смыслам, продуцирование и

тиражирование экономоцентричных идей на уровне общественного и индивидуального сознания, внедрение их в практику повседневной жизни и т. п. Возможность исследования подобного рода инструментария возникла благодаря трудам философов XX века, обращавшихся к проблемам символического изображения онтологических феноменов, вопросам подлинности речевых транзакций.

Настоящий прорыв в направлении осознания роли теоретических конструкций, господствующих в сознании того или иного общества, был совершен структурализмом (Ф. Де Соссюр, К. Леви-Строс, Ж. Лакан, Р. Барт, М. Фуко и др.) и позднее конструктивизмом (Н. Луман, Т. Лукман, Д. Бэккер, Б. Латур и др.), а также постмодернизмом (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Батай и др.). Открытие Фердинанда де Соссюра, вычленившего бинарную жизнь языка-речи, указавшего на разную степень осознания этой бинарности либо полной ее непредставленности на уровне культурной рефлексии, позволило не только по-новому посмотреть на проблемы мышления и сознания, но и в значительной степени расширило понимание всякого высказывания, указало на его многослойность, содержание в нем, помимо очевидно-предъявленных форм, скрытых, нерефлексируемых, но автоматически усваиваемых смыслов.

Современная лингвистика утверждает, что благодаря языку реальность для воспринимающего её субъекта приобретает специфические черты, воспринимается особым образом. Язык заставляет нас видеть мир таким, каким он представляется благодаря определенным языковым практикам, имеющим отношение к символическим обменам в целом [157; 271; 413; 457]. Для Ж. Дерриды реальность всегда сводится к репрезентации, и поэтому именно язык конструирует её, формирует некоторую идентичность и придает ей реальные черты в процессе обозначения [157]. Ж. Деррида пишет: «Внетекстовой реальности вообще не существует. <… > реальная жизнь <… > всегда была письмом» [157, с. 313–314]. Другой исследователь – американский философ У. Куайн – уверен, что всякий «.. онтологический спор должен перерастать в спор о языке» [216, с. 339]. Ж. Лакан в работе «Функция и поле речи и языка в психоанализе», размышляя о механизмах закрепления нововведений в обществе, пишет следующее: «Ирония революций состоит в том, что они порождают власть тем более абсолютную в своих проявлениях не оттого, что, как считают многие, она более анонимна, а оттого, что она в большей степени сводится к означающим ее словам» [229, с. 53]. М. Фуко полагал, что язык – это уровень первоначального структурирования реальности, на основе

которого далее вступают в силу социально-культурные механизмы более высоких уровней [415, с. 24]. По мнению М. Фуко, личность выступает как продукт доминирующих дискурсов, определяемых социальными, культурными установками и практиками [459]. Поток репрезентаций, актуализируемый посредством языка как семиотической системы, задает некоторую идентичность, в рамках которой индивид ощущает свою причастность социуму как целому.

Подобные рассуждения содержатся и в работах философов-постмодернистов. Общераспространенным для них является утверждение о том, что реальность не существует онтологически, но обретается лишь как гносеологическая проекция языковых практик, что дискурсивный продукт, символический вымысел неизбежно и ошибочно отождествляются обществом с автономной материальной сущностью [234].

Уже упоминавшийся М. Фуко в работе «Дискурс и истина» обращает пристальное внимание на то обстоятельство, что говорение – это сложный конгломерат социальной организации пространства, говорящего и собственно высказывания [457]. Данная троичность, по М. Фуко, является условием признания высказывания истинным. Здесь также раскрывается важная проблема возможности возникновения некоторого высказывания как такового. Другими словами, чтобы высказывание не только было признанно истинным, но также «проговоренным» и услышанным, необходима ситуация комплементарного взаимодействия названных элементов. В связи с этим представляется, что функционирование каждого из данных элементов (социального пространства, высказывания и говорящего субъекта) может выступать маркером, специфическим индикатором, позволяющим выявлять бытие-функцию сопряженных между собой составляющих. Изучение данной взаимосвязи позволяет проникнуть в сущность образовывающих ее элементов. В свете нашего исследования представляется необходимым обратиться к анализу высказываний, репрезентирующих содержание экономического мышления современного общества.

Отметим, что анализ экономической мысли может осуществляться на нескольких доступных для изучения уровнях, поскольку в научной классификации, данной современными исследователями, выделяют, как минимум, два уровня функционирования экономического сознания: эмпирический и теоретический [3; 12; 89; 308]. К первому, эмпирическому, может быть отнесен уровень обыденного сознания, в рамках которого осуществлен анализ состояния общественного сознания по вопросам

экономических ценностей и экономической проблематики в целом на основе устных высказываний. Данный вид анализа стал доступен сравнительно недавно – по мере развития такой отрасли знания, как социология, результаты исследовательских мероприятий которой позволяют в той или иной степени достоверно судить о состоянии общественного сознания по некоторым экономическим вопросам. Второй уровень – это анализ письменных текстов. Прежде всего, это художественная литература, в которой экономическая проблематика содержится в неявной форме, но, тем не менее, доступна для ее выявления и экспликации. Наконец, анализ специальных экономических текстов, созданных профессионалами – экономистами-теоретиками и практиками, где основные смысловые интенции, нормы и правила прослеживаются достаточно отчетливо. Именно последнему виду письменных источников – профессиональной экономической литературе, которая в научной классификации, данной современными исследователями [1; 3; 12; 359], может быть соотнесена с теоретическим уровнем функционирования экономического сознания – будет посвящен наш анализ, поскольку эти источники наиболее доступны для верификации рассматриваемых проблем.

Как указывает современная методология науки, научные описания не бывают теоретически нейтральными (Г. Мюрдаль, М. Хоркхаймер[1]), и поэтому логика ангажированного дискурса с необходимостью должна быть прояснена и артикулирована. Данная проблема носит столь острый характер, что, по мнению некоторых известных экономистов, как, например, французского ученого Мориса Аллэ, Нобелевского лауреата по экономике (1988), экономика вообще с трудом может рассматриваться как наука, поскольку «она таковой никогда полностью и не станет, учитывая, сколь сильно ее сырой материал связан с интересами и идеологиями» [8, с. 25–26]. В свою очередь, Й. Шумпетер, развивая мысль о том, что любое знание не лишено субъективизма, писал: «.. если есть хоть какой-нибудь мотив, побуждающий нас видеть факты так, а не иначе, то можно не сомневаться, что мы увидим их так, как нам хочется» [511, с. 96].

В контексте нашего исследования проблема оформления смысловой сферы общества на самых различных ее уровнях (от обыденно-практического до научно-теоретического) с помощью определенных языковых конструкций выступает одной из

---

1 Например, основатели франкфуртской школы, в частности, М. Хоркхаймер, указывали на ангажированность социальных наук, на то, что они включены в социальные структуры и всегда выражают интересы определенных социальных групп.

важнейших. В частности, обращает на себя внимание факт усиления значения экономической проблематики в ходе культурно-исторического развития социума, что нашло отражение в его языковых практиках. Как хорошо показал в своих работах Карл Поланьи, общества древности не уделяли хозяйственной сфере пристального внимания, покрывали её «завесой молчания». Под этим К. Поланьи подразумевал отсутствие на уровне языка достаточного количества понятий, которые бы подробно описывали явления хозяйственной жизни, раскрывали специфику осуществляемой в ее рамках деятельности [348]. Однако уже новоевропейское общество, проникнутое экономоцентричными идеями, уделило проблемам «экономической лингвистики» серьёзное внимание. Особый размах процесс продуцирования экономических понятий приобрел с момента возникновения экономических наук. В результате образующиеся термины не только служили инструментами аналитики, позволяющими изучать и описывать явления хозяйственного порядка, но и создавали особую оптику, благодаря которой менялось видение/понимание реальности в целом, формировалось иное отношение к ней. На самых ранних этапах своего развития экономическая наука достаточно часто прибегала к терминологическому инструментарию естественных наук, использовала биологические аналогии при описании явлений хозяйственного порядка. Специфичность категориально-понятийной сетки, апплицируемой на социально-экономическую реальность, создавала характерную интерпретацию описываемой с её помощью действительности. Благодаря названному интеллектуальному приему решались сразу несколько стратегических задач: во-первых, задача повышения «социального престижа» возникающих экономических наук (успехи естественных наук благодаря заимствованию биологической терминологии словно переносились на экономику); во-вторых, задача укрепления научного статуса и авторитета экономики. Наконец, третья задача, которая могла быть решена за счет использования лингвистического инструментария естественных наук в пространстве экономических теорий – это концептуализация ценностей экономоцентризма с предположением объективности (а потому неизбежности) утверждаемых им норм. Презумпция исключительной объективности экономического знания способствовала распространению в обществе ценностей социокультурной парадигмы экономоцентризма. Благодаря установке на объективность можно было легитимировать аутентичные названной парадигме социокультурные и хозяйственно-экономические

практики, в частности, способствовать развитию капиталистических отношений. Безусловно, третья задача не была в достаточной степени осознана носителями «духа экономоцентризма», тем не менее, ценностные ориентации, как показано современными исследователями [3; 12; 13; 196; 511], априорно выполняют эпистемологические и конструктивистские функции вне зависимости от степени понимания данного обстоятельства исследователями.

Таким образом, рождение в экономике, к примеру, таких понятий как «равновесное состояние», «конкурентный отбор», «оптимальное распределение», «функции предпринимателя» было не случайным: аналогия с естественными процессами должна была убедить общество в состоятельности, достаточности и неизбежности создаваемой экономической теории и политики.

Одним из первых, кто обратился к данной аналогии и соответствующей лингвистике, был В. Петти, которому принадлежит произведение под названием «Анатомия человеческого общества». В данном труде автор, опираясь на представления о строении и функционировании человеческого организма, предложил такую теорию трудовой стоимости, выступающую в качестве важнейшего фактора развития экономической системы, которая во многом была проникнута аналогией с живым человеческим организмом, о чем свидетельствует собственно название работы. Подобной логикой построения исследования относительно проблем развития экономики отличается труд «Экономическая таблица» французского экономиста Франсуа Кэне, начало профессиональной деятельности которого связано с медициной. Рассматривая принципы народохозяйственного баланса, Кенэ, активно используя аналогию с обменными процессами, протекающими в живом организме, указывал на существование процессов ассимиляции и диссимиляции в экономике. По поводу труда «Экономические таблицы» российский исследователь А. В. Аникин замечает, что философия стала тем мостом, который связал медицинские и экономические познания Кене, позволив французскому физиократу на основе биологических аналогий рассмотреть строение и функционирование экономической системы [16]. На применение биологических аналогий в экономических работах Ф. Кенэ обращает внимание также А. Г. Гаджиев. Он отмечает, что Франсуа Кене не только использует биологические идеи для описания экономических процессов, но и активно использует соответствующую биологическую терминологию. К примеру, А.Г. Гаджиев отмечает, что такой биологический термин как

«воспроизводство» Кене активно использует в политэкономии. Теорию социальных классов, созданную французским мыслителем, также отличает специфический терминологический инструментарий, проникнутый биологическими смыслами, предлагающий понятия «производительного» и «бесплодного» классов [113]. Активность использования биологического понятийного аппарата и идейного потенциала естественных наук при описании социальных, культурных и собственно экономических процессов проявилась в том, что к данным теоретическим приемам стали обращаться и другие французские мыслители (так появился труд П.П. Ривьера «Естественный и существенный порядок, присущий капиталистическим обществам», оформилось понятие П. С. Немура «физиократия»). Это оказало заметное влияние на мировую экономическую мысль в целом. К примеру, Адам Смит, известный представитель английской классической школы политэкономии в своих работах, посвященных законам экономического развития, опирался на идеи естественных наук, развиваемые К.А. Гельвецием. А. Смит полагал, что законы экономического развития столь же объективны, как и законы природы, в них можно найти «естественный порядок», обусловленный законами природы и законами «человеческого естества» [404]. Схожие идеи высказывал А. Маршалл, утверждавший, что понять экономику вне обращения к представлениям о природе человека невозможно. А. Маршалл рассматривал политическую экономию в русле эволюционных идей. Он предлагал выделять такие стадии экономических процессов как органический рост, распад и т.д. [196].

Автор труда «Теория праздного класса», американский исследователь Торстейн Веблен, представляющий в экономической мысли направление институционализма, утверждал необходимость использования биологических понятий «естественный отбор», «борьба за существование», «приспособление», «конкуренция» не только при рассмотрении природных процессов и систем, но и при анализе закономерностей жизни человека и общества, и, в частности, экономических процессов.

Тенденция использования биологических аналогий в целом была характерна для эпохи модерна, пытающейся найти объективное и неизменное в природе, экстраполировать названную логику на принципы социального развития. Этот вектор теоретического развития был характерен не только для экономики, но и для других наук: философии, социологии, антропологии и других. В произведении «О духе законов»

известного французского мыслителя Ш. Л. де Монтескье выдвигается идея о естественной закономерности как основе существующего мира. Ш.Л. де Монтескье пишет: «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» [303, с. 163]. Органицизм в понимании социального развития характерен для работ О. Конта и Г. Спенсера. Биологическими аналогиями при создании терминологического инструментария («зарождение», «рост», «детство», «юность», «старение» и т.п.) пронизаны труды представителей цивилизационного подхода (А. Тойнби, О. Шпенглера и других). Неудивительно, что в это время очень популярными являются идеи, развиваемые английским натуралистом Ч. Дарвином. По этому поводу британский философ Б. Рассел писал: «Чем Галилей и Ньютон были для XVII века, тем же Дарвин был для XIX века» [362, с. 869]. Нельзя не оценить роль естественных (в частности, биологических) наук в формировании новоевропейской науки. Достаточно вспомнить труд Дж. А. Гобсона «Физиология промышленности», работы основоположника тектологии А. А. Богданова, в которых он писал о законе «физиологических» затрат энергии, а также теорию *естественного* права, концепцию *естественного* происхождения государства и т. п.

При этом стоит обратить внимание, что естественнонаучная терминологическая модель в снятом виде разрешала вопрос в развернувшейся в XIX веке дискуссии о нормативности и позитивности научного знания вообще и экономического знания, в частности, в пользу нормативного подхода. Внешне позиционируя себя как позитивное знание, внутренне – через специфическую экономическую лингвистику – экономическая теория апеллировала к должному, а не к действительному, фактически существующему. Такие термины как «совершенная конкуренция», «равновесие», «свободный рынок», «оптимальный валютный курс» и многие другие используют потенциал тех идей, которые уже получили культурную легитимность со стороны общества: они отсылают к социальным просвещенческим идеалам свободы, рациональности (понятой как сочетание желательной практичности и логичности – оптимальность), эталонного социального действия (указание на возможность совершенного социального и экономического устройства – «совершенная конкуренция») и т. д.

Данную проблему осознают и современные экономисты. Д. Макклоски в своей работе «Риторика экономической науки» (1985) утверждал, что экономическая наука – это, прежде всего, риторика, т. е. наука убеждать [271]. Г. Мюрдаль писал, что «сила

слова формирует мысль» [196, с. 753]. Российские экономисты В. Автономов, О. Ананьин, Н. Макашева и другие, пытаясь осмыслить проблему влияния языка экономики на общественное сознание, указывают, что многие экономические термины «неявно привносят положительную оценку соответствующих явлений» [196, с. 753]. В частности, обращается внимание на следующее: «.. формальный смысл понятия равновесия как оптимального в определенном смысле состояния часто уступает место представлению о нем как о хорошем, желательном состоянии вообще. Соответственно, равновесные цены приобретают «свойства» правильных, хороших цен» [196, с. 753]. Далее они рассуждают следующим образом: «Отдельного упоминания заслуживают термины, включающие прилагательное «естественный». Само использование подобных терминов свидетельствует о том, что экономическая наука исходно была тесно связана с философией естественного закона, в которой норма воспринималась как основанная на природе вещей. Сегодня происходит нечто обратное. Мы встречаемся со словом «естественный» в смысле «неизбежный» и «желательный», причем часто одновременно. Таков смысл терминов «естественная норма безработицы» или «естественный уровень инфляции». Когда этот термин употребляется, *мало кто помнит о предпосылках модели, в рамках которой это понятие было формально введено* (курсив здесь и далее в цитате наш. – С. С.), а именно, что это тот уровень безработицы, снижение ниже которого методами стимулирования агрегированного спроса приводит к ускорению инфляции. «Естественная» безработица воспринимается как неизбежная, но *не в модели, а в реальной жизни*» [196, с. 753].

Здесь уместно обратить внимание на еще одно обстоятельство. Экономическая наука, сосредоточившись на предметах собственного интереса (получение богатства), за названной уплощенной логикой не только не желает быть причастной к социокультурной полноте общественной жизни, но и в собственно хозяйственной жизни предпочитает реализовывать дискретный подход, остановив свое внимание на интересующем ее объекте. Данный факт можно рассмотреть на примере решения проблемы факторов производства. К числу таких факторов, начиная от Д. Рикардо, экономисты стремились причислить лишь видимые, дающие непосредственные и осязаемые результаты, поддающиеся количественному учету объекты (например, такие, как труд, земля и капитал), но тот факт, что вопрос о факторах производства может быть рассмотрен намного шире, хорошо иллюстрируют, к примеру, размышления по данному

вопросу классика русской литературы Л. Н. Толстого. В своем произведении «Так что же нам делать?» Лев Николаевич рассуждает: «Вот вокруг меня, в то время как я пишу это, совершается производство сена. Из чего слагается это производство? Мне говорят: из земли, которая вырастила сено, из капитала – кос, граблей, вил, телег, нужных для уборки сена, и из труда. Но я вижу, что это неправда. Кроме земли принимают участие в производстве сена солнце, вода, общественное устройство, оберегавшее эти луга и травы, знания рабочих, их умение говорить и понимать слова и еще много других факторов производства, которые почему-то не признаются политической экономией» [433]. Писатель усматривает в факте создания некоторой товарной единицы целостный процесс хозяйственной деятельности, разворачивающийся не только в собственно экономической сфере, но тесно сопрягающийся с широким спектром природных условий (природно-климатических, географических и т. п.), а также с культурой человеческого сообщества. Такой широкий подход, безусловно, затрудняет создание абстрактных показателей, способных укладываться в математические схемы экономических исчислений, зато он предполагает комплексное в*и*дение реальных объектов во всем многообразии их связей с окружающим миром. Дистанцирование от реального многообразия и сложности мира не позволяет учитывать все те резонансные воздействия, которые оказывает накопительная деятельность на самые разнообразные стороны человеческого и природного мира.

Как показывал еще Аристотель, непрерывность и бесконечность накопительной деятельности противоречит реальным запросам хозяйствования, сродни безумию. Она не созидает, а разрушает социальность и хозяйство [23]. Экономическая наука, обособившись в самостоятельную область исследования, была склонна к осуществлению «экономической редукции» по отношению к реальности, что незамедлительно сказалось на характере тех методологических подходов, которыми она оперировала. Наиболее показательным в этом отношении является феномен «экономического империализма». Влияние данного течения на общественное и индивидуальное сознание современного общества трудно переоценить. Российский ученый М. И. Левин в предисловии к книге «Человеческий капитал» одного из ведущих представителей «экономического империализма» Г. Беккера отмечает, что труды данного автора оказали колоссальное влияние практически на все области социально-экономических исследований [48, с. 11].

Известный экономист Р. И. Капелюшников также пишет о чрезвычайной популярности трудов Г. Беккера среди современных экономистов, особо обращая внимание на многократное переиздание опубликованных Бэккером работ, многочисленные ссылки на высказанные американским ученым идеи, получившие статус классических. В частности, Р.И. Капелюшников пишет о Г. Бэккере: «Переворот, совершенный им в изучении рынка труда, был столь глубоким, что сегодняшнюю экономику труда с полным основанием можно назвать «постбеккерианской» [48, с. 646].

Следует отметить, что популяризация и тиражирование некоторых идей являются важнейшим механизмом влияния на общественное и индивидуальное сознание, что хорошо представлено современной социогуманитарной (философской, психологической, политологической и т. п.) наукой. Например, профессор Оксфордского университета Ром Харре обращает внимание на тот факт, что характер рефлексии влияет на самовосприятие субъектов. В частности, в работе «Конструкционизм и основа знания» он пишет: «Когда христиане начали говорить о «природе человека» и эти разговоры стали приниматься всерьез миллионами людей в последние дни Римской империи и за ее пределами, кем бы ни были люди до того, как Константин провозгласил христианство официальной религией Римской империи, они стали думать о себе в христианских терминах» [476, с. 75.]. Известный французский социальный психолог Серж Московичи в своих работах убедительно показал, что, ознакомившись с трудами З. Фрейда, французы стали демонстрировать черты фрейдистского характера в большей степени, чем до знакомства с трудами знаменитого психоаналитика [563].

Несмотря на то, что развернутое научное обоснование факту информационного влияния на сознание человека получено в XX веке, а инструментализация названных механизмов стала доступна лишь с развитием гуманитарных наук, данное обстоятельство осознавалось и использовалось обществом достаточно давно. В частности, узаконивание и стереотипизация экономического дискурса были известны западноевропейскому обществу еще на заре становления капиталистических отношений. Еще в конце XIX – начале XX вв. определенная часть интеллектуальной элиты России ратовала за то, чтобы легитимировать, по примеру Западной Европы, в общественных практиках экономический императив. Например, известный экономист того времени, обрусевший немец И.К. Бабст, посвятил названной проблеме книгу «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», в которой высказывал

мысль о том, что активное стремление к материальному преуспеянию напрямую связано с нравственностью, является неотъемлемой чертой благополучия общества в целом: «Не раз случалось нам слышать возгласы против промышленного, материального направления нашего века и преимущественно Западной Европы; нередко говорится о новом Вавилоне, о поклонении золотому тельцу, о том, что все нравственные интересы принесены в жертву интересам промышленным, и затем все нападки обрушиваются на науку о народном хозяйстве. <…> Нет, промышленное направление нашего века – это великий шаг вперед. Горе тому народу, который теряет всякое *желание к улучшению своего экономического быта* (курсив наш. – С. С.) <…> он теряет с этим вместе сознание своего нравственного достоинства, сознание человечности <…> желание довольства заключает в себе залог всего прекрасного и благородного в народе. <…> Материально выгодно обеспеченные народы всегда почти бывают и нравственно и политически развиты» [32, с. 106]. Реальность современного социума и культуры ставит под сомнение положение И.К. Бабаста о неразрывном единстве стремления к материальной обеспеченности и успешности культурного развития. Факты свидетельствуют о том, что наиболее богатые страны не только не демонстрируют высоких эталонов духовности, но, напротив, вытесняют этическое измерение жизни на периферию социокультурной нормативности [31; 80; 95; 107; 193; 215; 336; 392; 401; 462; 542].

Рассматривая труды И.К. Бабаста, интересно обратить внимание на то обстоятельство, что проблему улучшения материального состояния общества (увеличение богатства народа) русский экономист предлагает решать не исключительно экономическими методами, но и неэкономическими, в том числе. В частности, он предлагает обратить внимание на сферу общественного сознания и сформировать специфическую экономическую рациональность посредством распространения экономических понятий. Именно недостаточно сформированное экономическое мышление является, по мнению И.К. Бабста, препятствием для улучшения материального благополучия общества: «Распространение здравых экономических понятий составляет одну из самых необходимых потребностей нашего общества. <…> Можно сказать, что большая часть несчастий, обрушившихся на бедные слои народонаселения, большая часть заблуждений в экономических мирах происходят от недостатка здравых экономических понятий. Это поняли уже в Европе, и лучшим

ответом на этот животрепещущий вопрос современности служат сотни мелких брошюр, в которых самым доступным для народа образом обработаны главные положения науки народного хозяйства» [32, с.107]. Размышления русского экономиста показывают, что И.К. Бабст обратил внимание на факт целенаправленного формирования экономической рациональности в недрах народного сознания, осуществляемого элитами общества. Можно предположить, что смена доминант мышления на уровне индивидуального и общественного сознания в отношении явлений экономической жизни в новоевропейский период общественного развития происходила не только (и не столько) естественным путем, сколько благодаря направленному воздействию со стороны элит общества. Смена культурных приоритетов является неотъемлемой составляющей любых революций, о чем убедительно пишут современные исследователи [179]. Буржуазные экономические и политические революции, произошедшие в Европе того времени (Англия, Нидерланды, Франция и т. д.) не являются исключением: они заложили основу для смены образа окружающей социальной действительности и образов самих себя у субъектов социального взаимодействия. В частности, начиная с XVII века в обществе получили активное хождение «купеческие книги», использующие, выражаясь словами В. Зомбарта, «купеческие лексиконы», основное назначение которых заключалось в формировании через поучения и конкретные наставления у людей всех возрастов (прежде всего купеческого сословия) представлений о должном построении собственной жизни на принципах разумности, экономности, практичности, пользы. Распространение «купеческих книг» было далеко не единственной попыткой оказать формирующее влияние на сознание самых широких слоев общества, сообразно запросам набирающей силу эпохи промышленного капитала. Популярность набирают труды крпных общественных и политических деятелей, писателей, влиятельных в деловых кругах людей, также предлагающих свои размышления и наставления по вопросам организации экономической жизни и установления принципов экономического поведения в обществе. В частности, здесь могут быть названы труды Л. Б. Альберти, посвященные вопросу обустройства семейной жизни на основе «святой хозяйственности», произведения Д. Дефо и А. Савари, которые оказали достаточно сильное влияние на новоевропейское общество. Безусловно, это и опубликованное как самостоятельное произведение с характерным названием «The Way to Wealth» («Путь к богатству») обращение Авраама Линкольна к народу. По поводу последнего произведения известный немецкий социолог

Вернер Зомбарт отмечал, что оно пользовалось колоссальной популярностью в обществе: «Оно было перепечатано во всех газетах и распространено *по всему земному шару* (курсив наш. – С. С.). 70 изданий его вышло на английском языке, 56 – на французском, 11 – на немецком, 9 – на итальянском. Это сочинение было сверх того переведено на испанский, датский, шведский, уэльский, польский, галльский, русский, чешский, голландский, каталонский, китайский, новогреческий языки и на фонетический способ письма (Phonetic writing). Оно печаталось, по крайней мере, 400 раз» [цит. по 187, с. 127]. Не менее популярными были альманахи, выпускаемые ежегодно известным политическим деятелем Бенджамином Франклином, в которых автор подробно освещал вопросы, связанные с проблемой приумножения богатства не только элитных слоев общества, но и рядовых обывателей. Для достижения богатства, по мнению Б. Франклина, необходимо соблюдать в повседневной жизни определенные принципы (умеренность и прилежание): «Не растрачивай никогда времени и денег, но делай всегда из обоих возможно лучшее употребление» [цит по: 187, с. 125], – пишет он в своих альманахах. Огромная популярность трудов Б.Франклина, возникшая в новевропейский период развития общества (конкурирующая даже с традиционно высоким интересом к библейским текстам), свидетельствовала о том, что самые широкие слои общества не остались безучастны к идеям накопительства, стремления к прибыли, материальному преуспеянию в целом. И если традиционное общество в значительной степени интересовалось проблемами организации собственного мышления (благодаря чему высокую популярность имели «Начала» Евклида), то оформляющееся по экономоцентричным принципам новеевропейское общество безусловный приоритет в определении собственных стремлений и интересов отдает вопросам экономического порядка. Это позволило В. Зомбарту обозначить названную заинтересованность общественного сознания «мещанским духом», проникнутым которым, по его мнению, оказались не только низы, но и элиты общества [187].

Данные метаморфозы, происходящие в недрах общественного сознания, были отнюдь не случайными. Для успешного развития капиталистической системы необходимо было широкое распространение экономических императивов, нужны были экономически мыслящие субъекты социального взаимодействия, на добровольной основе включающиеся в тот тип отношений, который обеспечивал бы развитие и дальнейшее распространение в обществе капиталистических идей и самых

неожиданных социальных практик, глубоко противоречащих ранее сложившимся традициям, таким как родовое наследование власти, господство морально-нравственных и религиозных императивов в построении общественных взаимодействий, запрет на финансовые спекуляции и соответственно маргинализация профессий, связанных с финансами (ростовщика, банкира) и т. п. Данное обстоятельство не осталось вне исследовательской рефлексии интеллектуальной элиты новевропейского общества. Например, известный французский мыслитель Ш. Монтескье по этому поводу писал: «Все погибнет, если выгодная профессия финансиста обещает стать еще и *уважаемой* профессией. Тогда отвращение охватит все другие сословия, честь потеряет свое значение, медленные и *естественные* (курсив наш. – С. С.) способы выдвинуться не будут применимы, и правительство будет потрясено в своих коренных основах» [303, с. 143]. Характерно, что данное неуважение к профессии финансиста (как генетически связанной с профессией ростовщика), фиксируемое Монтескье, собственно эпоха накопления капитала не игнорировала, как не имеющее отношения к экономическим транзакциям, но обращала на него пристальное внимание, поскольку сама система финансовых отношений в значительной, если не сказать в решающей, степени строится на таком «нематериальном активе» как доверие, вера, что прекрасно осознавал и описывал в своих работах еще К. Маркс. Рассуждая о перспективах развития кредитной системы в условиях промышленного производства, он указывал на такой фактор, как вера в основные составляющие ее элементы: «В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Лишь *вера* дает спасенье. Вера в денежную стоимость как имманентный дух товаров, *вера в способ производства и в его предустановленный порядок* (здесь курсив наш. – С. С.), *вера* в отдельных агентов производства как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала» [285, с. 141].

Капиталистическая система чрезвычайно нуждалась в символическом, социокультурном, сопровождении собственных транзакций, легитимирующем в глазах общества осуществляемую банками деятельность, поэтому труды Б. Франклина были далеко не единственными апологиями накопительной деятельности. В «Капитале» К. Маркса приводится пример сочинений, принадлежащих перу Дж. М. Белла, управляющего банком в Шотландии, которое посвящено отнюдь не бухгалтерским отношениям финансовых расчетов, но морально-нравственному облику банкира: «Банки

суть учреждения религиозно-нравственные. Как часто юный купец порывал с обществом шумливых и разгульных друзей из страха перед бдительным и неодобрительным взглядом банкира! <…> Нахмуренный лоб банкира оказывает на него более сильное влияние, чем все моральные проповеди его друзей; он трепещет при мысли, что к нему станут относиться подозрительно, если он окажется повинным в обмане или хотя бы малейшем уклонении от истины; <…> так как в результате его кредит в банке может быть ограничен или даже совсем закрыт! Совет банкира для него важнее, чем совет священника» [285, с. 92].

Обращает на себя внимание несколько обстоятельств:

– во-первых, уже к XIX веку (время написания брошюры Дж. М. Беллом) в обществе тиражировались идеи, согласно которым, человеческое достоинство может измеряться по критерию кредитоспособности («человек, достойный кредита»). О проблемах, возникающих в социальных коммуникациях в результате закрепления в обществе данной экономической идентификации, активно пишут современные психологи [151, 418; 516]);

– во-вторых, формируемый образ банкира как морального цензора («важнее священника»), с одной стороны, убеждает, что рост банков способствует стабилизации, благополучию и моральной умеренности общества, с другой, – что сами банкиры – люди, реализующие социально безупречные стратегии поведения.

Необходимость использования социокультурных инструментов в деле утверждения экономоцентричной ориентации социума может быть раскрыта в контексте идей представителей институционализма. Классики данного направления мысли – П. Бергер и Т. Лукман – предложили концепцию хабитуализации (опривычивания) как основу процессов институционализации [55]. Согласно данной концепции, часто повторяющееся действие становится своеобразным эталоном и может воспроизводиться без усилий. Важным следствием данного упрощения является уменьшение числа выборов поведенческих норм. Названные разработки, равно как и собственно теория габитуса П. Бурдье [87], а также идеи лингвистической относительности Э. Сепира [396] и онтологической относительности У. Куайна [234], стали тем каркасом, благодаря которому во второй половине XX века были пересмотрены идеи субъектности. Согласно данным предпосылкам теоретизирования, социальная жизнь рассматривается как протекающая преимущественно в рамках социальных стереотипов и иррациональных

привычек. Субъект утрачивает свойства рационального и ответственного агента, которые вменялись ему эпохой модерна. Существенную роль в формировании «хабитулизированного» субъекта играют концептуальные схемы, предлагаемые сообществом, описывающие мир по определенной схеме.

Экстраполируя идею хабитуализации на теорию экономоцентричного общества, можно сказать следующее: распространение идеологии экономоцентризма, соответствующих ей практик в повседневной жизни (товаризация отношений, абсолютизация обмена и т. д.) приводит к «опривычиванию», восприятию названных феноменов как нормальных, без ощущения «иначе возможного», благодаря чему происходит институализация свойственных экономоцентризму норм и принципов.

Эмансипирующая по отношению к традиционно существовавшим в культуре нормам роль финансово-экономических смыслов со временем неуклонно росла: современный мир, проникнутый логикой глобализационных процессов, основой которых выступает развитие экономики, в собственных объединительных тенденциях усматривает возможность экономическими критериями измерять не только социально-хозяйственные отношения, но и политические, культурные и даже духовные процессы. Наглядным примером этому может служить то обстоятельство, что с середины XX века экономические показатели деятельности (конкуренция, прибыль и т. д.), а также методы оценок (количественный подход, математический анализ) и т. д. стали активно распространяться на сферы, весьма далекие от экономики.

Первые попытки применить экономический подход и экономические модели к неэкономическим проблемам были предприняты еще в 1950-х годах американским исследователем Г. Беккером. Пилотажное приложение экономических идей было реализовано в сфере политики[1]. В частности, анализу подверглось политическое поведение граждан в период голосования на выборах [3; 48; 201].

Впоследствии идея рассмотрения сферы политики с экономической точки зрения нашла достаточно много приверженцев. Например, сюда относится труд Дж. Бьюкенена и Г. Таллока «Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии»

[1] Эти идеи уже присутствовали в политическом дискурсе элит общества несколько раньше. Еще Джеймс Медисон – четвертый президент США (1809–1817), один из «отцов-основателей» Америки – ориентировался на экономический подход при взглядах на политику. В теоретическом варианте эти идеи высказывались на рубеже XIX–XX веков шведским экономистом Кнутом Викселлем (1851–1926). Викселль одним из первых предложил экономическую интерпретацию политики как сложного, взаимовыгодного обмена между рядовыми гражданами и структурами, которые они создают для организации общества [91].

(1962), в котором авторы предложили применять экономический подход к исследованию основных проблем политической жизни (эта книга, что характерно, имеет самый высокий индекс цитируемости среди всех работ Бьюкенена и вошла в число книг, которые стали основанием для присуждения ему Нобелевской премии), а также разработанная в 1974 г. Анной Крюгер теория политической ренты, рассматриваемой как стремление получить экономическую ренту с помощью политического процесса, и другие работы.

В 1960-е гг., используя аналитический инструментарий «методологического индивидуализма», это течение не только потеснило традиционные экономические теории в объяснении процессов, происходящих с обществом и человеком (такие, как кейнсианство и классический институционализм), но и распространилось на психологию, демографию, историю, право, политологию, культуру, социологию и т. д., рассматривая любую сферу человеческой деятельности как рынок. Соответственно, во главу угла человеческой коммуникации была поставлена конкуренция рационально действующих субъектов, «максимизирующих индивидуальную полезность».

Упоминавшийся известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии Г. Беккер, выражал уверенность в том, что экономический подход является универсальным, его можно применять к максимально разнообразным социальным процессам и явлениям. В своих трудах он указывал на то, что экономический подход может объяснить поведение абсолютно любого социального субъекта безотносительно того, какое положение он занимает в обществе, каков его социальный статус, уровень доходов, образованности, род профессиональных занятий. Данный подход применим при рассмотрении всех видов человеческого поведения вне зависимости от того, являются ли они рациональными или эмоционально обусловленными, поддающимися принятым в обществе правовым и культурным регламентациям или выходящими за их пределы [48, с. 35–36]. В частности, Г. Бэккер рассуждает: «Экономический подход не проводит концептуального разграничения между решениями важными и малозначащими, скажем, такими, которые касаются вопросов жизни и смерти, с одной стороны, и выбором сорта кофе – с другой; или между решениями, пробуждающими, как полагают, сильные эмоции, и эмоционально нейтральными (например, выбор супруга или планирование количества детей в противоположность покупке красок); или между решениями людей с неодинаковым достатком, образованием и социальным

положением» [48, с. 35].

Беккер описывает сущность разработанного им экономического подхода как единство трех составляющих: субъектов экономического взаимодействия, ориентированных на максимизирующее поведение, рынка, находящегося в ситуации равновесия и такого личностного феномена как стабильность предпочтений [48, с. 32]. Под максимизирующим поведением автор подразумевает рассмотрение любых объектов с позиции максимальной полезности и богатства. Рыночное равновесие он рассматривает исходя из предположения о том, что рынки, созданные в пределах различных стран и регионов планеты, принципиально неравны с точки зрения эффективности согласования действий субъектов экономического взаимодействия (физических лиц, предприятий и даже государств). Стабильность предпочтений, согласно Г. Беккеру, указывает на неизменность желаемого различными людьми на протяжении достаточного длительного времени, вне зависимости от того, беден человек или богат и каков уровень его культуры [48, с. 32].

Благодаря распространению и высочайшему признанию, которое получил экономический подход в среде интеллектуалов, собственно экономика существенно продвинулась в своих возможностях по легитимации экономически ангажированной нормативности в неэкономических сферах социального функционирования. В данном процессе активно используется ресурс «экономической лингвистики». Собственно в экономике в научный оборот введен целый класс новых, если можно так выразиться, «гуманитарноориентированных» понятий, таких как: «информационные человеческие ресурсы», «образовательный информационный продукт» («информационный доход»), «интегральная ценность образования», «интегральная отдача от вложений в образование», «функциональный оборот человеческого капитала», «информационный товар», «норма прибыли на высшее образование», «рентабельность высшего образования», а также «износ человеческого капитала», который предлагается в случае заключения договоров между предприятиями поместить в графу «нематериальные активы» и т. п. Генерирование и усвоение данных понятий указывает на то обстоятельство, что общество признало возможность-право экономической науки апплицировать свои специфические методы на огромное число не относящихся к сфере экономики явлений.

Обратим внимание на тот факт, что если на первых этапах развития

рефлексирующей составляющей экономических отношений – экономической теории – она еще достаточно откровенно проговаривала свои социокультурные установки – предпосылки собственного теоретизирования, то в последующем отказалась от этой практики, предпочитая за безликими категориями скрывать истинные интересы собственных теоретических постулатов. Анализ теоретического корпуса экономических теорий, возникших в эпоху становления индустриально-рыночного хозяйства, тех, которые относят к результатам собственно экономического научного теоретизирования, показывает, что, несмотря на кажущееся разнообразие представленных идей (меркантилизм, физиократы, классическая экономическая теория, маржинализм, институционализм и т. д.), все они могут рассматриваться как имеющие одну парадигмальную метаориентацию – на решение вопроса о том, как обеспечить рост богатства. Здесь, по справедливому замечанию В. В. Радаева, богатство выступает как особый феномен, противостоящий в своей предметной сущности бытию человека, которому вменяется целевая функция по производству и воспроизводству этого богатства [359].

К примеру, классик политэкономической мысли А. Смит свое первое произведение, посвященное непосредственно проблемам экономики, называет «Исследование о природе и причинах богатства народов» и пишет в нем совершенно определенно о том, что цель политэкономии — в обеспечении богатства: «Политическая экономия, <…> *ставит себе целью обогащение* (курсив наш – С. С.) как народа, так и государя» [404, с. 8].

Дж. Н. Кейнс прямо пишет, что цель политэкономической науки – исследование богатства: «.. в экономической литературе выражение *экономический* употребляется, вообще говоря, просто как прилагательное, соответствующее существительному *богатство*. <…> под экономическим фактом разумеют всякий факт, относящийся к явлениям богатства; под экономическою деятельностью – виды человеческой деятельности, которые направлены на создание, присвоение и накопление богатств; а под экономическими обычаями и учреждениями – обычаи и учреждения человеческого общества, относящиеся к богатству» [209, с. 3].

Если обратиться к названиям трудов ученых-экономистов с самого раннего этапа развития экономической науки, то нетрудно заметить, что предмет анализа в массиве многообразных и широко представленных теорий практически один и тот же – тема

богатства, проблема его роста и накопления. Конечно, богатство само по себе достаточно сложная и многогранная категория, поэтому различные школы экономической мысли могли выделять различные аспекты его понимания. Богатство можно понимать по-разному: условно говоря, «в вертикальной» и «в горизонтальной» плоскости. В «вертикальной» логике богатством является то, что превышает меру достаточного, т.е. уровень удовлетворения жизненных нужд при богатстве выше, чем необходимо и достаточно человеку для жизни. В «горизонтальной» логике, как богатство может расцениваться доход, если он у одного человека значительно выше, чем у других людей, в сравнении с ним. Тем не менее, общая интенция теоретиков экономической мысли выстраивать свои теоретические разработки в рамках заданного императива ориентации на богатство – очевидна. Названия первых работ по политэкономии чаще всего содержат в себе слово «богатство», прямо указывая на интересующий феномен, либо, если термин «богатство» не фигурирует в названии, направленность мысли на данный предмет легко реконструируется из содержания конкретных работ.

Российский экономист В. В. Радаев пишет: «Считается, что маржиналисты коренным образом изменили объект анализа, избрав им «мир субъекта». Но так ли это на самом деле? Ведь в центре внимание маржиналистов – мир полезностей, потребительных стоимостей, редких благ и т. д. Разве это не то же (хотя и несколько с другой стороны) «богатство»?» [359, с. 123]. Далее автор акцентирует внимание на следующем: «… один из предшественников маржинализма О. Курно назвал свою работу «Исследование математических принципов в теории богатства» (1838). В работе А. Маршалла лейтмотивом была проблема «неравномерности распределения богатства». Основатель американской школы маржинализма Дж. Б. Кларк называет свои работы «Философия богатства» (1886), «Распределение богатства» (1889). Работы В. Парето, А. Пигу посвящены проблемам распределения богатства в обществе и т. д. Дж. М. Кейнс выдвинул свою знаменитую концепцию, заботясь, прежде всего о более полном использовании имеющегося потенциала страны с тем, чтобы увеличить производимый общественный продукт. Иронией судьбы можно назвать то обстоятельство, что ярый критик существующей экономической теории Т. Веблен свои основные труды «Теория праздного класса» (1899) и «Абсентеистская собственность» (1924) посвятил критике классов, по сути, не принимающих реального участия в производстве

богатства» [359, с. 118].

На идейную взаимосвязь и даже прямую взаимную поддержку интересов нарождающегося класса буржуазии и классиков философской мысли новоевропейского периода развития общества указывают самые различные исследователи. К примеру, К. Маркс указывал, что в своих рассуждениях философы Дж. Локк, А. Тюрго и другие пытались дать оправдание существованию ссудного процента как необходимого условия не только банковской системы, но и всего строя социально-экономических отношений [284]. Прослеживая общий ход эволюции новоевропейской философии, русский историк философии, публицист и литературный критик В. М. Шулятиков (1872–1912) усматривает прямое влияние зарождающегося класса буржуазии и инициируемых им типов отношений (капиталистических) на идейный комплекс философских посылок, лежащих в основе мыслительных конструкций известных философов XVII–XX веков. Сквозь данную генеральную установку автор рассматривает труды Декарта, Спинозы, Лейбница, Беркли, Юма, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Вундта и других. Он приходит к выводу, что фундаментальные постулаты новоевропейской философии возникли не случайно, но были результатом, с одной стороны, объективных тенденций развития капиталистических отношений, с другой – продиктованы запросом собственно самой буржуазии, требовавшей все большего количества людей для рекрутирования их в ряды социальных субъектов, выстраивающих отношения по принципу капиталистического взаимодействия.

К примеру, в картезианстве В. М. Шулятиков обращается к двойному дуализму данного учения – противоположению Бога и мира, души и тела, а затем показывает, что данная дуальность возникла в результате реализации социального запроса третьего сословия на обоснование собственных социально-экономических практик, выступающих жесткой антитезой средневековому типу хозяйствования с его цехово-профессиональной организацией производства и феодальными иерархически-покровительственными отношениями. Русский мыслитель пишет: «Философия отныне – верная служанка капитала. Знаменитый путь *сомнения*, которым шел Декарт, создавая свою систему, <…> являлся идеологическим отражением пути, по которому развивались новые хозяйственные формы <…> Цеховой способ присвоения продуктов сменяется капиталистическим: выдвигается проблема познания. <…> Старые гносеологические предпосылки, заявляет Декарт, изжили свой век. Нельзя при помощи средств,

рекомендованных старой, школьной философией, получать истинные знания о вещах. Познавательный механизм должен быть во всех своих частях пересмотрен. В подобном «пересмотре» Декарт, как известно, и видел главную задачу своей философской деятельности, видел «новое откровение», сообщенное им миру» [510, с. 33].

По мысли В. М. Шулятикова, в концептуальной разработке постулатов, вошедших в идейных корпус «нового откровения», принимали участие и другие новоевропейские мыслители: Спиноза, Лейбниц, Беркли, Юм и т. д. В философии Спинозы автор усматривает апофеоз обоснования поглощения производителей мануфактурным капитализмом, в философии Лейбница — апофеоз организационного строительства мануфактуристов. Учение о предустановленной гармонии, представления о пространстве и времени, учение о монадах и т. д. – все это в трудах Лейбница, по мысли названного философа, связано с выражением запросов принципов буржуазности в целом и нарождающегося мануфактурного производства в частности.

В трудах Г. Лейбница можно найти прямые указания на экономоцентризм его методологии: «При творении мира он <Бог> избрал план возможно наилучший, соединяющий в себе величайшее разнообразие с величайшим порядком. Наиболее *экономическим образом* (курсив наш. – С. С.) распорядился он местом, пространством, временем: при помощи наипростейших средств он произвел наибольшие действия» [259, с. 332]. Вменение Богу *экономического образа действия*, идентификация его с «собственником образцово поставленного предприятия» указывает на ангажированность логики Г. И. Лейбница, сориентированность ее на нормы капиталистических отношений, складывающихся в современную ему эпоху.

Подобные презумпции питают логику философских размышлений и других новоевропейских мыслителей. Интерпретация взаимоотношений, складывающихся между основными группами, участвующими в промышленном производстве, существенным образом влияет на порядок и связь понятий, разрабатываемых в той или иной философской системе. Данная тенденция прослеживается достаточно отчетливо, к примеру, в творчестве Д. Юма, экономическая направленность произведений которого позволяет рассматривать его как идеолога капиталистического слоя общества. Размышления об организующем человеческую деятельность начале, связанном с его жизненным опытом («Трактат о человеческой природе», «Исследования человеческого разумения»), выводят на идею безличного верховного руководящего начала,

управляющего деятельностью личности и общества, очень напоминающего верховенство безликого капитала над организацией промышленного производства. Другими словами, эпоха капитализма ждала своих теоретиков и разработчиков, провозвестников важнейших постулатов аутентичных ей норм, и она породила таких глашатаев в виде интеллектуальной, прежде всего, философской, элиты общества, с энтузиазмом воспринявшей идеи самовозрастания капитала, безграничного увеличения прибыли.

На сегодняшний день у отдельных исследователей прослеживается и более радикальная позиция по вопросу о роли европейской философии в деле развития капиталистических отношений. Они высказывают мысль о том, что европейская философия – инспирированный проект для решения насущных задач восходящего третьего сословия: «..народившаяся на свет европейская философия, вероятно, появилась на свет для того, чтобы выполнять «социальные заказы» тех, кто был заинтересован в строительстве капитализма» [205, с. 55]. В частности, по мнению данных исследователей, абсолютизация принципа «война всех против всех», придание ему статуса естественного и объективного (в том или ином виде эту мысль проводили Ф. Бэкон, Дж. Беркли, Д. Юм, Дж. Локк, Т. Гоббс) являлось необходимым условием для утверждения в обществе норм конкуренции, отрицания принципа родовой преемственности власти [205, с. 55–56]. Сомнения высказываются и по поводу нейтральности, объективности высказанных положений философии М. Вебера: «Думается, что популярность теории Вебера заключается вовсе не в ее научных достоинствах. «Веберизм» как идеология оказался востребованным для оправдания капитализма. Суть этой идеологии в том, что капитализм получает религиозное оправдание, <…> тем самым принцип капиталистического накопления окрашивается в самые светлые моральные тона. По теории Вебера, «подлинный» капиталист – это верующий аскет, живущий очень скромно и вкладывающий всю прибыль в производство, причем делает это он не ради прибыли, а ради Бога» [238].

Российский исследователь А. И. Фурсов указывает на роль такого издания как «Энциклопедия» в деле формирования общественного сознания, как на уровне элит, так и на уровне широких масс общества по схемам, отвечающим логике капиталистических отношений. В частности, он пишет: «Энциклопедия продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну и социально

ориентированная и идейно упакованная информация (информация специального и политического назначения), каково ее воздействие на элиты, ставящее их под воздействие определенного информпотока и открывающее таким образом влиянию капиталистической системы. <…> По сути «Энциклопедия» – это первый пример успешной информационной войны эпохи Модерна, причем войны двойной: энциклопедистов и тех, кто стоял за ними, против Старого Порядка за умы и сознание элиты и войны между основными кланами самих энциклопедистов за то, кто будет влиять на элиту и получит главные дивиденды от этого» [463, с. 180–181].

На негативный характер «Энциклопедии», заключающийся в том, что данное издание ставило своей целью разрушить культурные основы традиционного общества, обращал внимание еще К. А. Сен-Симон [395]. Сам замысел энциклопедистов – представить весь мир и все познание мира посредством языка и в алфавитном порядке – оказал самое решительное влияние на умонастроение эпохи, увлек общество идеями социального конструирования, возможности создания совершенного порядка, не говоря уже о содержательной стороне представленных в данном труде текстов. Тем не менее, несмотря на столь очевидную роль, которую в деле становления капиталистического общества сыграла философско-просветительская мысль новоевропейского периода, значение данного обстоятельства не в полной мере осознается современным обществом.

Другими словами, конститутивно-формирующая (конструирующая) роль интеллектуально оформленных идеологем, теорий, концепций и т. д. в деле становления и развития капиталистических принципов мироотношения долгое время не в полной мере осознавалась даже собственно философско-научным сообществом. И если с одной стороны, К. Маркс, например, в работе «К критике Гегелевской философии права» писал о том, что «.. с исторической точки зрения теоретическая эмансипация имеет специфически практическое значение для Германии. Ведь *революционное* прошлое Германии теоретично, это – *реформация*. Как тогда революция начиналась в мозгу *монаха*, так теперь она начинается в мозгу *философа»* [283, с. 59], то с другой, он упрекает философию в ее «непрактичности», указывая, что «философы лишь объясняли мир, тогда как требовалось его изменять». Тем не менее «теоретическая экспансия» в действительности обладает значительно более мощным потенциалом в деле преобразования общества, чем это представляется. Еще Г. Леббон писал: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например, падение Римской

империи и основание арабской, на первый взгляд, определяются главным образом политическими переменами, нашествиями иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что <…> крупные исторические события являются лишь следствиями невидимых перемен в мыслях людей» [255, с. 130].

Образ мышления субъектов социальной коммуникации накладывает отпечаток на весь строй социальной, культурной и хозяйственной жизни. При этом именно в сфере экономических отношений мышление субъектов хозяйственной деятельности оказывает наиболее существенное влияние на данную деятельность. Как об этом пишет известный экономист П. Друкер, «..в редких областях знания правильность действий так сильно зависит от правильности теории, как в экономике. И еще меньше тех областей, где общепринятая теория так сильно расходится с тем, что от нее требует практика, и что мы знаем из собственного опыта» [165, с. 123].

Позиция намеренного сужения предмета экономической теории с целью создания абстракций-закономерностей, которые могли бы претендовать на роль универсалий, описываться математически, укладываясь в формулы и законы, наподобие естественнонаучных дисциплин, неизменно расширяла сферу нерефлексируемого, но, безусловно, присутствовавшего в сфере экономического понимания действительности. К примеру, отсутствие в категориальной сетке классической экономической теории положения о роли социальных институтов в осуществлении экономической деятельности не исключало существенного влияния последних на данный вид деятельности. Предлагаемая в классической теории классовая дифференциация редуцировала экономическое поведение представителей определенных классов к некоторым поведенческим стереотипам. Предполагалось, что рабочие выступают исключительно как потребители и тратят весь свой доход (заработную плату) на стандартные потребительские блага; еще один класс – земельные собственники – также являются потребителями, тратя весь свой доход (ренту) на всевозможные блага, и только лишь класс капиталистов использует свой доход с целью получения прибыли – инвестирует в производство. Эти представления были восприняты К. Марксом, который на обширном материале показал, что классовое расслоение общества и соответствующие ему нормы поведения могут воспроизводиться, тем самым он обратил внимание на роль определенных институциональных структур (производственных отношений) в сфере материального производства [285].

Следует отметить, что со временем неосознаваемость аксиоматики экономической теории продолжала только нарастать, все дальше уводя экономическую теорию от действительности. В этом выразился репрессивный характер экономической теории по отношению к культуре, социальности и собственно самому человеку, многосложность и неоднозначность поведения которого она не хотела замечать. Хотя отдельные попытки разрушить традиционную аксиоматику классической экономической теории все же предпринимались. Герман Госсен (1810–1858) в своей работе «Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил человеческой деятельности» (1854) высказал мысль о том, что не рациональность, а эмоциональность и интуитивность индивида являются главными факторами экономических отношений. Тем не менее его попытка осталась незамеченной современниками и обратила на себя внимание лишь много лет спустя в рамках дискуссии об аксиомах экономической теории. Другими словами, невнятное выражение социокультурной аксиоматики, лежащей в основе экономической теории, связано с негласной цензурой общественного «сверх-я» (З. Фрейд), неявным образом присутствующего в глубинах сознания современного европейца. Наследие средневековой по хронотопу и христианской по социокультурным основаниям эпохи проявилось в том, что принципы добра, справедливости, человеколюбия и т. п. стали исходными посылками нравственных ориентаций подавляющего большинства людей, общества в целом, оформились в виде константных оснований менталитета народов, испытавших на себе влияние христианской религии. Эти константные образования пронизывали также логику построения хозяйственных отношений, в которых запросы на накопительство (экономический рост), жажду обладания (апология частной собственности), экономическое расслоение (эффективность экономической дифференциации) не могли быть осознаны как нравственно легитимные, выступить социокультурным эталоном. Эпохе накопления капитала, буржуазных отношений и всеобщей коммерциализации нужны были другие императивы, нужна была «чистая» теория, на «объективный» корпус идей которой, как на своеобразный теоретический каркас, можно было бы нанизать нормы, удобные для решения задач, поставленных восходящим экономоцентричным обществом, поэтому социокультурная аксиоматика (философские, религиозные, этические, социальные, культурные основы) в той или иной экономической теории лишь схематично намечается, а по сути «выносится за скобки»

строгой аргументации, стремящейся очиститься от этих наслоений и строить свои схемы в русле «чистой теории» («объективной закономерности»).

Можно предположить, что в противопоставлении субъекта и объекта классической парадигмы естествознания и основывающихся на ее постулатах наук (в том числе и экономической) не столько решалась задача бесстрастного выявления свойств объекта, сколько обозначалась проблема затушевывания тех трансформаций, которые происходили с познающим, действующим субъектом. Акцент на объекте выступал необходимым условием классического этапа науки (В. Степин) для бесшумного перехода социокультурной восприимчивости субъекта в то состояние, в котором трансформация глубинных основ традиционной культуры могла состояться и стать реальностью. За «шумовыми эффектами» эпохи Просвещения, громкими открытиями тайн «объективной реальности» на периферии общественного сознания скрылись трансформации, происходившие в глубинах и тайниках человеческой души, преображенное устроение которой мало занимало общество, увлекшееся идеями социального прогресса. Между тем, эти изменения могут рассматриваться как важнейшие результаты названных процессов. «Растворение» проблемы изменения активно действующего социального субъекта (личности и общества) носило столь масштабный характер, что фактически эта тема долгое время не была предметом специальной исследовательской рефлексии. Критики нарождающейся системы буржуазных отношений выстраивали свои уличительные аргументы вокруг оси объективных противоречий, мало затрагивая область внутреннего социокультурного выбора. Как отмечает российский исследователь А. С. Панарин, характеризуя исследовательскую рефлексию К. Маркса, его мысль была сориентирована преимущественно на *внешнюю* причинность: «Как оказалось, Марксова критика капиталистической эксплуатации не учитывает главного — закабаления человеческого духа и психики» [333, с. 57–58]. Здесь уместно вспомнить высказывания известного русского философа С. Н. Булгакова, который разрабатывал идею о необходимости рассматривать в качестве важнейшего критерия развития хозяйственной жизни не внешние достижения и успехи, но внутреннее состояние самого человека, осуществляющего хозяйственную деятельность. В частности, в работе «Христианский социализм» он писал о том, что экономический расцвет, активное развитие производительных сил может сочетаться с таким порабощением человеческого духа,

которое можно не наблюдать даже и при очень большой бедности [86].

Дилемма приоритета внешней обусловленности хозяйственной деятельности или доминирования внутренних, погруженных в глубины человеческой экзистенции, истоков ее развития волнует мыслителей до сих пор. Как справедливо отмечает российский исследователь Г.Г. Фетисов, эта тема сквозной нитью проходит сквозь время и не имеет своего окончательного решения даже в XXI веке: «.. человечество всегда интересовал .. общий вопрос: в какой мере хозяйственная жизнь предопределена неумолимыми законами (божественными либо «естественными») и в какой мере она может быть изменена сознательными коллективными действиями людей, реформирующих институты, меняющих экономическую политику, развивающих науку и культуру. Возникновение, развитие, отмирание и возрождение экономических парадигм выявили их ограничения рамками общего принципа сочетания индивидуальной хозяйственной свободы с коллективными действиями, спонтанностью, управляемостью» [448, с. 5].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что экономическая мысль так же, как и обществоведческая в целом, довольно часто тяготеет к построению монистически-линейных моделей, объясняющих принципы развития самых различных сфер общества и социальной системы в целом. В плоскости хозяйственно-экономической мысли это означает наличие ряда высказываний аксиоматического характера, согласно которым в экономике действуют единые универсальные законы развития. Их можно выявить, описать на языке формул и применять как нормативные принципы при построении самых различных экономических отношений (обмен, потребление, производство) на самых разных уровнях функционирования системы (рынок с/х продукции в отдельно взятом поселении – деятельность ТНК) самыми различными хозяйствующим субъектами (индивид – семья – государство).

Чтобы искомые формулы могли эффективно применяться, они должны опираться на некоторые константы, позволяющие унифицировать самые разнообразные классы явлений. Значительную роль в этом процессе сыграли, к примеру, такие категории, как «конкуренция», «труд» и т. п. Манипулирование названными универсалиями позволяет создавать убедительные конструкции, которые обладают притягательностью, благодаря поддающимся стандартизации и учету характеристикам, осуществляющим экономическую редукцию. Данное положение можно обосновать, рассмотрев пример известного принципа открытости экономик, являющегося основным в рыночных

теориях. Согласно данному принципу, страны с различным уровнем развития экономики, отличающиеся по уровню дохода на душу населения, несопоставимые по технико-экономическими укладам, должны активно взаимодействовать между собой. Богатые страны с развитой техникой и технологией, способные производить капиталоемкую и наукоемкую продукцию, должны поставлять ее на рынки более бедных стран, те, в свою очередь, способны предложить трудоемкие товары и дешевую рабочую силу. При этом данная формула предполагается как наиболее эффективная для развития экономического взаимодействия между странами и регионами. Тем не менее, сегодня со всей очевидностью теория и практика экономической жизни показали, что при подобном типе отношений выгоду из обмена товарами могут извлекать более богатые страны. Опыт XX века наглядно демонстрирует истинность высказанного тезиса – с развитием «открытых экономик» разрыв в жизненном уровне между отдельными странами неуклонно нарастает. Организация Объединенных Наций в конце ушедшего столетия выступила с докладом «Глобализация с человеческим лицом», в котором обнародовала сравнительные данные по ситуации экономического благосостояния стран середины и конца XX века, отметив факт стремительного роста разрыва в уровне жизни самых богатых и самых бедных стран в мире [542]. На сегодняшний день фиксируется факт обнищания не только отдельных слоев населения, но целых стран и даже континентов, несмотря на то, что рыночная идеология, претендующая на исключительную эффективность предлагаемых ею средств для усовершенствования сложившихся в разных странах экономических отношений, стала господствующей парадигмой развития социума.

Размышляя над данным феноменом, современная экономическая и в целом обществоведческая наука нашла ему объяснение. Оно заключается в том, что призыв к построению экономических отношений на принципе открытости не учитывает ряд обстоятельств, одним из важнейших из которых является представление о том, какова структура цен на предлагаемую на рынке продукцию. Структура цен для капиталоемких и трудоемких товаров совершенно различна: для продукции с высокой добавленной стоимостью (капиталоемкой, характерной для развитых стран) цена выше трудовой стоимости, а для продукции с низкой добавленной стоимостью (трудоемкой, характерной для слаборазвитых стран) – ниже трудовой стоимости. Это приводит к тому, что бедные страны «бесплатно снабжают богатые страны продукцией» [162].

Как видим, инструментами реализации принципов социокультурной парадигмы экономоцентризма выступают тиражирование экономических знаний, выстроенных таким образом, чтобы содержащаяся в них «неэкономическая» проблематика (вопросы справедливости распределения богатства, легитимность способов накопления капитала и т. п.) «выносилась за скобки» и не была очевидной для общественного и индивидуального сознания.

Следует сказать, что современные учебники по экономике, рассматривающие экономические процессы в парадигмах мейнстрима, нуждаются в серьезной корректировке. В частности, интересным представляется привлечь к изучению труды представителей мир-системного анализа, специализирующихся на вопросах развития капитализма, разрабатываемого такими учеными как Дж. Арриги, И. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амин и др., работы представителей латиноамериканской экономической школы, изучающих проблемы «периферийного капитализма» (Р. Пребиш, Т. Дос-Сантос и др.). Как уже указывалось, мир-системный анализ обращает внимание на такую специфическую атрибутивную черту капиталистической системы, как неравномерное ее деление по принципу ядро (центр, метрополия) – периферия. Если апплицировать данный концептуальный подход на анализ экономических теорий, то можно увидеть, что на самых ранних этапах развития политэкономической мысли присутствует стремление адептов капиталистического уклада развития общества обосновать необходимость деления мира по названному принципу через систему мирового разделения труда. Еще Т. Мен в своей работе «Богатство Англии во внешней торговле» (1664) обосновывал необходимость специализации стран по разным видам производства. В частности, он предполагал, что собственно Англия должна специализироваться на более выгодном по тем временам с точки зрения получения прибыли производстве текстиля, а менее развитые в техническом отношении страны должны поставлять необходимую с/х продукцию – в частности, хлеб. Англия, значительно сократившая свои пахотные земли, для того чтобы сделать их пастбищами для овец (источник сырья для производства шерсти) отчаянно нуждалась в продовольственном товаре – хлебе. Производить хлеб было не выгодно с точки зрения прибыли. В последующем данная логика, закрепляющая неравномерное распределение того положения, которое разные страны могут занимать в мировом разделении труда относительно возможностей заниматься высокоприбыльным производством, стало всячески поощряться и закрепляться как на уровне экономических

теорий (Д. Рикардо – закон об относительных и абсолютных преимуществах и т. п.), так и на уровне политических решений. Современные экономисты продолжают оперировать данной логикой, закрепляющей неравенство экономического развития стран. В частности, рассматривая вопрос о значении закона сравнительных преимуществ, признается безусловная справедливость и необходимость применения названного закона в экономической практике мировой торговли. Значительным зазором, существующим между реальным хозяйствованием и экономическими выкладками теоретиков классической школы экономики при этом предлагается пренебречь. При этом не учитываются факторы социокультурного порядка. Например, такие как вопросы экономической безопасности страны (если, предположим, страна, исходя из закона сравнительных преимуществ, перестанет заниматься сельским хозяйством, то в реальных условиях, где действуют не столько абстракции экономических закономерностей, но конкретные экономические, политические и даже личные интересы отдельных акторов – участников международного экономического взаимодействия – такая страна может оказаться в ситуации продовольственной угрозы в случае, предположим, некоторых санкций по отнюдь не экономическим мотивам, исходящим от производящих с/х продукцию стран).

Таким образом, инструментарий по формированию субъекта, иррационального, экономически ангажированного, безразличного по отношению к культуре, социуму и природе, сегодня представлен достаточно широко. Задача состоит в том, чтобы восстановить этический универсализм, рациональность и ответственность субъекта (К. Апель, Ю. Хабермас), поставить перед ним проблему нравственного самоопределения. Сам факт рефлексии над подобными проблемами уже свидетельствует о выборе, актуализация которого является необходимым условием преодоления рисков, возникающих в экономоцентричном обществе.

На основе изложенного выше можно сделать следующее заключение:

1. Экспликация презумпций социокультурной парадигмы экономоцентризма носит многоуровневый и поступательный характер. Значительную роль в их реализации имеет селективный отбор тех социокультурных апробаций, результаты которых способствуют утверждению и легитимации в социуме аутентичных данной парадигме императивов. Значительная роль в этом процессе отведена такому социальному институту, как наука и особенно ее экономическому направлению.

2. Тематизация предметной области научных исследований, равно как и акцент (лингвистический, сюжетно-информационный, событийный и т. п.) на проблемах экономического порядка (прежде всего, вопросах богатства, накопительной деятельности в целом и т. п.) «погружают» общество в соответствующую семиосферу, способствует латентному выстраиванию ценностно-мировоззренческих ориентаций личности, социума и культуры вдоль оси, аутентичной презумпциям экономоцентричной социокультурной парадигмы.

3. Абсолютизация принципов экономоцентризма в познавательных практиках общества, начиная от обыденно-практических, заканчивая научно-теоретическими, приводит к редуцированному восприятию/объяснению социокультурных и социоэкономических процессов, применению по отношению к ним преимущественно метрического подхода, апеллирующего лишь к исчисляемому, представленному в количественных характеристиках. Культурная специфика, особенности природной контекстуальности, в которой существует общество, остаются вне поля внимания социума. В результате создаваемые научные теории выносят на периферию исследовательского интереса вопросы о неоднородности условий существования различных хозяйствующих систем, о ментальных установках субъектов хозяйственной деятельности, о специфике политического, социального и технического укладов общества, влияющих на осуществление экономической деятельности, и многие другие, вне учёта содержания которых невозможно создать целостное представление о характере, направленности и перспективах социоэкономической и социокультурной динамики.

4. Обоснование правомерности виртуалистичных и произвольных субъективных конструкций, не отсылающих к реальным событиям и отношениям как исходным предпосылкам теоретизирования и деятельности, с одной стороны, способствуют признанию максимально абстрактных интеллектуальных конструкций в сфере экономики (эконометрика) наиболее адекватными инструментами для решения задач экономического развития, с другой, – в неявном виде формулируют запрос на симулятивные теоретизирования и действия. Проблема фальсифицируемых (фиктивных, симулятивных) теорий и практик перестает волновать не только научное сообщество, но и общество в целом, что способствует форсированному развитию фиктивных отношений в экономике (фиктивный финансовый капитал), а также в культуре и обществе в целом

(«симулируемая реальность» Ж. Бодрийяр).

5. Требование разделения научных подходов на «нормативный» и «позитивный», сформулированный в рамках современной науки, функционирующей в пространстве экономоцентричной парадигмы, семантически заостренной на вопросах экономического порядка, является механизмом, позволяющим осознанно дистанцироваться и прямо отрицать неаутентичную экономоцентричной парадигме нормативность, с одной стороны, и в неявном виде принимать (усваивать) коррелирующие с данной парадигмой культурные нормы, с другой.

Глава 2. Парадигмальные основания развития экономоцентричного общества как рискогенного типа социума

2.1 Социокультурная парадигма экономоцентризма в контексте социоэкономической динамики: от идеи хозяйственно-культурной целостности к принципу автономизации экономики

2.1.1 Социокультурные характеристики традиционного общества как фактор сдерживания экспансии экономоцентризма

Смысловое пространство современного социума, культурные и ценностные истоки которого, по признанию научного сообщества, находятся в новоевропейском периоде исторического развития, задано характерными для данного периода мировоззренческими презумпциями: индивидуализмом, рационализмом, прометеизмом и собственно экономоцентризмом, наличие которого еще в недостаточной степени осознано и теоретически оформлено на уровне исследовательской рефлексии. Между тем именно экономоцентричная ориентация как мировоззренческая доминанта в большей степени, чем какая-либо другая характеристика, определяет социокультурную и социоэкономическую специфику новоевропейского социума. Постепенное расширение меновой логики во всех сферах жизни социума и культуры, вытеснение рыночно-обменными взаимодействиями отношений дара, жертвы, статусного распределения, способствовало тому, что общество неуклонно оформлялось в экономоцентричный тип социума, порождающий новый феномен общественной жизни – «экономическое человечество» (Ж. Батай). Экономически сориентированное человечество не в полной мере осознает, что генеральные интенции экономоцентризма, связанные с идеями накопительства и потребности перманентного материального роста, обладают значительным рискогенным потенциалом, поскольку ориентируются не столько на жизненные потребности личности и общества, сколько на нужды стремящегося к «самовозрастанию» (К. Маркс) капитала. Максима об обязательности экономического роста для обеспечения благополучия социума воспринимается на уровне современного общественного сознания как непреложная истина. Вне идеи непрерывного роста материального благополучия не мыслят себя ни современный человек, ни общество в целом. В названных смысловых координатах человек выступает не как целостная личность, живущая «не хлебом единым» (Матф., 1, 5) [59], но как потребитель,

измеряющий собственное достоинство, равно как и ценнность других людей, исключительно по экономическому критерию. Однако проблемы, с которыми столкнулся современный социум, абсолютизирующий роль экономических отношений в функционировании всех сфер общественной жизни, оказались столь масштабными, что неизбежно привели современную научно-теоретическую мысль к осознанию необходимости осуществления ревизии закрепившихся в обществе экономоцентричных презумпций, выяснению вопроса о том, насколько они отвечают глубинным потребностям культуры и социума, поиску подходов к пониманию социокультурной реальности, не совпадающих с экономическими императивами. Внимание современной исследовательской рефлексии направлено на поиск методологических подходов, теоретических презумпций, альтернативных максиме экономизма (экономического империализма) при рассмотрении не только широкого круга социокультурных проблем, но и при верификации норм и методов реализации собственно экономической деятельности. В частности, в современной науке все отчетливее оформляется мысль о том, что экономическая жизнь общества, в широком смысле слова рассматриваемая как хозяйственная жизнь, своей социальной компонентой увязывается с понятием «хозяйственная культура». Этим самым утверждается, что вне культурного контекста хозяйственная жизнь невозможна.

В свою очередь, утверждение о том, что хозяйственная культура является элементом социокультурной системы общества [183] сегодня становится предпосылкой рассмотрения всякого вида хозяйственной деятельности, как в актуальном, так и историческом ее прочтении. Особый интерес в связи с этим вызывают проблемы динамики хозяйственных норм в их когнитивном, праксиологическом, аксиологическом и т. п. измерениях. Актуальна также проблема взаимопересечения и взаимовлияния общей социокультурной и специфической хозяйственной нормативности.

По мнению российских исследователей И. Т. Заславской, Н. Н. Зарубиной, Р. В. Рывкиной в этом взаимовлиянии наблюдается рельефно очерченная дуальность: с одной стороны, практически любая норма и ценность культуры (справедливость, престиж, благополучие и т. д.) могут проецироваться на сферу хозяйства, с другой – их специфическая интерпретация в рамках хозяйственного семантического пространства приводит к возникновению «новых видовых понятий», образующих единый смысловой ряд, самостоятельную сферу, организующуюся в особый сегмент общей культуры

(понятия «экономическая справедливость», «престижное потребление», «справедливое распределение», «материальное благополучие» и т. п.) [183; 184].

Подобно тому, как социокультурная динамика общества неизменно сопряжена со сменой парадигм развития, хозяйственная жизнь также эволюционирует, демонстрируя различие хозяйственных стратегий в пространственно-временной (культурно-исторической) перспективе. Смена социокультурной парадигмы – не одномоментный акт общественного выбора, но длительный путь возникновения и развертывания идей, к восприятию и усвоению которых социум оказывается особенно чувствительным. Культурно-историческая обусловленность названных процессов определяет специфику и форму воплощения содержания возникших идей в конкретно очерченных событиях (феноменальный уровень функционирования культуры).

Подобная закономерность прослеживается и в сфере осуществления хозяйственной деятельности: из многообразия идей, транслируемых культурой и порождаемых внутренней логикой хозяйственной жизни, на определенном историческом этапе развития общества в качестве ведущих презумпций хозяйствования выделяются те идеи и принципы, которые соответствуют глубинным внутренним запросам социокультурной системы, ориентирующейся на определенный тип хозяйственного устроения. Вопрос о возникновении и развитии феномена экономоцентризма невозможен вне обращения к сравнительно-историческому методу его решения.

В то же время хотелось бы заметить, что анализ исторической социодинамики, ангажированный предметом изучения, выстраивающим исследовательскую рефлексию вдоль определенной оси, может создавать виртуальную параллель реальным событиям, выявляя такие связи и закономерности в логике функционирования исторически далекого общества, которые вызываются к жизни исключительно замыслом интерпретатора. В связи с этим проблема выявления истоков экономоцентризма в культурной матрице традиционных обществ, на первый взгляд, может показаться неразрешимой.

Экономоцентризм как оформившийся теоретический конструкт рубежных десятилетий ушедшего тысячелетия, адекватный реалиям капиталистического общества и фиксирующий феноменологическую данность современных нам событий, не обладает внеисторической универсальностью, которая позволила бы ему свободно перемещаться во времени и пространстве, маркируя социокультурные проявления разнообразных

обществ. Тем не менее выявить некоторые социокультурные линии, берущие начало из далекого прошлого и восходящие к вершинам модерна и далее – в постмодерн, где дискурс экономоцентризма занимает прочное ведущее место, представляется возможным. На наш взгляд, для выявления истоков зарождения специфической парадигмы экономоцентризма необходимо обратиться к проблеме изменения статуса, формы и содержания экономического измерения жизни общества в целом.

Исходным тезисом рассуждений по данной проблеме может стать известное выражение К. Поланьи, четко артикулировавшем волнующий исследователей вопрос о статусе экономики в ранних обществах пассажем о ее анонимности: «анонимность экономики в раннем обществе» [348]. Этим высказыванием К. Поланьи выразил мысль о том, что экономические процессы длительное время не имели самостоятельного статуса в жизни общества, не выявлялись как автономные, обладающие аутентичной логикой функционирования и формами проявления, не распознавались, не именовались обществом (по Поланьи, находились в состоянии «безымянности»), а были включены в широкий контекст неэкономических отношений. Этим высказыванием К. Поланьи примыкает к целому корпусу мыслителей, разделявших подобные взгляды.

В частности, о несформированности экономического пространства на ранних этапах развития общества как специфической автономной области общественного функционирования, с одной стороны, и самостоятельной области аналитики, ставшей специальным предметом исследовательской рефлексии, с другой, указывают большинство историков экономики и истории экономических учений (Р. Хелбронер, Д. Н. Платонов, И. Г. Чаплыгина, Р. А. Червяков и другие).

Данные исследователи указывают, к примеру, на то обстоятельство, что в древних обществах (в линейных схемах восприятия исторического развития обозначаемых термином «традиционные общества») экономика рассматривалась как неотъемлемая часть иных, более значимых для данного типа обществ, социальных сфер, растворялась в них и занимала подчиненное, второстепенное значение. Это утверждение основывается на анализе письменных источников, на основе которых возможно исследовать вопросы, связанные с экономическим мышлением древних народов. Начало изложения экономической мысли совпадает с возникновением древних цивилизаций – Древнего Востока, Древней Греции, Древнего Рима.

Например, Древний Восток вопросы экономической жизни рассматривал не как

характерные для самостоятельной области человеческой жизнедеятельности, но как существующие в неразрывном единстве с общими социальными проблемами, в частности, с проблемами государственного строительства. Об этом свидетельствует факт размещения текстов, содержащих экономическую проблематику, в трактатах об управлении государством (древнекитайский трактат «Шан Цзюн Шу» или «Книга правителя области Шан», древнеиндийский трактат «Артхашастра» или «Наука политики», кодекс законов Вавилонского царя Хаммурапи, отражающий систему правовых норм, на основе которых осуществляется управление государством).

Древняя Греция также весьма сдержанно относилась к процессу хозяйствования, не уделяла ему значительного внимания на уровне общественного сознания. Несмотря на то, что отдельные идеи, посвященные проблемам осуществления хозяйственной деятельности, присутствуют в трудах известных античных мыслителей (в поэмах «Труды и дни» Гесиода, «Иллиада» и «Одиссея» Гомера, в работе «Ойкономос» Ксенофонта, трудах Платона и Аристотеля), самостоятельным предметом исследовательской рефлексии вопросы хозяйственной жизни для гревних греков так и не стали. Данные вопросы рассматривались исключительно в контексте общественных отношений как таковых, важнейшими из которых признавались политические и этические отношения. Подтверждением этому служит факт включения вопросов экономического порядка в произведения, посвященные политике и этике. Названная особенность прослеживается, например, в диалогах Платона («Государство» и «Политик»), работах Аристотеля («Никомахова этика» и «Политика»). И даже «Ойкономос», написанный Ксенофонтом, посвящен вопросам домостроительства, общего уклада жизни, а не специфике ведения хозяйства, несмотря на то, что название его работы по звучанию напоминает слово «экономика». Для традиционного общества наиболее характерной является ситуация выстраивания принципов хозяйствования сообразно требованиям той социокультурной среды, которая в нём сложилась. Учитывая данное обстоятельство, немецкий исследователь В. Зомбарт выделял особую «традиционалистскую хозяйственную культуру» и отличал её от хозяйственной культуры посттрадиционалистской (капиталистической) [187]. Данные два типа хозяйствования, по мнению В. Зомбарта, в своей специфичности не просто отличаются в некоторых принципах и способах осуществления хозяйственной деятельности, но очень далеко отстоят друг от друга. Соглашаясь с названной позицией, имеет смысл

рассмотреть специфику ведения хозяйственной жизни в этих непохожих друг на друга культурно-исторических образованиях, и, прежде всего, обратиться к хозяйственной жизни и хозяйственной культуре традиционного общества, выступившего не только самостоятельным типом социума и культуры со специфической хозяйственной нормативностью, но и ставшего колыбелью отрицающих его типов социальности (капиталистическое общество) и хозяйствования (предпринимательского-накопительного).

Чтобы лучше понять специфику хозяйственной жизни традиционного общества, необходимо учесть факт различения современным академическим сообществом понятий «экономическая система» и «хозяйство». Это различение, берущее свое начало еще со времен утверждения в обществе идей исторической школы экономики (Ф. Лист, Л. Брентано и др.), развертывания аналитики философии хозяйства С. Н. Булгакова, задает более широкий контекст в понимании хозяйственных отношений в противовес собственно экономическим, поскольку наименование «экономическая система» указывает на более узкий характер рассматриваемого в его рамках феномена по сравнению с понятием и феноменом хозяйства. Как справедливо отмечают исследователи, экономическая система распознается как таковая на основании складывающихся в ней отношений собственности. В ней все стороны хозяйственного развития должны быть исследованы, прежде всего, как формы проявления, сущности и развертывания названных отношений [209; 268; 285; 319], в то время как понимание такого явления как «хозяйство» требует широкого анализа всего социокультурного уклада в целом. Современные авторы дают следующие дефиниции категории хозяйства: «Хозяйство – наисложнейшая многомерная система, воплощающая органическое взаимодействие отнюдь не экономических лишь, но и множества других факторов, разнородных и разнопорядковых: природных, технических, демографических, политических, культурных» [318, с. 9]. Сегодня в академическом сообществе (и не только в среде обществоведов, но и собственно у представителей экономической науки) складывается представление о том, что хозяйственную систему стоит изучать на основе многофакторного подхода, учитывающего возможность многовариантного анализа ее развития, включающего в поле исследовательской рефлексии не только собственно экономическую составляющую, но и глубинные взаимосвязи, устанавливаемые экономической сферой с культурой и обществом в целом. Многофакторный подход к

объяснению функционирования экономической системы предполагает необходимость включения логики экономических транзакций в некоторую социокультурную целостность, что позволяет осуществлять переход от понятия «экономическая система» / «социально-экономическая система» к понятию «хозяйственно-культурная система».

Традиционное общество, несмотря на многообразие собственных социально-экономических укладов (рабовладение, феодализм), представляло собой целостную хозяйственно-культурную систему: экономика в нем не претендовала на абсолютную автономию и господство над культурой. По мере развития западноевропейского общества хозяйственно-культурная система утрачивала целостность собственного функционирования, превращаясь в социум, для обозначения специфики которого можно использовать понятие «экономоцентричное общество». Применить названное понятие к древнему западноевропейскому обществу нельзя. Ведь оно ориентировалось на натуральное хозяйство, многие черты которого были сохранены даже и в средние века. Если проанализировать специфику того уклада жизни, который сложился на средневековм Западе, то его можно охарактеризовать как докапиталистический: доминирование аграрного сектора в экономике, простое товарное хозяйство, господство религиозных, социальных и моральных понятий, в целом препятствующих закреплению в обществе идей накопительства, обогащения, экономического прогресса, маргинальность ростовщических практик и профессии ростовщика. Средневековый человек, осуществляя хозяйственную деятельность, ориентировался не столько на стремление к богатству, сколько на принцип покрытия потребностей – достатка (то, что человеку необходимо и достаточно для жизни), заботился вопросами жизнеобеспечения.

В целом традиционное общество в плане ведения хозяйственно-экономической деятельности имело свои особенные черты:

-ориентация на систему межличностных отношений;

-значимость статусных различий и иерархии;

-доминирование «внеэкономического принуждения к труду» (К. Маркс) и т. п.

В то же время производительность труда традиционного общества была очень низкой, поэтому решение проблемы жизнеобеспечения давалось нелегко. Общество в целом, не считая элит, было бедным, часто сталкивалось с проблемой голода. Неудивительно, что такие экономические действия, как накопительство и ростовщичество не только в моральном, но и в практическом смысле не могли получить

одобрения. Поскольку накопление – это всегда изъятие благ из текущего потребления: для бедного общества накопительство одних снижает шанс на выживание других, тем самым угрожая сохранению всего сообщества. Ситуация нестяжательного отношения к материальным благам усиливалась также в связи с тем, что выживание общества как некоторой целостности, требующее от более богатых его членов расточительного поведения, расценивало такое поведение как морально одобряемое качество, как «щедрость души». Феодальная система, строящаяся на отношениях личной зависимости и внеэкономическом принуждении к труду, рассматривала эти отношения не столько в негативном смысле, как ограничивающие человека, находящегося в ситуации зависимости, сколько как выполняющие охранительную по отношению к нему функцию. От богатых членов сообщества ожидали щедрого финансирования пышных празднеств, помощи нуждающимся родственникам и соседям, даров местным храмам и святыням. Исследователь культуры традиционного общества Майкл Липтон отмечал, что многие обычаи и нравы данного общества имеют смысл в качестве скрытых норм страхования (например, защиты от голода и т. п.) [400]. Безусловно, за подобную поддержку приходилось платить утратой статуса и самостоятельности. Тем не менее, эти перераспределительные механизмы выступали «гарантией существования» [400, с. 542]. Ориентация на эгалитарность и взаимоподдержку членов сообщества приводила к тому, что экономность выступала признаком ущербности и моральной, и культурной, и социальной. По мнению К. Поланьи, данные черты восходят еще к устоям первобытного общества, которое по названному критерию может рассматриваться как более гуманное, чем современное: «..именно отсутствие угрозы индивидуального голода делает первобытное общество в каком-то смысле более человечным, чем рыночная система, и в то же время менее экономическим» [цит. по 400, с. 542].

Таким образом, в целом бедное средневековое общество характеризуется легитимацией расточающего поведения, как могущего спасти его от голода, в преодолении которого низам общества приходилось заниматься тяжелым физическим трудом. Человек знатного происхождения, рыцарь и аристократ автоматически воспринимался как благородный человек. Он выступал не хозяином-труженником, но воином, авантюрным завоевателем, победы которого поощрялись и ожидались обществом, несмотря на то, что они были сопряжены с насилием и грабежом по отношению к другим народам. Внимательное прочтение западноевропейских эпических

произведений средневекового периода позволяет увидеть, что в них завоеватели и авантюристы превозносятся как достойные восхищения герои. Названная специфика мировосприятия сохраняется и в более поздний период развития социума, приобретая новое измерение и масштаб: колониальная экспансия трактуется исключительно как первопроходчество, а колонизаторы описываются как герои, служащие на благо социуму.

Что касается традиционного общества, то оно не знало и логики количественно-формальных расчетов, которая так необходима для реализации идей накопительства. Например, в книге Левит Ветхозаветной Моиссевой Торы содержатся следующие предустановления, данные Богом человеку: «Когда будешь жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшееся от жатвы твоей не подбирай, и виноградника твоего не обирай дочиста, и попадавших ягод в винограднике не подбирай; оставь это бедному и пришельцу» (Левит, 19, 9–10) [59]. Помимо указания на необходимость соблюдения заповеди любви к ближнему, мы видим здесь противление выверенному бухгалтерскому учету по отношению к собственности. Отвержение скрупулезного учета демонстрирует желание препятствовать развитию тех экзистенциально-психологических качеств, которые способствуют формированию стяжательства.

Расточительное потребление, ориентация на потребительную стоимость – нормы традиционного общества, препятствующие проникновению очищенной от культурных наслоений экономической практики в общество: культура все время стремилась выйти за рамки, предлагаемые ей чистой экономической логикой. Власть и честь, происхождение и славность рода, героизм и щедрость все еще выступают более значимыми культурными знаками, нежели богатство и накопление. Данные тенденции имеют свое инерционное значение, определяя стратегии культурного самоопределения и в более позднее время.

Интересно здесь рассмотреть пример флорентийцев. Как отмечает З. Э. Скрынник, «…гуманизм Ренессанса сформировался как культура торговцев и банкиров; центром Возрождения, как и банковского дела, была Флоренция. На пике расцвета Флоренции как банкирского города в 1422 г. в ней работали 72 международных банка» [401, с. 47]. Представляется, что данная позиция автора, усматривающего в ренессансных презумпциях культуры, прежде всего, реализацию потребностей торгово-ростовщических слоев общества, вполне обоснована. Флорентийцы – одни из немногих

пионеров возвеличивания экономических транзакций раннего Возрождения, как об этом пишут исследователи [21; 26; 100; 447], были чрезвычайно увлечены совершенствованием основ мастерства, необходимого торговцам и банкирам: развивали прикладную математику, надеясь, овладев магией цифр, доступной по тем временам ограниченному кругу лиц (священству, университетской профессуре), далеко продвинуться в торговом и банковском деле.

Подтверждением тому, что развитие математики отвечало интересам, прежде всего, торгового слоя общества, свидетельствует, к примеру, тот факт, что после того, как в 1202 году Леонардо Фибоначчи, известный также по имени Леонардо Пизано (по имени родного города Пизы), опубликовал Liber Abaci (Счетные таблицы), основанные на значительно упрощенной по сравнению с римскими цифрами арабской нумерации, позволяющей легко не только складывать или отнимать, но и осуществлять более сложные операции деления и умножения. Эти таблицы долго не могли найти себе применения в университетской среде, в счетных делах правительства или религиозных властей. Профессура, правители и священство упорно сопротивлялись арабским цифрам, продолжали работать с римской нумерацией, зато торговцы самым активным образом приобщились к системе арабских цифр, что позволило им отбросить счеты и производить исчисления в уме или на клочке бумаги, значительно облегчив торговые операции. Как описывает эту ситуацию Дж. Везерфорд: «… многие правительства отказались принять арабские цифры для официальных целей, заявляя, что их легко подделать даже малообразованному человеку. <…> Даже сегодня, через восемь веков после появления арабской цифири, римские цифры остаются более престижными в таких актах, как написание дат на университетских или правительственных зданиях» [100, с. 99]. В описанной ситуации можно увидеть факт сопротивления традиционной культуры, не желающей за прагматичной простотой математических исчислений утратить величие культурных символов (престижа власти, социальных различий и т. д.).

Дальнейшее развитие математики привело к тому, что были открыты тайны двойной бухгалтерии, изложенные достаточно просто и легко францисканским монахом Лука Пачиоли (1487) в книге, предназначенной для широкой публики, овладев основами которой, любой желающий мог осуществлять коммерческие операции, владеть магазином и вести эффективный и прибыльный бизнес, не нуждаясь в университетском образовании [100]. Однако, мы видим, что университетское образование, вопреки

запросам коммерциализации, продолжало развиваться. Культура традиционного общества стремилась создавать высокосложное, рафинированное и многозатратное.

Некоторые авторы полагают определенным образом организованную рационализацию отношений в ведении хозяйственных дел (развитие бухгалтерской логики) важной вехой на пути становления капитализма. Тем самым они обращают внимание на глубинные интеллигибельные трансформации, необходимые для того, чтобы конструировать мир по иным, не ведомым докапиталистической культуре схемам.

Новые принципы построения хозяйственной деятельности, превращение «хозяйства» как целостной хозяйственно-культурной системы в претендующую на полную автономию «экономику» могли утвердиться только при условии смены «картины мира», свойственной традиционному обществу, со всей ее многообразной социокультурной спецификой. Как отмечают современные ученые, «.. восхождение западноевропейской цивилизации в эпоху Нового времени сопровождалось целым каскадом революций в мышлении европейца» [245, с. 16].

Действительно, для распространения и укрепления принципов экономики в мире понадобились новая онтология, новая антропология, новая аксиология и т. д., в идейно-смысловом пространстве которых экономические практики, ориентированные на нужды самовозрастающего капитала, могли бы существовать и эффективно функционировать. И такой переход не заставил себя ждать. Вехами на его пути стали идеи европейской религиозной Реформации XVI–XVII вв., воззрения философов-утилитаристов, философия К. Маркса, и т. д.

Традиционный для современной социогуманитарной рефлексии взгляд на Реформацию (во многом сформированный благодаря марксистской историографии) как на предтечу капиталистического уклада общества является, на наш взгляд, вполне оправданным: политические, экономические и идеологические факторы этого движения имели явно буржуазный характер. Несмотря на то, что данное движение возникло в русле религиозного раскола, сообщившего ему религиозную форму, содержательные характеристики Реформации указывают на то обстоятельство, что дело не ограничивалось только лишь вопросами религиозной веры. Влияние реформационных идей распространилось на все сферы общественной жизни, сконструировав совершенно иные, нежели в традиционном обществе, модели мироотношения, действия и ориентации в окружающем мире.

Мы не разделяем позицию тех авторов, которые усматривают в реформационном движении некую «универсалию культуры», имеющую «всемирно историческое значение» [245]. Исходя из презумпций цивилизационного и социокультурного подходов, мы понимаем Реформацию как специфический для западноевропейской культуры феномен, возникший в результате сочетания определенных предпосылок (культурных, природных, политических, экономических, культурных).

Таким образом, инициированный ренессансным и новоевропейским обществом смысловой сдвиг от *идеи* хозяйства как некоторой хозяйственно-культурной целостности к идее экономики, редуцированной до простой череды обменов, предполагающих становление и уничтожение благ и ценностей, привел к серьезным последствиям – изменению представлений о бытии в целом. В новой онтологии мир предстает не окончательно завершенным, детерминированным некоторой субстанцией, но динамичным, постоянно «производимым» и «воспроизводимым». Имеют место попытки вменить обществу производную от экономики функцию, деонтологизировав его в своем восприятии, что и было осуществлено философами эпохи нового времени. Например, И. Бентам говорил об обществе как о «фиктивном теле» [51].

В деонтологизированном мире экономика оказывается некоторой очевидностью, единственной константой, способной согласовывать и координировать постоянно изменяющиеся условия существования. Требования техничности и технологичности экономического производства рассматриваются как условия освоения новых ресурсов и создания «новых миров». В этой связи интересно привести мнение французского философа Ж. Дерриды, полагающего универсальным качеством экономики её способность к актуализации обменных отношений и одновременном сохранении самотождественности, подразумевая под этим, что экономику нельзя обменять ни на что другое [156], тем самым указывая на претензию экономики фактически на метафизический статус – предельное основание социального существования.

Российский исследователь А. А. Воскресенский, обращаясь к проблемам новоевропейских трансформаций, пишет: «Идея экономики оказывается трансцендентальным законодателем рациональности, «матрицей» мысли, выступая организующим принципом синтеза, тем отношением обмена, который делает возможной логическую упорядоченность разнородных элементов, работая как «стратегия сборки», как форма восстановления целостности – и в социальном пространстве производства

сообществ, и в топологической соотнесенности с динамикой философского знания» [109, с. 7–8].

В результате этих взаимодополняющих друг друга событий был осуществлен социокультурный переход: на смену традиционному типу общества пришла совершенная иная социокультурная общность, анализ которой выводит исследователей к идеям либерального классического капитализма и техногенной цивилизации. Данный переход известный американский ученый венгерского происхождения Карл Поланьи назвал Великой трансформацией. Его книга о «Великой трансформации» значительно расширила диапазон объяснительных моделей, рассматривающих становление новоевропейской социальности, предложив в качестве основы идею эволюции капитализма и капиталистического общества.

Не имея четкого представления о причинах возникновения и развития капитализма, невозможно ответить на вопрос: каково будущее капиталистической системы в ближайшей и отдаленной исторической перспективе и современного общества и культуры соответственно. Отвечая на данный вопрос, интересно обратиться к мнению современного российского философа В. А. Кутырева, который полагает, что результатом развития капиталистической системы является возникновение экономоцентричного общества. Данный тип общества абсолютизирует принципы и нормы построения общественных отношений, которые свойственны капиталистичсекому обществу, задаёт вектор развития культуры, согласующийся прежде всего с запросами и нуждами капитала: «Капиталистическая общественно-экономическая формация переросла в формацию, истиной функционирования и идеологией которой является экономоцентризм» [243, с. 22]. Автор отмечает: «Целесообразно признать, что к началу XXI века духовно-политический тоталитаризм потерпел полное поражение от утилитаризма, и в наиболее развитых странах Запада сформировалось глобальное *экономическое общество*, а также соответствующий ему человек – Homo economicus. Экономическое общество, экономический человек – не метафоры, а наиболее адекватные теоретические понятия для выражения современных форм жизни. Рыночное, капиталистическое, гражданское – слишком частные, специфические, а свободное, открытое – слишком абстрактные, демагогические характеристики такого общества» [243, с. 190]. Разделяя данную позицию автора, рассматривающего современное общество как экономоцентричное, обратимся к

изысканиям исследовательской рефлексии по проблеме генезиса и динамики капитализма, благодаря которым можно понять истоки и принципы функционирования экономоцентричного общества.

2.1.2. Экономоцентричное общество – завершающая стадия развития капитализма.

Среди всех известных в европейской истории социально-экономических укладов общества капитализм занимает особое место. Его возникновение нередко воспринимают как «уникальную ситуацию», «европейское чудо» и т. д., а сам капитализм до сих пор рассматривают как до конца не понятый во всей своей полноте феномен. Тем не менее, аналитических работ, посвященных проблеме генезиса капитализма, на сегодняшний день накоплено достаточно [14; 23; 26; 31; 37; 50; 76; 98; 146; 161; 215; 231; 284; 354]. Например, известной является работа В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия развития капитализма» (1916), в которой автор реализует политэкономический подход к рассматриваемой проблеме. Однако социокультурная специфика феномена капитализма при таком подходе раскрывается в недостаточной степени, поэтому уместным представляется рассмотреть принципы функционирования капиталистической системы с учетом тех социальных и культурных норм, которые существуют в таком обществе и активно им воспроизводятся. В данной ситуации центральным предметом анализа выступает не столько материально-экономическая, сколько духовная, нематериальная сфера общества, специфика содержательного наполнения которой позволяет говорить о капиталистическом обществе как об экономоцентричном.

Уникальность капиталистической системы исследователи связывают, во-первых, с такими факторами как возникновение индустриальной системы производительных сил, выступившей ярко выраженным антитезисом не только отдельным докапиталистическим обществам, но и всему докапиталистическому укладу в целом [284; 285; 462]; во-вторых, с созданием специфического мирового уклада, проявляющегося в расслоении мира на центр и периферию [94; 161; 354; 461 и др.]. Центром мирового доминирования в капиталистическую эпоху выступила европейская цивилизация, подчинив себе народы Азии, Африки и Америки. Специфичность данного фактора заключается в том, что «маятник побед» в докапиталистическую эпоху качался от Востока к Западу и обратно. Как отмечает российский историк А. И. Фурсов,

«… вплоть до XVI в. почти на каждую победу Запада приходился ответный удар Востока» [463, с. 6]. Однако с XVI–XVII вв. ситуация меняется: Восток уже не может взять реванш в битве за социокультурное доминирование. Европа в ходе мировой экспансии, начавшейся в XVI веке под знаменами «географических открытий» жестко подчиняет себе один за другим обширные регионы планеты (азиатские и африканские общества), извлекая из этого максимальную выгоду для собственного развития.

По мнению современных авторов, капитализм представляет собой специфическую форму социально-экономических отношений, в основе которых лежит ссудный процент и отрицание христианских ценностей [181; 322; 497]. На наш взгляд, вычленение данных двух признаков, один из которых можно отнести к экономическому параметру оценивания формы социальности, а второй собственно к социокультурному, указывают на неразрывную связь названных компонентов. Это означает, что социокультурная модель развития общества находится в тесной взаимосвязи с экономическими проекциями социальности. Не только изменения в экономических отношениях способствуют смене «общественно-экономической формации», как это утверждал К. Маркс, но и смена социокультурных доминант развития влечет за собой перемены в типах хозяйствования и экономической деятельности.

Капиталистический уклад общества как требующий специфического проекта культуры долгое время встречал сопротивление со стороны последней. Именно в категориях «сопротивления культуры» можно рассматривать проблему генезиса и развития капитализма. Стоит отметить, что данная идея, усматривающая в динамике социального функционирования, воспроизводящего капиталистические принципы развития, взаимопересечение, столкновение некоторых противоборствующих культурных начал, является предметом исследовательской рефлексии достаточно давно. К данной идее обращаются такие авторы как И. Валлерстайн, В. Катасонов, Ю. М. Осипов и другие. В то же время сегодня существуют весьма различные подходы к объяснению генезиса и динамики капитализма, однако факт «сопротивления культуры» тенденциям капитализации общественных отношений осознан и теоретически оформлен лишь в некоторых из них. Большинство авторов сосредотачивают свое внимание на иных причинах и факторах генезиса капитализма. Среди всего многообразия подходов к решению названной проблемы наиболее интересными можно считать следующие:

– «культурно-генетический» (М. Вебер, А. Тойнби, Ш. Эйзенштадт и др.);

- формационный (К. Маркс);
- коньюктурный (И. Валлерстайн, Г. Франк и др.);
- античноцентричный (П. Андерсон);
- феодалоцентричный (Б. Даунинг, Х. Даалдер и др.);
- техникоцентричный (Ж. Гимпел, В. Вильчек);
- геополитический (Р. Тоуни, Ю. Кузнецов);
- субъектоцентричный (А. И. Фурсов и др.);
- лингвоцентричный (Д. Макклоски);

В рамках *культурно-генетического* подхода причины возникновения капитализма усматриваются в закономерностях культурного, нравственно-религиозного развития общества. В частности, к данному направлению можно отнести труды М. Вебера, В. Зомбарта и др. Макс Вебер, как известно, в своих работах «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905), «Хозяйственная этика мировых религий» (1920), «Социология религии» (1921) писал о том, что причина возникновения капитализма заключена в специфичной нормативности протестантской этики, ориентирующейся одновременно на служение «Богу и мамоне». Идеи М. Вебера поддержали германские экономисты исторической школы (К. Бюхер, Л. Брентано и др.).

О соотношении религиозного фактора и причин возникновения капитализма писал английский ученый Р. Тоуни. В своей работе «Религия и возникновение капитализма» (1925) он не согласился с идеей М. Вебера о том, что протестантизм оказал прямое влияние на формирование «духа капитализма». С одной стороны, Р. Тоуни показал, что в раннекапиталистических обществах (Англия) преобладал не протестантизм вообще и не ранняя его форма – лютеранство, – но кальвинизм, точнее, его британская разновидность – пуританизм. С другой стороны, по мнению Р. Тоуни, несмотря на то, что исповедовавшая пуританизм Англия стояла в авангарде капиталистических новаций, причинность имеет обратный характер: не капитализм возник из пуританизма, а пуританизм распространился благодаря капитализму, т. к. собственно протестантизм вынужден был адаптироваться к капиталистическому развитию. Со временем, по мнению Р. Тоуни, произошло взаимоусиление названных факторов. На примере пуританизма можно наблюдать формирование установки общественного и индивидуального сознания на экономизацию добродетели:

подвергавшиеся остракизму на протяжении всей предшествующей истории существования общества принципы калькуляции во взаимоотношениях людей и накопления прибыли были легитимированы, что способствовало закреплению в обществе капиталистических норм [572]. Данную позицию «обратной причинности» разделял и британский социолог Э. Вестермарк (1862–1939). Он полагал, что произошло скорее влияние «капиталистического духа на теологическую догматику» [305, с. 346], а не наоборот. Сомнения в истинности выводов М. Вебера выразил и известный американский социолог Дж. Александер [5, с. 20–23].

Отличные от идей М. Вебера взгляды высказывал также В. Зомбарт, который в своих работах «Современный капитализм» (1902), «Евреи и хозяйственная жизнь» (1910), «Буржуа» (1920) пытался доказать, что на возникновение капитализма религиозный фактор все-таки влияет. Однако в деле формирования капиталистического уклада общества приоритетное значение немецкий социолог отдавал не молодой по историческим меркам религии протестантизма, но древней религии иудаизма.

На духовно-религиозных позициях относительно проблемы генезиса капитализма, прямо противоположных идеям М. Вебера, сосредоточены и некоторые отечественные исследователи (В. Катасонов, Н. В. Сомин). В частности, российский исследователь хозяйственной этики христианства Н. В. Сомин считает, что никаким особым мистическим духом протестантская этика не обладала. Скорее, она может рассматриваться как ослабление христианских позиций в мире. Именно протестантизм стал своеобразной «брешью» в твердыне культурной нормативности, отвергающей максиму накопительства и обогащения, сквозь которую в общество проникли установления, легитимирующие данные хрематистические (Аристотель) практики.

На *античноцентричных* позициях стоит Перри Андерсон, который пытался решить вопрос о соотношении античного и германского начала в генезисе европейской цивилизации. Данный автор склоняется в сторону античноцентричности, полагая, что именно античность греко-римского образца сыграла важнейшую роль в становлении облика современной европейской цивилизации и непосредственно причастна к оформлению в ней капитализма. В частности, он обращает внимание на некоторое типологическое сходство отношений, возникающих на основе рабства и отношений, складывающихся в капиталистическом обществе – их «универсальные коммерческие акты» и «прибыльное устройство» [14, с. 27]. Исследователь пишет: «Рабовладение, в

отличие от феодального манора, позволяло разделить место жительства и источник дохода, прибавочный продукт, который обеспечивал богатство классу собственников, мог извлекаться без его присутствия на земле. Связь между непосредственным сельским производителем и городским присвоителем его продукта не основывалась на обычае и не была опосредована самим земельным наделом (как в более позднем крепостничестве). Напротив, в ее основе лежал, как правило, универсальный коммерческий акт покупки товара, который осуществлялся в городах, где обычно были рынки рабов» [14, с. 25–26]. И далее «… рабство отражало самую радикальную коммерциализацию труда в городе: сведение всей личности работника к стандартному объекту покупки-продажи на городских рынках» [14, с. 26]. Интересной представляется и мысль П. Андерсона о том, что рабство позволяло состояться некоторому отхождению от натуральных форм хозяйствования, инициируя возникновение специфического деления социокультурного пространства на метрополию и зависимую от нее периферию, что во многом согласовывалось с принципами капиталистического уклада, способствовало закреплению нормативности последнего.

Стремление рассматривать античное общество как генетически предшествующее капитализму, как его типологический «протообраз», находит возражение у некоторых современных ученых. В частности, А. И. Фурсов выдвигает ряд тезисов-вопросов, в которых показывает, что античные элементы не играют существенной роли в становлении капитализма. Он указывает, что в тех регионах, где античное наследие было сильнее всего (Византия, Испания, юг Франции и т. п.), капитализм имел слабое влияние на складывающуюся в обществе систему отношений [462, с. 24]. Тем не менее ряд ученых усматривают в античном рабовладении и капиталистических формах организации социальности определенное типологическое сходство. Российский экономист В. Катасонов отмечает такие типологически сходные черты как рабовладение и существование ссудного процента [205].

Интересные мысли по поводу генезиса капитализма высказываются в рамках *феодалоцентричного подхода* (Б. Даунинг, А. Зольберг, Х. Даалдер). Х. Даалдер предполагает, что именно феодализм заложил основу для такой комбинации отношений между индивидами, группами и государством, которая гарантирует возможность индивидам и их ассоциациям выступать не менее значимым фактором общественного развития, чем государство. Это, по мнению автора, и стало решающим фактором в

развитии капитализма [479]. Б. Даунинг указывает на рост индивидуалистичного начала, благоприятная почва для развития которого сложилась в Европе под воздействием христианской религии в сочетании со специфическими нормами права.

Идею о том, что начало и первичное развитие «капиталистического духа» лежит в позднем средневековье, можно найти и у целого ряда других исследователей [21; 22; 94; 98; 253; 431]. Данный факт может быть понят следующим образом. Социальная ритмика традиционного общества отличалась ярко выраженной ориентацией на длительное, константное (устоявшееся), неуклонно воспроизводящее сложившиеся в предшествующий период развития социальные и культурные формы. Процесс изменения фундаментальных основ социального существования реализовывался на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Поэтому неудивительно, что если институционально оформленные проявления капитализма наблюдаются, начиная с эпохи возрождения – нового времени, то первые признаки возникновения капиталистических принципов построения социальных отношений мы можем найти задолго до этого, еще в эпоху Средневековья.

Однако традиционализм как строй мышления и образ действия, с одной стороны, предшествует и «вынашивает» отрицающий его дух капитализма, но с другой, противостоит и препятствует его развитию. В традиционном обществе человек сориентирован на воспроизводство устоявшегося образа жизни. Рост производства продукции в безграничном размере невозможен, так как он ограничен естественными пределами, ориентацией на производство потребительной стоимости. Создание продуктов производства служило целью удовлетворения естественных потребностей людей и, как правило, не выходило за рамки данной потребности. Тем не менее средневековье актуализировало такие формы жизнеобеспечения в европейском обществе (например, насильственные способы обогащения), которые в целом способствовали денежному накоплению и развитию капиталистических отношений.

На роль насильственных методов в деле становления капитализма указывали исследователи, которых условно можно отнести к представителям *геополитического* подхода. Суть их идеи заключается в том, что на развитие капитализма самым решающим образом повлияла эпоха географических открытий, создавшая благоприятные условия для военно-колониальной экспансии и грабежа. К примеру, современный исследователь капитализма Ю. Кузнецов пишет по этому поводу

следующее: «Процветание протестантских стран Северной Европы, начиная с XVI века, во многом объяснялось фактом Великих географических открытий – открытием Америки и, в особенности, северного пути в Индию» [238]. Исследователь С. В. Вальцев отмечает, что капитализм берет начало не с момента возникновения религиозной Реформации, а появляется как результат беспощадного грабежа колоний [95]. Российский экономист Р. Дзарасов, рассматривая масштаб колониальной экспансии западноевропейских народов с использованием военной силы, отмечает следующее: «... до начала XIX в. такие крупные страны Азии, как Индия и Китай, оставались вне сферы колониального закабаления, т. к. имели армии, сопоставимые с европейскими. Но с начала промышленной революции в Европе военные возможности колонизаторов резко возросли. Индия стала колонией Великобритании, а Китай подвергся разделу на сферы влияния соперничавшими державами» [161, с. 65].

На роль колониальной экспансии в деле утверждения капитализма обращали внимание такие классики политэкономической мысли, как К. Маркс и Ф. Энгельс. В частности, в «Капитале» К. Маркс пишет: «Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут обращались в капитал» [284, с. 757]. Однако утверждение о том, что К. Маркс рассматривает завоевательные походы, работорговлю и колониальную систему в качестве ключевой причины зарождения капитализма, является спорным. Представляется, что колониальная экспансия рассматривается К. Марксом не как решающий, а как второстепенный, производный от промышленного производства феномен. Немецкий мыслитель пишет: «Колониальная система, государственные долги, торговые войны и т. д. – все эти *отпрыски собственно мануфактурного периода* (курсив наш. – С. С.)» [288, с. 234]. К. Маркс полагает, что важнейшая для буржуазии потребность – это сбыт произведенной продукции. Именно она «гонит буржуазию по всему земному шару» [288]. Несмотря на характерное для немецкого мыслителя постулирование «вторичности» насильственных факторов по отношению к собственно экономическим при анализе причин возникновения капитализма, его высказывания о роли колониальной экспансии и других жестких методах в деле развития капитала может существенно дополнить базу аргументации представителей геополитического подхода. На наш взгляд, геополитический подход нуждается в дополнении, объясняющем, почему факт открытия других, более слабых в военном отношении

народов, инициировал колонизаторские проявления европейских народов.

Еще одна модель, описывающая причины развития капитализма, – т*ехноцентричная* – представлена именами Ж. Гимпела, А. Вильчека, полагающих, что решающую роль в данном процессе сыграли не политика или социальные новации в целом, но машины. В частности, Ж. Гимпел пытается опровергнуть представление о средневековье, в недрах которого зародился капитализм, как об исключительно аграрном обществе, в котором роль технологий и техники были ничтожны. Его перу принадлежит революционная по своему замыслу работа «Средневековая машина: промышленная революция Средних веков», в которой он утверждает, что «Средние века внедрили в Европу механизмы (машины) в таком масштабе, какого ранее не знала ни одна цивилизация» [549].

Весьма оригинальную точку зрения по проблеме генезиса капитализма предлагает американский исследователь И. Валлерстайн и его последователи. Они рассматривают капитализм как специфическое образование, возникшее в результате сочетания уникальных предпосылок, встретившихся в некотором историческом времени и культурном пространстве. В частности, экономическая гегемония европейских стран, позволившая занять им место «центра» в мировой системе хозяйствования, по мнению данных авторов, была связана с уникальным сочетанием целого ряда факторов (климатических, географических, политических, культурно-религиозных, научно-технических, наконец, экономических). В то же время не входящая в «центр» часть мирового сообщества своей «периферийностью» также способствовала развитию и установлению гегемонии стран восходящего капитализма и, более того, была непременным условием их доминирования.

Советские исследователи, основываясь на методологическом аппарате марксистской философии, не включая в круг теоретизирования посылы концепции мир-системного анализа И. Валлерстайна, тем не менее, приходили к сходным результатам, отмечая неоднородность феномена капитализма в различных регионах планеты и, в частности, существенное его различие в колониальных странах и странах-метрополиях. Они выделили такое понятие как «квазитоварные» и «квазикапиталистические общества» (Н. А. Нуреева), рассматривая их как «аномальные формы хозяйства». В частности, Н. А. Нуреева отмечает: «квазитоварное» хозяйство характеризуется тем, что высокий уровень товарности является здесь в большей степени результатом

внеэкономического принуждения к труду, чем отражением действительного уровня развития общественного разделения. К таким формам производства приводила, к примеру, политика колониальных властей в налоговой сфере, монокультурная (насаждаемая) специализация сельскохозяйственных районов, а также широкое применение докапиталистических внеэкономических методов эксплуатации» [314, с. 17].

Интересно отметить, что, по мнению И. Валлерстайна, капитализм не был единственным вариантом выхода из сложившегося в феодальном обществе кризиса [575]. Исследователь указывает, что капиталистические тенденции в отдельных своих элементах присутствовали в обществе и ранее, однако древнее европейское общество так же, как и большинство других докапиталистических обществ, было способно заблокировать образование из данных элементов некоторой целостной системы [94, с. 46].

Современная аналитическая мысль по-разному относится к объяснительной модели И. Валлерстайна. Одни исследователи не разделяют его позицию [462], другие работают в сопряженной с его идеями логике [162]. В частности, указание на существование лакун капиталистических отношений в докапиталистическом обществе можно найти еще в трудах у Т. Моммзена, Э. Майера, М. Вебера, С. Лозинского, а также у современных авторов Т. Е. Тарле, Ж. Эрса, В. Катасонова, О. В. Евграфовой и других. Идею «антикапиталистического иммунитета» общества разделяют В. Катасонов, Н. В. Сомин и другие. Историк рубежных десятилетий XX века – профессор С. Г. Лозинский – указывает на наличие в Древней Греции наемного труда. Он пишет: «В города стекались не только рабы, но и свободные граждане, искавшие новых заработков» [265, с. 56]. Известный историк Е. В. Тарле также отмечает факт вольнонаемничества в средневековом обществе: «В Северной Италии в XIII веке уже является новый класс, признаки которого еле намечаются в предшествующие столетия: вольнонаемные работники. Этот класс развился из среды вилановъ, которые, будучи в весьма малой степени обременены барщиной, продавали своим же и соседним крупным владельцам свой труд за деньги или за плату натурою; пополнялся вольнонаемный рабочий класс еще из бездомной голытьбы – массы отпущенных на свободу и беглых рабов. Исследователи нашли кое-какие документы, восходящие к XIII веку, в которых речь идет уже об охране работодателей от чрезмерной требовательности этих вольных

аграрных работников» [431, с. 176.].

Французский медиевист Жак Эрс в своей работе «Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты» утверждает: «Вопреки общепринятому мнению, капитализм родился в средние века и широко распространился с XIII по XV в. в разных формах: денежные займы и спекуляции (слово «биржа», от фамилии семейства из Брюгге, появилось именно тогда), активно действующие торговые и финансовые кампании. Его практиковали не одни только евреи и ломбардцы, местные бюргеры в качестве капиталистов были намного более многочисленны, чем иностранцы, и даже самые малоимущие вносили в него свой вклад, покупая акции» [522, с. 317]. Очевидно, что уже в докапиталистическом социуме развивались элементы буржуазного уклада, такие как наемный труд, профессиональное накопительство, предпринимательство, товаризация денег и другие, однако они не получали культурной легитимности, сдерживались существующей культурной традицией и неизбежно входили в антагонистические отношения с нею.

Мы также разделяем позицию названных авторов и полагаем, что капиталистические принципы и соответствующие им формы социального взаимодействия присутствовали в культуре с древних времен, однако в силу того, что на уровне индивидуального и общественного сознания данные нормы не только не получали своей легитимности, но активно сдерживались культурной традицией, они не получили достаточного развития в традиционном обществе. Космоцентричная ориентация древних обществ, и тем более теоцентризм Средневековья препятствовали разрастанию капиталистических тенденций. Отдельно заметим, что свидетельством относительно успешного подавления капиталистических тенденций в эпоху Средневековья в Западной Европе может служить факт достаточно длительного по временным меркам (более тысячи лет) существования собственно самой средневековой доктрины и аутентичного ей уклада общественного развития. Сохранение аутентичного средневековью культурного и экономического уклада осуществлялось, несмотря на то, что и товарное производство, и мобилизация денежного капитала, и ссудно-долговые отношения, и обмен присутствовали в данном обществе. Однако эта – оппозиционная по отношению к капиталистическим принципам развития – культурная традиция на каком-то этапе перестала выполнять свои сдерживающие экспансию капитала функции: средневековое общество утратило социокультурный иммунитет (невосприимчивость) и

не смогло больше оказывать достаточно серьезный отпор вызревающим в его недрах и набирающим силу капиталистическим тенденциям. В результате этого в Западной Европе сложилась особая капиталистическая система, стремительно расширившаяся до мировых масштабов.

Таким образом, апплицируя идею экономоцентричной парадигмы на проблему генезиса капитализма, можно отметить, что хотя элементы отношений, свойственных капиталистической системе, в некоторой степени присутствовали в античном и феодальном обществе, в целом капиталистическая система как доминирующий строй общественного функционирования не могла реализоваться в силу некомплементарности данных отношений ведущим смысловым доминантам общественного и индивидуального сознания, проявление которых реализовывалось на всех уровнях институциональной системы. В частности, если накопительство как таковое не могло быть допущено даже на уровне рациональности, а относилось к категории безумия [458 ; 513], то неготовность общества к поддержанию активности его членов в деле преумножения капиталов была очевидной. В то же время факт появления, утверждения и стремительного разрастания в пространстве средневекового социума институтов мобилизации капитала (банки, биржи и т. п.) свидетельствует о том, что императивы экономоцентризма стали проникать в культурную сферу западноевропейского общества и активно «обосновываться» в ней. Вне легитимирующего воздействия данных императивов закрепление капиталистических новаций на уровне социокультурных институтов было бы невозможным.

В данном случае социокультурная парадигма экономоцентризма сыграла значительную роль, т. к. выступила своеобразным аттрактором, «притягивающим» вероятность развития общества по капиталистическому сценарию. Представляя собой в начале собственного функционирования фактор субъективистского характера (совокупность представлений и мировоззренческих установок отдельных социальных субъектов), данная парадигма постепенно вышла за рамки последнего, все более объективируясь, закрепляя инициируемые названными субъектами новации на институциональном уровне. В результате возникла ситуация, когда «творцы» данных инноваций стали уже заложниками возникших тенденций – «капиталистами поневоле» (Р. Лахман). Логика развертывания экономоцентричной парадигмы увлекла общество, предложив ему такие формы и принципы взаимодействия, которые до этого в полной

мере не осознавались и не предполагались им.

Продолжая рассматривать вопрос о теоретических изысканиях по вопросу генезиса капитализма, отметим, что значительным эвристическим потенциалом обладает *субъектоцентричная* концепция, наиболее отчетливо артикулированная А. И. Фурсовым. В своих рассуждениях известный российский историк опирается на идеи Г. Ф. Г. Гегеля о критериях социального прогресса. Согласно Г. Ф. Г. Гегелю, прогресс общества нарастает по мере осознания им свободы. С развитием самосознания народов растет уровень их исторической субъектности, что способствует усилению роли субъективного фактора в истории в целом, прогресс социума нарастает. Эксплуатируемые колонизаторами страны по мере осознания собственной субъектности отказываются от позиции пассивного объекта, становятся полноправными членами мирового сообщества.

Самым известным в отечественном научном пространстве является *формационный* подход к объяснению генезиса и динамики капитализма. Несущей конструкцией данного подхода является представление о производительных силах и производственных отношениях, задающих динамику общественному развитию. Переход к мануфактурному, а в последующем к индустриальному промышленному производству имел решающее значение, согласно К. Марксу, для возникновения капитализма.

Данная тема – решающего значения промышленной (индустриальной) формы организации общества в деле становления капитализма – проходит через все учение К. Маркса. Его идейные предшественники (например, К. А. Сен-Симон), осознавая в полной мере роль промышленного капитала в деле формирования капиталистического типа социальности, в то же время указывали, что важнейшим системообразующим элементом капиталистической системы выступает банковский сектор: «Класс промышленников, все более преуспевающий, отвоевывающий все новые и новые позиции у феодального строя, получил законченную организацию лишь в XVIII веке с образованием нового вида промышленности, частные интересы которой были тождественны с общими интересами всей промышленности. Этот вид промышленности – банковское дело. Земледельцы, фабриканты и торговцы до возникновения банков составляли отдельные корпорации. Банк объединил их в единой системе кредита, придав тем самым классу промышленников, взятому в целом, такую денежную силу, какой не обладают ни все остальные классы вместе, ни даже государство» [395, с. 14].

Вопрос о решающей роли банков для формирования капиталистической системы, о подчинении банками промышленной индустрии была развита учениками К. А. Сен-Симона, а также нашла отражение в трудах исследователей, разрабатывавших тему финансового капитала (Р. Гильфердинг и др.). Тем не менее собственно у К. Маркса вопрос о роли кредитно-дебиторских, долговых отношений, институциализировавшихся на уровне мобилизировавшей и аккумулировавшей капитал банковской системы, в достаточной степени не разрабатывался. Именно поэтому отечественная философская традиция вопросу долговых отношений в деле формирования капитализма уделяет незначительное место.

Исследование генезиса капитализма в советской философии и истории опирается преимущественно на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, развивая заложенную данными авторами методологическую установку относительно происхождения и динамики капиталистической системы. В качестве опорных трудов избираются работы К. Маркса «Так называемое первоначальное накопление капитала» и В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Империализм как высшая стадия развития капитализма» и другие.

Примечательно, что классик немецкой политэкономии К. Маркс, известный своей ярко выраженной критичной по отношению к капиталистическому укладу общества позиции, через экономическую лингвистику, с одной стороны, и содержание собственных идей относительно проблемы социального развития, с другой, заложил возможность амбивалентного понимания названного типа устройства. Данное утверждение можно обосновать следующим образом:

Во-первых, К. Маркс в своей теории абсолютизировал роль отношений человек – вещь, т. е. собственно тех «вещных» отношений, за которые он критиковал капитализм, поскольку центральной единицей анализа в его работах выступает понятие «производительные силы», представляющие собой не что иное, как человеческая трудовая деятельность в ее соотнесенности с вещами – средствами производства. Введение в оборот данного понятия, сконструировавшего космос человеческого бытия вокруг операций с предметами, и способного стать универсальной единицей анализа разрозненных проявлений человеческой активности, не просто придало научный характер рассуждениям К. Маркса, но одновременно легитимировало в глазах общественности культурную норму праксиологичности как высшую по отношению к

другим формам самопрезентации личности и социума. Именно практические (у Маркса – трудовые) отношения взошли на вершину социальной иерархии как имеющие первостепенное значение для человека, общества и бытия в целом. Тем самым была предъявлена претензия к онтологической основательности мира как первозданному, данному (Богом, природой) феномену, вне модернизаторской трудовой активности субъекта не легитимной в глазах общества. Мир может раскрыться в своей полноте, согласно К. Марксу, только через усовершенствующую его деятельность производящего субъекта.

Интересно, что идейные оппоненты данной логики «пантрудизма» не перестают множиться и по сей день. К ним можно отнести уже отмечавшиеся работы К. Поланьи, предложившего рассматривать единицей анализа экономических взаимодействий не производящую деятельность субъектов в их ориентированности на вещный мир предметов – развитие производительных сил, а сопутствующую ей систему межличностных отношений (редистрибуция, реципрокность, обмен). Также это идеи Ю. Хабермаса, утверждающего, что процесс самосозидания человечества не может ограничиваться только трудовой сферой, но с неизбежностью вовлекается в систему межличностной коммуникации. Тем самым он признает наличие двух видов рациональности: экономической и коммуникативной, указывая на роль отношений человек-человек.

Во-вторых, рассматривая вопросы производительных сил, К. Маркс указывал на так называемое «органическое строение капитала», развивать которое капиталисты стремятся путем непрерывного «совершенствования производительных сил». В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс, в частности, пишут: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства» [286, с. 28]. «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств обращения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации» [286, с. 29]. И далее: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для

судоходств, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда» [286, с. 30].

Благодаря данной установке относительно исключительно позитивной роли, которую предположительно играет капитал в деле развития техники и технологии, в обществе, воспитанном на марксовом учении, закрепилось представление о том, что стремление к развитию технологий является родовой чертой капитала как такового. А поскольку основное внимание К. Маркса было сосредоточено на производственной форме капитала, это, в свою очередь, означало, что капитал стремится внедрять в производство новейшие технические разработки. Заметим, что на сегодняшний день накоплен достаточный теоретический и эмпирический материал, показывающий, что технологические новшества не интересуют капитал как самостоятельная цель, но лишь в том случае, если они выступают более эффективным средством для получения прибыли. В случае если эффективнее получать прибыль не за счет усовершенствования развития средств производства, а иным путем, капитал будет заинтересован в остановке технологического развития, используя данный прием как способ препятствия оттоку материальных средств в сферу социокультурного строительства, снижающего сверхприбыльность его доходов.

Для обоснования данного положения обратимся к историческому примеру, описанному еще К. Каутским, который в своей работе «Происхождение христианства», рассматривая соотношение древнего крестьянского и пришедшего ему на смену рабского хозяйства, указывал, что появление возможности обогащаться за счет рабского труда, использующего более примитивные орудия производства, была реализована господствующим классом в полной мере, несмотря на то, что с точки зрения уровня производительности труда и развития средств производства данный способ обогащения был существенно более примитивным. Каутский пишет о регрессе техники в тот период, поскольку обогащение эффективнее достигалось за счет «парализации свободного крестьянина», массовой доставкой рабов и ростовщичества: «..рабское хозяйство технически означало не прогресс, а регресс, … оно истощало не только господ и делало их не пригодными к труду, но уменьшало также производительность производительных рабочих, за исключением разве только некоторых предметов роскоши. Кто сравнивал *новый способ производства* (курсив наш. – С. С.) на основе рабского труда с

вытесняемым и разоряющимся свободным крестьянством, тот замечал не подъем, а упадок» [207, с. 81].

Представляется, что данная формула является универсальной для всякого обогащения вообще, и капиталистического, в частности: получение прибыли любыми наиболее выгодными в данный момент средствами выступает ведущей установкой экономического поведения *вне непосредственной ориентации* на уровень развития производительных сил. Сегодня, когда капитал принимает фиктивную финансовую форму, и рост сверхприбылей никак не связан с реальным производством, проблема снижения уровня развития тех составляющих, которые являются условием совершенствования средств производства (наука, образование и т. п.), обозначается в полной мере. При этом особое значение в понимании того, что капитал не всегда заинтересован в развитии производительных сил, имеют разработки представителей концепций неравного развития (мир-системного анализа, концепций периферийного капитализма, теории насаждения отсталости и т. д.). Как отмечает Р. Дзарасов, технический прогресс весьма избирательно поддерживается капиталом: в странах, относящихся к капиталистическому «центру», данный прогресс приветствуется, а для стран «периферии» он не предусмотрен, их удел – трудоемкость, низкий уровень развития производительных сил: «… *возможности технического прогресса и степень развития науки и образования определяются положением страны в мировой хозяйственной системе»* [162, с. 293].

При этом избирательность в отношении поддержки производительных сил просматривается также и на уровне «центра» капиталистической системы. На сегодняшний день совершенно несостоятельной представляется мысль о том, что крупный капитал, обладающий большими накоплениями («свободными деньгами»), склонен к развитию новых технологий, внедрению их в производство. Сам по себе финансовый капитал нуждается только лишь в минимизации собственных издержек. Высокий уровень платы за работу в IT сферах, развитие компьютерных технологий финансируется современным финансовым капиталом не потому, что данная сфера способствует повышению производительности труда, но потому, что компьютерные технологии являются условием воспроизводства и тиражирования финансового фиктивного капитала. Виртуальные сделки, операции с производными финансовыми инструментами в мировых масштабах, скорость протекания которых сводится к

нескольким минутам и даже секундам, возможны только при условии наличия мирового компьютерного техногиганта, выступающего сегодня основным средством производства финансового капитала. В то же время реальный сектор производства требует совсем других разработок – в сфере фундаментальной науки, в области работы с реальным веществом и энергией. Именно для развития реального производства востребованы фундаментальная наука, высокое качество образования и т. п. Для современного финансового капитала данные институты избыточны, они не являются условием получения максимальной прибыли, поскольку последняя сегодня в большей степени возможна за счет развития финансовой сферы, а не за счет развития производства. Как справедливо отмечает современный российский экономист Р.С. Дзарасов, крупнейшие субъекты мировой капиталистической системы в условиях кризиса мирового производства, сопряженного с падением прибылей, получаемых за счет производительных активов, никоим образом не сориентировались на развитие техники и технологий, способных увеличить производительность труда, но встали на путь усиления эксплуатации периферии мировой хозяйственной системы, начали активный поиск дешевого труда, что привело в делокализации производства в направлении от центра к периферии, стремительному росту трудоемких технологий: «В 1990-е годы 1,5 млрд. (!) новых рабочих из Китая, Индии, республик бывшего СССР удвоили объем мирового рынка труда… В результате в последние два-три десятилетия мир движется в направлении, обратном техническому прогрессу» [162, с. 295].

В-третьих, рассмотрение вопроса социальной динамики сквозь линейную модель прогрессивного развития возвысило капиталистический уклад общества над всеми остальными «докапиталистическими» укладами не только хронологически, но и типологически. В частности, К. Маркс пишет: «В простом понятии капитала должны содержаться его цивилизирующие тенденции» [286, с. 302]. Таким образом, немецкий экономист-идеолог, критикуя капитализм, предложил альтернативу данному типу социально-экономической организации общества на основе экономического детерминизма, что косвенным образом внесло свой вклад в апологетику в отношении постулируемых капитализмом ценностей. Особенно наглядно данная составляющая марксова учения видна в «отраженном свете» его теории, характерном для последователей идей Маркса в России. Рассматривая достаточно многочисленные труды русских марксистов: раннего С. Н. Булгакова «О рынках при капиталистическом

производстве» (1897), А. А. Богданов-Малиновского «Краткий курс экономической науки» (1897), Л. Б. Красина «Судьбы капитализма в Сибири» (1897), Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894), М. И. Туган-Барановского «Периодические промышленные кризисы» (1894), В. И. Ульянова «К характеристике экономического романтизма» (1897), «Развитие капитализма в России» (1899) и другие, можно отметить, что все они проникнуты идеями, во-первых, о том, что капитализм в России может состояться в полной мере, а, во-вторых, что капитализм – прогрессивный путь не только экономического, но и культурного развития для России.

Например, П. Струве рассматривал марксизм как полезное и необходимое для России учение, способное, по его мнению, дать ей исчерпывающие научное представления о капитализме, а также «условно-историческое оправдание капитализма» [425, с. 348]. В своей работе «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» он прямо писал об «экономической и культурной отсталости» России, в силу чего, по мнению П. Б. Струве, развитие экономических процессов здесь будет проходить намного медленнее и тяжелее, чем в Америке [425, с. 261]. При этом собственно возможность прогрессивного развития П.Б. Струве видел не иначе как по капиталистическому – высшему по отношению к все еще во многом аграрной и сохранившей традиционный уклад жизни России – пути, идеалом которого для русского теоретика выступало развитие Северо-Американских Соединенных Штатов. П.Б. Струве высказывал мысль о том, что если Россия и найдет в себе возможность (умения, желания, средства и способности) для экономического развития, то это развитие неизбежно будет калькой с народно-хозяйственного типа Соединенных Штатов Америки [383]. Обращаясь к опыту построения социально-экономических и социокультурных отношений в Америке, П. Б. Струве обращал внимание на тесную связь между ними. По мнению мыслителя, западноевропейская хозяйственно-культурная традиция была проникнута идеями частной собственности, индивидуализма, а также уверенностью в незыблемости экономических свобод. Именно благодаря этому (нераздельной связи экономических процессов и важнейших принципов культуры) Соединенные Штаты активно продвигались по пути экономического прогресса [425]. При этом, по мнению П. Б. Струве, если рассматривать капитализм как самостоятельное

явление, то сам по себе он не является главным источником жесточайшего неравенства, имущественного и статусного расслоения в обществе, но наследует эти черты от предшествующих форм социоэкономического развития (рабовладельческой, крепостнической формаций). Со временем капитализм как более совершенный уклад жизни будет смягчать неравенство, ослаблять зависимость одних людей от других, поскольку капиталистическое крупное рационалистическое производство может расширяться лишь при условии роста потребления народных масс. Ярко выраженная убежденность не только в экономическом, но также и культурном превосходстве капитализма особенно наглядно проявилась в итоговой фразе книги Б. П. Струве: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» [425].

Приверженность идеям «прогрессивного капитализма» в целом характерна для всего марксистского крыла русской философии, усматривающем в западноевропейском развитии образец для подражания. Это свидетельствует о том, что представители марксистского направления русской философии в мировоззренческом отношении оказались наиболее восприимчивыми ко все четче оформляющейся нормативности экономоцентричной социокультурной парадигмы. В этом смысле они выступали своеобразными пионерами экономоцентризма в России, несмотря на то, что многие из них (С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский), осознав противоречивость и антагонистичность идей экономоцентризма нормам той культурно-цивилизационной идентичности, которая характерна для русского народа, отошли от нее.

При рассмотрении вопроса о генезисе капитализма вызывает интерес исследовательская установка, которую условно можно обозначить как *«лингвоцентричная»* концепция. В неявном виде она разделяется философами-постмодернистами, усматривающими в экономике не столько онтологический феномен, сколько реализацию специфических отношений, зависимых от языковых практик. В наиболее отчетливой форме эти идеи выражены в воззрениях Д. Макклоски. Всматриваясь вглубь экономической истории, Д. Макклоски приходит к выводу о решающей роли дара речи и таланта убеждения в деле осуществления промышленной революции и росте благосостояния Западной Европы, наиболее очевидно проявившегося в капиталистическую эпоху ее существования. Д. Макклоски предлагает идею о существовании такого фактора хозяйственно-экономического развития как риторические способности человека, которые, наряду с развитием технологий и

привлечением инвестиций, оказывают самое серьёзное влияние на хозяйственную деятельность. Экономический успех Британии в эпоху становления капитализма автор объясняет тем, что там сложилось специфическое культурное пространство, где изобретатель мог уговорить инвестора или законодателя [271].

Воззрения Д. Макклоски, усматривающего истоки развития капитализма в речеязыковой сфере, являются своеобразным завершающим этапом развития методологических воззрений, у основания которых находятся работы Фердинанда де Соссюра – швейцарского языковеда, заложившего основы структурной лингвистики. Если методологические посылы теории К. Маркса прежде всего выражали сомнение по поводу онтологической состоятельности материального мира, который, благодаря ангажированному отношению к нему капиталиста, превращался в искусственный мир производных от экономики феноменов, то Ф. де Соссюр распространил названный принцип и на сферу нематериального – духовного – производства, указав на независимость речевого знака от референта, подчинение его законам автономного знакового обмена. Очевидно, что данная идея родилась у Ф. де Соссюра не случайно. Будучи представителем западноевропейской цивилизации, к тому моменту в полном объеме воспринявшей нормы социокультурной парадигмы экономоцентризма и хорошо знакомой с капиталистическим типом социальности, автор «коперниканского поворота» в лингвистике артикулировал те идеи относительно языка, которыми подспудно было проникнуто новоевропейское общество уже не одну сотню лет. Это прежде всего идея восприятия языка как товара, как феномена, подлежащего искусственному производству и обмену. Данная возможность коммерческого отношения к языку была открыта обществом еще с момента возникновения книгопечатания. Объективированная жизнь мысли, выраженная в языке, который создается по заказу потребителя и платежеспособного заказчика, стала слишком хорошо знакомым явлением для общества модерна, чтобы остаться незамеченным интеллектуальным истеблишментом. Как отмечает относительно литературной деятельности эпохи Просвещения известный филолог А. М. Панченко, «… писатель, сочиняющий по обету или по внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу» [337, с. 125]. И если вначале этот «заказ» исходит от государства, то с появлением частных изданий «заказной» характер словотворчества приобретает все более коммерческий характер. На осознание факта коммерциализации слова указывает, к примеру, то обстоятельство, что уже к XIX

веку достаточно оформившиеся издательская промышленность и книжная торговля пытаются полностью освободиться от императивов содержательности собственных изданий, подчинить их логике экономической выгоды. Как пишет исследователь проблемы печати рубежных десятилетий XIX–XX Э. В. Летенков, «… понятие книги, журнала, газеты отрывается от собственной сущности, переносится в иную сферу и получает новое наименование: товар» [264, с. 104]. Товарная сущность печатной продукции напрямую связывается с капиталистическим устройством общества и активно критикуется марксистским крылом русской философии. В частности, В. И. Ленин писал: «Капитализм делает из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богатства, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачивания для массы трудящихся» [261, с. 133].

В этих условиях рождение идей современника описываемых событий Ф. де Соссюра выглядят достаточно естественными и закономерными: по аналогии с принципом автономизации экономики, освобождения ее от давления культурных императивов и реальных запросов общества, от «потребительной стоимости» (К. Маркс) произведенных продуктов, для существования языковой реальности также признается возможным принцип автономизации. Широкое применение данного принципа указало новое направление деятельности социальному классу создателей «текстов», позволяющее им погрузится в мир виртуальных игр с текстуальностью, никак не обремененной обязательствами перед бытием отражать его реальную сущность.

Положения структурной лингвистики, обосновавшие эмансипацию языка от описываемой им реальности, были восприняты, в частности, теоретиками постструктурализма и представлены ими как универсальный принцип понимания современной действительности, наполненной произвольными мирами-конструкциями, в котором каждый желающий может найти свою нишу, ничего общего не имеющую с обязывающей определенностью бытия. Принципу однозначного «структурного объяснения» произведения постструктуралисты противопоставили принцип его множественного смыслового «прочтения», тем самым своеобразно применив марксово повествование о действительности как об искусственно производимом мире к области языка и литературы, указав на феномен «семиотического производства». При этом фигуру автора-конструктора представители постструктурализма «расщепили» на множество дискурсивных инстанций и распылили в интертекстовых кодах.

Таким образом, стратегически значимым для возникновения мира тотального обмена и рынка было рождение принципа деонтологизации бытия, ощущения его как искусственно созданной конструкции, возникающей не только на основе «покоренной» материальной природы, но и в результате «овладения» духовно-смысловым измерением жизни. Чтобы данные тенденции могли оказать серьезное влияние на развитие культуры, ощущение противоречия между онтологичным и виртуальным неизбежно должно было закрепиться на уровне массового сознания.

Характерно, что данное отрицание бытийственности шло поступательно и последовательно не одну сотню лет. Онтологическая состоятельность, воспринимаемая традиционным обществом как условие легитимности возникающих в его глубинах отношений неравенства, выступала важнейшим фундаментом социальных и культурных взаимодействий. Тем не менее опыт подрыва доверия к онтологической основательности бытия мы находим уже в средневековье.

Средневековое философское течение *номинализма*, утверждавшее, что общее (универсалии) существуют только в человеческом сознании, в мысли, а реально их нет, стало предтечей виртуальных игр с бытием. Универсалии не существуют ни в чистом виде, ни в единичных вещах. Как справедливо отмечает О. В. Евграфова, возникновение номинализма самым серьезным образом повлияло на средневековую культуру, способствовало формированию идейного комплекса, характерного для новоевропейской буржуазной философии. В частности, исследовательница пишет: «Предположения, что слово может «играть», что за ним ничего не стоит, наносит мощный удар по традиционализму, ибо подрывает веру в укорененность бытия, незыблемость его основ, а также открывает путь индивидуализму» [170].

Один из первых представителей номинализма французский богослов и философ Б. Турский, в своем главном сочинении «Святая трапеза» прямо указывал на то, что, по его мнению, реальны и действительны только чувственно воспринимаемые вещи, а универсалии не обладают реальным бытием. Последователь Б. Турского И. Росцелин учил, что существуют единичные вещи, а общие понятия – лишь наименования – «номены». В социальной плоскости это означало, что реально существуют лишь индивиды, а коллективные формы жизни – это лишь совокупность индивидов. Не менее отчетливо схожие мысли высказывал У. Оккам. По его мнению, нельзя утверждать, что универсалии существуют в действительности, а не исключительно в уме человека. По

мнению мыслителя, всякое познание реальности связано с непосредственным постижением единичных или индивидуально существующих вещей.

Абсолютизировав роль единичного, номиналисты внесли не виданные традиционным обществом, не знающим норм индивидуализма, представления в сознание элит, если и не применивших непосредственно данные идеи на практике, то хотя бы пополнивших ими «багаж» общественного сознания. А замена онтологической сущности слов на гносеологическую, помещение ее в произвольность индивидуального сознания сделали речевые практики зыбкими, зависимыми от специфических конструкций индивидуального мировосприятия. Тем самым культура традиционного общества в своих недрах выносила идеи, ставшие впоследствии основой ее разрушения, а также отрицания укорененных в ней норм, так не похожих на нормы возникшего капиталистического общества.

Ф. де Соссюр продолжает возникшую в средневековье традицию деонтологизирующих представлений о мире, рассматривая под данным (деонтологизирующим) углом зрения уже не просто единичные слова, но язык-речь в целом. В рамках описанной восприимчивости новоевропейского общества к проблеме языкового обустройства собственного мира можно понимать те дискуссии, которые развернулись в начале – середине XX вокруг языкового выражения социальной самоидентичности капиталистического общества. Имеется в виду дискуссия о правомерности использования понятия «капитализм» применительно к западноевропейскому социуму. В русле открытий современной лингвистики, показывающих, что язык не просто «воспроизводит» мир, но «вызывает его к жизни» [271], ярко выраженная активность социума в деле повествования о проблемах капитализма может рассматриваться, с одной стороны, как попытка препятствовать развитию названных тенденций в обществе, с другой – как ей противоположную тенденцию закрепления господства названного социального уклада.

Обратим внимание на то обстоятельство, что существовавшая на протяжении XX века жесткая оппозиция идеологии двух систем – капиталистической и социалистической – оказывала существенное влияние на развитие теоретической мысли в философии и науке, в том числе и по проблемам капитализма. В частности, по данному вопросу можно наблюдать следующие тенденции. С одной стороны, резкая критика капиталистического уклада общества со стороны идеологических оппонентов

капитализма в лице советской науки, с другой – явная или скрытая апологетика со стороны философской мысли, представляющей капиталистическую систему «изнутри». В лоне собственно капиталистической цивилизации возникают труды теоретиков, выступающих апологетами капиталистической парадигмы развития социума: П. Бергер «Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе», С. Бриттан «Капитализм с человеческим лицом», Л. Фон Мизес «Капитализм», «Антикапиталистическая ментальность», Луис М. Хэкер «Об антикапиталистическом уклоне американских историков», Бертран де Жувенель «Интерпретация капитализма европейскими интеллектуалами», это также труды Т. С. Эштона, У. Х. Хатта и других. Соответственно, противоположная, критикующая капитализм ветвь философской мысли, находила опоры в трудах социалистов-утопистов, трудах К. Маркса и его последователей.

В этой непримиримой дихотомии вплоть до 80-х годов XX века наблюдалась тенденция к подтверждению (утверждению) собственной идентичности со стороны представителей социалистического самосознания и стремление смены самоидентификации со стороны их маркированных как «капиталистические» оппонентов. Характерно, что значительную роль в этом противостоянии сыграли методы «экономической лингвистики». В частности, основные дискуссии развернулись вокруг собственно понятия «капитализм».

2.1.3 Капитализм как понятие и феномен современного общества

Долгое время собственно слово «капитализм» не являлось общеупотребительным. Для принятия норм, устанавливаемых стремящимся к самовозрастанию капиталом, понадобилось не одно столетие. По оценкам исследователей, слово «капитализм» приобрело употребление, лишь начиная с 1867 года, когда был издан первый том «Капитала» К. Маркса, а также после выхода в 1902 году работы В. Зомбарта «Современный капитализм». Отечественные исследователи данного вопроса утверждают, что российские марксисты активно использовали понятие капитализма уже в конце XIX века. К примеру, хорошо известна работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности», изданная под псевдонимом Владимир Ильин в 1899 году.

Несмотря на то, что к концу XIX – началу XX века понятие «капитализм» прочно

вошло не только в научный дискурс, но и стало общеупотребительным на уровне обыденного сознания, особенной популярностью оно не пользовалось. Развернувшаяся критика капитализма, обнажение жесточайших противоречий, которые таила в себе стоящая за ним реальность, привели к тому, что собственно капиталистическое общество не стремилось утверждаться в самоидентификации, прибегая к понятию «капитализм».

Еще перед второй мировой войной американский социолог Р. Энджел писал: «В настоящее время в большинстве, особенно развитых, капиталистических стран термины «капиталист», «капитализм» превратились почти в бранные слова. Они звучат так же, как, например, слова «спекулянт» или «вымогатель». Даже сами капиталисты сейчас, как правило, обижаются, если их назовут своим именем. Они хотят, чтобы их называли «производителями», «строителями»», «конструкторами» [492]. В этом аспекте можно вспомнить развернувшуюся уже в послевоенные годы (конец 40-х–начало 50-х годов) полемику относительно правомерности использования при описании западноевропейских обществ самого понятия «капитализм». В ней явно прослеживается попытка заменить его на такие понятия, как «народный капитализм», «демократический капитализм», «гуманный капитализм», «экономический гуманизм», «государство всеобщего благоденствия». Американская печать 50-х годов прямо замечала, что она не согласна со словом «капитализм», если оно применяется к США. К примеру, личный представитель президента Эйзенхауэра Лодж в 1959 году заявил, что в США существует не монополистический капитализм, а «экономический гуманизм» [492]. В конце 60-х гг. миллионер Гарриман отметил: «Наша экономическая система мало чем сходна с марксистской концепцией капитализма вековой давности, и мы должны отказаться от этого слова» [492, с. 2]. В марте 1956 года газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Отсутствие подходящего названия ставило нас в затруднительное положение в *мировой борьбе за умы людей* (курсив наш. – С. С.). Народный капитализм должен заменить эту пустоту» [цит. по 492, с. 10].

Особую популярность концепции «народного капитализма» (М. Надлер, М. Сальвадори, Дж. Коул, К. Фастон и др.) принесла тиражируемая ею идея о повышении уровня жизни некапиталистических слоев общества за счет изменения характера распределения собственности («теория демократизации капитала» и «диффузии собственности» Т. Карвера), предполагающая возможность обладания

акциями как ассоциированной формой собственности широкими массами населения. Привлекали призывы к уменьшению разрыва между уровнем благосостояния различных слоев общества, чему способствовала теория «революции в доходах» (С. Кузнец и др.), появление нового состоятельного слоя несобственников – менеджеров (теория «революции управляющих» А. Берли, Дж. Бернхем, Г. Минэ).

Не менее популярной была концепция «государства всеобщего благоденствия» (К. Боулдинг, М. Брюс, Г. Мюрдаль, А. Пигу, О. Поллок, Дж. Стрейч, Ф. Хансен и др.), ориентированная на повышение роли государства в социальном обеспечении населения. Идущая от О. фон Бисмарка идея социальной защиты населения с целью устранения бунтов и повышения подконтрольности его государству на практике привела к достаточно хорошо развитой системе социальной поддержки широких масс, что позволило известному французскому философу Ж. Фурастье назвать послевоенное время господства теории и практики общества «всеобщего благоденствия» «славным тридцатилетием».

По поводу этого золотого времени британский социолог польского происхождения Зигмунд Бауман написал, что оно представляло собой три десятилетия «беспрецедентного развития и укрепления богатства и экономической безопасности на процветающем Западе» [44, с. 23]. В итоге уже в 60-е годы американский социолог Дж. Кэтлин писал, что термин «капитализм» «больше не соответствует современной экономической системе, существующей в Соединенных Штатах» [548, p. 47]. По словам другого американского социолога, М. Харрингтона, капитализм сам собой движется к своему концу «массивно и незаметно, как ледник» [552, p. 78].

Это активное стремление смены социально-экономической идентичности, в которое были вовлечены элиты западноевропейского общества (от президентов, ученых и философов до журналистов), свидетельствовало о многом. С одной стороны, о справедливости осуществляемой К. Марксом и его последователями критики относительно сущностных сторон капитализма, осознание неприглядности которых в условиях активизации рабочих движений конца XIX – середины XX века было довольно опасным; с другой стороны – об уступках своему системному оппоненту – социалистическому укладу общества. Идея добавления приставок «народный», «демократический» к слову «капитализм» показывает намерение представить капиталистическую систему преобразованной в модель, ориентированную на нужды

социального большинства, а не на цель максимизации прибыли.

Данная тенденция – отказ от слова «капитализм» – характерна для западноевропейских и североатлантических стран и сегодня. Д. К. Гэлбрейт указывает на то обстоятельство, что сегодня понятие «капитализм» крайне неохотно используется приверженцами данной системы, предпочитающими находить ему безликие терминологические эквиваленты. В частности, исследователь пишет о том, что наиболее распространенной заменой слова «капитализм» является понятие «рыночная система» [144, с. 20]. По мнению автора, это связано, прежде всего, с тем, что капиталистический уклад общества во многом себя дискредитировал: продемонстрировал небезупречность предлагаемых им социальных норм (эксплуатация в самых различных ее вариантах, узаконенное неравенство и т. д.), а также – несостоятельность в решении многих общественных проблем. Более того – он обнажил внутренне присущую ему способность к саморазрушению (история экономических кризисов, наиболее мощный из которых – Великая депрессия 1929–1933 годов – яркое тому свидетельство), способную подвергать деструкции всю общественную систему в целом.

Д. К. Гелбрэйт констатирует: «…уже в 1907 году угроза массовых банкротств на Уолл-стрит породила убеждение, что капитализм – это не только стремление к эксплуатации, но в большей мере саморазрушение» [144, с. 21]. Очевидность данного обстоятельства заставила общество искать альтернативу понятию «капитализм» с целью внедрения в общественное сознание таких понятий, которые бы не вызывали чувства опасности и ненадежности у тех, кто их слышал. Д.К. Гелбрейт пишет: «В США предприняли попытку использовать словосочетание «свободное предпринимательство», но оно не прижилось. Понятие свободы, подразумевавшее принятие свободных решений предпринимателями, не являлось убедительным. В Европе появилось словосочетание «социал-демократия» – смесь капитализма и социализма, сдобренная состраданием. Однако в США слово «социализм» вызывало в прошлом неприятие (да и в настоящие годы это неприятие осталось). В последующие годы стали использовать словосочетание «новый курс», но все же его слишком отождествляли с Франклином Деланом Рузвельтом и его сторонниками. В итоге в научном мире прижилось выражение «рыночная система», так как оно не имело негативной истории – впрочем, у него вообще не было истории. Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла» [144,

с. 22–23].

Вместо того чтобы изменить саму систему – жестокую и неэффективную, с точки зрения общественного блага, адепты капитализма предпочли, ничего не меняя в сути системы, придать ей новый вид, увлечь массы привлекательным образом. Сегодня, на вершине восхождения, пытаясь эвфемизировать подлинные интенции своей деятельности, капитализм выдвигает идею о постиндустриальной стадии собственного развития, претендуя на очередную «великую трансформацию».

Утверждение о возможности подобной трансформации требовало для своего обоснования весомой аргументации. И она не заставила себя ждать. Уже в середине 50-х – начале 70-х годов появляются и развиваются теории «индустриального общества», которые решали задачу по смещению акцента с проблемы распределения собственности (собственники – наемники), заложенной в качестве важнейшего критерия идентификации общественного устройства, выдвинутого К. Марксом, на критерий технико-технологического уклада общества. Теории «стадий экономического роста» У. Ростоу, «индустриального общества» Р. Арона, Ж. Эллюля, Д. Белла, Э. Шили, А. Инкелеса, Э. Рихерта, А. Фельдмана, Б. Хлезелитца, С. Кузнеца, «нового индустриального общества» Дж. К. Гелбрейта вполне подходили на роль концепций, убедительно доказывающих возможность трансформации капиталистической системы на технологической основе до такой степени, чтобы превратиться в «свое иное» (В. Кутырев).

С середины 70-х годов в общественном сознании активно тиражируются теории «постиндустриального общества» Д. Белла, «супериндустриального общества» А. Тоффлера, «технотронной эры» З. Бжезинского, «информационного общества» Е. Масуды. Возможность данной игры со смыслами в пространстве экономической лингвистики за счет смены терминологических единиц, не столько означающих (от слова «знак») феномен капиталистического общества, сколько ретуширующих инвариантную его сущность, воспринимается как обоснованная еще и потому, что она коррелирует с корпусом идей, задающих стратегию мышления общества со времен новоевропейских трансформаций – с прогрессистскими идеями стадиально-поступательного развития общества, экономического роста, эволюционизма и т. п.

В рамках данного общего умонастроения эпохи невозможно не согласиться с представлениями о стадиях, закономерностях, механизмах поступательного развития

капитализма. Поэтому стремление выделить определенные его формы, ступени, линии восхождения является неотъемлемым свойством теорий, в той или иной мере затрагивающих проблему капитализма.

Ставшее общим местом научной рефлексии представление о серьезном «трансформационном» потенциале капитализма, приводит к тому, что исследователи все чаще обращаются к идее о возможности существования некой идеальной модели капитализма. Данные идеи, начиная от предложений Дж. М. Кейнса, пытавшегося усовершенствовать капиталистическую систему путем внесения в нее ориентации на социальный элемент («Общая теория занятости, процента и денег» 1936), сделать ее «бескризисной» и «планируемой» (Дж. Кейнс, С. Слитчер, Э. Хансен и др.), создать «урегулированный капитализм» (В. Зомбарт), «организованный капитализм» (Р. Гильфердинг) и заканчивая представлениями о «продуктивном капитализме» (Ю. Давыдов), «цивилизованном капитализме» (М. Г. Денхофф), «***ином*** капиталистическом развитии» (К. В. Молчанов), «полной метаморфозе капиталистической системы» (Е. Я. Режабек) не перестают множиться и по сей день.

Сегодня в эпоху, именуемую эпохой глобализации, аналитики констатируют: «глобальный характер меняющегося капитализма предоставляет возможности для большого разнообразия капитализмов» [77, с. 541]. Они выделяют следующие «разновидности» современного капитализма: «фанк-капитализм» (К. Нордстрем), «глэм-капитализм» (Д. В. Иванов), «ковбойский капитализм» (О. Гарземанн), «естественный капитализм» (П. Хокен), «периферийный капитализм» (Р. Пребиш) и т. п. Это позволяет фиксировать «рост капитализмов» (и сопутствующих им «индустриализмов») в новых и новых уголках планеты. К примеру, французский исследователь Альбер Мишель в своей известной книге «Капитализм против капитализма» говорит о существовании нескольких моделей капитализма, имеющих ярко выраженную социокультурную специфику. В частности, он описывает «рейнскую модель капитализма», более адекватную логике развития капиталистической системы в европейских странах (особенно в Германии), а также в Японии и «американскую модель капитализма», отражающую специфику англо-саксонской социально-культурной системы [9]. На основе проведенного исследования автор делает вывод о противостоянии не просто типов капиталистических систем, но и о противостоянии культурных моделей в целом. При этом, по его мнению, американская модель, будучи, скорее, негативным образцом

культуры по отношению к «рейнскому» проекту, имеет тенденцию к утверждению победы над последней.

Характерно, что идея трансформации, модификации основанного на принципе умножения капитала общественного строя становится чуть ли не центральной для понимания его сущности. Достаточно назвать такие работы как «Великая трансформация» (К. Поланьи), «Три стадии развития капитализма в промышленности» (И. Д. Ширинский), «Глобальный капитализм: три великие трансформации» (В. Г. Федотова, В. А. Колпаков) и другие, чтобы понять: непрестанные изменения – это форма выживания капитализма. Известный российский историк А. Фурсов пишет: «Капитализм – это постоянные революции, технические, экономические, социальные, политические, научные; революция становится решающей формой эволюции капитализма» [461]. Другой российский исследователь, доктор социологических наук, профессор Д. В. Иванов замечает: «Капитализм – не просто формация в ряду других, он – (транс)-формация. Капитализм развивается через революции, он поглощает и институализирует, то есть превращает в норму и рутину любые освободительные движения, любые радикальные альтернативы. Поглощая, нейтрализуя их, капитализм тем самым становится другим, трансформируется в альтер-капитализм» [190, с. 160].

Вполне соглашаясь с мнением исследователей, хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Капитализм как сложная институциональная система в качестве одной из основополагающих своих характеристик выдвигает принцип экстенсивности: решает многие имеющиеся внутри системы противоречия, вынося их за собственные рамки, расширяя пространство своего пребывания в мире. Отсюда, к примеру, возникает феномен колониальной экспансии. Другим, не менее важным, фактором, влияющим на развитие системных свойств капитализма (впрямую относящимся к принципу экстенсивности капиталистического развития), является наличие определенных *некапиталистических* укладов жизни, с которыми данная система вынуждена конкурировать. Как об этом пишет А. Фурсов, «для нормального функционирования капитализму необходима некапиталистическая зона, которую он превращает в капиталистическую периферию, и без которой он тоже не может существовать – так же как антично-рабовладельческая система без своей периферии «…» эксплуатация периферии помогает поддерживать социальный мир в центре («ядре»), поддерживать определенный уровень жизни большей части населения» [461].

Именно причудливое сочетание капиталистических и некапиталистических сфер общественного развития определяло не только многообразие капиталистических сфер, но и культурно-историческую специфику той или иной эпохи в целом. Чем серьезнее и сложнее был уровень развития некапиталистических зон, тем больше были возможности собственно самого капитализма для приумножения своего могущества. Во-первых, наличие достойного конкурента предполагало отчаянную внутреннюю мобилизацию (как с целью самосохранения, так и для решения сверхзадачи по достижению социокультурного превосходства). Во-вторых, была та необходимая зона расширения, которая, в случае захвата ее капитализмом, приносила последнему баснословный выигрыш. Наглядным примером этого может служить состояние капитализма в XX веке. Наличие в мире системного антикапитализма в лице исторического коммунизма, который строил Советский Союз, а также смежной ему «социалистической идеи» в странах-единомышленниках способствовало небывалому развитию капиталистической системы, ее своеобразному социокультурному «взлету», пик которого приходился на «славное тридцатилетие» (Ж. Фурастье) 1945–1975 годов. Оставшийся в одиночестве, победивший своих социокультурных оппонентов, капитализм не смог продемонстрировать миру социально-экономические успехи, подобные тем, которых он сумел достичь в середине XX века.

В свете обсуждаемой проблематики представляются необоснованными попытки отдельных аналитиков возложить свое упование по выходу общества из кризисного состояния на некую очередную разновидность капитализма – «*продуктивный капитализм*» (о котором, к примеру, Ю. Н. Давыдов говорит, что он был «растоптан» неэффективными его формами [146]). Поиск нового варианта капитализма – системы, альфой и омегой которой выступает духовная ориентация на накопительство, прибыль – не снимет обострившиеся до предела проблемы общества. Как справедливо отмечают современные ученые, «… во всех преобразованиях формы есть нечто инвариантное» [363, с. 79].

Ряд исследователей рассматривают капитализм «адекватным индустриальному этапу в развитии производительных сил», в связи с чем альтернативы данному социально-экономическому устроению общества, по их мнению, нет [231]. Выход из кризиса требует глубинных изменений, связанных не только с узкой частью экономики (производительными силами), но и со всем культурным строем современного общества,

которое сталкивается сегодня с все более сложными «вызовами среды». Чтобы изменение культурного строя стало возможным, необходимо, прежде всего, произвести изменение в сфере общественного сознания и особенно в той его части, которая напрямую связана с экономическим сознанием. Жизнеспособность капиталистического уклада общества, возникновение множества его модусов-модификаций связано с тем, что общество не изживает в себе генеральную метаориентацию на запросы экономических императивов как таковых, т. е. оно не перестает быть экономоцентричным. Как отмечает российский исследователь Е. Я. Режабек, только при условии овладения собственными самопорождающими механизмами система может претендовать на преобразование: «полный метаморфоз – это ступень господства системы над самой собой» [363, с. 78].

Таким образом, аналитический обзор источников по проблеме генезиса капитализма позволяет выявить ряд сущностных особенностей последнего, без анализа которых невозможно понять принципы функционирования экономоцентричного общества. Первое и важнейшее свойство капитализма – его динамизм, способность к трансформации, мимикрии и адаптации как важнейших условий сохранения и развития названного феномена в длительной культурно-исторической перспективе. Данное, фактически хрестоматийно-энциклопедически зафиксированное, свойство вызывает сегодня особый интерес исследователей. Реактуализируются труды авторов, не учтенных в «мейнстриме» политической экономии XX века: Ф. Бродель [76], И. Валлерстайн [94], В. Зомбарт [188], К. Поланьи [347]. По-новому осмысливаются трансформационные (метаморфозные) способности капиталистической системы Д. В. Иванов [190], В. Г. Федотова и В. А. Колпаков [446], А. Фурсов [462], И. Д. Ширинский [506] и другие.

Следующее свойство, вытекающее из предыдущего – это невозможность бескризисного развития данной системы. Поскольку ни одна трансформация не происходит вне столкновения разнонаправленных тенденций, доведенных до запредельно-пороговых состояний. Кризисы заложены в саму логику развития капиталистической системы. На это свойство капитализма, в частности, указывают классики экономической мысли К. Маркс, Дж. К. Гелбрейт и другие.

Далее следует назвать принцип абсолютизации неравенства, сопряженный с тенденцией неуклонного роста разрыва между социально-экономическим положением

различных субъектов хозяйственно-экономической деятельности в пределах единой капиталистической системы. Названное свойство привлекает сегодня особое внимание теоретиков. В частности, наиболее известный в отечественной науке марксистский подход, усматривающий в становлении и развитии мировой хозяйственной системы реализацию экспансионистских характеристик промышленного капитала, сбыт неограниченного роста продукции которого требовал все более расширяющегося пространства для удовлетворения его запросов, на современном этапе развития философско-экономической мысли активно дополняется концепциями неравного развития. Это концепции, возникшие в рамках мир-системного анализа (И. Валлерстайн, С. Амин, Дж. Арриги и др.), концепции «зависимого развития» или дependьетизма (П. Бэран, С. Фуртадо); теория «развития недоразвития» (или «насаждения отсталости») Г. С. Франка; теория «периферийного капитализма» (Р. Пребиша) и другие. Конструктивный идейный потенциал названных теорий заключается в том, что они способны объяснить, выявить и обосновать закономерности тех регионализационных тенденций, которые набирают все большую силу в последние десятилетия. В частности, поскольку, по признанию современных аналитиков, ключевым фактором глобализационных процессов выступает капиталистическая ориентация хозяйствования, выявление того обстоятельства, что данные процессы не универсальны (как об этом утверждалось в рамках модерновского дискурса понимания социальных процессов), а носят дифференцированный характер, актуализирует идею преодоления хозяйственно-культурного неравенства, активно устанавливаемого между странами на протяжении последних столетий развития экономической системы.

Следующее свойство, сопряженное с предыдущим (наглядно описанное И. Валлерстайном), – необходимость делить мир на центр и периферию. Поскольку концентрация неравенства по обе стороны формирующей его разделительной линии закономерно приводит к возникновению названного дуализма, более того, выступает неотъемлемой его чертой. Так, например, еще Р. Люксембург, рассматривая проблему развития капитализма, выражала уверенность в том, что наличие в мире отсталых стран жизненно необходимо капитализму как важнейшее условие его существования, развития характерного для него способа производства. Исчезновение отсталых стран грозит исчезновением самому капитализму. В своей работе «Накопление капитала» Р. Люксембург написала: «Без докапиталистических способов производства накопление

не может иметь места, само накопление состоит, с этой точки зрения, в разъедании и ассимилировании этих способов производства. Поэтому накопление капитала без некапиталистических формаций так же невозможно, как невозможно дальнейшее существование этих последних рядом с капиталистическим накоплением. Лишь в постоянном прогрессирующем разрушении некапиталистических формаций даны условия для накопления капитала» [268, с. 297–298.].

Продолжением предыдущих свойств является принцип экспансии как обязательное условие построения капиталистической системы. По этому поводу отдельные авторы, к примеру, утверждают, что в вопросах формирования глобального экономического пространства главенствующая роль принадлежит не технико-технологическим процессам, их социокультурной составляющей и т.п., но собственно самому капитализму, который в качестве главнейшей своей характеристики содержит тенденцию к глобализации [472]. Принцип экспансии тесно переплетается с принципом военно-силового накопления капитала, о чем наглядно писали интеллектуалы самого различного профиля еще на заре становления названного феномена (К. Маркс, Ф. Энгельс, Т. Мор и др.).

Не менее важным свойством для понимания принципов функционирования капиталистической системы является такое выделенное российским историком А. И. Фурсовым его качество, как проектно-конструируемый характер вовлеченных в данную систему социокультурных и социоэкономических отношений, существенно повышающих субъективную составляющую социоэкономической динамики [463; 464]. Автор пишет следующее: «Одно из главных отличий капитализма от других систем, его главная тайна заключается в том, что его история с определенного, причем довольно раннего момента, примерно с середины XVIII в. приобретает проектно-конструируемый, если угодно, направляемый, номогенетический характер» [463, с. 177].

История, по мнению автора, может быть в какой-то степени конструируема и искусственно направляема. Эта возможность зависит от следующих факторов: существования организации, способной ставить стратегические цели на уровне мировых масштабов и обладающей средствами для их достижения (устойчивой политической волей, широкой финансовой базой, возможностью управлять информацией в ситуации неуклонного нарастания значения последней в жизни общества, аналитическими центрами, способными осуществлять мониторинг возникающих исторических ситуаций

и предлагать рациональные способы управления ими и другие) [463, с. 177–178]. А.И. Фурсов выступает одним их наиболее активных современных критиков капиталистической системы развития общества, число которых, начиная с известного кризисными событиями 2008 года, неуклонно растет.

По подводу критического отношения к принципам функционирования капиталистической системы можно отметить следующее. Возникновение критики капиталистического образа жизни восходит еще к эпохе зарождения буржуазного общества, что выглядит явлением вполне обоснованным. Согласовываясь с диалектической логикой, спорадические проявления буржуазности не могли не отрицать собою добуржуазный образ жизни, не могли не нарушать привычных традиционных норм, поэтому восприятие их со стороны небуржуазных представителей общества отличалось крайней критичностью и негативизмом. По мере развития капиталистической системы, и превращения ее в специфическое целое, формирующее определенный образ жизни и способ мировосприятия, а также по мере окончательного завоевания названной системой ведущих позиций в глобальных, мировых масштабах данная критика не только не ослабевает, но принимает все более усиливающийся характер и приобретает пессимистические черты, граничащие с апокалипсизмом. Это свидетельствует о том, что глубинные основания ориентированной на нужды самовозрастающего капитала системы противоречат логике гармоничного, благополучного развития общества.

И это не удивительно: капиталистическое общество окончательно изживает в себе признаки хозяйственно-культурной целостности, в лоне которой социум может функционировать как органическое целое и превращается в экономоцентричный социум, неестественность существования которого связана с абсолютизацией узкого, экономического, подхода ко всему многообразию социально-культурных явлений. В результате этих процессов сегодня происходит «конвертация» капитализма в его неэкономические формы (информационные, культурные, человеческие, символические» [472, с. 69], вызывая кризисные, рисковые явления в функционировании соответствующих им социокультурных сфер. В связи с этим проблеме социокультурных рисков экономоцентричного общества следует уделить особое внимание.

Исходя из изложенного выше, могут быть сделаны следующие выводы:

1. Динамика хозяйственно-культурного развития социума демонстрирует

возникновение деонтологизирующих тенденций его восприятия. Это способствует разрушению целостности хозяйственно-культурной системы, в которой роль неэкономических и экономических составляющих сбалансирована: находится во взаимосвязи и взаимозависимости и даже ориентируется на подчинение экономического логике культурных приоритетов. Синкретизм хозяйственной и культурной сфер, характерный для традиционного общества, способствовал закреплению в обществе нормативности, направленной, в первую очередь, на удовлетворение запросов культуры: закрепление принципов иерархии, внеэкономических форм зависимости и принуждения к труду. Это, в свою очередь, актуализировало такие нормы культурного функционирования, которые требовали апелляции к этике и морали (престиж, слава, достоинство, духовность и т. п.). Собственно экономические маркеры социального престижа использовались не в полной мере: вне легитимирующего воздействия культуры материальный фактор (богатство и т. п.) не мог обеспечить человеку высокий статус и достойное положение в обществе.

2. По мере закрепления в обществе социокультурной парадигмы экономоцентризма происходит трансформация культурных приоритетов социального функционирования, в том числе, в сфере хозяйственно-культурного развития. Экономоцентризм представляет собой мировоззренческую установку, отражающую готовность индивидуального и общественного сознания воспринимать явления социальной и культурной жизни исключительно/преимущественно в логике материальных выгод, подвергая остракизму духовно-нравственные основания взаимодействий социальных субъектов.

3. Особую роль экономоцентричная парадигма сыграла в становлении и развитии капиталистической системы. Сущностные черты последней (абсолютизация принципа получения максимальной прибыли – сверхприбыли; ориентация на минимизацию издержек; перманентная трансформация; принципиальное неравенство социохозяйственного функционирования (деление мира на «центр» – «периферию») остракизм этико-нормативных отношений; эскалация рисков; эскалация деонтологизирующих тенденций в экономике и социуме в целом и т. д.) способствуют тому, что происходит постепенная «конвертация» капитализма в его неэкономические формы (информационные, культурные, человеческие, символические), вызывая кризисные явления в функционировании соответствующих им социокультурных сфер.

Общество становится экономоцентричным.

4. Реализация принципов экономоцентризма оказывает разрушающее воздействие на социум и культуру, порождает кризисные ситуации их функционирования. Высокий уровень кризисогенности экономоцентричных норм, специфика предлагаемых ими принципов построения отношения с миром актуализируют проблему преодоления императивов социокультурной парадигмы экономоцентризма, выработки инструментов нейтрализации и превенции рисковых стратегий развития социума. Решение названных задач невозможно без поддержки неэкономических сфер общественной жизни (прежде всего культурной и социальной), без акцентуированного внимания социума и культуры к личности человека, ее духовно-нравственному состоянию, образованию, уровню жизни. Это означает необходимость реализовывать целостный взгляд на общество, в оптике которого экономика рассматривается не как цель, (предполагающая развитие экономических процессов, сообразно имманентных ей потребностей), но как средство для жизнеобеспечения/развития социума, культуры и личности. В этой холистической логике функционирование экономики рассматривается как эффективное лишь в том случае, если оно отвечает запросам общества и культуры, органично сочетая экономические потребности/возможности со спецификой того общества и культуры, в которых существует та или иная экономическая система.

2.2 Инверсия идеи труда в экономоцентричном обществе: от фетишизации к дискриминации

Оформление экономоцентричной социокультурной парадигмы в новоевропейский период общественного развития было сопряжено с серьезными трансформациями, произошедшими относительно фундаментальных категорий, конституирующих смысловые связи между внешним и внутренним миром человеческого бытия. Модификациям подверглись идеи и формы деятельности, для описания которых используются такие термины как «труд», «богатство», «рациональность», «предприимчивость», «собственность», «накопительство» и т. д.

В перечисленном понятийном ряду феномену труда необходимо уделить особое

внимание, поскольку трансформации, произошедшие в смысловом пространстве экономоцентричного общества относительно названного феномена, оказали самое существенное влияние не только на аксиомы экономической деятельности, но и на развитие социума и культуры в целом. Как отмечает канадский исследователь Маршалл Маклюэн в работе «Понимание медиа», «… в бесписьменном мире труда не существует <...>. Труд появляется в оседлых аграрных сообществах вместе с разделением труда и специализацией функций и задач» [274, с. 155]. Другим словами, факт существования трудовых отношений указывает на определенную зрелось общества, усложнение взаимодействий, возникающих между его членами.

Интересно обратить внимание на то обстоятельство, что с момента своего появления труд вызвал достаточно неоднозначное к себе отношение. Понимание роли и значеня труда, равно как и отншение к людям труда существенно отличались в традиционном обществе, обществе модерна и постмодерна. Французский исследователь данной проблемы А. Бенуа в своем известном трактате «Идеология труда» обращает внимание на данные различия. В частности, он отмечает, что в античности труд, скорее, рассматривался как удел маргиналов, подвергаемых остракизму личностей (рабов). Во многом такое отношение было связано с тем, что рабами становились военнопленные, т.е. люди, отдавшие предпочтение выживанию и рабскому труду, а не славной гибели на поле боя [53]. В связи с этим труд воспринимался сквозь призму ограничения свободы и невозможности творческой реализации человека: «Невозможно следовать добродетели, ведя жизнь ремесленника» – категорично высказывался по данному вопросу Аристотель [23], демонстрируя тем самым характерное для жителей античного полиса отношение к физическому труду. Изучавшие проблему понимания труда античными греками и представителями древнего мира в целом зарубежные исследователи А. Горц и А. Харендт также подчеркивали, что причастность к физическому труду расценивалась как рабская сущность личности [129]. А. Бенуа, интерпретируя факт остракизма трудовой деятельности, наблюдавшийся в древнем мире, отмечал культурно-историческую обусловленность названного отношения. В частности, он указывал, что физическим трудом занимались рабы – люди, лишившиеся свободы в ходе военных столкновений. По мнению завоевателей, пленные имели выбор: либо умереть на поле боя, либо продолжить свое существование в несвободе, выполняя тяжелую физическую работу в абсолютном подчинении, не имея возможности реализовывать права

гражданина, вести публичную жизнь, заниматься развитием, творчеством, тем самым осознанно выбирая удел низших членов социума, что, по мнению древних, было свидетельством слабости личности, соответствующей её рабскому положению. Исследования по истории традиционных обществ обнаруживают то обстоятельство, что причастность рабов многим формам трудовой активности приводила к тому, что свободный человек, даже если он находился в весьма затруднительном экономическом положении, ни в коей мере не стремился примкнуть к «рабским» видам труда, принятым в обществе, тем самым демонстрируя свое нежелание утратить социальное достоинство, пусть материально неустроенной, но свободной жизни. Таким образом, в античных полисах происходило вытеснение значительной части горожан из сферы труда, а сам труд не вызывал положительного к себе отношения со стороны античного общества.

Вот как описывает отношение к труду в античном обществе А. Я. Гуревич: «Труд не может облагородить человека, он бессмысленен и отупляющ; в нем нет и не может быть внутренней красоты. Образ Сизифа, беспрерывно вкатывающего на вершину горы камень только для того, чтобы он тут же скатился вниз, мог возникнуть лишь в обществе, мыслившем труд как наказание. Безделье, свобода от необходимости трудиться были идеалом не одних имущих, но и бедняков: девизом люмпенов было «хлеба и зрелищ», и жизнь за чужой счет представлялась наилучшим выходом в их жалком состоянии» [139, с. 193–194].

С другой стороны, все высокосложные виды человеческой деятельности, такие как творчество, получение образования, занятие философией и наукой требуют времени и сил, свободных непосредственно от процесса обеспечения выживаемости личности. Непричастность процессу жизнеобеспечения за счет физической трудовой активности характерна только для элит общества. Не случайно поэтому, как отмечает А. Бенуа со ссылкой на А. Кейе, пребывание в праздности, обладание свободным временем, досуговые формы деятельности делали афинского бюргера несравненно более высоким по социальному статусу гражданином полиса, нежели даже самого зажиточного ремесленника. Поскольку именно праздное время препровождение, по мнению античных жителей, «делает людей по-настоящему людьми» [53].

«Лишь тот, кто не работает, живет» [148, с. 80] – на данную максиму отношения к труду у древних греков указывает французский исследователь Ги Дебор. Он также отмечает, что «…разделяемая власть греческих полисов существовала лишь в

расходовании общественной жизни, производство которой оставалось в подневольном классе полностью отделенным и низменным» [148, с. 80].

Американский исследователь П. Андерсон обращает внимание на то обстоятельство, что повсеместное использование рабского труда в качестве основной производственной силы в античном обществе нередко приводило к тому, что происходило невольное увеличение социальной значимости тех функций, которые выполняли рабы, а вместе с тем улучшалось и их материальное и социальное положение, однако при этом производительный труд как таковой все же отвергался: «Повсеместное распространение рабского труда во времена расцвета Римской республики и принципата привело к парадоксальному выдвижению определенных категорий рабов на ответственные административные или профессиональные должности, что, в свою очередь, облегчило освобождение и последующее включение в класс граждан детей квалифицированных вольноотпущенников. Этот процесс был не столько гуманистическим смягчением классического рабства, сколько еще одним показателем *глубокой оторванности римского правящего класса от всякого производительного труда* вообще (курсив наш. – С. С.), даже в руководящей форме» [14, с. 25–26].

Интересно, что в рамках греческого полиса присутствовал и такой вид труда как наемничество, предполагающий взимание платы за выполнение определенной работы. Безусловно, отношение к наемному труду не многим отличалось от отношения к рабскому труду, не случайно поэтому факт получения древнегреческими философами-софистами платы за обучение философской премудрости вызывал неприязненное отношение со стороны общества. Пренебрежительное отношение к физическому труду, низкий статус людей, ему причастных, имело разнообразные последствия, одно из которых заключалось в том, что в древнем обществе становление и развитие буржуазных отношений, широко использующих наёмничество в качестве основы развития производства, было затруднительным/невозможным.

Антагонизм между физическими и нефизическими (интеллектуальным, духовным) видами труда способствовал тому, что в античном мире понятия «труд» и «творчество» были отчетливо разграничены. Труд в большей степени воспринимался как механическое воспроизведение различных объектов, не имеющее отношение к процессу их демиургического создания. Собственно творческая часть человеческой активности,

приравнивающая человека к богам, погружающая его в сферу духа, мышления, эстетического созидания, ценилась несоизмеримо выше, чем трудовая. В то же время следует отметить, что остракизму подвергалась не абсолютно всякая трудовая деятельности. Древние греки очень избирательно относились к понятию труда, понимая его не как единую в своем существе однопорядковую деятельность, но как различную по степени значимости для личности и общества. Они выделяли особые разновидности труда – «ponos», «ergon» и «poiesis», каждая из которых имела свои культурно-смысловые оттенки, статусные характеристики. Например, понятием «ponos» обозначалась необходимость напряженно трудиться сквозь усилия и боль. По всей видимости, такая трактовка труда восходит к ветхозаветному «в поте лица твоего будешь есть хлеб» [59]; «ergon» указывал на реализацию определенной задачи, изготовление конкретной вещи; «poiesis» рассматривался как высшая ипостась труда, связанная с процессом созидания, творчества, духовного созерцания. Чувствительность, с которой традиционное общество относилось к труду, указывает на то, что для данного общества был важен не сам процесс трудовой деятельности (занятости), но качество тех результатов, которые могли быть получены на ее основе, социальной самоценности трудовой активности как таковой не существовало. В названной особенности восприятия труда усматриваются характерные социокультурные черты традиционного общества: установка на иерархичность каких-бы то ни было отношений, ценностей и смыслов; доминирование идей чести, славы, гордости и т.п. В условиях традиционного общества немыслимым было существование единого понимания труда, сведение его к общему знаменателю «производительной деятельности», как это характерно, например, для капиталистического общества. Не только Древняя Греция проводила разделительные линии в понимании феномена труда. Похожая ситуация наблюдается и в Древнем Риме. Для него также характерно дихотомическое разделение труда, где в одном случае труд воспринимается как деятельность, осуществляемая сквозь боль, усилие, страдание, обязывающая и ограничивающая человека, в другом, труд воспринимается как раскрывающий творческие силы человека. Достаточно вспомнить известные афоризмы римских философов в отношении труда: «бесчестное занятие, не могущее облечься даже в простую видимость порядочности» (Сенека); «жалование – это вознаграждение за рабство», «место свободного человека не в мастерской» (Цицерон), чтобы увидеть сходство культурных смыслов в понимании идеи труда, сложившихся в древнегреческой

и древнеримской культуре. По мнению медиевиста Ле Гоффа, характерное для античности анафемствование ремесленного труда, встречающееся у Цицерона и Платона, – это выражение мнения античной земельной аристократии: «Несельскохозяйственным профессиям трудно снискать милость потомков земледельцев и пастухов» [254, с. 65].

Стоит отметить, что отсутствие благоговения перед производительным трудом как видом деятельности характерно и для ветхозаветной нормативности, оказавшей существенное влияние не только на позднеантичное, но и на средневековое общество. Тема утраты высокого достоинства трудовой активности разворачивается буквально на первых страницах книги Бытия Ветхого Завета. Если вначале труд мыслился как возможность человека «со-трудничать» с Богом, посредством которого он мог реализовать свое творческое призвание и возможность свободной личностной самореализации на земле (Быт., 2, 15) [59], то после грехопадения труд выступает как наказание, проклятие, принуждение и «тяжкое бремя»: «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт., 3, 18–19) [59].

Тема «наказания трудом» звучит в Ветхом Завете еще раз вследствие совершения Каином страшного греха братоубийства. После того, как более «квалифицированный» по земным меркам земледельческий труд Каина не был благословлен Богом, а результат более примитивного скотоводческого труда Авеля полностью принят, Каин убивает брата. В результате Бог накладывает на Каина наказание, говоря: «И ныне проклят ты от земли» (Быт., 4, 11) [59]. «Когда будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Быт., 4, 12) [59].

Как справедливо отмечает Т. Б. Коваль: «Важно отметить, что в трагедии убийства Авеля его братом Каином содержится исключительно важный для нашей темы (темы труда — прим. С. С.) мотив. Противопоставляя пастуха Авеля Каину — земледельцу, а тем самым простую форму труда более сложной, текст Библии говорит нам о том, что развитие хозяйства, его техническая оснащенность не являются непременным свидетельством высокой духовности» [221, с. 12–13].

Стремление разделить хозяйственную и собственно духовную, необходимую для утверждения божественной сущности человека активность, прослеживается еще во многих местах Святого Писания, в частности, в повествовании о судьбе каинитов[1] –

[1] Интересно, что, как отмечают исследователи, само слово Каин — не вымышленное. Так

потомках Каина. Они прославились многими изобретениями в области ремесел и искусств, став великими изобретателями и родоначальниками многих видов технической деятельности: «сын Ламеха – Иавал изобрел переносные шатры и стал первым кочевым скотоводом; его брат – Иувал прославился изобретением музыкальных инструментов, став «отцом всех играющих на гуслях и свирелях». Но особенно талантливым был Тувал-Каин, первым используя металлы для изготовления различных орудий хозяйства. Он стал первым кузнецом «ковачом всех орудий из меди и железа». Сестру Тувал-Каина – «Прекрасную» Ноэму предание называет изобретательницей тонов и песен. Что касается самого Ламеха, то он считается родоначальником поэтов» [59].

Однако потомки Каина, даровавшие человечеству много полезных изобретений, не получили Божьего благословения. Интересный ответ о причине произошедшего дает историк Т. Б. Коваль: «Дело, по-видимому, в том, что Каинова цивилизация опрокинула иерархию ценностей: низшее стало высшим, высшее оказалось задавлено. Эта перевернутая иерархия стала определяться по принципу пользы и предала забвению поиски истины, любви, добра, всего того, что есть духовное и божественное в человеке. Цивилизация каинитов как бы восполняла отсутствие Бога самодостаточностью человекобожия, пыталась заменить Его достижениями культуры и техники, обустроить всю земную жизнь так, чтобы само понятие Бога стало бы ненужным. Средства к жизни затмили цель жизни, стали самоцелью. Прогресс ради прогресса, хозяйство ради хозяйства, техника ради техники — этот круговорот замыкал человека на земных заботах, укоренял его в конечном и относительном, не давая открыться небу» [221, с. 13–14].

Участь человеческого племени, решившего достижениями хозяйственной активности, нормами пользы измерять свою сущность, плачевна: «Земля растлилась перед лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями», поскольку «всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт., 6, 11–12) [59]. Итогом стало полное уничтожение человечества (Всемирный Потоп), за исключением семьи Ноя, которая получает от Бога семь «Ноевых законов» морально-нравственного, а не практически-хозяйственного характера.

именовался предок эпоним племени кенитов, или каинитов, входивших в израильскую федерацию племен. Так как слово «Каин» означает «кузнец», можно предполагать, что в древности кениты были более цивилизованы, чем их собратья израильтяне» [294, с. 297].

Интересно, что труд не являлся важным фактором социального утверждения не только в древних обществах на Западе и на Ближнем Востоке. Аксиологическую невосприимчивость к утверждению нормы высокого значения трудовой активности в жизни общества демонстрируют племенные народы островных культур, описанные культурными антропологами в начале XX века. Данные народы, не выработавшие положительного отношения к идее накопительства и не реализовывающие, «целерациональные» (М. Вебер), «рационально-планирующие» (Н. Элиас) стратегии собственного поведения, отождествленные современной культурой с социоантропологическим типом «человека минуты» (И. И. Янжул), не знают антиномий трудовых отношений, реализовывая иные, внетрудовые формы социальной коммуникации.

Таким образом, для древнего мира в целом идея труда не являлась значимым принципом культуры, который мог бы связать между собой различные социальные группы. Наоборот, в раннем традиционном обществе труд способствовал установлению жестких разделительных линий между представителями различных социальных слоев, подвергая одних остракизму, а других – не причастных тяготам трудовых повинностей – возносил на вершину социального признания. И только лишь в культуре средневекового общества, утверждающего свои смысловые доминанты на основе христианской нормативности, для которой характерны универсализирующие тенденции мировосприятия, стали постепенно сглаживаться жесткие разделительные линии, отделяющие людей физического труда от людей, осуществляющих нетрудовую форму активности, и соответственно этому противопоставляющие различные виды трудовой активности по их статусности, степени значимости для общества. Христианская религия крайне негативно относилась к рабству, как феномену, уничижающему человеческую личность. Рабство согласно христианскому учению является недопустимым, поскольку каждый человек имеет высокое достоинство — он сотворён по подобию Божию. Реабилитация людей низкого социального статуса в рамках христианской культуры способствовала облагораживанию отношения к физическому труду как таковому, пренебрежение по отношению к данному вид труда христианством порицалось. В значительной степени этому способствовала земная биография Иисуса Христа, в которой указывается, что до 30 лет он занимался тяжелым видом физического труда — тесал камни. Многие из апостолов, последователей Христа, также зарабатывали на

жизнь тяжелым физическим трудом: рыбачили, изготавливали скинии (палатки). Здесь следует уточнить, что за социальной реабилитацией физического труда и устранением уничижительного отношения к людям, им занятым, не последовало уравнивания всех видов труда по их значимости в духовном смысле. Христианская культура по-прежнему наиболее высоко ценила духовный труд, благодаря которому человек мог обрести спасение души, а духовная ценность производительного труда, направленного на создание материальных благ, оценивалась ниже по значимости для души человека. Очевидным примером такого различения служит известная библейская притча о двух сестрах Марфе и Марии, назидательный смысл которой обращен к возвеличиванию духовных потребностей человека, его стремления посвящать свое время духовной деятельности, а не заботиться только лишь о материальном благополучии [59, с. 1101].

Кардинальная смена в понимании феномена труда была произведена в период религиозной Реформации, идейные результаты которой вышли далеко за рамки западноевропейского общества и новоевропейской действительности. Они повлияли не только на общество модерна, но и на культуру постмодерна, оставаясь актуальными до сегодняшнего дня. Истоки названных изменений (фактически революционных по своему характеру) восходят к коммерциализирующим тенденциям в деятельности средневековой католической церкви, наиболее значительными из которых можно считать повсеместное введение в обыденную жизнь практики торговли папскими грамотами (индульгенциями), приобретение которых гарантировало верующим частичное либо полное отпущение грехов. Данное обстоятельство имело чрезвычайно важное значение, существенно превосходящее по своим социокультурным последствиям те ожидания, которые имела католическая церковь при осуществлении указанных коммерческих действий. Продажа индульгенций не только и не столько улучшила материальное положение средневековой католической церкви, сколько внесла свой вклад в подготовку в обществе буржуазных революций. В частности, это проявилось в постепенном формировании на уровне индивидуального и общественного сознания нигилистических тенденций в отношении феномена священного как такового, понижении статуса и роли священного служения/служителя, поскольку обыденно-практическое сознание не имело достаточных механизмов сохранения ортодоксальной христианской аксиоматики в условиях, когда ее трансформация осуществлялась на уровне социального института, призванного выполнять охранительные функции по отношению к тем ценностям,

которые транслировались христианским вероучением (нестяжательство, бессребренничество, приоритет духовного над материальным, жертвенность, альтруизм и т.п.). Общество оказалось морально не готовым к ситуации превращения таинства покаяния из сакрально-мистического феномена в коммерческий акт, соответствующий более нормам профанного мира, чем императивам трансцендентного. Произошедшее расширение экономических отношений, проникновение логики обмена не только в сферу хозяйствования, как это было ранее, но и в самые глубины культурного слоя средневекового социума, самым существенным образом повлияло на его дальнейшее развитие. Фактом продажи индульгенций был создан ранее не виданный духовно-культурный прецедент, когда утилитарный экономический подход был применен к объектам, описываемым как священные, по природе своей принципиально не совпадающие с нормами коммерческого использования/применения. Французский культуролог Ж. Бодрийяр в работе «К критике политической экономии знака» указывал на факт возникновения отчужденного восприятия по отношению к вещи, предназначенной для обмена, поскольку у воспринимающего ее человека теряется по отношению к ней чувство нерасторжимого интимного единства, тесно связывающего человека с вещью и обязывающего его [66].

В результате был осуществлен своеобразный социокультурный переворот/сдвиг в аксиоматике и нормативности традиционного общества, не способного более вследствии этого противостоять утверждению в обществе нарождающемуся духу буржуазности, все более активно утверждающему свои новые культурные нормы, базирующиеся на принципиально противоположных принципах (накопительство, возвеличивание богатства, материальный рост и ростовщическая деятельность и т. п.), нежели были характерны для общества в домодерновскую эпоху. И даже собственно религиозная Реформация, имеющая по замыслу своих адептов цель борьбу с коммерциализацией деятельности католической церкви[1], экономизирующей сакральный сегмент культуры, по сути своей способствовала дальнейшему продвижению в социуме экономических норм. В частности, этому способствовала фетишизация идеи труда.

Деньги как символ и плод трудовой деятельности, санкционированные католической церковью на участие в священном таинстве разрешения человека от грехов, со временем стали еще более активно расширять свою символическую власть,

[1] Большинство из 95 тезисов, изложенных М. Лютером, направлены были против индульгенций.

распространяя ее на все большее количество явлений. Итогом названного процесса стало окончательное вытеснение/десакрализация понятия «таинство», замещение его понятием труда, обращением к земным целям смысла существования человека, предполагающим не духовное, но материальное преуспеяние в жизни. Иначе говоря, священно-мистическая, литургическая основа жизни человека-христианина, составляющая фундамент его существования в культуре традиционного общества, была вытеснена на периферию культурной нормативности уже в период позднего средневековья, центральное место в общественном сознании которого заняла категория труда.

Энтузиазм, с которым общество восприняло идею легитимации и даже в какой-то степени сакрализации земного труда, был обусловлен несколькими обстоятельствами. Прежде всего он был связан с перспективой культурной и моральной реабилитации всех, кто был причастен трудовой деятельности даже в самых физически тяжелых, грубых ее формах. Немаловажное значение имело также и то, что возвеличивание идеи труда апеллировало к идее «трудовой справедливости», предполагающей не только моральную, но и материальную отдачу для тех, кто трудится. Библейское утверждение «Кто не работает, тот и не ест» [59], прочитывавшееся, скорее, как некоторая констатация, на волне новой, возникшей в недрах религиозной Реформации, аксиоматики приобрело иной смысловой оттенок, непреложно обязывающий и отсылающий к идее долженствования: «Не должен есть тот, кто не трудится». Подобная смена культурных приоритетов дала значительные доводы стремящемуся к закреплению своих позиций в обществе «третьему сословию» в его противостоянии феодальной земельной аристократии и борьбе за устранение имеющихся у нее привилегий. В новой культурной нормативности, центральным основанием которой выступало понятие труда и трудовой справедливости, из всех возможных видов дохода — прибыль, заработная плата и рента, последняя представлялась совершенно нелегитимным, маргинальным элементом по отношению к набирающей силу нормативности современности. Данное обстоятельство имело чрезвычайно важные последствия для общества. Оно внесло свой существенный вклад в переформатирование социума по капиталистическому сценарию, где третье сословие, восхождению на вершины социального статуса которому в рамках традиционного общества мешало наличие родовой аристократии, смогло осуществить свое стремление к всевозрастающему обогащению и укреплению собственной власти.

Пошатнувшийся тысячелетний социокультурный уклад общественной жизни, сдерживавший «вертикальную мобильность» (П. Сорокин) ориентирующихся на накопительство маргиналов, в итоге привел к тому, что в рамках новоевропейского социума стало возможным правовое и политическое узаконивание положения на вершинах социальной иерархии мечтающих о хрематистической (Аристотель) вольнице бюргеров.

По поводу данных социокультурных преобразований известный российский исследователь А.С. Панарин отмечал, что символическая победа производительного труда над неэкономическим принуждением к труду явилась вполне закономерной, поскольку труд раба или лакея, ждущего понукания, контроля со стороны надсмотрщика для исполнения трудовых задач и обязательств, безусловно, был намного менее эффективным, чем работа заинтересованного в результатах трудовой деятельности свободного предпринимателя, способного к внутренней мобилизации личности, к самостоятельному понуждению себя к выполнению поставленных перед ним задач [333, с. 46]. Свободному предпринимателю известен трудовой энтузиазм, благодаря которому он готов заниматься самым сложным, непрестижным физическим трудом в надежде на то, что деятельность на низших ступенях трудовой иерархии будет вознаграждена с лихвой: она в итоге сможет поднять его на вершину господства, на которой ему будут открыты перспективы безграничного накопления богатства. Свидетельством тому, что названная сверх-идея о возможности самостоятельного завоевания посредством трудовой активности высокого положения в обществе, открытия перспективы реализовать вертикальную социальную мобильность, долгое время вдохновляла предпринимателей-буржуа, служит факт вовлечения начинающих бюргеров, индивидуальных хозяев в тяготы трудовой активности, нередко по усилиям титанического труда превосходящие трудовой энтузиазм и результативность деятельности, осуществляемой наемными работниками.

Движение по превращению западного общества на рубеже позднего средневековья — раннего нового времени в общество, для которого труд становится основной несущей конструкцией социокультурной нормативности, было обусловлено не только господством христианской религии, но и спецификой социальной организации средневекового общества, в котором рабский труд утрачивал свое первостепенное значение и все более наполнялся трудом свободных в той или иной степени личностей.

Вот как описывает эту ситуацию Н. Элиас: «Западное общество изначально пошло по иному пути, чем древнеримский мир. Оно подчинялось иным закономерностям. Первым проявлением данных закономерностей были городские революции XI–XII вв. – постепенное освобождение лишенных земли тружеников, бюргеров от власти рыцарей-землевладельцев. С этого начинается движение к преобразованию западного мира в *общество трудящихся* (курсив наш. – С. С.) в целом. Отсутствие ввозимых рабов и рабского труда обеспечивают известную социальную значимость даже низшему слою тружеников» [519, с. 57].

Причастность трудовой активности все более широких слоев общества способствовала, по замечанию Н. Элиаса, «растущей зависимости всех от всех» [469, с. 58]. Это привело к тому, что «даже прежде не работавшие высшие слои все более втягиваются в круговорот разделения труда» [469, с. 58]. В перспективе эта стремительно растущая взаимозависимость различных слоев общества, основанная на усовершенствовании системы разделения труда, которая стала настолько сложной, что весьма чувствительно воспринимала нарушения функционирования в любой своей точке, привела к необходимости более внимательного отношения к нуждам трудящихся со стороны элитных слоев общества, что особенно наглядно проявилось в начале XX века.

В то же время взаимововлечение в разделенную трудовую активность самых различных слоев общества способствовало «размыванию» границ не только социально-экономических, но и духовных. Во все более гомогенизирующемся новоевропейском обществе отказ от резких разграничений, смягчение и сглаживание социокультурных противопоставлений способствовал релятивизации высших и низших начал, «панибратству» (А. Ф. Лосев) с вековыми святынями, благодаря чему Европа стала оплотом Реформационного движения.

Здесь следует также обратить внимание на тот факт, что труд, выступив одной из генеральных социокультурных основ для производства капиталистических принципов общественного развития, не только заявил себя морально приемлемой альтернативой нормативности общества с традиционным укладом жизни и был представлен в качестве эталона справедливости, основания для утверждения в обществе равенства, но и проявил себя как репрессивный по отношению к «нетрудовым элементам» общества феномен. Например, в культуре западноевропейского социума это выразилось в смене

того отношения, которое было характерно для традиционного общества при решении проблем нищеты и нищенства. Если традиционное общество, питаемое максимами христианской нормативности, относилось к нищим с милосердием и всепрощением, то вставшее на путь буржуазных революций новоевропейское общество обратилось к скрупулезной оценке трудовых усилий и заслуг: не заслуживший трудом куска хлеба не имеет права его получать. Названные метаморфозы в восприятии нищенства, базирующиеся на идейных трансформациях в отношении категории труда, привели к возникновению целого ряда феноменов, существенным образом ужесточающих отношение общества к беднякам и нищим. Это создание работных домов, являющихся, по сути, каторгой для нищих, принятие законов против бедных, запрет бродяжничества и т. п. Ярким примером данных процессов, происходящих в западной Европе, может служить Англия, раньше других вступившая на капиталистический путь развития.

Интересно, что описываемые тенденции в большей степени, если не почти исключительно, были характерны для обществ, в которых господствовала ветвь христианской религии, привнесшая в мир протестантизм, в то время как общества, стоящие на позициях православия, не проявляли подобных изменений смысловой сферы в отношении категории труда. Изучавший данный вопрос швейцарский исследователь К. Улих отмечал отсутствие кардинальных изменений в отношении категории труда в нормативности православной этики: «С точки зрения православия, *труд остался актом, не имеющим прямого отношения к добродетели* (курсив наш. – С. С.). Позитивного включения мирской жизни в православное учение, сравнимого с тем, что имело место в кальвинизме, не произошло» [439, с. 128]. Далее исследователь указывает на созерцательность православного мироотношения, предполагающего высшими добродетелями не производящий хозяйственный труд, а молитву, аскезу, духовное делание, направляющие человека на путь в царство небесное и наполняющие его благодатью Святаго Духа [439]. Подтверждение этой мысли можно найти в трудах служителей церкви. Например, православные монахи – свв. Варсонуфий и Иоанн (VI в.) – в своих поучениях братии пишут: «Истинный труд не может быть без смирения, ибо *сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что* (курсив наш. – С. С.)» [302, с. 14]. Как пишет д. э. н. В. В. Симонов, «хозяйственное воспроизводство монашеской общины отнюдь не превалировало в качестве цели такого труда, оно было, скорее, элементом воспроизводства духовного» [397, с. 155]. Разницей в понимании категории труда

объясняется различие в отношении к монастырям и монашествующим, наблюдающееся у представителей православной и протестантской конфессий. Если первые воспринимают монастыри как святые обители, в которых люди заняты важнейшим с точки зрения религиозного сознания деланием в жизни — молитвенным возношением к Богу, то представители протестантизма относятся к монастырской жизни и монашествующим с недоверием, как к «бездельникам», плоды трудовой активности которых являются неочевидными для социума.

Взаимодополняющий синтез этики протестантизма и капиталистической нормативности привел к смысловой трансформации относительно идеи труда в социокульутрном пространстве новоевропейского общества: труд из второстепенного, подвергаемого остракизму феномена, постепенно превратился в культурную доминанту, без которой общество не мыслило собственного существоввания.

«Возможно, поэтому, спустя практически двести пятьдесят лет после выхода в свет тезисов М. Лютера, когда английскому философу-экономисту Адаму Смиту понадобилось найти универсалию, способную придать научность экономическому знанию, выделить экономику в отдельную, самостоятельную сферу, со специфической логикой развития, он избрал на эту роль категорию труда. Адам Смит создал трудовую теорию стоимости, которая впоследствии способствовала эмансипации экономической науки от социокультурного контекста общества. В трудовой теории стоимости утверждается, что количество труда, измеряемое математически, может приравнять самые разнородные в своей основе феномены. Это способствовало универсализации экономического критерия в оценке социальных и культурных явлений» [386].

Как показывает современный исследователь К. В. Сорвин, экономическая наука нашла в категории «количество труда» своеобразную форму рациональности, признав, что равенство при обмене товарами определено трудом, заложенным в товаре: «Отчаявшись отыскать чувственный признак, делавший бы сопоставимыми в актах обмена совершенно разнородные товары, экономисты нашли требуемую однородность в самом происхождении товарного мира — мира, действительного созидаемого трудовой деятельностью человека» [410, с. 168].

Классик политэкономии Адам Смит в своем «Богатстве народов» писал, что в течение одного года народ посредством соответствующего количества труда обеспечивает все необходимое для повседневного потребления и роскоши. Различные

народы, по его мнению, обеспечиваются благами по-разному не случайно. Решающее значение для данного различия имеет способ («искусство») применения труда и соотношение в производстве тех, кто занят производительным трудом и тех, кто в нём не участвует. По мнению английского мыслителя, «Обилие и скудость этого снабжения зависит, по-видимому, в большей степени от первого из этих условий, чем от второго» [404, с. 88].

Как видим, наряду с категорией труда, проблематизируется понятие «полезный труд». «Полезным», безусловно, признается труд, который способствует увеличению количества богатства. Данная логика обострила вопрос о нематериальном производстве, который активно решался на протяжении следующих столетий. Следует подчеркнуть, что закрепление на уровне общественного и индивидуального сознания ценности категории труда, универсализация ее как важнейшей основы социальной справедливости и равенства способствовало созданию общества, перевернувшегося в своих социокультурных принципах самым существенным образом. Абсолютная легитимность иерархического принципа, благодаря пониманию мира как Божественного творения, разграниченного на сакральный и иерархически подчиненный ему профанный миры, в традиционном обществе не вызывала ни у кого сомнения. Это понимание переносилось и на логику построения социальных отношений, для осуществления переворота в которых необходимо было полностью перевернуть представления о мире, обществе и человеке. На смену идее иерархии необходимо было привнести идею гомогенности (равенства), упразднить таинственную трансцендентность мира, осуществив символическую его десакрализацию, и утвердить принципы материалистического монизма существования как основу права на инженерное преобразование социума, природы и человека. Только лишь в таком, измененном в предельных своих основаниях обществе стала возможна экспансия трудовой теории стоимости.

По мере распространения в обществе трудовой теории стоимости экспансия основных ее идей в смысловом пространстве социума неуклонно нарастает. Результатом этого является возникновение и активное закрепление в обществе идей, комплементарных идеям названной теории, но глубоко противоположных смыслам и установкам традиционного общества. Примером может служить разработанное Марксом положение о *трудящихся* как о классе-гегемоне, способствующем прогрессивному развитию социума. «Только трудящиеся массы (пролетариат), по мнению К. Маркса,

способны обустроить социальную жизнь на принципах справедливости, равенства, братства (в противовес элитам традиционного общества, главный неисправимый родовой изъян которых заключался в непричастности производительному труду). Трудовой деятельностью апологеты предприимчивой трудовой созидательности возводят человека на вершину человекобожия, в способности творчества не только уподобляя его Богу, но полностью монополизируя творческую активность как собственно человеческую родовую черту и устраняя Бога от причастности к мировому творению, превратив Бога из онтологического в гносеологический феномен: существует не Бог, а идея Бога (Л. Фейербах)» [386].

Российский исследователь А. А. Воскресенский отмечает: «Если до середины XVIII века мировоззрение и сознание людей находятся в рамках онтологической картины «Мир – творение Бога», то для того, чтобы возникла идея экономики как череды обменов, направленных на становление, «производство», творение мира, и, соответственно, постановка вопроса о рождении «Экономического сознания», необходимо было сменить картину мира на «Человек – Творец мира», что и было осуществлено в философии К. Маркса» [110, с. 25].

«Теоретики «пантрудизма» создают корпус аргументации, согласно которой, труд позволяет человеку участвовать не только в творении мира, но даже в акте самотворения: произведение Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876) становится программным изложением названной идеи» [386].

Французский мыслитель Эмиль Золя отражает фетишизацию труда, свойственную просвещенной части современного ему общества, со всей энергией своего писательского таланта: «Только в труде – радость, здоровье, достойная жизнь. Работать – это значит жить… Труд не властвует над нами: он дыхание нашей груди, кровь наших жил, *единственный смысл жизни* (курсив наш. – С. С.), он заставляет нас любить, стремиться к продолжению своего рода, к бессмертию человечества» [186, с. 587]. Вывод, который делает в своей философии персонализма другой французский мыслитель, католик по вероисповеданию Тейяр де Шарден также указывает на статус труда как фетиша в сознании людей вплоть до последней трети XX века: «Существенным аспектом человеческого бытия является практика (преобразование природы, творчество, труд, социальная вовлеченность) <...> *Достоин обожествления,* впрочем, *не только труд как таковой* (курсив наш. — С. С.), но и его объект» [500].

Именно труд явился той фундаментальной категорией, которая вобрала в себя надежды и страхи новоевропейского социума. И данная ситуация продолжалась вплоть до начала XX века. Как справедливо отмечают современные ученые, «…философия XX века ставит под сомнение культ разума, характерный для классической картины мира. И русская, и европейская философия XX в. выдвигают ряд гипотез о том, кто или что является новым Абсолютом или «всеобщим» во внутреннем пространстве философской мысли. Для К. Маркса, М. Вебера, а также С. Н. Булгакова, П. В. Савицкого и других исследователей, место прежнего «хозяина» занял труд, понимаемый как способ организации жизненного пространства» [109, с. 5].

Однако причастность производительному труду как необходимость выступала только лишь для низших слоев социума. «При этом драма существования низов общества заключалась в том, что утвердить себя в качестве имеющего право на жизнь, человек мог только посредством *наемного* труда, обладающего целым набором атрибутики несвободы, бесправия, отчуждения, о чем прекрасно писали критики капитализма. Социокультурный проект новоевропейского общества пошел еще дальше — он не только вывел наемный труд на уровень экзистенциальной основы бытия личности, но и попытался в данной точке: личность (работник) — наемный труд – свести воедино сакральный и профанный уровни индивидуального и общественного бытия, тем самым сделав наемный труд не только последним прибежищем бедноты, но и осуществив тотализацию названного феномена, вовлекая в нее как можно большее количество феноменов, смыслов, процессов и субъектов» [386]. Другим словами, «новоевропейское общество предложило миру культурный проект, построенный на фетишизации идеи труда. Труд стал не просто универсальной основой хозяйственных практик, заявив о себе в виде категории производящей деятельности, но и выступил эталоном справедливости, фундаментом равенства, устранения закрепленной в обществе иерархии, не связанной с трудовой предприимчивостью» [383].

«Тем не менее, труд, как двуликий Янус, сочетая в себе свободу и необходимость, может проявляться амбивалентно. В своем свободном выражении труд связан с творчеством, с утверждением личностного, духовного, трансцендентного начала в человеке. Его производительность сопряжена с творением, а человек ощущает себя творцом. Однако есть и обратная сторона труда – укорененная в ту часть человеческой экзистенции, которая напрямую связана с его физическим существованием-выживанием.

И в этом смысле труд выступает как необходимость, как задающая и ограничивающая человека данность, в своем крайнем варианте подвигающая его на ту грань, за которой его ждет небытие и смерть» [383].

«Именно эта — ограничивающая и обязывающая – ипостась труда была актуализирована в эпоху становления капитализма. Темный лик трудового Януса, впоследствии названный критиками капитализма «отчужденный труд», стал единственной неизбежной данностью низов общества, полностью оторванных от возможности свободного творчества и поставленных в полную зависимость от этой глубинно чуждой свободному естеству человека проекции труда. Собственно отчуждающая составляющая труда, основывающаяся на логике количественных исчислений, легла в основу экономических теорий, начиная от классических идей трудовой теории стоимости и заканчивая теорией прибавочной ценности (прибавочного продукта). Данная ситуация способствовала дискриминации идеи творческого труда, сопряженного с качественными, а не количественными параметрами деятельностной активности» [383].

«Творческий труд мало общего имеет с работой по найму и принуждению. Рутинное воспроизводство — лишь предпосылка творчества, в то время как сам творческий процесс, в отличие от вынужденной работы, сопряжен с добровольными усилиями и даже сверхусилиями, аскезой и самоотречением, воспринимающимися не как ущемление, утрата, ограничение, но как освобождение и успех. Экзистенциальное неравенство наемного труда и творчества можно заметить даже на уровне неодинаковой фиксации названных состояний в языке. Например, в русском языке есть следующие выражения: «изнурительный труд», который сопровождает «смертельная усталость». Но мы никогда не слышали об «изнуряющем» или «смертельно утомляющем» творчестве. Наоборот, творчество обладает свойством «вдыхания» новых сил — «вдохновения» – увеличивающего активность, уводящую к бесконечности («бессмертное творение», как результат высокого творчества), но не смерти» [383]. Даже императив аскетичности, востребованный творчеством, способен принести человеку более полное ощущение удовлетворенности, чем направленная на идею удовольствия, идеология гедонизма, поскольку дары и плоды творчества, реализуемые на основе призвания и вдохновения, несоизмеримо глубже воздействуют на личность, приносят ей чувство полноценности существования. Совершенно справедливо пишет по данному вопросу А. С. Панарин,

который отмечает способность творческой деятельности увеличивать силы творца, а не отнимать их, что связано с непричастностью творчества греху утилитаризма: «творчество самоценно: его вдохновение воспринимается творческой личностью как благодать, как дар свыше, который ничем не заменить, ни возместить нельзя» [333, с. 83]. «Именно данная, ничего общего не имеющая с критерием экономической эффективности, плоскость — область «одаренной» (Богом, природой и т. д.) и дарящей деятельности, выводит человека к подлинному преобразованию личности, природы и общества. Крепко вставшая на ноги буржуазия, благодаря усилиям которой нормативность накопительного роста стала доминировать не только в экономических отношениях, но и в культуре в целом, предъявила претензии, прежде всего, этому ускользающему от бухгалтерского учета и эквивалентного обмена процессу, отнеслась к нему потребительски: поскольку творчество не вписывалось в регламентированные хозяйственные расчеты, оно и не учитывалось на деле предпринимателем. Реванш творческой активности стал возможен лишь в перспективе идей социально ориентированного государства, на широком культурном фундаменте которого творческие замыслы интеллектуального авангарда стали востребованными, повели общество к вершинам культурного потребления и производства.

Сегодня в обществе, живущем экономоцентричной логикой, в контексте декларируемой постиндустриальности на периферию общественной жизни вместе с производящей индустрией вытесняется и значение труда как такового. Происходит героизация человека-потребителя, в гедонистическом устремлении мечтающего лишь о досуге и смене акцентов в классических экономических презумпциях: ориентации на *минимизацию усилий* с *максимизацией прибыли*. Как результат — стремление элит общества эмигрировать из сферы реального производства в облегченный и финансово более успешный виртуальный сектор экономики, с одной стороны, и отказ в наиболее развитых странах от индустрии, обремененной аскетикой производящего труда, с другой» [383]. Современные исследователи обращают внимание на реактуализацию негативного отношения к производящему труду: «Мы становимся наблюдателями возврата к такому отношению к производительному труду, которое было характерно для рабовладельческой античности. Всюду мы видим признаки новой социокультурной поляризации: раскола общества на тех, кто обречен заниматься производительной деятельностью, постепенно превращаемой в удел новых килотов — иностранных

рабочих, мигрантов, цветных, пришельцев из неблагополучных регионов, и тех, кто стал тяготиться дисциплиной, связанной с привязкой науки к производству и претендует на статус создателей «автономных», самопроизвольных «текстов», чурающихся родства с презренной действительностью» [333, с. 36].

Другими словами, социокультурный контекст современного экономоцентричного социума не способствует возвеличиванию творческого труда, как об этом пишут теоретики постиндустриального и информационного общества, но способствует нигилизации идеи труда как положительного идеологического концепта в целом. Современность формирует новые идентичности, позиционирует себя как общество «без труда» (Д. Рифкин), где ведущими смыслами становится игра, досуг, и соответствующий им играющий человек — homo ludens (Й. Хейзинга), созидающий «цивилизацию досуга» (Ж. Дюмазедье). На фоне играизирующих тенденций современного социума нередко возникают всплески принципиальной антитрудовой направленности, какими можно считать, к примеру, неолуддитские проявления, характерные в большей степени для стран с высоким технико-экономическим развитием и уровнем жизни в целом. В частности, американский анархист и философ Б. Блэк популяризирует идеи о необходимости «Упразднения работы» [64], высказывая эксцентричные мысли о прямом вреде труда для жизни людей [64]. Названные идеи находят отклик прежде всего в молодежной среде. Важно то, что призыв к неолуддитстким революциям указывает не просто на идею упразднения, преодоления труда, понимаемого как нечто обязывающее, сковывающее, ограничивающее человека, но отражает стремление упразднить весь социокультурный космос трудовой идеи как таковой, всю связанную с трудом социокультурную парадигматику, столь длительное время занимавшую господствующее положение в культуре эпохи модерна.

В этой ситуации пересматривается и нивелируется аксиоматика, на которой выстраивались объяснительные линии при описании экономических процессов (понятие производительности труда, трудовая теория стоимости, проблема соотношения труда и капитала и т. п.), характерных для социума, начиная с эпохи раннего модерна, соответственно из социокультурного пространства вытесняются идеи, комплементарные названным аксиомам, например, такие, как честный трудовой доход, профессиональный долг, достоинство человека труда и т. п.

«Это приводит к тому, что самые высокозатратные, с точки зрения трудовой

активности, сферы человеческой деятельности, такие, к примеру, как наука, вытесняются на периферию социальности, маргинализируются и постепенно деградируют. Наука утрачивает свои ранее завоеванные социокультурные рубежи, свой безусловный социальный авторитет и эталонность, чем существенно снижается возможность рекрутирования в ее ряды активных интеллектуалов, вне широкой представленности в научной сфере которых, полноценное развитие науки невозможно. К тому же запрос на науку формулировала покоряющая природу индустрия, стремящаяся к высокотехнологичному уровню развития промышленность. Постиндустриальному досуговому обществу, пораженному болезнью экономоцентризма, наука в ее традиционном качестве, как сфера, способная найти прямой выход в производство, преобразовать объективный мир и т. д., не нужна. Востребована лишь та часть знаний, которая способствует совершенствованию технологий по влиянию на индивидуальное и общественное сознание. С этой задачей не столько теоретически, сколько практико-эмпирически справляются СМИ» [383].

«Проводя аналогию между современным обществом и античным полисом можно отметить, что современный социум стремится к «новому рабовладению», совершенно не похожему на рабовладение античности. В античных полисах признаком элиты была причастность к высокому творчеству, к сверхусилиям интеллектуально труда (Аристотель, Платон и т. д.), которые могли себе позволить только свободные, хорошо обеспеченные люди. Признаком элитности в современном обществе становится непричастность какому бы то ни было труду вообще, в том числе, и творческому. Новые элиты декларируют своё «право на лень» [252], сибаритство, принуждение профанов к делу производства материального и нематериального продукта» [383]. Причем данное принуждение все чаще сопряжено с пороговыми возможностями человека, что нередко приводит к массовым социопатиям. Так, например, в 2012 году внимание общественности было привлечено к массовым самоубийствам рабочих корейского сборочного предприятия «Фоксконн», занимающихся сборкой айфонов «Эппл». Как было установлено, на заводах «Фоксконн», спроектированных специально с широким применением ручного труда, рабочие трудятся по 12–16 часов в день при 1–2 выходных в месяц и с регулярными вторыми сменами. Именно данные невыносимые условия труда вызвали эпидемию самоубийств в среде корейских рабочих [161, с. 65–66].

«В этой ситуации самой жестоко эксплуатируемой, неэквивалентно оплачиваемой

отраслью становится сфера интеллектуального творчества. Точечные заказы с соизмеримым творческим трудовым затратам финансированием в целом проблему не решают, а лишь усиливают подконтрольность получаемых наукой результатов. Данная ситуация, безусловно, является весьма неблагоприятной для общества, увеличивает риск нарастания регрессивных социальных тенденций. Уже сегодня в некоторых технически развитых странах элементарное воспроизводство сложившейся в предшествующие десятилетия инфраструктуры становится проблематичным. Растет число катастроф, причиной которых выступает человеческий фактор: халатность, некомпетентность, ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей. Нарастание названных тенденций может отбросить общество в его развитии на десятки, а то и сотни лет назад, вновь погрузив в ситуацию жесткой социальной стратификации, существования причастных труду людей в сложных бытовых и трудовых условиях.

Контртенденцией названным процессам может стать ситуация, возвращающая высокий статус интеллектуальному труду и творчеству, с одной стороны, и развивающая этику трудовых усилий в целом, с другой. Заказчиком названных тенденций может выступить лишь сильный социальный субъект (такой, к примеру, как государство), могущий найти в союзе с трудовой нормативностью опору собственному существованию и благополучию» [383], о чем все более настойчиво пишут современные экономисты. Они призывают те государства, которые стремительно погружаются в мир «долговой», а также «сырьевой» экономики, пойти по пути реиндустриализации. Особенно интенсивно положения о необходимости обратиться к реиндустриализирующему направлению развития общества высказываются российскими учеными, озабоченными тем, что их страна реализует «сырьевую» модель экономического развития, объективно снижая запрос на высококвалифицированную трудовую рабочую силу, а также ученых-специалистов, развивающих фундаментальную науку.

Таким образом, мы можем наблюдать волнообразную динамику идеи труда в пространстве европейского социума. От полного (или частичного) остракизма данная идея взошла на вершины культурной нормативности, достигнув своего апогея в новоевропейский период общественного развития, что тесно связано с утверждением экономоцентричной парадигмы развития социума.

Фетишизация труда имела серьезное значение для общества: на символическом

каркасе названной идеи произошла широкомасштабная институализация нововведений, характерных для капиталистического общества. Труд, как фетиш, во многом способствовал изменению социополитического и культурного порядка в сторону легитимации норм производительной деятельности, идеи накопительства, принципов экономического детерминизма.

Культурное возвеличивание идеи труда способствовало закреплению принципа субъектности человека в деле конструирования им посюстороннего мира, вытесняя на задворки культурной нормативности идею священного как онтологического, трансцендентного начала, с которым человек выстраивает отношения подчинения и зависимости. Отныне священное замыкается в «прокрустово ложе» земных отношений, принципы зависимости перераспределяются в пользу экономических установлений. В свою очередь, поступательное развертывание в обществе социокультурной парадигмы экономоцентризма (для которой при решении проблем накопления капитала и материального потребления, собственно труд выступает не основной, но вспомогательной смысловой единицей), привело к тому, что, начиная с рубежных десятилетий XX–XXI веков, идея труда претерпевает дискриминацию: феномен производительного труда неуклонно вытесняется на периферию социокультурной нормативности.

В обществе, где наибольший успех (прибыль) приносит отнюдь не производительная деятельность, основанная на трудовых усилиях, а спекулятивная игра с финансами и их производными, труд выбраковывается общественным сознанием как заведомо неэффективный механизм, не способствующий успешной социализации (обогащению, престижу, власти).

Маргинализация труда особенно разрушительно сказывается на высших его формах — творческой деятельности, сопряженной с длительными волевыми, физическими, интеллектуальными усилиями, высокой трудовой мотивацией, психическим напряжением.

В то же время отсутствие в обществе в достаточном количестве людей, способных реализовывать себя в творческой деятельности или нести тяготы трудовой повседневности, сопряжено с риском снижения уровня функционирования тех институциональных форм развития, на которых базируется благополучие современного общества.

2.3 Дилеммы идеи накопительства в формировании социокультурной специфики современности: перспективы и риски

Как хорошо показано в работах многих исследователей, тип общества, для которого экономика приобрела первостепенное значение по сравнению с остальными сферами и формами человеческого общежития, возник в западноевропейских странах и США на рубеже Нового времени – около XVII–XVIII вв. Интересно, что современные аналитики склонны рассматривать данный тип социума как возникший «по результатам европейского восстания против христианской цивилизации (XV–XVI вв.) и взлелеянного уже новой европейской цивилизацией – постхристианской и собственно …*экономической*» [322, с. 11]. «Тем самым они подчеркивают факт принципиального цивилизационного сдвига (что означает смену не только типа хозяйствования, но и всего культурного строя отношений в системах человек–мир, человек–общество, человек–человек), понадобившегося для того, чтобы утвердить нормы данного общества в мире: накопительство, беспрерывно расширяющееся товарное производство, ориентация на выгоду, стремление к безграничной прибыли, разрастание кредитно-дебиторских отношений, долговая экономика и т. д.» [389]. Подчеркивая значение указанных норм, исходящих из нужд обладающих капиталом классом собственников, рефлексивная мысль обозначила данное общество предикатами «капиталистическое», «буржуазное», наконец, «экономоцентричное».

Центральным системообразующим элементом данного общества выступает, как уже отмечалось, легитимация накопительства. В связи с этим для решения поставленных в исследовании задач необходимо осуществить историко-генетический и типологический анализ идеи и практики накопительства. Однако прежде чем приступить к анализу данного феномена, приведем ряд предварительных рассуждений. Обзор теорий относительно динамики хозяйственно-культурного развития общества показывает, что при анализе экономических укладов принято значительное внимание уделять производящей форме хозяйствования, возникшей 8–10 тысяч лет назад в результате так называемой «неолитической революции» (В. Г. Чайлд). Эволюция производящих типов хозяйствования (аграрно-ремесленного, индустриального, постиндустриального) выступает неизменным объектом анализа в многочисленных исследованиях гуманитарной науки. В то же время для современных ученых не

характерен интерес к существовавшим до неолитической революции типам хозяйствования, собирательный образ которых принято обозначать понятием «присваивающее хозяйство».

Интересным представляется обратиться к анализу той роли, которую *присваивающие* типы хозяйствования оказали на становление хозяйственной культуры как специфические генетические предпосылки ее развития. Присвоение материальных благ (охота, рыбная ловля, собирательство) как вид экономической деятельности располагается по оси «дар» – «насилие». С одной стороны, естественные природные условия даны (подарены) человеку как основа его существования, с другой, – ему необходимо прикладывать усилия (в случае собирательства), а порой и насилие (в случае с охотой, рыбной ловлей) для получения данных даров.

По мере развития человеческого сообщества, усиливались взаимодействия (столкновения) между различными группами людей. В этом – не исключительно природном, но человеческом – мире роль насильственных методов возрастала, играла все более значимую роль для выживания конкретной общности. Тем не менее, дар как основа взаимодействия между человеком и природой и в последующем – человеком и человеком – не теряют своей ценности. Представляется, что в способности к дарению, жертве содержится отсылка к естественным, природным условиям существования человека. Поскольку ситуация природного дара и реализация отношений насилия как естественные условия жизни человека не могли не сказаться на психо-антропологических характеристиках последнего, на характере вырабатываемых им социальных норм, то данные способности можно рассматривать как имманентные человеческой природе, укорененные в естестве человека феномены. Можно предполагать, что представление о *человеке дарящем* имеет такое же право на существование, как и образ *человека конкурирующего*, использующего принципы насилия, наиболее рельефно рассмотренные в западноевропейской науке в теориях «естественного отбора» и принципах конкурентных отношений в экономике.

Дар и насилие как изначально первичные способы ориентации в окружающем мире в потенциальном виде присутствуют и в современных способах ориентации человека, актуализируясь по мере необходимости то в одном, то в другом своем качестве. Интересно, что в обществах, именуемых «естественными» (Naturvölker), «архаическими», «первобытными», привлекающих пристальное внимание

исследователей с начала XX века (неолитические общины Полинезии, Меланезии, Северо-Запада Америки), были обнаружены иные, нежели понятные нам традиционные, индустриальные и постиндустриальные уклады социально-экономических отношений, в наибольшей степени актуализировавшие отношения дара, а не насилия [258; 274; 279; 306, 374; 518]. Данные отношения «естественных» обществ заставили по-иному увидеть многие понятия и категории, относящиеся к хозяйственно-экономической сфере, воспринимающиеся нами как единственно возможные принципы взаимодействия.

В частности, речь идет об описании исследователями феномена, получившего условное название «экономика дара». Системообразующими категориями, описывающими данный феномен, выступают такие понятия как «дар», «потлач», «кула», «милостыня». Интерес к изучению данной специфичной формы экономических взаимодействий хорошо объяснил известный французский антрополог М. Мосс. По его мнению, обнаруженные формы экономических взаимодействий не чужды и современному обществу: «Мораль и экономика подобного рода продолжают постоянно и, так сказать, подспудно функционировать в наших обществах, <…> мы обнаружили здесь одну из фундаментальных основ нашего общества, мы сможем извлечь отсюда некоторые нравственные выводы относительно проблем, порожденных нашим правовым и экономическим кризисом» [306, с. 87].

Выделенная М. Моссом в его известной работе по культурной антропологии «Очерк о даре» специфика экономики «обмена-дара», по его собственному замечанию, существенно отличается от «естественной экономики утилитаризма». Характерные черты этой обменно-даровой экономики заключаются в следующем:

- отсутствие обмена, основанного на удовлетворении исключительно индивидуального интереса; субъекты экономических взаимодействий в первоочередном порядке – это коллективы – кланы, племена, семьи и т. д.;

- обменные отношения сосредоточены не в сфере, реализующей материальные интересы, но в пространстве символического;

- присутствие сакрального табуирования прибавочного продукта, требования его антиутилитарного использования;

- наличие синкретизма восприятия хозяйственных и культурных транзакций: нерасчлененность экономического мира и мира социокультурных символов.

Это означает, что здесь в чистом виде экономика не реализует свои

организационные принципы, но теснейшим образом вплетена в морально-нравственные, мистически-обрядовые, клановые и межличностные отношения. Данная, скорее культурная, нежели собственно экономическая – основа человеческих взаимодействий в незападных обществах сохранялась гораздо более длительное время. Как справедливо пишет по этому поводу А. С. Панарин: «… во всех незападных обществах обмен меновыми стоимостями (товарами) *был явлением маргинальным* (курсив наш. – С. С.), так до конца, до нынешней эпохи всемерной вестернизации, и не получившим настоящую легитимацию. Во всех этих цивилизациях действовала, и во внутренней жизни, и во внешних сношениях, жесткая дилемма: или обмен дарами – между родственниками, между кланами, между выше- и нижестоящими, а также и между племенами, или – вражда, хаос, дезорганизация и неповиновение» [335, с. 78].

Характерно, что, по мере вхождения «натуральных обществ» в стадию «культурных», «цивилизованных», названные черты не искореняются в полном объеме из пространства социально-экономических взаимодействий. Хозяйственно-культурная сфера традиционного общества наследует их и воспроизводит в различных формах еще длительное время даже в наиболее динамично продвигающейся по пути отказа от дарообменной экономики европейской цивилизации. Это проявляется в том, что в хозяйственно-культурной сфере традиционного общества, несмотря на значительную степень усиления экономической составляющей (возникновение денег, учреждение торговли, появление ростовщических форм экономических транзакций и т. п.), собственно социокультурные основания хозяйственной деятельности не утрачивают своего первостепенного значения.

Большую роль здесь играет выделенное К. Марксом «внеэкономическое принуждение к труду», которому в рамках осуществляемого исследования необходимо уделить особое внимание. Внеэкономическое принуждение, как оно раскрыто классиками политэкономической мысли, представляется нашим современникам более жестокой формой эксплуатации, менее свободной (и, соответственно, менее справедливой) системой отношений между людьми, нежели собственно экономические отношения. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что внеэкономическое принуждение, понятое как система долговых обязательств и норм служения (нижестоящих – вышестоящим, зависимых – управленцам, господам и т. п.) в значительной степени апеллирует к морали, традиции, культуре, праву как институтам,

обеспечивающим названный вид отношений. Это, в свою очередь, означает, что данный вид взаимосвязи в том или ином виде способствует развитию коммуникаций, содержательно наполненных нормами ответственности, зависимости, служения, внутреннего (и внешнего) долга, закрепленных в обществе на уровне социокультурных институтов. При этом во внеэкономическом принуждении можно обнаружить не только насильственные формы взаимодействия между людьми, но и генетически восходящие к дарообменным стратегиям взаимодействия внутри социальной системы, ведущие свое начало с самых древних времен существования человечества.

Действительно, отношение к *долгам* и *обязательствам* как важнейшим формам взаимодействия между людьми можно найти и в архаичных, и в перешедших к цивилизованной форме существования культурах. Данная норма взаимоотношений нашла свое отражение в священных текстах древнего мира, что указывает на ее особую значимость. К примеру, в Ветхозаветной книге «Бытие» повествуется о том, что в ответ на данный Богом дар бытия-жизни и свободы-творчества, человек, не имея возможности ответить на столь щедрый дар, мог лишь взять на себя долг (обязательство) исполнения данной Богом заповеди. Сам факт установления некоторой заповеди указывает на учреждение ситуации, в которой человек, не способный взаимно одарить своего Создателя за дар бытийствования, мог бы все-таки стать участником дарообменных транзакций: принять на себя отношения личной обязанности, выразив свою (благо)*дарность* Творцу, которая и стала бы данным свободным даром, в некоторой степени делая человека сопричастным акту дарения.

Названный принцип дарообмена – возникновение отношений личной обязанности одариваемого по отношению к дарителю – хорошо известен культуре и продолжает сохраняться по сей день в архаичных (описанных культурными антропологами) обществах, а также в сохранившихся лакунах взаимодействий, основанных на традиционных ценностях (семейно-родственные, дружеские отношения и т. д.) в рамках современного общества [40; 41].

Известный российский философ и политолог А. С. Панарин, рассматривая экономические (меново-обменные) и внеэкономические (даро-обменные) отношения в своей работе «Православная цивилизация в глобальном мире» (2002), пишет: «Дар есть синоним обязательств, социальных и моральных. Чувство подлинного, экзистенциально переживаемого нами как внутренний человеческий долг обязательства возникает только

в ответ на дар: все то, что подарили нам наши родители и предки, что подарено нам нашим детством, нашей родной землей, нашей культурой, историей» [333, с. 81]. Далее автор проводит сравнение с обществом, в котором на смену дарообменным (внеэкономическим) отношениям приходят отношения господства экономических императивов: «В цивилизации тотального менового (эквивалентного) обмена понятие дара исчезает, но вместе с ним исчезает и понятие социальных и моральных обязательств (я расплатился и потому ничем не обязан и не должен)» [333, с. 81]. При этом А.С. Панарин отмечает, что «... на самом деле это чувство «полностью оплаченных векселей» всегда ложно, что цивилизация обмена, сама того не зная, пользуется неоплаченными дарами и паразитирует на людях, сохранивших память о даре и связанную с ним моральную ангажированность» [333, с. 81].

Вполне соглашаясь с автором, тем не менее, мы далеки от того, чтобы абсолютизировать или идеализировать архаику традиционного дарения. Несимметричность отношений одаривания, которая неизбежна в ситуации властных взаимодействий, ставит того, кто не способен адекватно одарить другого, в положение особо обязанного, закрепляя данное положение уже на уровне родовых долгов. В итоге система, институализирующая формы долговых обязательств в виде личной зависимости, предъявляет свои требования вновь рожденным поколениям, которым приходится вступать в жизнь заведомо несвободными, расплачиваясь за долги рода.

Особенно наглядно это видно на обычаях долговых отношений, сохранившихся вплоть до XX века в родоплеменных обществах. К примеру, в начале XX века долгое время работавший врачом в самых глухих районах бывшей французской колонии в Экваториальной Африке А. Швейцер, обобщивший свой опыт общения с аборигенами в «Письмах из Ламбарене» пишет следующее: «Правовая сторона их (жителей африканского континента. – С. С.) жизни чрезвычайно сложна, ибо границы ответственности простираются по нашим представлениям необыкновенно далеко. За поступок негра несет ответственность вся его семья, вплоть до самых отдаленных родственников» [502, с. 51].

Институционализация принуждения к исполнению обязательств в дарообменных отношениях способствует тому, что в традиционном обществе повышается роль насильственных форм мироотношения и упорядочивания социоантропологического мира, на что и обращали внимание критики традиционных форм «внеэкономического

принуждения к труду». Тем не менее, можно утверждать, что баланс «дар» – «насилие», если и не решается в пользу первого, все же не сбрасывает его окончательно со счетов. Это, например, видно из факта признания элитами общества прав крестьянина на выживание своей сословной обязанностью [400], а также актуализации в традиционном обществе таких понятий как «милость», «прощение», «сострадание» и т. п.

При этом обращает внимание на себя тот факт, что традиционное общество, в целом последовательно реализовывавшее отношения зависимости, тщательно поддерживая принцип социальной иерархии, достаточно долгое время сопротивлялось закреплению в обществе норм сугубо экономических долговых отношений, построенных на кредиторски-дебиторских взаимодействиях материального характера. Это выразилось, например, в практике прощения долгов, сопряженной с принудительным по отношению к заимодавцам высвобождением должников от материальной зависимости от кредиторов-ростовщиков и в специфическом отношении к феномену нищенства и бедности.

Несмотря на то, что культура знала долговые в целом и ростовщические, в частности, отношения достаточно хорошо еще с самой глубокой древности, она не стремилась активно внедрять данные отношения в общество. Более того, оказывала им противодействие, вытесняя на периферию социокультурной легитимности. При внимательном рассмотрении можно проследить тенденцию возникновения в культуре контрдолговых тенденций, наиболее ярко проявившиеся в сфере накопления денежного капитала – ростовщичества, хотя собственно ростовщичество – феномен, возникший гораздо раньше, чем деньги. В древнем мире широко практиковался заем в натурально-вещественном виде с целью потребления, а не увеличения прибыли (дожить до следующего урожая и т. п.). В истории возникновения денежного хозяйства считается, что меняльное дело и ростовщичество породил Вавилон. Древнейший свод законов царя Хаммурапи формулировал такие законы займа, что проценты в них составляли 20 % годовых по денежным займам и 33 % годовых по займам зерна [338]. В некоторых научных работах можно встретить данные о вавилонских банкирах, совершавших самые разнообразные финансовые операции: выдававших ссуды под письменные обязательства, а также под залог различных ценностей, принимавших процентные вклады, выступавших поручителями по различным сделкам и т. д. [338].

По указанию историка С. Г. Лозинского, уже Древняя Греция знала долговые

отношения. В частности, он пишет: «В тяжелы годы неурожая и падения цен на хлеб и иные продукты мелкому крестьянину не оставалось ничего другого, как обращаться за ссудой к крупному землевладельцу, к богатому помещику. Обеспечением ссуды служил *земельный участок*, на котором кредитор ставил камень с высеченным на нем закладным актом. Этот камень, который не без основания можно назвать ипотечным свидетельством, подробно говорил и о величине долга, и об имени заимодавца и *о высоте процента* (курсив наш. – С. С.), который взимался с впадавшего в нищету крестьянина, и об участи, ожидавшей его в случае неуплаты долга, и даже о наказании, ожидающем поручителя за неоплатного должника» [266, с. 51]. По поводу этих «ипотечных камней» есть свидетельство у Гесиода: «Аттика, – пишет он, – покрылась камнями. Ипотечные камни без числа сковали чернеющие поля матери-земли», и далее автор восклицает: «Лучше бы я не жил в такое время» [118].

В культурном пространстве традиционного общества доминировали такие идеи (религиозные, моральные, социальные), которые в целом противодействовали идеям накопления и экономического прогресса. В ветхозаветной книге «Исход» говорится: «Если серебро дашь в долг кому-нибудь из Моего народа, бедняку, который с тобой, не требуй от него уплаты, не налагай на него роста» [59, с. 33]. Накопительство понималось не просто как угроза сложившемуся порядку вещей, но как препятствие для спасения души: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (От Марка, 10, 25) [59].

Та же логика оценивает и ростовщичество. Заем у кредитора – не предприимчивая идея выгодного оборота денег для увеличения прибыли (как это имеет место в современном обществе), а вынужденная мера с целью выжить («дотянуть» до следующего урожая или заработка), поэтому взимание процента с нужды в моральном смысле – страшный грех, не менее тяжкий, чем убийство или воровство. В знаменитом трактате Катона «Земледелие» читаем: «.. предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. Исходя из этого можно судить, насколько ростовщика считали они худшим гражданином против вора» [206, с. 7].

Раннехристианские авторы и отцы Церкви IV–V веков клеймили позором грех лихоимства (так они называли ростовщичество). Василий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст полагали, что ростовщичество – проявление человеконенавистничества.

Оно нарушает заповедь любви и милосердия к ближнему. Иоанн Златоуст писал: «Лихоимство бывает ли следствием необходимости? Нет! Какая нужда, какая сила, скажи, понуждает грабить? … если ты хочешь разбогатеть, то не лихоимствуй, приобретай (богатство) честное» [194, с. 21]. Приравнивал к греху убийства ростовщичество Амвросий Медиоланский. Аврелий Августин полагал ростовщичество наиболее презренным занятием, ставя его в один ряд с такими порицаемыми культурой традиционного общества видами деятельности как сводничество и колдовство. По мнению А. Блаженного нет оправдания человеку, отдающему деньги под проценты. Серьезное отношение к названной проблеме отражает также и то обстоятельство, что порицание ростовщичества не ограничивалось только гневными проповедями пастырей Церкви, но было официально закреплено в церковном законодательстве: начиная с IV века, клирикам-ростовщикам могло грозить отлучение от Церкви. Их могли лишить священного сана, что было зафиксировано в ряде церковных соборов IV–VII вв. При этом ссужать нельзя было не только деньги, но и вещи.

Характерно, что в Средние века светская власть проявляла в этом вопросе полное единодушие с властью церковной: уже при Карле Великом в Западной Европе был установлен полный запрет на проценты (Ахенский собор и королевский капитулярий 789 г). Все последующие за этим событием Церковные Соборы (в Ахене (816 г. и 836 г.), Павии (850 г.), Реймсе (1049) и т. д.), а также папские декреталии Урбана III и Григория IX неизменно подтверждали данный запрет.

В период расцвета схоластической философии (XI в. – начало XII в.) учение о ростовщичестве активно разрабатывается богословами и философами. Ансельм Лукский в «Собрании канонов» рассматривает ростовщичество как грех против седьмой заповеди «не укради». Ансельм Кентерберийский усматривал в нем грех против справедливости. Меры по борьбе с ростовщичеством в период позднего Средневековья усиливались: от ростовщиков запрещалось принимать пожертвования в пользу Церкви. При этом раздача неправедно накопленных денег («постыдной прибыли») поощрялась, а к концу XIII века она стала обязательным условием для того, чтобы завещания ростовщиков могли быть признаны действительными [421]. В целом антиростовщические санкции в церковной среде Западной Европы нарастали: в 1179 г. понтифик Александр III издал указ о недопущении ростовщиков к причастию, повелел не давать возможности их христианского погребения, не принимать от них дары. Декреталии папы Грегора IX

(1243) закрепляли данную тенденцию.

Теолог XII века Петр Ломбардский в своем наиболее известном произведении «Сумма сентенций или учение о вещах и знаках» добавил еще один аргумент в копилку высказываний против ростовщичества. Он указал на то, что ростовщик присваивает себе время – дар, данный Создателям всем людям. Тем самым ростовщик преступает установленный Богом закон и потому достоин самого строгого наказания, если не вернет все, что нажито нечестным ростовщическим путем [490]. Данный тезис о продаже времени как величайшем грехе разделяли также Альберт Великий и Фома Аквинский. Другие теологи, современники Петра Ломбардского, к уже сложившейся схоластической системе доводов против ростовщичества добавили тезис о том, что должник – невольник ростовщика, т. к. уплата процентов осуществляется против его воли. Неволить человека, вовлекая его в греховные отношения – двойной грех [378].

Несмотря на то, что уже в позднем средневековье отношение к ростовщичеству со стороны светских властей, а также католической Церкви несколько смягчилось (были названы отдельные условия, при которых взимание процентов допустимо), в целом данная эпоха демонстрировала отрицательное отношение к рассматриваемому феномену. В связи с этим исследователь средневековой культуры А. Я. Гуревич отмечает, что резкое отрицание Церковью и государством ростовщичества стало одной из основных причин того, что данной хозяйственной функцией преимущественно занялись иноверцы, прежде всего, иудеи, поскольку на них не распространялись профессиональные запреты, которые необходимо было соблюдать христианам [140, с. 413.].

Интересным представляется то обстоятельство, что на пути решения проблем экономических кредиторско-дебиторских отношений в обществе чаще всего использовались юридические, административные, политические, морально-этические средства, в целом могущие быть рассмотренные как культурные в широком смысле этого слова. Собственно экономических механизмов выработано было достаточно мало. Хозяйственная деятельность в той своей части, в которой она выходила из области задач, непосредственно связанных с жизнеобеспечением-потреблением, а входила в область, так называемой «хрематистики» (Аристотель) – сферу наживы, накопительной деятельности и предпринимательства, неизменно встречала серьезное сопротивление со стороны культуры. Тем не менее эффективных механизмов сдерживания и контроля,

противодействующих геометрическому росту негативных тенденций в хозяйственно-экономической и социокультурной сферах, благодаря развитию феномена ростовщичества, общество не могло выработать не только в прошлом, но и сейчас. Всякое противодействие усилению власти ростовщиков носило временный, несистемный характер. Интересно отметить, что наибольшей популярностью в данном противодействии пользовались силовые – запретительные – приемы как способные в короткий срок достичь максимального успеха в деле ограничения ростовщического капитала и освобождения бремени долгового неравенства. Например, еще в Ветхом завете в разных местах мы находим не менее 15 высказываний, в которых затрагивается тема ослабления процента. Например, здесь указывалось, что каждый седьмой год должен быть годом ликования, в котором соотечественникам прощались все долги [59]. В 594 г. до н. э. Солон издал указ об отмене всех задолженностей. Данный указ известен в истории как закон «освобождения от долгов» [453]. В Древнем Риме в 332 г. до н. э. взимание процентов вообще было запрещено [453]. Во времена Юстиниана был издан запрет на сложные проценты, при этом указывалось, что если сумма процентов выросла до размера выданного кредита, то дальнейшее их востребование неправомерно, т. е. должник должен был кредитору сумму, не более чем в два раза превышающую изначальный заем.

Особенно активно запретительные санкции использовались в эпоху средневековья. Папа Лео I в 443 году издал всеобщий запрет на сбор процентов, хотя до тех пор лишь клерикалам было запрещено требовать проценты с ссуды. Соответственно запрет на проценты стал частью канонического права. Постепенно к нему приблизилось и законодательство западноевропейских стран.

К тому же достаточно развитое местное самоуправление в виде цехового права также всячески препятствовало ростовщичеству, используя наложение запретов, основываясь на нормах цехового права, разработанных определенным образом. В статутах многих цехов эпохи средневековья содержится если не прямое, то косвенное противодействие ростовщичеству: «..если кто давал ссуды под проценты своим товарищам по цеху, не мог быть избран ни в судьи, ни в консулы и ни на какие почетные должности» [266, с. 113].

Отрицательное отношение к проценту проявлялось также в том, что его использование могло быть применено в качестве наказания для недобросовестного

дебитора. Исследовавший проблему ростовщичества на средневековом Западе историк С. Г. Лозинский по этому поводу пишет следующее: «Со средины XIV века цехи как бы бойкотируют слово «процент» и заменяют его словом «подарки», причем за нарушение срока возврата ссуды допускается и неприятное слово «процент», так как неаккуратный плательщик подлежит наказанию в качестве человека, не исполнившего слова. Ни в чем не провинившийся же член цеха не должен платить никаких процентов; цехи во второй половине XIV века избирали даже специальные комиссии для отпущения процентных сумм (ad remittendum usuras), и комиссии эти, на первых порах рассматривающие деятельность ростовщиков лишь в отношении товарищей, вскоре стали обсуждать деяния ростовщиков и вне круга цеха, к которому принадлежали ростовщики и которые, по-видимому, были не профессионалами, а ремесленниками, располагавшими свободным капиталом» [266 , с. 114].

Далее профессор указывает, что «эта вражда к ростовщичеству к началу XV века приняла усиленный характер, и консулы обратились к духовенству за помощью в деле борьбы с ростовщичеством, причем задача гласила, что *необходимо совершенно искоренить в людях это преступление* (курсив наш. – С. С.)» [266, с. 114]. Все это приводило к тому, что, как указывает Ж. Эрс, «… ростовщичество было делом рискованным» [522, с. 133], поскольку ни духовенство, ни власти, ни собственно сам народ не склонны были легитимировать в обществе подобные экономические взаимодействия. В особых жизненных условиях (например, угрозы голода), когда народное недовольство нарастало, объектом «снятия социального напряжения» выступали менялы-ростовщики, которых либо изгоняли из городов, либо сажали в тюрьмы и налагали внушительные штрафы за их деятельность [472].

Законодательные запреты на ростовщичество действовали довольно долго. К примеру, в России по Уложению 1903 г. ростовщичество квалифицировалось как преступление. В возникшей в результате революционных трансформаций Советской России были приняты ряд законов, которые запрещали ростовщичество и так называемые кабальные сделки (33 статья Гражданского Кодекса и 193 статья Уголовного Кодекса).

В то же время хорошо прослеживается, что нормативность традиционного общества наименее имущие слои населения – бедноту и нищих – не подвергала культурному остракизму, наоборот, данные социальные маргиналы занимали достаточно

высокие позиции в иерархии культурных смыслов. Например, если рассматривать докапиталистическую Россию, то она достаточно «милостиво» относилась к бродягам и нищим. Более того, почитала их как угодных Богу людей, в целом оценивала бедность как более душеполезное положение человека, нежели богатство. Наглядным свидетельством этому служат сложившиеся в отношении богатства и бедности русские пословицы и поговорки: «Кого Бог полюбит – нищетою взыщет», «Гол да наг – пред Богом прав» и другие.

По уставу св. князя Владимира нищий причислялся вместе с игуменом, попом, паломником, слепцом и хромым в число людей церковных. При Алексее Михайловиче нищие находились под особой опекой властей, «… жили даже подле самых царских хором, и, когда один из них (Венедикт Тимофеев) умер в 1669 году 9 апреля, его отпевали двадцать дьяконов и без счету певчих и причетников. Сам царь был на погребении и раздавал щедрую милостыню нищим и колодникам в этот день, потом в третины, десятины, полусорочины и сорочины» [275, с. 124].

Следует отметить, что при несомненно имеющихся культурно-цивилизационных различиях в отношении к феномену нищенства и бедности в целом традиционное общество было гораздо более терпимо к нему, нежели собственно капиталистическое. Представляется, что феномен прощения, институализировавшийся в культуре в самых разнообразных формах (отпущение грехов в институте церкви, освобождение от долгов специальными указами в системе права и т. п.) в той или иной степени реализует в культуре стратегию дара.

Возникновение капиталистического общества повлекло за собой укрепление норм собственно экономических взаимодействий между людьми, что повлияло на смену отношения к богатству и ростовщичеству. Укрепившаяся в данном обществе социокультурная парадигма экономоцентризма, сквозь призму материальных отношений рассматривающая всю совокупность жизненных проявлений человека и общества, способствовала тому, что накопительство и ростовщичество из отвергаемых феноменов стали превращаться в почитаемые. Ограничения на взимание процента были отменены в Западной Европе уже к середине XIX века: Англия 1854 г., Дания 1856 г., Бельгия 1865 г., Австрия 1868 г. [453, с. 21].

В экономоцентричном типе социума практически нейтрализуются все механизмы противодействия воспроизведению, закреплению и геометрическому росту

экономического неравенства. Более того, инструменты его производства (ростовщичество, господство финансового капитала) не сдерживаются, а активно легитимируются и поддерживаются культурой.

Смена отношений к богатству, очертившаяся в рамках восходящего капиталистического общества, поменяла отношение и к нищим. Норма «дара», выраженная как «милость», «прощение» в человеческих отношениях уменьшалась и исчезала, зато все более отчетливо развивались насильственные формы по отношению к тем, кто по каким-либо причинам не мог стоять в авангарде экономического накопительства. В частности, раньше других ставшая на путь капиталистического развития Англия отличалась наиболее суровым законодательством в отношении нищих. Другие европейские страны пошли по тому же пути: терпимость к бродягам и нищим уменьшалась, а наказание за подобного рода образ жизни становилось все более суровым. Российская исследовательница Л. Кашпур, анализировавшая вопрос бродяжничества по материалам зарубежного законодательства второй половины XIX века, указывает, что очень часто мерой наказания за бродяжничество и нищенство в странах Западной Европы выступала тюрьма [208, с. 45].

Характерно, что в России, долгое время сохранявшей в себе многие черты традиционного общества, уже при сориентированном на нормы европейского капиталистического развития Петре I, нищенство и бродяжничество начали активно изживаться. В целом меры взыскания не доходили до тюремного заключения, а преимущественно ограничивались административными наказаниями в виде наложения штрафов: «Нищим по улицам и при церквах против прежних указов милостыни не просить, и никому не давать, и по улицам нишататься; понеже в таковых многие за леностями и молодые, которые не употребляют в работы и наймы милостыни просят, от которых ничего доброго, кроме воровства, показать не можно, а ежели кто даст милостыни нищему, будет с него взят штраф в 5 рублей» [376, с. 9].

Смена социокультурного восприятия проблем накопительства, вопросов богатства и бедности, а также вопросов о желаемых стратегиях построения отношений в обществе (от преобладания «даровых» к укреплению обменных) может рассматриваться в духе К. Ясперса как «осевая проблема» современного общества. Абсолютизация экономических транзакций, вытесняющая на периферию социокультурной нормативности те принципы взаимодействия между социальными субъектами, которые

напрямую не способствуют делу накопительства, приращению богатства и экономическому росту, понятому как индикатор успешности вышеназванных практик, приводит к тому, что всё, что прямо или косвенно препятствует обогащению, подвергается остракизму, обрекается на деградацию и распад.

Однако собственно процесс накопления представляет собой далеко не однородный феномен. В зависимости от того, в какой форме он реализуется, в культуре происходит актуализация коррелирующих с ним социальных и антропологических типов. В силу чрезвычайной важности данного обстоятельства имеет смысл более подробно рассмотреть способы и принципы накопления/обогащения, представленные в опыте современной культуры, и прежде всего, обратить внимание на проблему накопления капитала.

Несмотря на то, что собственно понятие «капитал» как предмет научного анализа интересует исследователей уже не одну сотню лет (системное изучение данного феномена можно найти еще в трудах английских политэкономов А. Смита, Дж. С. Милля и др., в фундаментальном анализе сущности капитала, осуществленном К. Марксом, а также многочисленной плеядой его последователей и оппонентов), в общественном сознании прочно укрепилось представление о капитале прежде всего как о промышленной форме получения прибыли и акцент делается на промышленно-производственной форме накопления.

Как уже отмечалось, разнообразные способы накопления капитала существенным образом влияют на специфику развертывания социокультурных процессов, поэтому в рамках изучения проблемы природы и сущности экономоцентричного общества данному разнообразию необходимо уделить самое серьёзное внимание. Выявление доминирующих стратегий накопительной и предпринимательской деятельности, анализ разворачивающихся на их основе социокультурных феноменов является одним из условий прояснения тех обстоятельств, которые необходимы для преодоления негативных тенденций развития данного типа общества.

В целом сегодня можно говорить о четырех способах накопления капитала: военно-силовом (прямое насилие), производительном, торговом и финансовом. Каждая из названных форм имеет свою историю возникновения, ареал действия и границы применимости.

Значение такой формы получения капитала как накопление военно-силовыми

методами никогда не утрачивало своего значения на протяжении всей истории осуществления экономической деятельности. Как уже отмечалось, еще на заре своего существования общество знало различные способы получения материальных благ: путем дара и путем насилия. При этом в культуре народов, перешедших к «цивилизованным» формам жизни этика и практика дара стремительно стала искореняться из опыта и норм повседневной жизни, вытесняясь на периферию социальности, локально лишь в незначительной степени сохраняясь и по сей день. Об этом, в частности, пишут современные исследователи Ю. Барсукова, Т. Н. Юдина и др.

К примеру, Т. Н. Юдина обращает внимание на то обстоятельство, что на уровне ведения домохозяйств, традиционные принципы осуществления хозяйственно-экономической деятельности не утрачивают своего значения: «… даже в рамках мейнстрима *домохозяйства* (households) выступают как традиционный сектор, экономическая единица и институт рыночной экономики. Они представляют собой самую реальную часть реального сектора экономики, что особо ощутимо в условиях современного мирового экономического кризиса» [524, С. 134].

Ю. Барсукова, исследуя принципы отношений в домохозяйствах на примере российских семей, выявила, что отношения реципрокности (дара) все еще имеют место в глубине наиболее тесных в родственном или духовном отношении связей, полностью не вытесняются сугубо экономической логикой обмена [40; 41]. При этом требование реципрокности (взаимности) носят ярко выраженный моральный характер.

Лакуны реципрокности представлены тем шире, чем в большей степени культура сохранила элементы традиционного уклада жизни. И наоборот, в странах, в наибольшей степени испытавших на себе трансформационный потенциал модерна, прошедших сквозь последовательное и методичное отрицание всего того, что хоть как-то может указать на связь с традиционной культурой, пространств, не занятых тотальной обменной логикой, практически не остается. При этом прослеживается следующая закономерность: чем меньше уровень реципрокности в обществе, транзакций, освященных культурой дарообменных практик, тем выше в нем уровень насилия.

В частности, это хорошо прослеживается на примере Западной Европы, включившейся в динамичный дрейф линейно-поступательного развития, ранее других высвободившейся от принципов реципрокности, с одной стороны, открывая для себя возможности обмена (Ф. Бродель, К. Поланьи и др.) и активно институализируя формы

насильственного накопительства, с другой.

В этом аспекте интерес представляют исследования по экономической роли крестовых походов, вклад которых в обеспечение и развитие средневекового торгового капитала в достаточной мере не оценен и по сегодняшний день. Экономический результат крестовых походов описывает, к примеру, русский экономист И. И. Сковрцов-Степанов. В частности, он отмечает следующие результаты данных военных мероприятий: «Уже через какие-нибудь полвека после первого крестового похода начался расцвет ярмарок Шампани. Представляя нейтральную область, одинаково доступную для итальянских, южно-французских (главным образом провансальских и лангедокских), германских и английских купцов, Шампань на два столетия сделалась центральным пунктом, в котором встречались всевозможные продукты Востока с произведениями окружающих стран Запада» [399, с. 13].

«Взятие Константинополя и захват значительной части Византийской империи венецианцами и отчасти генуэзцами были совершенно естественным заключительным актом в торжестве итальянской торговли над византийской» [399, с. 12]. Как отмечает российский историк рубежа XIX–XX веков проф. С. Г. Лозинский, крестовые походы во многом выступили локомотивом развития торгового капитала: «Крестовые походы вызвали к жизни и новые потребности, и новые источники обогащения; они сильно подорвали прежний натуральные режим и дали очень существенный толчок денежному, обменному, товарному хозяйству» [265, с. 102].

Не случайно мы наблюдаем рост институтов мобилизации капитала в средневековых городах Венеции, Генуи, Ломбардии и др., в закрома которых стекалась полученная в результате военного захвата добыча. Название средневекового города Ломбардия даже стало основой хорошо известного понятия «ломбард», что свидетельствует о той огромной роли, которую играли в жизни данного города, а также взаимодействующих с ним других городов механизмы заемных отношений. Именно накопленный военно-силовыми методами капитал стал материальной основой того ренессансного периода, который испытала Западная Европа в постсредневековый период собственного развития. Запросы на культурные достижения данной эпохи также диктовались во многом торгово-ростовщическим слоем общества – развитие математики, как решение задачи по облегчению торговых сделок, создание предметов искусства как умножение атрибутов роскоши и т. п.

Представляется, что накопление капитала с использованием военно-силовых, насильственных методов является продолжением практики *присваивающего хозяйства*. В чистом виде военное накопление возможно при условии экстерриториального движения, сопряженного с захватом естественных природных богатств (территорий, земель с содержащимися в них полезными ресурсами) и вытеснением противника из более благоприятной климато-географической зоны с большим количеством природных богатств. Насильственное улучшение естественных, природных условий, создает предпосылки для реализации присваивающих стратегий хозяйствования.

Устоявшееся мнение о том, что в средние века капитал появляется из превращенной формы ренты, т. е. прибавочного продукта, извлекаемого из феодально-зависимого населения [284], нуждается в дополнении. Поскольку тезис Маркса о том, что зачаточная средневековая торговля обогащает тех, кто обращается к ней уже с некоторым состоянием, и что первоначальным источником капитала мог быть лишь прибавочный продукт, содержит в себе возможность рассмотрения в качестве данного «некоторого состояния» военную прибыль.

Немецкий социолог Норберт Элиас в известной работе «О процессе цивилизации» отмечает военно-силовой характер реализации накопительно-собственнических интенций у правящей элиты Средневекового общества: «… на протяжении почти всего Средневековья не деньги, а земли были главной формой собственности. <...> политические и военные функции того времени еще не отделились от экономических в той степени, в какой это произошло в обществе новейшего времени. Военное действие, политическое и экономическое стремление здесь практически тождественны, желание получить большее богатство в виде земельных владений идентично желанию приумножать власть, обеспечить свою суверенность, равно как и увеличить свою военную силу» [519, с. 46].

Захват *богатств, произведенных человеком,* по методу накопления может рассматриваться как военно-силовой, но по источнику возникновения материальных благ как производительный. Тем не менее в условиях, когда производительность аграрного общества очень мала, полученных на основе производящей деятельности продуктов труда явно не хватает для того, чтобы накапливать капитал, военно-силовые методы становятся *источником накопления*. При этом присвоение в чистом виде – полный захват чужой собственности – предполагает исключительно насильственные

методы, в то время как присвоение прибавочного труда – эксплуатация зависимых тружеников-производителей (рабов, крестьян, рабочих и т. п.), – помимо насилия, включает в себя элементы обмена материальных благ на нематериальные (на относительную безопасность, покровительство и т. п.).

Можно представить *эволюцию способов накопления капитала* следующим образом:

1. Военное накопление капитала (чистый захват собственности и естественных природных благ);
2. Военно-торговое накопление капитала (неэквивалентный обмен с использованием силового давления);
3. Производительный аграрный способ накопления капитала (присвоение прибавочного продукта, произведенного на основе земледелия);
4. Натурально-торговое накопление капитала (накопление в результате обмена продуктами производительной деятельности);
5. Производительный промышленный способ накопления капитала (присвоение прибавочного продукта, полученного на мануфактурах или с помощью машинного индустриального производства);
6. Торгово-финансовое накопление капитала (накопление в результате торговли деньгами).
7. Финансовое фиктивное накопление капитала (накопление в результате ссудно-процентных операций, банковских услуг, манипуляций с деривативами и т. п.).

Следует отметить, что в ситуации роста капитала велика роль переходных форм его накопления. В чистом виде формы накопления встречаются редко. По мере освоения всего многообразия форм накопления капитала общество использовало ту или иную его форму в зависимости от исторических обстоятельств и условий социально-антропологического развития. Например, военное накопление в неявном виде присутствует в такой форме международной торговли как колониальная и неоколониальная торговля, в которой купец (торговец) от действительного (двухстороннего) обмена переходил к одностороннему присвоению произведенными продуктами. Русский исследователь И. И. Скворцов-Степанов, описывая особенности колониальной торговли европейских стран со странами завоеванных континентов (Африка и Америка), возникшей на рубеже средневековья – нового времени писал: «Действительный обмен переплетался с односторонним завладением, с прямым или

замаскированным грабежом, купец при первой возможности превращался в простого пирата, в торговом посреднике умирал военный организатор» [399, с. 6]. В рассуждениях автора мы можем найти прямые различия данного способа «обмена» с натурально-торговым накоплением капитала, возникающем в результате обмена продуктами производительной деятельности: «Купец мало интересовался производительными отношениями той страны, в которую он приезжал. Он просто «снимал сливки» с того производства, которое было организовано без него и не им» [399, с. 6]. Данную эпоху И. И. Скворцов-Степанов называет «эпохой экстенсивной торговли, когда военный захват добычи играл такую же роль, как и мирный обмен» [399, с. 6]. Ярким примером такого военно-торгового накопления могут служить испанская Вест-Индская компания (XVI век) и голландская и английская ост-Индская компании, организованные в XVII веке.

Описывая экономические отношения стран Западной Европы со своими колониями, российский исследователь С. В. Бурцев пишет: «Все годы испанского владычества не прекращались грабежи и жестокая эксплуатация населения, занятого добычей золота во всех странах континента. Из покоренной Южной Америки с 1521 по 1544 гг. в Испанию ежегодно доставлялось 3 тонны золота, а с 1545 по 1560 гг. – уже 5 тонн. Всего испанцы, захватив огромные колонии в открытой ими Америке за три века колонизации (XVI–XVIII вв.), вывезли оттуда 2500 тонн золота и 100 тыс. тонн серебра» [90, с. 54].

Результатом подобного использования военно-силового ресурса в деле осуществления хозяйственной деятельности явилось то, что к середине XVI века Испания стала богатейшей страной Европы по количеству находившихся в ее распоряжении денег. Это не замедлило сказаться на хозяйственно-экономической ситуации в целом. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вливание в монетарную систему Испании огромного количества денег, добытых не производительным, а военно-силовым путем привело в целом к упадку производства. «Легкие деньги» стимулировали потребление, траты на предметы роскоши, что в целом привело к росту долгов испанского государства. В итоге награбленное золото было потеряно, приоритет в производстве не установлен. В XVIII веке Испания превратилась во второстепенное государство.

Обратим внимание также на то, как характеризуются основные процессы,

развернувшиеся в эпоху колониализма: «..колониализм повлек за собой три основных процесса: добычу серебра на американском континенте с применением *принудительного труда* (здесь и далее в цитате курсив наш. – С. С.); *принудительное перемещение миллионов африканцев как рабов* через Атлантику; *взимание дани* с азиатского торгового флота и земли» [195, с. 35]. «Между 1493 и 1700 гг. Американский континент произвел 51 100 метрических тонн серебра, или около 81 % его мирового производства» [195, с. 35].

Следствием преобладания военно-силовых методов построения торговых отношений является неэквивалентность обмена. «Колониальное завоевание отрицательно сказалось, прежде всего, на развитии городского ремесленного производства, связанного в основном с производством личного потребления (главным образом, предметов роскоши). Упадок этого производства был вызван не столько фабричной конкуренцией, сколько *перераспределением чистого продукта колониального общества в пользу метрополии* (курсив наш. – С. С.)» [314 , с. 21].

«… Западная Европа год за годом в течение двух веков была способна обменивать драгоценный металл, полученный при очень малых затратах, на более ценные товары» [195, с. 35]. «Даже после того, как ранняя фаза получения сверхдоходов от продажи серебра на этих (восточных – прим. С. С.) рынках прошла, у Западной Европы все еще оставалось преимущество, так как продолжалась низкозатратная добыча серебра на Американском континенте» [195, с. 35]. Другими словами, снижение издержек производства максимально эффективно при условии сочетания их с военным грабежом и насилием. Эти элементы присваивающего типа ведения хозяйственных отношений не учитывались в классических теориях по политэкономии, разрабатываемых западноевропейскими теоретиками.

Тем не менее представители одного из наиболее ранних политэкономических учений – меркантилизма – считали колониальную экспансию одним из важнейших источников накопления. Т. Ман в трактате «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией» прямо призывает к колонизации, т. к. благодаря ей возможно сократить собственные затраты максимально. Апологетическую позицию по данному вопросу занимал Ф. Бэкон и другие известные личности [223].

Допустимость насильственного обмена обосновывал в своих труда Иеремия Бентам. Он указывал, что, руководствуясь принципом получения максимальной пользы,

необходимо рассматривать все предметы с той точки зрения, что они могут быть подвергнуты насильственному обмену, «если это представляется единственным средством предотвратить большие утраты» [51, с. 371].

Придание насильственным методам накопления капитала теоретического обоснования можно назвать «политэкономическими эвфемизмами», призванными смягчить оценку роли насильственных методов в деле капиталистических отношений. Этим же целям служила и специальная пропагандистская литература, в больших количествах создаваемая в странах-колонизаторах, в которой развивалась мыль о том, что колониальный захват жизненно необходим для осуществляющего его общества [223, с. 484–489].

Для современных исследователей фактор насилия в деле построения экономически успешного общества осознается все в большей степени. В частности, американский политолог С. Хангтингтон, рассматривая экономическое благополучие западных стран, пишет по этому поводу следующее: «Запад покорил мир не превосходством своих идей, ценностей или религии, а превосходством организованного насилия и его применением. Представители западной цивилизации часто забывают этот факт, представители не-западных цивилизаций – никогда» [558, p. 51].

Английский историк Э. Хобсбаум, рассматривая проблему промышленного взлета Великобритании XVIII, века связывает успех индустриальной революции в данной стране и в Европе в целом с колониальной политикой. Особо подчеркивая роль насилия, примененного в мировых масштабах, Э. Хобсбаум указывает, что стремительный подъем стран-колонизаторов достигался «двумя основными средствами: захватом экспортных рынков ряда других стран и разрушением внутренней конкуренции в отдельных странах, т. е. политическими или полуполитическими средствами войны и колонизации» [504, p. 48].

Рассматривая природу дохода современного капитала, Д. Харви вводит понятие «накопление путем отъема» [553, p. 137–182]. Интересно то, что Д. Харви убедительно показывает, что капитализм периодически возвращается к подобным видам присвоения на всем протяжении своего существования. И сегодняшнее время – не исключение. Указывая на роль насильственного захвата в деле возрастания экономического благополучия стран Западной Европы, современный экономист Р. Дзарасов констатирует: «… российской общественности практически неизвестна та высокая цена,

которой обернулся для человечества экономический подъем капитализма» [162, с. 293].

Иначе говоря, при возникновении в культуре запроса на реализацию максимально выгодных стратегий обогащения на первое место выводится насильственный захват собственности. Следующим, вполне конкурирующим с вышеназванным, является способ накопления путем финансовых манипуляций, торговых операций, и лишь затем следует обогащение за счет производительной (промышленной и сельскохозяйственной) стратегии.

Интересно, что о неравных возможностях в достижении богатства посредством различных видов человеческой деятельности общество знало очень давно. Например, еще Катон в своем трактате «Земледелие», указывал на то, что земледельческое занятие уступает торговле и ростовщичеству в деле приумножения богатств. Он писал о том, что, желая получать большой доход, не стоит рассчитывать на ведение сельскохозяйственных работ: «… лучше заняться торговлей, но она опасна, или ростовщичеством, но оно не почетно» [206, с. 3].

Другими словами, соотношение различных способов по достижению обогащения отличается значительным неравенством. К примеру, понимание того обстоятельства, что обогащение во многом сопряжено не с производительной (трудовой), а с финансово-коммерческой деятельностью, было характерно и для русских мыслителей-экономистов. В частности, И. А. Третьяков, «первый русский экономист европейского академического уровня» [16, с. 61], еще в середине XVIII века говорил о том, что «обогащает всякое государство несказанно <…> учреждение банков для коммерции» [526, с. 299]. Также среди факторов, которые, по мнению И. А. Третьякова, задерживают экономическое развитие страны, одним из важнейших является «отсутствие запаса», «избытка вещей», т. е., выражаясь современным языком, недостаточное накопление [526].

Значение банковского сектора в деле накопления капитала особенно отчетливо осознается западноевропейским обществом. Как отмечает известный индийский исследователь истории средних веков Ирфан Хабиб, методы стремительного развития капитала, не имеющие аналогов в мире по масштабу и гибкости коммерческих операций, возникают именно в Западной Европе. При этом особо он выделяет два существенных усовершенствования в организации торговли. Первое – это учреждение акционерных обществ, наиболее успешными из которых были Ост-Индские кампании, стремительно вытеснившие в XVII веке с рынка на фондовых биржах капитал мореплавателей-

одиночек. Второе – это создание системы корпоративных или общественных банков в Венеции, Амстердаме и Англии, обладающих функциями денежной эмиссии, благодаря чему стало возможным получать капитал в рамках всего сообщества [195, с. 34].

Именно с новоевропейского периода развития общества роль финансового сектора в деле развития экономических отношений все более усиливается, инициируя процессы трансформации смысловых доминант социокультурного строительства. Общество, подвергавшее норму накопительства культурному остракизму, начинает ориентироваться на нее в полной мере. Безусловно, данные трансформации не могли произойти одномоментно: инерция культуры еще длительное время «сопротивлялась» тенденциям по усилению отвергаемых ею ранее норм. Тем не менее, названный переворот состоялся, и сегодня можно констатировать факт восприятия социумом стратегии накопительства как эталонной модели человеческого поведения. В связи с этим значительную роль, начиная с новоевропейского периода развития общества, приобретают такие формы накопления как финансовые манипуляции (хотя массовый характер они принимают только лишь в XX веке и особенно в начале XXI века).

Однако прежде, чем остановиться на сути финансовой формы накопления, укажем, что наиболее хорошо описанной, в основном благодаря трудам К. Маркса и теоретикам марксистского крыла философии, является накопительная деятельность посредством развития производственного капитала и присвоения прибавочного продукта – прибыли. Производственное накопление, как отмечалось, может иметь несколько видов: производительный аграрный способ накопления капитала и производительный промышленный способ накопления капитала. Получение дохода от данных видов деятельности связано с присвоением так называемого «прибавочного продукта» (К. Маркс), т. е. тех благ, который рабочий/крестьянин получает сверх той нормы, которая необходима ему для жизнеобеспечения. Безусловно, в данной форме накопления значительная роль принадлежит производительному труду. Именно поэтому поведенческая норма трудовой аскетики и трудового энтузиазма освящается культурой новоевропейского общества. Данный вид человеческой активности признается высшей формой реализации человеческого потенциала.

Однако по мере того, как роль трудовой активности и собственно производительного труда в деле приумножения богатства снижается (во многом благодаря тому, что производительные формы накопления далеко отстают в своих

возможностях от торговых и финансовых накопительных возможностей), происходит резкая смена отношения к труду в культурных доминантах современного общества. Огромная роль в этой смене принадлежит фиктивному финансовому капиталу. В конце XX – начале XXI века масштабы финансового сектора значительно возросли. Финансовые институты и посредничество в финансовой сфере играют сегодня намного более важную роль, чем это было еще лет 30 назад. Исследователи отмечают рост международных потоков капитала на финансовых рынках, значительно превышающий объем денежных средств, получаемых в результате торговых операций, связанных с товарами и услугами. Если объем денежных средств на мировом валютном рынке увеличился за последние десятилетия практически в два раза, то торговые обороты услуг и товаров имели увеличение только наполовину, что привело к значительному превышению объема финансового капитала над торговым (практически в 70 раз к 2004 году) [257, с. 83]. Данная тенденция на сегодняшний день продолжает только нарастать. По оценкам Банка международных расчетов, в 2013 году ежедневный оборот финансовых активов составил 5,3 трлн. долларов [573]. Указанные факты свидетельствуют о том, что роль финансового сектора экономики и финансово-спекулятивных способов накопления возросла как никогда ранее. Тем самым сегодня практико-эмпирически разрешен вопрос о том, какая форма капитала (промышленная, торговая или финансовая) является ведущей силой мирового развития. Данная проблема волновала общества еще на заре становления капитализма.

Еще Г. Бернгард, Р. Гильфердинг и другие экономисты рубежа XIX– XX вв. высказывали идеи о том, что высшей стадией развития капитала является финансовый капитал, в силу чего движение капитализма по пути финансализации неизбежно [120]. К. Маркс не соглашался с позицией, согласно которой финансовый капитал может стать во главе промышленного. Он и его последователи продолжали отстаивать позицию о приоритетной роли производящего (индустриального) капитала. Боле того, К. Маркс указывал, что кредитная система есть создание и даже форма индустриального капитала, начавшаяся с мануфактуры и далее развившаяся вместе с крупной индустрией [285]. Данное Марксовское положение активно отстаивал А. Финн-Енотаевский, В. И. Ленин и другие марксисты [260; 449].

«Спор о гегемонии» разрешился в пользу линии Р. Гильфердинга. Фактичность современности, а также теоретический анализ по поводу развития экономических

процессов указывают на то, что финансовая сфера экономических отношений все больше подчиняет себе производственную сферу и даже сферу обращения – торговлю. Другими словами, в триаде – промышленный капитал, коммерческий (торговый) капитал, финансовый капитал – лидирующее положение занимает именно финансовый капитал. Манипуляции с финансовыми активами и их производными выступают сегодня решающим фактором экономического движения.

На основании изложенного выше, можно сделать следующие **выводы:**

1. Становление экономоцентричного общества связано с трансформацией смысловой сферы, произошедшей в ходе социокультурной динамики, важнейшими элементами которой являются абсолютизация в общественном и индивидуальном сознании идей накопительства. Ключевыми в данном типе социума выступают не отношения труда и капитала, но отношения денег, процентов, долгов и кредитов. Несмотря на то, что долги и кредиты как система зависимостей между людьми стали развиваться в самостоятельном русле достаточно рано, о чем убедительно пишут исследователи натуральных, первобытнообщинных обществ (М. Мосс, М. Элиаде, Н. Салинз и др.), тем не менее специфичную объективацию посредством материальных факторов они приобрели лишь в перешедших к производящему хозяйству обществах. Тем самым отношения символических долгов приобрели вид дебиторско-кредиторной материальной зависимости.

2. На ранних стадиях существования производящих обществ усиление типа зависимости, определяемого по материальному фактору (натуральный и денежный заем), не получало достаточной поддержки со стороны общества, жестко не закреплялось на уровне социокультурных институтов (мораль, право и т. п.). Данная тенденция, несмотря на некоторое ослабление ее в поздний период существования традиционного общества, в целом препятствовала становлению экономоцентричной парадигмы социокультурного развития.

3. В различные периоды развития общества на первый план выступали разнородные способы отношений взаимности, а также стратегии накопительства: военно-силовое (насильственный захват собственности), торговое накопление в результате обмена, производительное накопление путем умножения прибавочной стоимости, наконец, финансовое фиктивное накопление (перераспределение).

4. Легитимация в обществе принципов накопительства способствовала

активному развитию всех вышеперечисленные форм накопления капитала, а также их переходных состояний (военно-торговое, торгово-промышленное, торгово-финансовое и т. п.). Утверждения о том, что насильственно-силовые, захватнические стратегии накопления изжили себя на ранних стадиях развития капитализма, является не совсем правомерны. Теории неравного развития (мир-системного анализа, концепции «насаждения отсталости», «периферийного капитализма» и др.) убедительно показывают, что использование насильственно-силовых методов накопления капитала актуально и для современной мировой хозяйственной системы.

5. Нормативность современного экономоцентричного общества создает режим благоприятствования для утверждения в обществе спекулятивно-финансовых транзакций, ведущих к сверхприбылям и усилению неравенства в обществе.

2.4 Рискогенность как социокультурный атрибут экономоцентричного общества

На протяжении предыдущих параграфов мы пытались обосновать мысль о том, что определенный экономический уклад с необходимостью требует соответствующего ему социально-культурного уклада, вне контекста которого предлагаемые экономические универсалии работать не могут. Это, с одной стороны, указывает на глубинный синкретизм экономических и социокультурных феноменов, опровергая максиму о независимости экономических практик от деятельности иных, неэкономических институтов общества. С другой, – обращает внимание на то существенное влияние, которое оказывает развитие экономики на внеэкономические институты и не только с точки зрения обеспечения их средствами для полноценного функционирования, но и с позиций спроса, который предъявляет экономика культуре, личности и социуму, требуя создания и воспроизводства комплементарных ей социокультурных институтов и социально-антропологических типов (например, земледельческое производство требовало существования крестьянства, промышленный капитал нуждается в рабочих, со всеми сопутствующими культурными и социальными нормами их функционирования и т. п.).

На основе этого можно утверждать, что современная стадия развития экономической системы, требующая для своего успешного функционирования определенного типа социальности (экономоцентричного общества), инициирует и предъявляет социуму некоторый «заказ» («вызов»), в логике которого могут быть поняты те процессы, которые происходят с современными обществом, культурой и личностью.

Одним из наиболее ярких «запрашиваемых» принципов выступает запрос на эскалацию риска. Это связано с целым рядом обстоятельств. Во все более деонтологизирующемся пространстве экономоцентричной хозяйственной системы (финансово-капиталистической) нарастают риски ее собственного функционирования. Это, прежде всего, связано с увеличением доли фиктивных экономических транзакций, обозначенных современными учеными как глобальный финансовый фиктивный капитал (ГФФК). Неуклонное расширение поля фиктивных экономических транзакций (финансово-спекулятивных) требует для их реализации уже не только области, охватываемой собственно экономическими отношениями, но и выхода во внеэкономическую сферу. Как следствие, все жизненное пространство современного социума моделируется с ориентацией на фиктивность, формальность, условность. С учетом данного обстоятельства факт эскалации рисков, как показано в работах философов постмодернистской ориентации, может быть понят как стремление жизненного пространства ощутить свою реалистичность, почувствовать себя реальным: «Что, если мы «на самом деле живы» только тогда, когда рискуем собой с чрезмерной интенсивностью, которая ставит нас за рамки «простой жизни?» [175, с. 99].

Необходимо также отметить, что ситуация усугубляется и тем, что в экономоцентричном обществе деонтологизирована не только реальность, но и ее реципиент – «пустота субъективности», «полная десубъективация» (С. Жижек) – итог данных «фиктивных игр» с бытием материального. Исходя из предположения о том, что экономика и экономические отношения воплощают собой бытие материального в наиболее законченном виде, деонтологизирующие (фиктивные) манипуляции с данным «оплотом» мира материи оборачиваются настоящим экзистенциальным кризисом для личности и общества, которые уже не находят оснований для верификации собственной подлинности.

Тема нахождения подлинности, обретения реальности становится в превратном

виде генеральным предметом рациональных упражнений западноевропейских философов XX века. Правда, они предпочитают действовать методом от противного: стремятся интеллектуальными усилиями апробировать возможность разрушения того, что еще недавно казалось незыблемой твердыней онтологии. Эти разрушающие тенденции, в которых постулируется смерть Бога, автора, субъекта, оставляют общество в отчаянном состоянии: утратив онтологические основания собственной деятельности-существования, оно вынуждено прибегнуть к миру искусственного конструируемого, произвольно заменяемого, комбинируемого.

Утрата экзистенциального переживания онтологичности земного и трансцендентного миров проявляет себя в самых неожиданных формах. Так, например, одним из проявлений этого может служить феномен мультифетишизации, который с неизбежностью возникает на фоне деонтологизированного, ирреального в своем мироощущении экономоцентричного общества. Под *мультифетишизацией* мы понимаем генерализацию фетишизированных смыслов, продуцируемых общественным и индивидуальным сознанием, что выражается в возрастании в обществе различных видов фетишизированных феноменов.

Если товарный фетишизм, описанный К. Марксом, возник с зарождением торгового капитализма, то, по мере развертывания в обществе смысловых императивов экономоцентричного общества, рост феноменов-фетишей многократно увеличивается. Здесь, например, можно назвать фетишизацию труда, в которой труд из средства жизнеобеспечения и самореализации личности превращается в культурный символ, несущую конструкцию всех социокультурных практик, вне легитимирующего влияния которого невозможна никакая бытийственность как таковая. Это также явление технического фетишизма – «обожествление» техники и технологичности как таковых, и, наконец, фетишизация денежных знаков, выражающаяся в тотализации названного феномена, подменой им собственно культурных знаков. Культурные знаки, понятые как экономические (в узком смысле как денежные) знаки уже не отсылают человека к глубинам культурного воспроизводства, основывающегося на представлении о целостности социального мира, его надбиологичности, наиболее ярко проявляющейся в морально-нравственном измерении человеческого взаимодействия, но апеллируют к инстинктивной, эгоистической природе человека, формальное упорядочение которой находится уже не в ведении культуры в целом, но отдельных ее институтов, например,

таких, как право.

Отказ (или тотальное снижение представленности) от принципов морального регулирования хозяйственных отношений, вытеснение этики и морали за грань собственно экономических транзакций, приводит к экспоненциальному росту административно-бюрократических процедур (рост издержек), которые должны сопровождать подобного рода отношения. Серьезный расход на технический контроль, учет и обработку компьютерных данных, их сопровождение и сервис необходимы для того, чтобы, с одной стороны, максимально включиться в систему спекулятивных экономических отношений, сверхприбыли от которых могут быть получены только с использованием ресурсов искусственно созданной компьютерной виртуальной реальности, с другой, под предлогом технологичности окончательно отказаться от моральной вменяемости. Таким образом, фетишизация денежных знаков требует для своего воплощения фетишизации техничности и техники.

На сегодняшний день непосредственным проявлением данной тенденции стало создание компьютерного техногиганта – вездесущей всемирной паутины, в которую на сегодняшний день включены миллиарды людей [204]. О небывалых темпах внедрения Интернет-технологий в пространство общественной жизни, а также о важности глобальной информационной сети для всего мирового сообщества говорит факт принятия Организацией Объединенных Наций в 2011 году решения о признании права на доступ в Интернет базовым правом человека. Характерно, что данным правом стремится воспользоваться все большее количество людей. Если к началу 2000-х годов число пользователей Интернет не превышало 6 % от общего числа населения планеты, то ныне ситуация резко меняется. По данным доклада ООН, на сегодняшний момент количество пользователей сети составляет более двух миллиардов человек, а число участников популярной социальной сети Facebook возросло от 150 до 600 миллионов в короткий период с 2009 до 2011 года [546, p. 22]. При этом, по прогнозам МСЭ[1], в ближайшей перспективе эта цифра будет все более стремительно увеличиваться [346, с. 13]. Как отмечают аналитики, сети Интернет потребовалось всего лишь 5 лет для достижения пятидесятимиллионной аудитории, в то время как другим средствам массовой информации (радио и телевидение), потребовалось на это 38 и 13 лет соответственно [332].

---

[1] МСЭ – Международный союз электросвязи – прим. С. С.

Результатом технизации всех сфер общественной жизни, подчинения их логике товарно-обменных (рыночных) отношений выступает *остракизм социальности и традиционной культуры* как таковых. Экономоцентричное общество полностью утрачивает черты хозяйственно-культурной целостности, на основе которой только и возможно жизнеспособное функционирование социума.

Сравнительный анализ целостной хозяйственно-культурной системы и собственно экономоцентричнго общества, абсолютизирующего роль экономического измерения социального функционирования, позволит выявить и обобщить различия между ними. Результаты данного обобщения представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Сравнительный анализ типов хозяйствующих систем

	ЭКОНОМОЦЕНТРИЧНОЕ ОБЩЕСТВО	**ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА**
1	Экономический универсализм	Хозяйственно-культурная специфика (плюрализм)
2	Ориентация на максимизацию прибыли	Ориентация на меру, достаток
3	Формирование искусственных потребностей	Удовлетворение органических материальных и духовных потребностей
4	Доминирование денежных знаков	Доминирование культурных знаков
5	Виртуалистичность (деонтологизация) экономики	Онтологичность хозяйства и культуры
6	Основано на услугах, товарно-денежном обмене и спекуляции, на нивелировании культуры	Основано на материальном и духовном производстве, символическом обмене, а также на воспроизводстве культуры
7	Действующий субъект – «Человек экономический», «человек финансовый»	Действующий субъект – «Человек хозяйствующий и культурный»
8	Механицизм	Органицизм
9	Индивидуализм	Солидарность (Коллективизм)
10	Конкуренция	Сотрудничество
11	Бездуховность	Духовность
12	Ориентация на линейное время	Ориентация на цикличное время
13	Философия мгновения	Философия естественных длительностей
14	Мозаичность мировосприятия (клип, коллаж)	Целостность мировосприятия
15	Отчуждение социокультурных форм Мультипликация отчуждения	Аутентичность (подлинность) социокультурных форм
16	Опосредованность	Непосредственность
17	Имманентная детерминация экономических процессов	Социокультурная детерминация экономических процессов
18	Эскалация рисков	Нейтрализация рисков

Целостная хозяйственно-культурная система, по мнению российской исследовательницы Т. Н. Юдиной, помимо традиционных элементов экономики, таких как труд, земля, капитал, кредит и так далее, включает в себя особую подсистему, воспроизводящую нормы регуляторов общественной жизни, призванных обеспечивать контроль и планирование социохозяйственных процессов в интересах всего общества. Непосредственная цель названной подсистемы – обеспечение сбалансированного развития экономики, сдерживая эгоистических интересов субъектов экономического взаимодействия, блокируя непомерное разрастание эксплуататорских и паразитических явлений в хозяйственной системе [524, с. 134–135].

Это хорошо видно из того факта, что данная система ориентируется на выживание (индивида, рода и общества в целом) как стратегически значимую ценность социального развития. Хозяйственно-культурная система может иметь различные модификации, но сохраняет тем не менее, наличие описанных выше признаков: органицизм, доминирование культурных знаков, нейтрализация рисков и т. п. указывает на принадлежность того или иного образования к хозяйственно-культурной системе. В то же время индикатором функционирования системы на принципах экономоцентризма, абсолютизирующего роль производного по своей сути феномена (экономики) и требующего его автономии, является наличие хотя бы нескольких из перечисленных признаков, таких, как: механицизм, мультипликация отчуждения, имманентная детерминация экономических процессов и выступающий обобщающим признак эскалации рисков.

Действительно, по своему рискогенному потенциалу экономоцентричное общество существенно отличается от хозяйственно-культурной системы. Достаточно вспомнить, что норма нейтрализации рисков, смягчения последствий разрушающих (или потенциально разрушительных) действий неизменно присутствовала в культуре традиционного общества, выступала важнейшим императивом его существования. Напомним, что механизмами реализации названного императива выступали следующие принципы:

– установление принципа взаимности, согласно которому все субъекты социальных транзакций должны были в той или иной степени нести на себе бремя ответственности за выживание социальной системы как целого: наиболее слабые в физическом, социальном, политическом, экономическом отношении субъекты несли эту

обязанность в виде личной зависимости и повинностей (трудовых, военных и т. п.), более сильные реализовывали патерналистские (покровительственные) по отношению к слабым членам сообщества функции (экономическая поддержка в голодные, неурожайные годы, защита и содержание в обмен на служение, запрет на ростовщичество как системы жесткого взыскания долгов с наименее слабых членов сообщества, что может быть сопряжено с их гибелью и разрушением общества в целом);

– диктат морали и нравственности, жесткое подавление/ограничение порока. Поскольку порок разрушительно действует не только на отдельную личность, но и на общество в целом, экономически не ангажированное общество, для которого культурные знаки и символы имеют первостепенное значение, стремится вытеснить на периферию собственного функционирования, заклеймив понятием «отклонение», «патология», «грех», «порок» и т. п. те формы культурной реализации, которые подрывают жизнеспособность общества. В этом плане интерес представляют исследования по истории отношения к феномену безумия в европейском обществе, проведенном М. Фуко. В своей известной книге «История безумия в классическую эпоху» французский структуралист указывает, что безумие и злонравие не имели четкого разграничения. Всякий человек, который систематически совершал злые поступки, приравнивался к безумцам и умалишенным. В частности, он описывает случай взятия под стражу и помещения в дом для умалишенных некоего аббата, сомнение во вменяемости которого основывалось на том, что он совершает аморальные с точки зрения культуры того общества поступки. М. Фуко цитирует документ местного блюстителя порядка: «В 1704 г. в Сен-Лазар (дома изоляции для тех, кого общество по каким-либо причинам считает безумцами – С. С.) помещен некий аббат Баржеде; ему семьдесят лет, и изоляции он подвергнут «для получения того же ухода, что и остальные умалишенные». Главным его занятием было ссужать деньги в рост и наживаться на самом отвратительном, самом позорном для его священнического сана и для всей церкви ростовщичестве. До сих пор не удалось убедить его покаяться в своих злоупотреблениях и привести его к мысли, что ростовщичество – грех. Он почитает скупость за достоинство» [458, с. 164].

Помимо указания на то, что ростовщичество признавалось крайне отрицательным занятием, вплоть до того, что причастность к нему для определенных категорий лиц почиталась безумием и требовала соответствующих мер, можно наблюдать и другие

особенности самосознания описываемой эпохи: основой рациональности выступает этика. Исследуя этот феномен, М. Фуко указывает на то, что в общественном сознании понятия зла и безумия тесно связывались между собой на протяжении всей истории существования Средневековой эпохи и значительного периода эпохи Возрождения. Традиционное общество не проводило четких разграничительных линий между подобным заблуждением и подлинным безумием, между проявлением злой воли и настоящим сумасшествием [458]. Корни подобной ориентации мы можем найти еще в ветхозаветный период истории. Давид-псалмопевец восклицает: «Рече безумец в сердце своем: несть Бог» [356], т. е. человек безбожник и безумец отождествлялись. Долгое время безумие было признаком зла и наоборот. Интересно в связи с этим указать, что, например, во Франции еще сравнительно недавно, в первые десятилетия ушедшего столетия, французские психиатры применяли понятие «моральное помешательство», подразумевая под ним ситуацию смешения понятий добра и зла в сознании человека, неразличимость которых приводила его к аморальным и даже преступным поступкам. «Моральное помешательство», рассматривалось как первая ступень шизофрении [406, с. 82].

В то же время в новоевропейскую эпоху возникли такие тенденции, в результате которых сегодня произошла полная инверсия данной взаимосвязи. Интересно пишет об этом К. Поланьи. По его наблюдениям, в современную эпоху господства экономической рациональности тот, кто отказывается думать, что он стремится к обогащению, признается безумным [348]. Таким образом, наблюдается тотальная смена смыслов: Этика и Добро признаются за безумие, а Зло и порок – за разумность. Неожиданная апологетизация порока, которая произошла в новоевропейскую эпоху, в том числе связана со сменой отношения его с рациональностью. Заявка на разделение нормативного и позитивного подхода (т. е. стремление освободить рациональность от «гнета морали») произошла не случайно: вне данного разделения рациональность при условии сочетания ее со злой волей не могла вырваться из стереотипа «безумия». Другими словами, рациональность желала оставаться с рассудком даже в случае ее направленности на зло. Для этого надо было подвергнуть изоляционизму уже не порок, но мораль. И XIX век изолировал мораль от рациональности, распространив понятие «морального безумия» [458]. Это означало, что человек, совершающий зло, не безумец в собственном смысле этого слова, но всего лишь «моральный безумец». А это уже шаг к

дальнейшей изоляции морали путем разделения морали и безумия как таковых. Здесь мы наблюдаем два взаимообратных процесса – тотальная рационализация, с одной стороны, и изоляция морали, с другой, которые достигают апогея в экономоцентричном обществе.

Важнейшим принципом хозяйственно-культурной системы, позволяющим минимизировать (нейтрализовать) риски ее функционирования, выступает ориентация на достаточность (достаток), а не на экономический рост. Данная норма напрямую связана с принципом органицизма, органичного существования самых разнообразных элементов хозяйственно-культурной системы: от природных до антропологических. В ритмике органичного функционирования присутствует циклизм (по аналогии с цикличностью природных процессов), размеренность естественных длительностей (по примеру определенных в своих сроках естественных элементов жизни).

Совершенно иные черты наблюдаются в логике функционирования экономоцентричного общества. Данное образование обладает следующим рядом характерных признаков: тотализация обменных отношений, остракизм тех пластов культуры, на основе которых данные обменные практики могли бы функционировать на созидательной, а не разрушительной основе и др. Это хорошо заметно хотя бы из того, что адепты рыночного подхода к построению экономических отношений стремятся вывести некую универсальную максиму, пригодную для применения в любых, даже самых не схожих между собой, социокультурных контекстах. В то же время сегодня совершенно очевидным становится факт неуниверсальности рыночных подходов к функционированию хозяйственно-культурной системы. Собственно рыночное реформирование может быть успешным лишь в определенном социокультурном контексте. Адепты рыночных реформ, претендуя на объективно-позитивный характер выдвигаемых ими постулатов, по существу выступают носителями нормативно окрашенных представлений, где эталонное выдается за действительное.

В то же время восприятие методов рыночного регулирования экономической сферы вне синкретично связанных с ними моделей культурного поведения определяет отказ от культурной вменяемости рыночных отношений. Данная ситуация способствует эмансипации экономики во всех её проявлениях, начиная от теоретических и заканчивая практическими, от внеэкономических сфер жизни социума. По факту экономика отчуждается от важнейших сфер общественного функционирования: культуры, этики,

искусства. Ей безразлична природно-географическая специфика жизни общества, уровень самосознания народа, степень развитости социальных институтов. В конечном итоге ей безразличен собственно сам человек как уникальная и самоценная личность. Отделение экономических смыслов от тех реальных материальных объектов и соответствующих материальных процессов, которые они описывают, в значительной степени способствует превращению экономики из реального производства в экономику, представляющую собой спекуляцию, виртуальную игру финансового капитала. Наглядно названный процесс продемонстрирован на примере «эффектов частной собственности» в работе перуанского экономиста Э. Де Сото «Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире» [414]. Описывая данные эффекты, Э. де Сото пишет: «Система частной собственности дала Западу инструменты для производства добавочных ценностей сверх имеющихся материальных активов <... > Намеренно или нет, но система частной собственности стала лестницей, по которой эти народы поднимаются из мира материальных активов в *концептуальный мир капитала* (курсив наш. – С. С.), где активы раскрывают свой производительный потенциал во всей полноте» [414, с. 58]. Раскрытие потенциала материальных активов, по мнению автора, непосредственно связано с процессом отчуждения их от тех экономических смыслов, которые призваны раскрывать содержание характерной для них деятельности. В результате этого самые разнообразные материальные активы могут быть вовлечены в трансакции по получению прибыли вне зависимости от того, какой культурный, социальный или духовный смысл они в себе содержат. К примеру, частный дом где-нибудь за городом в эмансипированной от иных, кроме экономических, смыслов логике представляется не как объект, назначение которого состоит в обеспечение возможности проживания, но выступает как определенный «материальный актив», способный создавать чистый капитал. Для эффективного осуществления накопительной деятельности экономическая система нуждается именно в подобных, очищенных от избыточных для нее смыслов, объектах. Здесь наблюдается определенное противоречие, поскольку реально существующие материальные, социальные и культурные объекты обладают целым набором символических и физических ограничений, которые не позволяют капиталу напрямую использовать их как коммерческие объекты. Упоминавшийся загородный дом, помещенный в культурный ландшафт традиционных ценностей, снижает или полностью

исключает возможность осуществления по отношению к нему коммерческих операций, поскольку в культурном смысле этот дом представляется не как отчужденный объект торговли, но как непродающееся родовое гнездо, хранящее память о предках и потому имеющее для его обладателя особую ценностью, не переводимую на язык денег. Подчеркивая значение неэкономических смыслов в осуществлении торговых операций с материальными активами, Э. де Сото отмечает: «Требуется процесс, перемещающий материальный объект в созданное человеком пространство символических отображений, где можно освободить ресурс от обременительных материальных ограничений и выявить его потенциал в чистом виде» [414, с. 56]. Только лишь отделяя реальные объекты, обладающие целым спектром неэкономических смыслов, от собственно экономического их восприятия, становится возможным легализовать на уровне юридических норм и бюрократических предписаний ситуацию вовлечения названных объектов в тотальность коммерческих транзакций, рассматривая последние как высшую ценность в системе жизненных смыслов и целей общества. Подобная аберрация наблюдается в смысловой сфере экономоцентричного общества. Здесь культурные и социальные объекты лишаются собственных аутентичных им смыслов путем либо полного их вытеснения, либо жесткого подчинения экономическим императивам. В результате появляется возможность применения коммерческого подхода, универсальной экономической градации и логики обмена по отношению ко всем, без исключения, объектам: «Мы получили возможность сравнить два различных в архитектурном отношении сооружения, если они предназначены для сходных целей. Это позволяет быстро и дешево различать сходные и несовпадающие свойства активов, обращаться с ними как со *взаимозаменяемыми объектами* (курсив наш. – С. С.)» [414, с. 64].

Действительно, обменная логика, базирующаяся на идее взаимозаменяемости абсолютно разнородных объектов, многие из которых принципиально несопоставимы ни по качеству, ни по степени важности их для культуры, человека и социума, является главным основанием экономоцентричного общества, отчетливо характеризующим складывающиеся в подобном обществе отношения. Все уникальное, нетождественное, самобытное и даже священное в тотальности меновой логики подвергается остракизму, нивелируется, рассматривается как неэффективное, бесполезное. В этом отрицании уникального, священного и единичного в итоге отрицается сама личность, мир ее повседневной жизни, обыденных и возвышенных (таких как Родина, святыня, семья и

т.п.) смыслов, чаяний и надежд. Особость и неповторимость бытия отдельной личности упраздняется как не соответствующие логике обменных взаимодействий.

Для реализации своей эмансипирующей стратегии логика экономоцентризма освоила самые различные уровни смыслового пространства. Здесь можно найти область «высоких научных смыслов», где позиция экономоцентризма концептуально представлена известными научными школами; смысловую сферу обыденно-практического уровня, охватывающую сферу повседневности, семантическую область литературно-художественных произведений и т. д. В духе веберовской «понимающей социологии», осуществляющей анализ общества с точки зрения смыслополагающей деятельности входящих в ее состав индивидов, можно заключить, что экономоцентризм являет собой своеобразный «этос» наших современников, способный привести (и уже приведший) к возникновению новой культурной разновидности «капиталистического хозяйства» – экономоцентричному обществу, *до неузнаваемости изменяя облик социального и культурного*, в которых с трудом могут быть найдены черты былой продуктивности (высокопродуктивности) системы.

Иллюстрацией этому может служить отношение ко времени. Традиционное общество обвиняло ростовщиков в «присвоении времени», которое им не принадлежит. Сегодня данная претензия может быть верифицирована практико-эмпирически. При этом речь идет уже не просто о присвоении, а об «сверхэксплуатации» времени (в частности, будущего), что в значительной степени повышает риск развития социума. Риск «сверхэксплуатации будущего» (З. Э. Скрынник) имеет несколько измерений. Прежде всего, это привлечение с целью сверхпотребления материальных ресурсов, которые предназначены для жизнеобеспечения будущих поколений. Наиболее актуально это для стран-лидеров цивилизационного развития. Достаточно напомнить, что, по оценкам специалистов, в США, где проживает около 5 % населения планеты, происходит такое загрязнение окружающей среды, которое составляет до 50 % совокупных загрязнений в глобальной природной среде. Это, безусловно, в значительной степени ухудшает те условия жизни, в которых будут жить будущие поколения. Тем не менее даже отдельные попытки противоборствовать данным тенденциям не находят поддержки на законодательном уровне в США – стране с наиболее развитой системой права. Например, ряд отечественных и зарубежных исследователей [132; 171; 517] описывают следующий пример неудачной борьбы со

сверхпотребительством во имя будущего. «В США общественная организация «Сьерра клуб» подала иск компании «Уолт Дисней продакшн» с целью запретить ей строительство горнолыжного курорта в горах Сьерра-Невада в национальном парке «Секвойя», экосистема которого от этого неизбежно пострадает. Организация предъявила иск от имени живущего поколения и будущих пользователей этого общественного блага, включая еще не рожденные поколения, права которых будут нарушены этим строительством. Иск прошел все инстанции, вплоть до Верховного суда, и везде получил отказ на том основании, что «Сьерра клуб» не может представлять интересы других, тем более, нерожденных поколений» [171, с. 226]. Зарубежный исследователь П. Лагадек оценивает ситуацию пролонгированных рисков как сущностную характеристику современной цивилизации: «… угроза нависла не только над живущими, но и последующими поколениями людей в цивилизации риска» [561]. Характерно, что эксплуатация времени в экономоцентричном обществе происходит не только по отношению к будущему, но и по отношению к прошлому. Если мы посмотрим вглубь времен даже на несколько десятков-сотен лет назад, то увидим картину невероятного напряжения, созидательного труда, можно сказать, исторической жертвы предшественников, во имя жизни будущих поколений. Такова была логика теории прогресса, которая освещала собой исторические судьбы людей, живущих в эпоху модерна. Критикуя данную теорию, многие классики философской и литературной мысли как за рубежом, так и в пределах нашего Отечества предъявляли, в частности, претензию к ее адептам, смысл которой заключался в том, что социальный прогресс приносит в жертву потомкам предшествующие поколения. Настоящие, живущие, самозабвенно трудящиеся поколения становятся лишь «навозом, почвой, удобрением» для будущего. С этой мыслью согласны В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и другие русские мыслители. Прямо об этом пишет С.Н. Булгаков в своей работе «Основные проблемы теории прогресса». Рассуждая о социальной эвдемонистичности[2] прогрессистского сознания, он отмечает, что идея прогресса, ориентирующая человека в будущее, заставляющая его приносить в жертву будущему собственное настоящее, является по своей сути глубоко безнравственной,

[2] Социальный эвдемонизм в понимании прогресса проявляется в том, что целью прогресса провозглашается «возможно больший рост счастья возможно большего числа людей» [С.Н. Булгаков «Основные проблемы теории прогресса» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vehi.net/bulgakov/progress.html#_ftn1. Дата доступа: 11.09.2019].

поскольку априори предполагает построение счастья грядущих поколений за счет жертв, отречения, страданий со стороны предшествующих. Русский мыслитель вопрошает: не слишком ли высока цена, которая платится за идеал прогрессивного развития социума.

Тем не менее, несмотря на все жесткие высказывания классиков, жертва состоялась: предшествующие поколения ценой собственных невероятных усилий, зачастую ужасных условий труда (как это имело место на заре становления капитализма, и социалистического варианта индустриализма, в том числе), исповедуя этику аскетизма в потреблении и безусловный примат трудовой морали над потребительской, достигли таких результатов по усовершенствованию социальной реальности, что превратили в сказку быт и повседневное существование не только избранных членов общества (властную элиту), но и широкие массы. Об этом замечательно пишет известный российский исследователь В.А. Кутырев, указывая, что повседневность современной жизни – это воплощенная в реальность сказочная действительность, где летают, хоть и не в виде ковров, но самолеты, средством передвижения служат самодвижущиеся машины, волшебство компьютерных экранов позволяет общаться он-лайн субъектам, находящимся на противоположных концах земли и т. д. [236]. Неоднозначность социокультурных последствий этого сказочного бытия, конечно, фиксируется исследовательской рефлексией (как, например, в хорошо известной работе испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс»). Тем не менее, нам интересен сам факт созидательности и своеобразной альтруистичности (была ли она осознана индивидуально каждым представителем социума – в данной ситуации не столь важно, главное – такова была интенция, метаориентация культуры) предшественников по отношению к ныне живущим поколениям.

Другими словами, современное, экономоцентричное общество активно использует объективированный труд предшествующих поколений, с одной стороны, и безповоротно вовлекает в орбиту собственного потребления ресурсы, которые в перспективе могли бы принадлежать будущим поколениям, с другой.

Здесь особо необходимо указать на построение долговой модели экономики, основанной на «кредитных деньгах», при которой будущим поколениям предъявляются долги их предшественников и тем самым нарушается главный критерий прогресса, сформулированный просветительской философией – нарастание степени свободы личности и общества. В долговой экономике происходят обратные процессы –

нарастание степени зависимости и несвободы. Хорошо пишет об этом российская исследователь З. Э. Скрынник, отмечая, что специфика кредитных денег заключается в том, что они способны создавать одолженную стоимость, обращая время вспять – осуществлять движение от будущего к настоящему, заимствовать у будущего стоимость, которой еще не существут, под залог веры в то, что данная стоимость непременно будет создана [401]. По мнению автора, «… здесь и заключается основной риск, связанный с современными деньгами: они превратили мир во всеобщую финансовую пирамиду, позволили человеку не просто ринуться в гонку безудержного потребления различных благ, но дали ему возможность делать самым опасным из всех возможных способов: за счет сверхэксплуатации будущего» [401].

Изощренный цинизм данной ситуации заключается в том, что, по сути, кредитные деньги – это деньги доверия (о чем писал еще К. Маркс). Возможность вкладывать в хозяйство фактически «пустые» активы (в том числе и кредитные деньги) имеется в случае полного доверия (веры в то, что они будут возвращены или в будущем принесут искомую прибыль). Экономические кризисы, имманентно заложенные в долговую экономику как таковую, способствуют утрате доверия, что становится проблемой не только в социальном и культурном, но и экономическом смыслах. В связи с этим известное высказывание лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенена о том, что для современного экономического развития необходимо возрождение такого социокультурного фактора развития, как духа доверия между людьми, выглядит вполне актуальным. Примером сверхэксплуатации времени может служить практика использования современных 3-D технологий, осуществляющих моделирование и визуализацию объектов с целью их продажи. К примеру, продажная цена незавершенного строительного объекта в значительной степени возрастает, если продавец представляет покупателю его визуализированную модель, конкретизируя образ данного объекта, иллюстрируя, как он будет выглядеть в будущем. Однако одно из свойств будущего – его вариативность. Визуализированный объект может никогда не воплотиться в реальность, хотя покупатель, впечатленный красочным образом, платит более высокую цену за интересующий его объект в настоящем. Активная «торговля будущим» – одна из специфических черт экономоцентризма.

Если исходить из темпорального критерия, то следует заметить, что экономоцентричное общество отличает не только сверхэксплуатация времени. Здесь

прослеживаются и другие аберрации с временной перспективой жизненного пространства. Например, известны исследования, посвященные проблеме пространственно-временных ориентаций народов в зависимости, выражаясь языком Маркса, от уровня развития их производительных сил. Например, первобытный человек, как в древние времена, так и в сохранившемся до наших дней представительстве (на некоторых островах Австралии, во внутренней Африке и немногих других частях земного шара) в отношении времени, по мнению многих исследователей, представляет собой «*человека минуты*». Этот феномен русский академик начала XX века И. И. Янжул описывает так: «Он (человек минуты. – С. С.) добывает себе пропитание только таким способом, который не требует предварительных забот и труда, а доставляется немедленно перед потреблением, ловлей или собиранием; поэтому он питается преимущественно дикими плодами, рыбой, мелкой дичью и т. п. Удалась такая охота – он пожирает огромное количество пищи, как бы про запас на будущую голодовку. Нет – он голодает или обращается к каннибализму <…> «Человек минуты» не заботится о будущем. Влечение минуты определяет и половые отношения – они беспорядочны и безответственны: найдя пищу себе, дикарь не приносит ее сожительнице, она сама должна о себе позаботиться. <…> «Человек минуты» не знает постоянного жилища, построенного на всю жизнь или на продолжительное время, а лишь заботится о насущной потребности на данное короткое время. Поэтому у многих экваториальных племен – самая деревня является как бы местом краткого отдохновения племени, и при первом смертном случае она полностью переселяется на другое место» [536, с. 7].

Продолжительное существование стало возможным только при переходе общества к земледелию. Время приобрело хозяйственное значение, стало приниматься в расчет при определении стратегий человеческой деятельности. Длительность, как таковая, стала нормой общественных отношений, распространялась на законы, обычаи, циклы хозяйственных работ, ориентированные на естественные природные периоды, заключение пожизненных браков, культурную жизнь и т. д. Итак, как мы видим, *продолжительность* совместного существования, *постоянство* и *определенность* форм жизнедеятельности являются необходимым условием востребованности культурно-нравственных феноменов в жизни человека и общества. Создав культуру «долгих длительностей», человечество взошло на вершины культурно-цивилизационного развития, выработав систему религиозной, нравственной, юридической, политической и

т. д. регуляции общественных отношений. Показателен в этом отношении Восток. Временная умеренность, ориентированность на длительность цивилизационного существования устоявшейся социальной общности выводит на первый план власть традиции, нормы, религии, морали и нравственности. Духовная заостренность, внутренняя сосредоточенность и созерцательность Востока – закономерный результат его размеренной (медлительной и пространственно четко очерченной) жизни. Известный французский философ Ж. Бодрийяр пишет: «Человечество медленно поднималось, только опираясь на груду того, *что длится* (курсив наш. – С. С.). Предвидение, накопление продовольствия – и мы мало-помалу отрывались от наших строго животных нужд и буквально от наших потребностей <…> Это внушала нам природа: она сделала так, что мы имели при себе кое-что для сопротивления непостоянству событий» [67, с. 68].

Таким образом, мы видим, что «удлинение» сроков жизненных отношений – одна из форм борьбы с неопределенностью, социальным хаосом, повышение меры которого есть неизбежный атрибут любой революции (социальной, политической, экономической, технико-технологической и т. д.). Так, например, экономическая революция в Англии XV–XVII вв. (названная революцией богатых против бедных), призванная сформировать рынок рабочей силы для капитализма путем жестокого освобождения масс от традиционных связей с землей, сельским трудом, а также связанных с ними способов социальной коммуникации и форм социальной ответственности тотально переструктурировала пространственно-временные характеристики социальной жизни людей, свойственные им в феодальную эпоху. Это была поистине «сатанинская мельница» (К. Поланьи), перемалывающая людей с их устоявшимися связями, моральными нормами, традициями, образом жизни и типом хозяйственной деятельности.

Горьким плодом этой социально-экономической трансформации стал пролетарий – «освобожденный от всего, кроме перспективы голодной смерти, человек» [182, с. 46]. В этих условиях он пользуется возможностью *наняться* на работу, ставшую единственным средством выживания. Этот «выбор» позже теоретики изящно назовут «рациональной самоорганизацией» рабочей силы и засвидетельствуют факт прогрессивного развития общества: «крупная промышленность, сосредоточившая огромную массу людей на одном месте, может в кратчайшее время и, занимая

наименьшую поверхность, создать наибольшее количество продуктов. Возможная утилизация «времени» и утилизация «пространства» составляют, следовательно, цель высшего развития производства, и чем более общий экономический строй приближается к этому, тем более люди приближаются к наивысшему типу в своей хозяйственной деятельности» [534, с. 17].

Однако этот более совершенный тип хозяйственной деятельности, «утилизировавший» пространство и время рабочего, по существу, сбросил его с вершин социокультурных достижений, к которым столетиями продвигалось человечество, погрузив во тьму эпохи дикости и варварства. Конечно, это была не первичная, непосредственная дикость, как это имело место у первобытных племен, но, тем не менее, аналогии, как нам представляется, вполне уместны: налицо понижение уровня социокультурной организации жизни.

Академик И. И. Янжул пишет: «Современный пролетарий подобен «человеку минуты». Как и дикарь, он не имеет постоянного жилища, лишь наемное». Для сбережений не имеет необходимых условий – избытка средств против проживаемого; пропитание его находится в такой же зависимости от случая, как у дикаря – сегодня он сыт, а завтра голоден. Ложась спать, он не знает, будет ли завтра обедать и будет ли у него ночлег. Все его хозяйственное существование отличается непостоянством и неустойчивостью. Подобно «человеку минуты» он не может похвалиться высокой нравственностью в нашем смысле; он не решается жениться на женщине, которую любит, и вступает в связь, не освященную законом. В результате он является отцом незаконных детей, которых существование, помимо его материальной несостоятельности, во многих странах никак не обеспечивается и не находится под защитой закона, лишь плодя и увеличивая порок и преступления» [534, с. 52–53].

Если в начале прошлого века человеку удалось «оседлать» время, упорядочив пространственно-временную организацию социального существования за счет повышения уровня жизни, то сегодня, благодаря востребованному экономоцентричным обществом развитию науки и техники, в сконструированном компьютерном мире время и пространство вновь ускользают из-под власти человека, вовлекают его в мир неподконтрольных ему длительностей, искаженных пространственных перспектив.

Одной из главных характеристик информационно-компьютерной действительности является тотальное несовпадение действующих в ней

закономерностей с законами реального мира. То, что требует усилий, труда, длительности, терпения в мире реальном, практически мгновенно может быть реализовано в мире виртуальном. Лоскутность, быстротечность, разорванность – главные особенности временных и пространственных свойств оцифрованного мира, «погружение» в который становится одним из ведущих факторов социализации личности в современном мире.

Таким образом, рискогенность экономоцентричного общества имеет и собственно антропологическое измерение: с одной стороны, предъявляет человеку «запрос» на построение исключительно обменных, ориентирующихся на чистую меновую стоимость контрактных отношений, в которых дару, доверию, великодушию, обязанностям как таковым не остается места, с другой, оно требует от него реализации доверительных стратегий по отношению к учрежденным в обществе социальным институтам и прежде всего институтам мобилизации капитала. В итоге социальные риски нарастают, поскольку «этос современного человека не соответствует экономическим потребностям современного хозяйствования вообще и потребностям функционирования современных денег в частности» [401, с. 52].

Антропологические составляющие риска в экономоцентричном обществе проявляются также в том, что хозяйствующий субъект в данном обществе, требующем антитрадиционализма, деэтизации экономических транзакций и т. д., собственно сам выступает активным субъектом-трансформатором ценностно-нормативной сферы общества. Как отмечает И. Ю. Фомичев, «… именно хозяйствующие субъекты меняют моральные предпочтения, если номинально существующие поведенческие образцы перестают обеспечивать им преимущества в отношениях с конкурентами. Объединившись вокруг «новых социальных ценностей», они путем организованного отклонения создают в маргинальном пространстве другую нравственную традицию, постепенное становление которой позволяет им противостоять претензиям носителей других моральных идей и утверждать ее в качестве конструктивного жизненного принципа» [450, с. 239]. Именно так – на волне экономоцентричной хозяйственности – были легитимированы нормы ростовщичества, стяжательства (жадность – не порок).

Таким образом, можно зафиксировать явно дегуманизирующий характер глобального фиктивного финансового капитала. Он требует масштабной трансформации человека, основанной на остракизме морали и культуры, актуализации низменных

проявлений личности. Чтобы соответствовать системе, эффективно действовать по учрежденным ею правилам, человек должен превратиться уже не просто в рационального максимизатора («хомо экономикуса»), но в иррационального «мегамизатора» («хомо финансикуса»), стремление к обладанию сверхприбылями которого должно выходить за грань всякого здравомыслия. В противном случае, не имея иррациональной жажды сверхнаживы, психологии азартного игрока, готового пойти на любой риск, вне зависимости от того, что мера собственной ответственности, которую человек может предоставить как гарант оплаченности рисковой ситуации, давно уже несопоставима с масштабом инициируемых данным субъектом рисковых ситуаций, любой представитель рода «хомо» не может претендовать на успех в мире, где господствует фиктивный финансовый капитал.

Тотальность экономоцентричной ориентации способна подвести общество к той грани, за которой будут разрушены все привычные для людей способы построения отношений с действительностью. Исследователи полагают, что способы ведения хозяйства в современном (экономоцентричном) обществе принимают черты, еще невиданные в истории: «Перед человечеством встает еще не до конца осознанный вызов – в человеческом хозяйстве создается имперская структура нового типа: высокоиндустриальная, с мощной информационной базой, изощренным когнитивным потенциалом, практически полностью инвентаризированным населением с абсолютной монополизацией власти» [177, с. 25].

Согласимся с теми исследователями, которые полагают, что размышления о том, что основой современной экономики является удовлетворение безгранично растущих потребностей, свободная конкуренция и т. п., уводят *в ирреальность* и не способствуют формированию адекватной оценки уже развивающегося феномена – «создания высокоиндустриальной имперской структуры нового типа» [177, с. 26]. Мощным основанием, позволяющим состояться вышеназванной новой высокоиндустриальной имперской структуре, является до предела обостренный дисбаланс между сверхстремительным развитием (на основе технических научных достижений) производительных сил и отсталостью производственных отношений. Этот дисбаланс усугубляется тем, что не находит внятной оценки со стороны общества. Другими словами, современный человек получил мощнейшие средства ведения хозяйства, несопоставимые с теми, что имели место в предыдущие эпохи, но при этом на

периферии его сознания осталась проблема *культурного усложнения собственного бытия* и самосовершенствования, духовного роста собственной личности.

В итоге сверхсложные технологии и технические средства, способные регулировать практически все стороны хозяйственной деятельности (финансовую, социальную, производственную и даже духовную), позволяющие человеку конкурировать с Природой и, как ему думается, самим Господом Богом, не идут человеку на пользу. При всех своих огромных возможностях нынешний человек, по меткому замечанию российского исследователя П. П. Жуликова, «в окружающем пространстве ведет себя не как Бог, а как разжиревший раб» [177, с. 29]. При этом особые опасения вызывает вопрос о недостаточной степени осознания со стороны социума вопроса о причинах и истоках возникновения названной ситуации. Пытаясь сделать еще «более эффективными» средства для получения прибыли, еще больше усовершенствовать механизмы создания продукции, словом – реализовать экономоцентричное видение решения проблем мирового кризиса, в сочетании с технократизмом, общество все дальше уходит от возможности по-настоящему «эффективно» его разрешить. Вопросы первостепенной важности – о сути общественных и, соответственно, производственных отношений – остаются в тени, не находя столь необходимых ответов.

Другими словами, реальные отношения социальности, равно как и подлинные проявления бытия как такового в логике меновых отношений, абсолютизированных экономоцентричным обществом, остаются за гранью внимания человека и общества. Совсем иные деонтологизированные, виртуалистичные и симулятивные отношения (отличительной особенностью которых выступает универсализм и непричастность никакой социально-культурной специфике) приобретают статус первостепенных и значимых. Перспектива деонтологизации экономики, заявленная уже на стадии постулирования принципа производства ради производства (прибыли), достигает сегодня своего апогея. Ориентация на прибыль является знаковой в том смысле, что стремится к продуцированию материальных (и духовных) благ не в их потребительском смысле (как ответ на реальные нужды реальных людей), а как на абстрактную возможность обмена с целью увеличения объемов собственно самого производства и получаемой от него прибыли. Данная логика, помещенная в пространство бытийной подлинности, выглядит совершенно безумной. Здравый смысл и практический опыт

отказываются признавать легитимность действий, никак не связанных с реальным задействованием произведенных продуктов. В то же время в пространстве искусственно *произведенной* действительности, наличность которой задана конструкторскими возможностями человека и общества, «дурная бесконечность» (Г. Гегель) производства-прибыли вполне возможна.

Совершенно очевидно, что экономоцентричные ориентации нынешнего общества (как не позволяющие адекватно реагировать на сложнейшие вызовы современности) представляют собой серьезнейший риск для развития социума. Человеческая история, по меткому замечанию А. Тойнби, состоит из череды «вызовов» (социальных, политических, культурных, экономических, природно-климатических и т. п.), внятный ответ на которые способно дать далеко не каждое общество. Традиционное общество отступило перед «вызовами» модерна, не смогло удержать историческую инициативу, закрепить ортодоксальные положения религиозных учений, иерархические нормы социального взаимодействия, морально-нравственное измерение общественного сознания в качестве универсальных регуляторов многообразных общественных отношений. В результате общество модерна в своем капиталократическом устремлении избрало в качестве метанарратива идею безграничного роста (социального, культурного, интеллектуального и т. п.), в основе которого находится принцип роста экономического, в узком смысле понимаемого как увеличение прибыли отдельными субъектами хозяйственных отношений и обществом в целом.

Перспективы названной ситуации адептами теории прогресса видятся в самых радужных красках: возрастание технической и технологической мощи социума, нарастание комфортности быта, «раскрепощение» человека (освобождение его от всего обязывающего, ограничивающего, предписывающего), простор для реализации идей индивидуального обогащения и накопительства. Тем не менее, сегодня все больше увеличивается количество высказываний противоположного характера, выражающих озабоченность названной ситуацией развития, когда социум во главу угла ставит экономический рост, тотально распространяя логику обмена и денежные отношения на все сферы человеческой жизни, выступая, по сути, экономоцентричным обществом. Следуя названным неоптимистичным интенциям, критическая рефлексия обращается к категории риска. Прежде, чем рассмотреть названную категорию, необходимо отметить, что понятие риска тесно переплетено с понятием неопределенности, но не тождественно

ему. Здесь хотелось бы отметить следующее. В отличие от понятия неопределенности, под плотной завесой которого перспективы развития общества недостаточно очерчены, а потому не могут рассматриваться ни как положительные, ни как отрицательные, категория риска более информативна. Она указывает на действие системы при очевидном наличии альтернативы – позитивного и негативного вариантов общественного развития как обязательного условия рискогенной ситуации.

На принципиальное различие между двумя данными понятиями еще в начале XX века обращал внимание американский экономист Фрэнк Найт, который предлагал понимать неопределенность как нечто неизмеримое, не поддающееся прогнозу. В то время как риск Ф. Найт рассматривал как неопределенность, поддающуюся измерению. Возможность быть измеренным принципиально отличает риск от неопределенности, хотя четких разделительных линий между этими двумя понятиями, по замечанию Ф. Найта, так никто и не провел [308].

В связи с этим обращает на себя внимание факт возникновения в социогуманитарной рефлексии второй половины XX века такого обобщающего концепта как «общество риска». Его возникновение далеко не случайно. Он совершенно четко указывает на существование ситуации, в которой вероятность выбора деструктивного сценария общественного развития очень высока и при этом измерима. «Общество риска» разворачивает свою деятельность в условиях тончайшего социального баланса: каждый неверный социальный выбор ведет не просто к блужданиям или топтанию на месте, но приводит к серьезным негативным последствиям. Именно факт увеличения количества элементов общественного развития, обладающих глубинным отрицательным потенциалом, при определенных обстоятельствах способных реализовать свою деструктивную составляющую, приводит к росту напряжения в обществе, называемым обществом риска.

Возникновение этих потенциально отрицательных элементов напрямую связано с типом и качеством сложившихся в обществе социальных отношений. Так, один из разработчиков теории общества риска немецкий социолог У. Бек прямо отмечает, наряду с прочими, и такую значимую особенность риска как наличие корреляции между объемом возникающих в обществе рисков и качеством социальных отношений. Более того, он указывает, что «объем риска является *функцией* (курсив – С.С.) качества социальных отношений» [47 , с. 23].

Таким образом, мы видим, что проблема рископорождающего поведения имеет ярко выраженное социоантропологическое измерение. И, в первую очередь, зависит не столько от материального своего воплощения, сколько от складывающихся между людьми отношениями, центральными из которых на собственно социальном уровне по-прежнему выступают отношения по поводу производства и распределения благ. «Особое внимание исследователей привлекает риск, примененный к социальной ситуации развития и обозначенный как социокультурный риск, рассматривает вероятность неблагоприятного развития социума в важнейших сферах его функционирования. В обществе, сориентированном на реализацию норм стремящегося к самовозрастанию капитала, – экономоцентричном обществе – характер и формы реализации рисковых стратегий развития напрямую связаны с тотализацией (фетишизацией) идеи экономического роста» [393].

«Прежде всего, это *риск, связанный с увеличением количества непотребленных продуктов.* Как справедливо отмечают исследователи, произошло перепроизводство продукта в новом виде и нового типа; сегодня спектр продукции чрезвычайно расширен: это не только привычные нам продукты, но и неизвестные ранее, с набором до конца непонятых свойств. В своей хозяйственной деятельности человек производит и материальные продукты, а также нематериальные, культурные, духовные и даже трансцендентные и имманентные, к потреблению которых современное общество не готово, хотя смутно осознает присутствие последних. Классическое перепроизводство, приведшее к кризису рубежа XIX–XX веков, известное миру под названием «Великая экономическая депрессия», еще не знало такого масштаба и размаха. Избыточность новых форм производства несоизмеримо больше. В связи с этим приходится предполагать вероятность наступления кризиса (первый этап которого начался уже в 2008 году), по разрушительной силе в разы превышающего кризис столетней давности [393].

«С вышеназванным риском сопряжен также другой *риск, связанный с проектами дифференциации мирового сообщества. З*десь можно выделить два уровня рассмотрения проблемы: во-первых, собственно хозяйственно-экономический; во-вторых – социокультурный. Первый уровень связан с тем, что в эпохи премодерна, модерна, а также раннего постмодерна производство в значительной степени было общественным, требовало большого количества участников. Сегодня созданы

технологии, которые с неизбежностью предполагают вытеснение «лишних» людей, количество которых, по оценкам аналитиков, приближается к 80 % от ранее востребованных. Другими словами, сегодня достаточно 20 % работников от числа рабочей силы, используемой на предприятиях в индустриальную эпоху, чтобы обеспечить современный уровень производства. На этом фоне запущены процессы деклассирования: создания властной элиты и размывание среднего слоя общества.

В свою очередь такая дифференциация создает условия для возникновения рисков в широком социокультурном контексте. Сокращение достаточно хорошо обеспеченной человеческой массы приведет к сокращению базы для формирования культурной и научной элиты общества, что, в конце концов, приведет к разрушению основ той цивилизации, к созданию процветающего настоящего которой общество двигалось не одну сотню лет» [393]. Следует отметить, что риск тотальной дифференциации мирового сообщества во многом связан с тем, что имманентная логика данного процесса находится за гранью собственно антропологических, социальных и культурных нужд общества, а ориентируется на запросы глобального финансового фиктивного капитала. В частности, распределение производственных активов по транснациональному принципу исходит не из нужд общества, а из нужд финансового капитала. Наглядно это можно рассмотреть на примере проблемы местожительства современного человека. Бывший президент Мирового банка Ж. Аттали в своих работах «На пороге нового тысячелетия», «Горизоны будущего» разделил человеческое сообщество на «богатых номад» и «бедных кочевников» отнюдь не случайно. «Кочевничество» как направление финансовых потоков (и соответственное создание рабочих мест) происходит не по направлению территории, заселенной гражданами по месту их непосредственного проживания, с которой они связаны онтологическими узами (семейными, родственными, дружескими и т. п.), благодаря чему могли быть обеспечены рабочие места и условия для поддержания жизни и развития данной местности, но наоборот, – местопребывание людей определяет финансовый капитал, «изымающий» наемного работника из социокультурного контекста, в котором он социализировался и «окультуривался». Тем самым создаются условия для остракизма той культурной традиции, в лоне которой человек обрел свою идентичность, что, в свою очередь, означает утрату культурной, социальной идентичности. Предельный вариант данной ситуации – общество «манкуртов», «иванов, не помнящих родства».

«Следующий риск связан с *дискриминацией идеи труда в социокультурном контексте экономоцентричного общества*. Метаморфозы, произошедшие с идеей труда за последние десятилетия ушедшего века, оказались столь значительными, что сегодня от того культурного проекта, в котором труд являлся несущей конструкцией, выступал в роли фетиша, которому поклонялись, приписывали право измерять значения важнейших социально-экономических отношений, абсолютизировали в качестве непререкаемой культурной нормы, не осталось и следа. Вытесненный на периферию общественного сознания, рассматриваемый как удел новых илотов, не способных приобщиться к классу господ жизни, феномен труда с его аскетикой трудовых будней, напряженным созиданием и высшей ипостасью – творчеством – не просто не востребован, но подвергается осмеянию и остракизму. Наиболее опасное проявление названной тенденции – *риск подрыва сущности творческой деятельности*»[393].

«Творческая деятельность, ориентированная не на создание культурных ценностей, а на получение прибыли (т. е. творчество подчинено задачам самовозрастания и смены форм капитала, непосредственно – финансовые спекуляции, опосредованно – маркетинг и кансалтинг и т. п.) вырождается в деятельность по воспроизводству денег, утрачивая свое специфическое содержание. Другими словами, творческая деятельность, культурные ценности и человек-творец превращаются в репродуктивный труд, деньги и Homo economicus.

Огромное количество субъектов, занятых в подобном превращенном секторе труда, заинтересованы в сохранении сложившейся системы производственных отношений, так как продукты труда, лишенного творчества, обладают стоимостью только при сложившейся системе, в которой доминирующей силой является капитал. Следовательно, чем больше разрастается сектор труда, занимающегося псевдопроизводством (изготовлением симулякров), тем меньше вероятность того, что общество добровольно откажется от выстроенной губительной для него модели отношений, поскольку слишком большое количество участников подобных отношений получают от них прямую выгоду [393].

«Еще один немаловажный риск происходит от абсолютизации роли отдельного индивидуума, который в качестве Homo economicus легко включается в рыночные отношения, но не приспособлен для создания социальных общностей» [393]. В связи с этим в обществе возникает *риск, связанный с сознательным употреблением усилий по*

рациональному согласованию людских целей [336, с. 141]**.**

«В социуме существует неосознаваемое людьми общее поле (в терминологии П. Бурдье – габитус), где самые трудные для согласования вопросы уже сопоставлены и решены на уровне коллективного бессознательного. Либеральная теория рассматривает людей как вообще неспособных к какой-либо длительной и устойчивой интеграции. Она делает упор на рациональный выбор, рациональную оценку наличной ситуации и т. п., что не только неадекватно отражает реальный смысл социальных отношений, но и в принципе делает невозможной какую-либо коллективность.

Немаловажным представляется также тот факт, что XXI век унаследовал от своего предшественника, века XX, идеологию общества потребления, явившуюся результатом организации социума на основе экономического императива в качестве центральной метаориентации системы» [393]. Известный российский философ В. А. Кутырев, используя футурологическую патетику советских времен, пишет: «Теперь лозунг светлого будущего может звучать так: «Потребительское общество (комфорт) есть капитализм (рынок) + инноватизация всей страны» [242, с. 69]. Так в одной емкой фразе подытожена вся глубина встающих перед современным обществом проблем.

«Инноватизация, понимаемая как голая технизация, вне учета собственно человеческих и социокультурных дискурсов, способна не только не оправдать ожидания людей на второе рождение «общества всеобщего благоденствия», но и стереть с лица земли самого не такого уж разумного Homo sapiens'a. Технико-технологические практики, агрессивные по отношению не только к природе и обществу, но и собственно человеку как индивиду (биологическому виду) – яркое тому подтверждение. Капитализм с органичным ему детищем – рынком, предлагающим применять тотальность меновой психологии и философии во всех случаях общественной и индивидуальной жизни, также не способствует возвышению, усложнению и, в конечном счете, процветанию самого человека. Не говоря уже о том, что цивилизация, всецело поклоняющаяся новому фетишу – прибыли – согласно предписанному ей ритуалу, без стеснения приносит своему любимому идолу человеческие жертвы, многочисленность которых не вызывает смущения» [393].

«Преодоление экономоцентризма современным обществом может рассматриваться как актуальная проблема. Для осуществления данной цели необходимо решить следующие стратегические задачи: переосмыслить весь культурный строй

человеческой жизни и «подчинить экономику – хозяйству, технику – культуре, потребление – самосовершенствованию, рациональное – духовному» [242, с. 75]. Чтобы внедряться в практику общественной жизни, любые новации должны проходить социально-гуманитарные фильтры (социально-гуманитарную экспертизу). И только с учетом социокультурной специфики и тех реальных (а не абстрактных, выведенных математическим расчетом) отношений, складывающихся между людьми в процессе их жизнедеятельности и собственно хозяйственной деятельности, устанавливать нормы и принципы экономической, культурной и политической деятельности.

Вернуть экономику в пространство культуры, этики, социальности, для чего необходимо разработать этико-правовую модель ответственности бизнеса за неэффективные, с точки зрения социальности и культуры, решения и действия, а также разработать механизм экспертной оценки и контроля за реализацией хозяйственно-экономических проектов, как в области частного предпринимательства, так и на государственном уровне.

В целом сменить социокультурный статус экономической сферы. Из доминирующего принципа развития экономике необходимо вернуться к функциональной зависимости от социальности и культуры. Другими словами, не общество для экономики, а экономика для общества и его нужд. Если социальность требует некоммерческого вложения, оно должно быть осуществлено исходя из принципов приоритета социальности и культуры.

Необходимо разработать и внедрить в практику принципы природоцентричной экономики или экологической экономики – такой модели экономического развития, которая бы учитывала специфику того природно-географического региона, в которой она будет функционировать. Применение названных принципов во многом позволит оздоровить ситуацию в сфере социально-экономических отношений, снизить риски развития современного социума и культуры» [393].

Глава 3. Преодоление социокультурных рисков экономоцентричного общества: возможности и ограничения

3.1 Антропологическое измерение социокультурных рисков в условиях смены технологических укладов

Вопрос о преодолении социокультурных рисков экономоцентричного общества не может быть решен вне антропологического ракурса его рассмотрения. Собственно экономоцентризм в широком смысле слова представляет собой определенную модель существования человека в контексте социальности и культуры. Именно поэтому интерес к человеку имплицитно присутствует во всех теоретических построениях, рефлексирующих о проблемах экономоцентричного общества. Реализация данного интереса имеет несколько альтернативных направлений. С одной стороны, верификации подвергаются естественные характеристики человека как биологического существа, выясняется специфика позиционирования названных характеристик в условиях экономоцентричного общества (проблема границ и форм потребления, основанных на естественных потребностях человека, вопрос о возможностях и пределах конструирования его телесности и другие); с другой стороны, изучению подвергаются собственно внебиологические качества личности, выясняется вопрос о тех возможностях и ограничениях, которые накладывает экономоцентричное общество на самораскрытие человека как внебиологического существа. Названная дихотомия комплементарна тем дискуссиям, которые разворачиваются в научном сообществе относительно проблемы человека и его места в осуществляющихся социокультурных трансформациях. В частности, в современном социогуманитарном знании идея о нетождественности человека как существа социального, благодаря языку, культуре, мышлению и другим социально-групповым характеристикам себе как существу биологическому, подробно раскрытая в социальной психологии, антропологии и т. п., по-новому ставит проблему антропологического измерения социокультурных проблем в целом. Внутренняя оппозиционность конституирующих человека начал рассматривается отдельными исследователями как экзистенциальная предпосылка тех оппозиций, которые возникают в глубинах социальности и культуры как таковых [462]. Вследствие этого можно утверждать, что основные противоречия экономоцентричного общества раскрывают главные противоречия человека как особого биосоциодуховного существа.

Данный тезис может быть раскрыт на примере анализа осуществляемых хозяйственных взаимодействий, развитие которых привело к становлению экономоцентричного общества. Для обнаружения специфики и раскрытия характера хозяйственных стратегий, реализовывающихся человеком, необходимо рассмотреть их в оптике типологических черт личности, обусловленных особенностями определяющей их культуры и социума, задающих праксиологические нормы в исторически сложившихся различных хозяйственно-экономических системах.

Стоит отметить, что обращение к типологии — важнейший метод научного познания, позволяющий распределить исследуемые объекты, согласно некоторым избранным критериям. И если в период становления науки как социального института типологию использовали преимущественно естественные науки (биология, химия и т. п.), то сегодня, благодаря трудам М. Вебера, Н.Я. Данилевского, Р. Дарендорфа, Э. Дюркгейма, К. Маркса, А. Тойнби, П. Сорокина и других, типологический метод используется в пространстве социогуманитарных наук (философия, социология, политика, экономика). Например, возможность выводить типологию сложных социальных объектов, таких как общество, культура или религия, ценностная система социума, проводить их историческое сопоставление, прослеживать эволюцию возникла во многом благодаря трудам Макса Вебера, разработавшего категорию «идеальный тип» применительно к самому широкому кругу социальных явлений; концепцию культурно-исторических типов разработал Н.Я. Данилевский; типологию конфликтов предложил Р. Дарендорф и т. д. Для создания типологии, описывающей стратеги решения хозяйственно-экономических проблем в ходе культурно-исторической динамики, представляется уместным применение социокультурного подхода, специфика которого при рассмотрении проблем культуры, общества и личности наиболее отчетливо была прояснена П. Сорокиным. Данный автор, исследуя проблемы социума, акцентировал внимание на феномене культуры и показал, что личность, общество и культура представляют собой неразрывную триаду [411]. Постулируемая П. Сорокиным интегральная целостность личности, социума и культуры делает возможным предположение, что господствующий тип культуры, доминирующие принципы социального взаимодействия и тип личности, имеющий поведенческую специфику, тесно связаны между собой. Применительно к поставленным в исследовании задачам данная мысль может быть использована следующим образом: опираясь на положение о

том, что экономоцентричная ориентация, понимаемая как абсолютизация в обществе отношений экономического порядка (прежде всего, накопления и владения), складывалась в обществе далеко не сразу, можно выявить типы личности, имеющие существенные поведенческие различия по названному критерию. Докапиталистические, традиционные общества не уделяли столь пристального внимания общественным и личным отношениям, организованным по оси экономического взаимодействия. Для традиционных обществ характерным являлся пристальный интерес к другого типа зависимостям и связям (сакрально-мистическим, социально-иерархическим, военным, политическим и т. д.).

Современная экономическая психология установила, что значимыми мотивами и поведенческими установками в сфере экономических отношений являются мотивы получения прибыли, экономического роста, экономического успеха [151; 293; 319; 418; 516]. Доминирующий тип взаимодействия между людьми – принцип обмена, порождающий закономерности меновой психологии. Данные поведенческие нормы распространены настолько широко, что на уровне массового сознания тиражируются идеи о безусловном характере названных взаимоотношений, о том, что они «свойственны человеческой природе», и потому могут рассматриваться как нормальные и единственно возможные. Однако неуниверсальность поведенческих стратегий, ориентированных на максимизацию прибыли, подтверждается тем фактом, что докапиталистические общества ориентировались на иную мотивацию в своих хозяйственных отношениях. Напомним, что считающаяся одним из первых хозяйственных трактатов работа Гесиода «Труды и дни», лишь вскользь затрагивает хозяйственную проблематику и вопросы накопления. Произведение Ксенофонта «Ойкономос» буквально означает «Домострой» и, скорее, объясняет, как выстраивать отношения в семье и обществе, а не как получить прибыль и накопить богатство. «Первооткрыватель экономической мысли» (К. Поланьи) Аристотель поместил рассуждения об экономических отношениях, складывающихся в обществе, в раздел моральной и политической философии, соответственно в работы «Никомахова этика» и «Политика» [23]. Другими словами, вне морали и политики хозяйственная логика вообще не рассматривалась. Она была составным элементом, частью общей моральной и политической жизни общества.

По мнению В. Зомбарта, посвятившего специальные исследования проблеме

«капиталистического духа» [187; 188] нельзя связывать такие характерные для современного человека, погруженного в социокультурный контекст капиталистического общества, черты как жажда накопительства, жажда денег, стремление как можно больше заработать и стать, возможно, богаче с аутентичной «природой человека». По мнению В. Зомбарат, если бы эти черты носили универсальный характер, они бы наблюдались на всем протяжении существования человечества, во всех, без исключения, культурах. Тем не менее, как указывает немецкий мыслитель, несмотря на то, что, безусловно, в отдельных людях жажда накопительства существовала всегда, факт отсутствия данной нормы в хозяйственной логике докапиталистического общества в целом свидетельствует о том, что она не является универсальной максимой человеческого поведения. Для подтверждения этой мысли В. Зомбарт приводит ряд аргументов.

В частности, в своей работе «Современный капитализм» он обращает внимание на то обстоятельство, что существующая жажда накопления, если она и была представлена у отдельных членов сообщества, то удовлетворялась вне собственно хозяйственной сферы. Стремящиеся к богатству люди ищут самые различные способы для реализации своей цели: «Бегут в рудники, изучают алхимию и всякие чародейства ради добывания денег, дают деньги в рост под проценты, потому что их нельзя приобрести в условиях повседневного хозяйства» [188, с. 20]. Эти факты, по мнению В. Зомбарта, являются свидетельством того, что «… дух докапиталистического хозяйства был далек от всякого стремления к наживе и что всякая жажда приобретения, всякая погоня за деньгами должна была находить свое удовлетворение вне связи с производством благ, с транспортом или даже по большей части с торговлей» [188, с. 20].

В «Генезисе капитализма» В. Зомбарт пишет: «… эта жадность к золоту и деньгам первоначально, а затем еще в течении долгого времени свивает себе гнездо вне хозяйственной жизни и влечет за собою ряд явлений, не имеющих с последнею ничего общего; <…> Эти попытки сводятся к следующим характерным для последних столетий средневековья и первых веков нового времени массовым явлениям:

а) разбоя;

б) кладоискательства;

в) алхимии;

г) прожектерства и

д) ростовщичества» [188, с. 195].

В. Зомбарт также выделяет медленный темп хозяйственных ритмов, недостаточное внимание к установлению сроков исполнения заказов, отсутствие стремления в короткий срок сделать как можно больше: «Продолжительность периода производства определяется двумя моментами: во-первых, тем количеством времени, которое требуется для хорошего и солидного выполнения работы и, во-вторых, естественной потребностью работающего человека. Производство благ является выявлением живого человека, который «изживает» («ausleben») себя в этом творении; в силу этого оно подчинено законам этой связанной с ним узами крови личности подобно тому, как процесс роста дерева или совокупление животного получает свое направление, цель и меру из самой внутренней необходимости этого живого существа» [187, с. 21]. Рассуждения В. Зомбарта комплементарны результатам, полученным в рамках современной культурной антропологии.

Еще одним аргументом в пользу того, что докапиталистическое общество не ориентировалось на максимизацию прибыли, и данная норма не безусловно присуща человеческой природе, является факт наличия громадного количества праздничных дней в году во всю докапиталистическую эпоху. Количество праздников на протяжении более полутора тысяч лет колебалось от 50 % до 70 % от общего количества дней в году [567]. Следующий факт – свойственное обществам традиционного типа отсутствие интереса к точному измерению величины, к правильному оперированию цифрами, неразвитость счетной части отношений в целом, которые развиваются лишь по мере становления и укрепления в обществе капиталистических отношений [100; 187; 447].

Таким образом, жажда денег и накопления долгое время не являлись культурными доминантами, и не могут рассматриваться как «по природе» данным качеством человека. Тем не менее, по мере развития общества, особенно в западноевропейском регионе, исследователи фиксируют неуклонный рост названных качеств человека [182; 183; 187; 221; 447], который, начиная с новоевропейского периода, принимает характер геометрической прогрессии. Как мы уже отмечали, зарождение капиталистических отношений можно отнести к позднему средневековью, элементы капиталистического взаимодействия встретить еще в античности. Средневековая эпоха, будучи ангажирована логикой христианской нормативности, оказывала отчаянное сопротивление разрастанию психологии накопительства, маркируемой ею как «грех жадности».

Приведем определение капитализму, данное В. Зомбартом: «Под капитализмом

мы понимаем известную систему хозяйства, которая может быть последовательно определена таким образом: это – основанная на обороте организация, в которой в виде общего правила действуют совместно, будучи связанными рынком, две различные группы населения – с одной стороны, владельцы средств производства, осуществляющие руководство последним и являющиеся вместе с тем хозяйствующими субъектами, а с другой – неимущие рабочие, живущие только своим трудом. … Вместе с тем организация эта подчинена *принципу наживы и экономическому рационализму* (курсив наш. – С. С.)» [188, с. 189]. Как видим, дефинитивное построение В. Зомбарта содержит в себе, помимо собственно экономической составляющей, отсылку к социокультурной, социально-психологической основе капитализма. Выделенные в самостоятельную характеристику «принцип наживы» и «экономическая рациональность» подчеркивают значимость антропологического измерения для данного типа общества. Основываясь на методологии конструктивизма, можно предположить, что здесь реализуется один из механизмов «символического господства» (П. Бурдье). В. Зомбарт упорно апеллирует к такой социально-психологической и культурологической категории как «дух капитализма» и указывает, что капитализм не столько связан с объективной логикой социально-экономических отношений, сколько порожден особым социально-психологическим складом европейских народов: «Капитализм вырос из самых глубин европейской души» [188, с. 194]. Далее он характеризует его следующим образом: «Это – дух, который вырывает человека из спокойных, органически выросших общинных и полюбовных отношений, сложившихся к исходу средневековья, и бросает его на путь *беспокойного корыстолюбия* (курсив наш. – С. С.) и самоопределения» [188, с. 194]. В целом Зомбарт выделяет две составляющие духа капитализма: предпринимательский дух, стремящийся к наживе, и мещанский дух, ориентирующийся на упорядоченность и сбережения. Соглашаясь с В. Зомбартом, можно утверждать, что центральной характеристикой, задающей специфику поведенческих стратегий личности в отношении хозяйственной деятельности, является принцип накопительства.

Как отмечалось, в целом можно выделить четыре формы накопления капитала: военную, производственную, торговую и финансовую. Каждая из названных форм имеет свою историю возникновения, ареал действия и границы применимости, а также становится возможной благодаря возникновению и распространению в обществе

соответствующих типов личности. Ретроспективный взгляд вглубь исторического прошлого позволяет выделить четыре основных социокультурных типа, реализовывающих свои хозяйственные практики особым, характерным для них способом. Условно их можно обозначить так: «воин», «труженик», «торговец», «финансовый игрок, спекулянт».

Хронологически первыми, возникшими в культуре на заре ее существования, могут считаться стратегии воина и труженика. Здесь достаточно вспомнить древние представления о трудовой повинности, возложенной Богом на человека, с одной стороны («В поте лица будешь есть хлеб твой» [59]), и опыт междоусобных военных столкновений между племенами, в которых основным источником дохода выступала военная прибыль, с другой. Как отмечалось, насильственные действия в древнем обществе не считались чем-то порицаемым. Например, германцы ориентировались, в первую очередь, на военную добычу: «считали бессмысленным п*о*том приобретать то, что можно было приобрести кровью» [265, с. 15]. По замечанию проф. С. Г. Лозинсокго, «… грабеж не считался чем-то предосудительным, <…> древний мир смотрел на грабеж, как на нечто прекрасное. Греки говорили, что жить грабежом и войной очень красиво» [265, с. 17]. Также профессор обнародовал мнение Фукидида о том, что древние народы (акарнайцы, озолийские локрийцы, этолийцы) грабеж рассматривали как почетное занятие, слово «грабитель» являлось почтительным обращением при приветствии [265]. Тех же взглядов придерживались и древние римляне, полагавшие, что «… грабежи, совершающиеся вне пределов данного государства, не содержат в себе ничего позорного» [265, с. 17]. Даже Солон признавал законными ассоциации разбойников и пиратов [265, с. 18].

Таким образом, «естественные» общества, а также ранние традиционные общества, например, такие как греческие полисы и Древняя Римская империя создавали запрос на такой тип личности, который условно можно обозначить понятием «воин». «Воин» мог заниматься самой разнообразной деятельностью, никак не связанной с трудовой практикой: политикой, собственно военным делом и даже ростовщичеством (как, например, страта «всадников» – представителей торгово-ростовщического капитала в Древнем Риме, даже в самоназвании которых в неявном виде присутствует силовая составляющая). Хозяйственные практики в ранних обществах в целом не были развитыми. Это способствовало тому, что тип «воина», не имея ярко выраженной

хозяйственной ориентации, предпочитал реализовывать характерные для своего социокультурного типа свойства в других сферах общественной жизни (политика, социальная сфера и т. п.). Однако уже с периода позднего средневековья – раннего нового времени, когда проблема накопления капитала заявляет о себе достаточно отчетливо, социокультурные стратегии поведения данного типа личности начинают все более проникать в хозяйственно-экономическую сферу общественных взаимодействий, закрепляя в ней специфические – насильственно-силовые – методы решения экономических проблем и в особенности тех проблем, которые направлены на решение задачи роста капитала.

Вопрос о том, почему в исторической перспективе возобладали все же преимущественно не дарообменные, но военно-силовые методы взаимодействия между людьми, прямо связан с проблемой сущности человеческого естества. Исследования характера и природы человека на протяжении всей истории развития общества показывают, что данный вопрос является одним из сложнейших и трудноразрешимых. Если рассмотреть представления о человеке, существующие в древних обществах, то обращает на себя внимание факт доминирования позиции антропологического пессимизма. Человек признавался существом несовершенным, склонным действовать исключительно в рамках логики собственных интересов, даже если это может наносить прямой вред другому человеку или обществу в целом. Об этом наглядно свидетельствует наличие феномена табуирования во всех обществах и культурах в самых различных вариантах его проявлений, регламентирующий человеческую деятельность. К примеру, в священных текстах Ветхозаветной Библии (Пятикнижие Моисея) фигурирует декалог, содержащий запретительную нормативность: «не убей, не укради, не лжесвидетельствуй, не пожелай вола ближнего твоего, ни жены его» [59] и т. п. Подобным образом сформулированные заповеди, имеющие характер общечеловеческих норм, указывают на бытовавшие в древнем обществе представления о естественной природе человека. Для упорядочивания человеческих взаимоотношений в рамках социального взаимодействия понадобились заповеди, призывающие не убивать, не воровать, не лжесвидетельствовать. Можно предположить, что данные заповеди пытались противостоять практике существующих человеческих отношений. Не удивительно поэтому, что при описании человека, ветхозаветно-христианская традиция прибегает к понятиям «падшего естества», «падшей природы» человека. Подобные

воззрения древних народов вполне подтверждались эмпирически: исторические описания нравов и быта практически всех древних народов поражают современников обыденностью самых негативных по современным меркам типов отношений (бессмысленной жестокостью, широкой практикой применения убийств в самых различных ситуациях, начиная от смертной казни, заканчивая ритуальными и политическими убийствами как методом достижения цели в борьбе за реализацию конкретного интереса личности или некоторой социальной группы). В данной ситуации вопрос о том, почему военно-силовые методы ведения хозяйственных дел были преобладающими в раннем традиционном обществе, отпадает сам собой (к примеру, при развитии земледелия практически повсеместно возникло рабство, как доставляющий необходимую рабочую силу инструмент хозяйствования).

Известный медиевист А. Я. Гуревич отмечает по этому поводу следующее: «… в обществе, которое в немалой степени жило войной, захватами и грабежами, вырабатывались героические идеалы поведения, и наиболее достойным свободного человека занятием, приносящим ему славу и добычу, считалось военное дело» [139, с. 37]. Однако поскольку собственно экономическая проблематика чужда древнему и раннему средневековому обществу, о чем не раз писали исследователи хозяйственной деятельности (в частности, на это указывал К. Поланьи в своей известной работе «Аристотель открывает экономику»), то военно-силовые методы реализации широкого круга социальных потребностей напрямую не связывались с возможностью накопительства, а также превращения приобретенных путем военного грабежа средств в капитал.

Средневековая эпоха, вошедшая в историю под знаменем религиозно-этических ценностей, безусловно, самым серьезным образом повлияла на трансформацию атропосоциокультурных идеалов. Созерцательную жизнь, приближающую человека к святости, данная эпоха ставила выше героических устремлений деятельного отношения к жизни. В связи с этим образцы социальной нормативности задаются теперь не героями-воинами земной жизни, но воинами Христовыми – монахами и подвижниками, занимающими на лестнице восхождения к Богу более высокую ступень, чем другие люди. Экспансия христианской нормативности в обществах двухтысячелетней давности оказала серьезное воздействие на его социально-экономические установления и принципы культурной жизни. В частности, она бросила вызов негативной стороне

человеческой личности, обозначив проявления жестокости, алчности, сексуальной невоздержанности, лжи, предательства и т. п. понятием «грех».

Появление данного понятия самым существенным образом повлияло на самосознание отдельной личности и культуры в целом. Мысль о том, что не все, проявляющиеся «по естеству» человека формы поведения могут иметь культурную ценность, была известна еще древнему обществу, однако христианская нормативность предложила более глубокий анализ антропосоциальных элементов культуры, значительно расширив список тех проявлений человека, которые могли расцениваться как имеющие отрицательные последствия для личности и общества и потому нуждающиеся в контроле, ограничении и подавлении. Собственно в хозяйственной сфере безусловному остракизму подверглось ростовщичество, как феномен, имеющий в своей основе порок алчности.

Непосредственно в земных делах, помимо военно-силовых способов решения хозяйственных проблем, большое значение приобретает такая форма как торговля. Несмотря на то, что торговец – это более мирный социокультурный тип личности, чем воин, тем не менее, в значительной степени в снятом виде он содержит в себе черты воина-грабителя, насильника, от которых, собственно, данный тип и произошел. На общность «духовной генетики» торговцев и воинов указывает, к примеру, то обстоятельство, что, как замечают исследователи, очень часто торговцы «… торгуют там, где грабить открыто представляется невозможным и грабят там, где прибегать к хитрым уловкам является излишним» [266, с. 18]. Особенно наглядно это проявляется в ситуации, так называемой, колониальной торговли. Как отмечает по данному поводу проф. С. Г. Лозинский, «… когда в торговые сношения с дикарями вступают культурные народы, получающие за бусы, блестящие пуговицы или камешки и т. п. слоновую кость, золото, серебро, то тогда можно говорить не столько об *обмене*, сколько об *обмане*» [266, с. 21]. Интересно, что даже в XIX веке немецкий поэт Гёте в своем известном произведении «Фауст» написал: «Война, торговля и пиратство – триедины, они не разделимы» [119].

Однако развитие капиталистического общества, ориентирующегося на экономоцентричные нормы функционирования, было бы не возможным в полной мере без еще одного социокультурного типа – труженика – человека, жизнеобеспечение и хозяйственные стратегии которого связывались с трудовой деятельностью. Как

отмечалось, трудовая активность в древнем обществе занимала низший уровень культурной иерархии и оценивалась гораздо ниже, чем военная активность (см. 2.2). Тем не менее, открытие культурой положительного измерения категории труда, состоявшееся преимущественно в средневековую эпоху, способствовало тому, что в обществе стали закрепляться стратегии поведения, основанные на личном и коллективном усилии. Этика «труженика» как типа личности, воспроизводимого традиционным обществом, существенно отличается от этики «воина» и «торговца». Ему свойственно личностно-сопричастное отношение к объектам своего труда, активное эмоциональное переживание связанных с трудовыми действиями ситуаций. Это аскетика повседневных будней и восприятие труда как средства не только жизнеобеспечения, но и конструирования себя как личности. Особенно наглядно данный принцип проявляется в христианской нормативности православной культуры, где труд никогда не выступал самодовлеющей деятельностью, но рассматривался как необходимое условие достижения человеком высших – трансцендентных – идеалов земного существования.

В то же время труд выступал и мерой сдерживания, ограничения человека (трудовая повинность), условием и средством закрепления неравенства. Тем не менее, по мере закрепления и расширения в культуре производящих типов деятельности (не только сельскохозяйственное и ремесленное производство, но мануфактурное и промышленное), с одной стороны, и формирования возможности производственного накопления капитала, с другой, принадлежность трудовым практикам становится атрибутом все более широких слоев общества (слой тружеников-буржуа).

Наконец, рассмотрим такой социокультурный тип как «игрок-спекулянт», который появляется в культуре несколько позже остальных, но, тем не менее, занимает там прочное место, все более усиливая свои позиции по мере развития современной цивилизации. Чтобы понять специфику данного человеческого типа, необходимо выявить те сущностные черты современной культуры, которые его производят (и воспроизводят). Главной отличительно чертой современного общества, имеющей отношения к проблеме формирования социокультурного типа игрока, выступает виртуализация (деонтологизация) многочисленных сфер социальной жизни и культуры в целом. Данный феномен возникает на фоне деонтологизирующих процессов в экономике (возникновение виртуальных экономических отношений, существование которых возможно не в константной реальности, а в особом, компьютерно-виртуальном

мире). Прежде всего, речь идет об искусственных мирах финансовых спекуляций, не производящих никакой потребительной стоимости, но оперирующих огромными денежными потоками. При этом специфичность ситуации заключается в том, что погруженные в виртуальный мир компьютерных взаимодействий деньги, в свою очередь, также виртуализируются, отчуждаясь все больше от своей аутентичной сути, о чем прекрасно пишет в своих работах российский социолог Н. Н. Зарубина [182]. В частности, она отмечает, что существующая виртуальна глобальная финансовая система не имеет никакой определенной территориальной локализации, ей свойственно «междубытийное» существование, не привязанное ни к какой геоэкономической специфике. Данная система упраздняет самодостаточность денежных единиц, функционирующих на локальном уровне, а также стремится к утверждению мега-идентичностей (глобальных, наднациональных и даже надбиологических), неизбежно подвергая упразднению/разрушению идентичности локальные (от государственных до семейных и даже индивидуально-личностных) [182]. Итогом названных процессов является возникновение ситуации нового отчуждения, в котором экономика, социум и культура рассматриваются как постмодернистская игра. Игра пронизывает все, с чем связана деятельность человека: устоявшиеся в культуре ценности, превращающиеся из незыблемой твердыни в легко заменяемые элементы гибких смыслов; накопленные знания, само производство и усвоение которых больше не связано с напряжением образовательного труда и воспитания, но напоминает предназначенный для досуга квест, играизацию и т. п.

«Играизация – новое, утверждающееся и распространяющееся явление в обществе, развивающемся в направлении постмодерна, которое связано с особым рисковым стилем жизни, предполагающим парадоксальное сочетание реального и виртуального, чувственного и интеллектуального, беспокойства и динамизма» [230, с. 185]. Данная ситуация выступает как рисковая для развития общества и личности. Как пишут по этому поводу исследователи, «рискогенность процесса играизации проявляется в разрывах целостности и самодостаточности традиционных (линейных) типов игры и общественно полезной деятельности. В линейном социуме игра имеет достаточно жесткий статус деятельности, лишенной прямой практической целесообразности» [230, с. 186]. Здесь она не имеет «никакой очевидной цели, кроме удовольствия» [230, с. 222].

«Что же происходит в этих условиях с личностью? Она не формируется в зрелую, социально ответственную личность. Индивид превращается в псевдоличность, «мерцающую» личность, готовую непрерывно менять свою идентичность, убеждения, способы взаимодействия с людьми, живущую без серьезных привязанностей, со спорадическими взаимодействиями на месте устойчивых связей. Таким образом, центральным актором играизированного социума выступает рассматриваемый нами социокультурный тип – игрок и спекулянт. Именно он является «героем нашего времени». Современные образовательные модели ориентируются на воспроизведение такой отчужденной личности. У этого обстоятельства есть свои причины и следствия» [385]. Прежде всего, это все большее развития глобального фиктивного финансового капитала (ГФФК), запросы которого формируют социокультурную специфику современного общества. ГФФК нужны «новые кочевники», личности, не укорененные ни в какой национальный, культурный контекст. Рост возможностей ГФФК связан с экспоненциальным ростом людей, вступающих в финансово-долговые отношения. По оценкам современных аналитиков ГФФК (глобальный фиктивный финансовый капитал) порождает новый тип человека – Homo Finansus (И. Г. Левина) – человека финансового [257]. Они выделяют ряд поведенческих характеристик последнего. Во-первых, в сфере экономических транзакций: «Его поведение, в основе которого лежит поведение человека Homo Economicus, основанное на максимизации прибыли, и рациональность сохраняются, но в то же время и дополняются рядом новых качеств. Полезность его производительной деятельности отрицательна и настолько велика (по модулю), стремление к извлечению прибыли и жажда наживы настолько высоки, что в той мере, в какой финансовые рынки способны обеспечить возможности извлечения прибыли, Homo Finansus жертвует всеми соображениями, относительно процессов производства и своего воспроизводства (продолжение рода), ради прироста капитала» [180, с. 90]. Во-вторых, в сфере психологических интеракций: «…не психологические факторы определяют процессы, протекающие на финансовых рынках, а, наоборот, процессы, протекающие в финансовом секторе, порождают определенные психологические факторы, которые, в свою очередь, влияют на дальнейшее развитие этого сектора» [180, с. 19].

Если, как писал К. Маркс, в ситуации господства промышленного, индустриального капитализма, человек превращался в придаток машины, человека-

винтика, то здесь мы наблюдаем превращение человека в функцию-придаток финансового капитала. Это прослеживается достаточно наглядно, если обратить внимание на то обстоятельство, что «мотивы максимизации прибыли, оторванные от реальной экономики, которые являются основными движителями финансовых рынков, настолько заслоняют от человека мир, существующий вовне финансовых рынков, что он начинает ощущать их не как внешние, а как свои внутренние, настолько глубоко сживается с ними, что они как бы вживаются в него. При этом люди, имеющие иные мотивы (например, достижение общественных целей, героизм, самопожертвование, познание окружающего мира и самопознание, развитие культуры, в том числе музыки, живописи и много другого) кажутся Homo Finansus «неправильными», чудными и т. д., – настолько сильно смещены у него психологические установки» [180, с. 90]. Чтобы соответствовать системе, эффективно действовать по учрежденным ею правилам, человек должен превратиться уже не просто в рационального максимизатора – «хомо экономикуса», но в иррационального «мегамизатора» – «хомо финансикуса», стремление к обладанию сверхприбылями которого должно выходить за грань всякого здравомыслия. В противном случае – не имея иррациональной жажды сверхнаживы, психологии азартного игрока, готового пойти на любой риск, вне зависимости от того, что мера собственной ответственности, которую человек может предоставить как гарант оплаченности рисковой ситуации, давно уже несопоставима с масштабом инициируемых данным субъектом рисковых ситуаций, любой представитель рода «хомо» не может претендовать на успех в мире, где господствует фиктивный финансовый капитал. При этом, как уже отмечалось, следуя социокультурным презумпциям новоевропейской традиции, данные проявления человеческой личности склонны рассматриваться адептами финансового пути развития экономики как проявление «природы человека».

Указанные социокультурные типы в их соотнесенности со способами получения жизненных благ (хозяйственные стратегии) могут рассматриваться также относительно созданной современной экономической и психологической наукой модели личности-предпринимателя – «экономического человека». Причем, реализацию тех черт, которые связывают собственно с «экономическим человеком», каждый из названных антропологических типов осуществляет по-разному. Тем не менее, поскольку «иллюзия того, что деятельность человека в качестве экономического субъекта является

главенствующей и чуть ли не единственной в ходе общественной жизни, выступает ведущей презумпцией экономоцентричного общества, имеет смысл более подробно остановиться на категории экономического человека, выявить те ценностные и смысловые доминанты, которые конституируют стоящую за данным термином антропологическую реальность» [394].

Доктор философских наук Н. М. Кизилова отмечает, что в современных научных текстах описываются две тенденции в исследовании Homo economicus – как чисто теоретической модели, представляющей собой сумму антропологических предпосылок и допущений, взятых в предельном виде (тем самым в этом случае речь идет о своеобразном «идеальном типе» (М. Вебер) человека), с одной стороны, и как реально действующего агента в хозяйственной и социальной сфере общества, с другой [214]. «Эта дилемма, волнующая социогуманитарную рефлексию более сотни лет, не утрачивает свой актуальности и сегодня. Действительно, экономический анализ, исключающий из своих моделей человека, определенные реально существующие психосоциальные потребности личности и социальные нормы общества, не укладывающиеся в схему экономического поведения, основанного на принципе «экономического эгоизма» как стремления максимизировать собственную прибыль, не способен отражать реальное поведение индивида не только как участника социальных отношений, но и как хозяйствующего субъекта» [394]. Тем не менее, попытки экономистов-теоретиков остановиться именно на таком, сугубо экономическом, понимании человека и создать очередную, «усовершенствованную», модель Homo economicus не перестают множиться и по сей день, поскольку они считают, что экономическая наука не может обойтись без рабочей модели человека, то есть определенных допущений о том, как люди себя ведут в процессе экономической деятельности [372].

«Теоретические допущения, на которых строятся данные модели, сводятся, как правило, к четырем положениям. Первое предположение указывает на тесную взаимосвязь экономического человека с другими людьми, каждый из которых также представлен в образе экономического человека» [394]. Второе положение, как правило, акцентирует внимание на рациональности экономического человека при принятии им решений, выдвижении целей и выборе средств по их достижению. Третье положение гласит о полноте информации, которой обладает экономический человек в ситуации

удовлетворения своих потребностей. Наконец, четвертое положение утверждает эгоистичность экономического человека, указывает, что он в любой ситуации стремится максимизировать свою выгоду [418, с. 63]. При этом значительную долю в созданной модели занимает проблема выбора, который экономический субъект реализует в своих поведенческих стратегиях [112].

В силу того, что «в современном обществе экономический дискурс становится доминирующим (в том числе активно проникает в систему образования), представляемые экономической теорией схемы, описывающие человека, и общая представленная в них направленность в его оценке может стать общепринятой. Общественное сознание, сталкиваясь с данными идеями, вовсе не будет брать в расчет то обстоятельство, что данные модели созданы как «условные», рассматривающие лишь интересующие исследователя параметры человеческой личности» [394]. Оно способно принять данную линию анализа в качестве единственно верной схемы понимания человека и попытается сконструировать соответствующую данной модели реальность.

Очевидно, что подобно тому, как сами научные теории испытали на себе экспансию «экономического империализма» (Р. У. Саутер) (задача преодоления последствий влияния на принципы научного анализа которого в полной мере не решена и по сей день), общественное сознание также испытывает на себе воздействие «магии» экономических теорий, поэтому перед теоретическим сознанием стоит задача обеспечения экономических теорий «социокультурным сопровождением». В результате исследователи оказались бы перед необходимостью оперировать в своих моделях целостным представлением о человеке как о реальном феномене хозяйственных и социокультурных практик и именно такие, приближенные к реальности, модели транслировать общественному сознанию через систему образования и т. д.

В то же время, рассматривая проблему расширения влияния экономической сферы на жизнь общества и соответственного увеличение значения в социальных транзакциях заданного ею типа личности – homo economicus'a – можно отметить, что в социогуманитарной мысли нет единства относительно того, каков статус данного типа личности и какова его роль в развитии общества. Например, в собственно экономической теории представители институционализма, такие, как Т. Веблен, К. Поланьи и др., полагают, что в силу того, что экономика вплетена в социальные отношения, расширение ее влияния не прошло безразлично для общества и собственно

самого человека. Произошла существенная реверсия – не экономическая система стала встраиваться в социальные отношения, а «*эти отношения встраиваются теперь в экономическую систему*» [348, с. 41]. Именно поэтому восприятие человека сквозь призму экономических отношений становится устойчивой тенденцией обыденного и теоретического сознания. В этой обстановке, по мнению К. Поланьи, легко произвести подмену понятий: «очень трудно избежать ошибочного умозаключения, что реальный человек – это «экономический» человек, а реальное общество – это экономическая система» [348, с. 41]. Данная ситуация усугубляется тем, что общество, однажды восприняв названную установку, настойчиво продолжает транслировать ее своим членам, тем самым закрепляя и легитимируя ее, превращая в безусловную норму: «Ведь если общество ожидает от ряда своих членов определенного поведения, а господствующие институты способны его навязывать, то представления о человеческой природе будут отражать этот идеал независимо от его отношения к реальности» [348, с. 40].

«Охваченная идеологией экономизма теоретическая мысль способна на самом высоком уровне найти обоснования избранным презумпциям. И вот уже категориальный аппарат социогуманитарного знания пополняется понятиями «экономического» и «неэкономического» человека, «рациональной» и «нерациональной» личности. Причем, благодаря трудам представителей утилитаристского направления мысли (И. Бентам, Д. С. Милль и др.), одни термины стали приравнивать к другим. В итоге «экономический» начал мыслиться как «рациональный», а «неэкономический» (к примеру, действующий на тех основаниях, которые были свойственны традиционному обществу – долг, честь, гордость, честолюбие и т. д.) – как «нерациональный» [382]. Как справедливо пишет по данному поводу К. Поланьи: «Экономическая сторона человеческой натуры приобрела ореол рациональности. Тот, кто отказывался думать, что он действует только ради наживы, считался не только безнравственным, но и безумным» [348, с. 40].

«Подобная корреляция понятий «рационально мыслящий субъект» и «экономически ангажированный субъект», безусловно, привела к усилению позиций последнего, сообщила ему весь авторитет «рацио», еще ранее возведенного на недосягаемую высоту эпохой Просвещения, поэтому субъект, заинтересованный в максимальной материальной выгоде, автоматически стал признаваться эталоном

личности как обладающий большим потенциалом рационального (желательного и позитивного для общества) поведения. Любые попытки по накоплению капитала стали квалифицироваться как «логичные» и потому в цивилизации, в которой сложился культ разума, получили заведомо положительную оценку, поскольку в них усматривали признак глубины ума и практичности человека» [394].

«Однако в реальности дело обстояло далеко не так однозначно, как это описывали в своих эффектных теориях приверженцы экономического мышления. Американский психолог и писатель Дэвид Кохен справедливо писал по этому поводу, что рациональный экономический человек – это «плод фантазии», абстракция, не имеющая под собой реальной основы» [394]. По его мнению, люди действуют под влиянием настроения, эмоций, мимолетных впечатлений и предчувствуий, ничего не значащих «разговоров с бокалом шампанского» [229, с. 12]. Автор замечает, что тема «Роль алкоголя и кокаина в работе аналитиков фондового рынка» могла бы стать богатым полем для исследований и докторских диссертаций и принести больше результатов, чем математические выкладки, описывающие рациональные стратегии человеческого поведения [229].

«В целом соглашаясь с рассуждениями американского психолога, хотелось бы все же уточнить, что проблема теории «рационального экономического человека» заключается не только в том, что на практике обнаруживается неумение рационально просчитывать свою финансовую деятельность значительным количеством экономически заинтересованных личностей. Очевидно, что концептуальная конструкция, теснейшим образом (вплоть до полного синкретизма) переплетающая понятия «рациональность» и «жажда обогащения», в целом ложна в самом своем основании. Избранные семантические единицы далеко не родственны друг другу. Их «очевидная связь» рождена не более чем произволом теоретического сознания, стремящегося организовать ценностно-смысловое пространство современного общества на основе иррационально избранной идеологии экономоцентризма» [394].

«Данный тезис может быть подтвержден, к примеру, трудами исследователей, работающих в рамках возникшей во второй половине XX века новой дисциплины – экономической психологии. Представители зарубежной ветви данной науки (Дж. Катона, Г. Саймон, П. Альбо и др.) на основе синтеза экономических и психологических знаний попытались ответить на вопрос: существует ли противоречие между реальным

поведением субъекта в рамках хозяйственной деятельности и той моделью, которая включена в аналитические конструкции экономической мысли. Если существует, то на чем оно базируется» [394]. Американский экономист и психолог Герберт Саймон еще в 1950-х гг. показал, что реальные люди, принимающие решения, ведут себя совершенно иначе, чем это описано в учебниках по экономике [570]. «В ходе детального исследования по данному вопросу, критике подверглось, прежде всего, аксиоматическое положение экономистов о том, что рациональное поведение – это поведение, связанное со стремлением получения собственной выгоды. Понятая таким образом рациональность при более детальном рассмотрении названного «семантического тандема» (жажда наживы – рациональность) демонстрировала свою неуниверсальность» [394]. Психологи показали, что достижение собственной выгоды не всегда является критерием рациональности экономической деятельности [277; 318]. «Более того, они обратились к трудам известных экономистов, представляющих историческую школу и институционализм, которые на широком материале, относящемся к исследованию традиционных обществ стран «третьего мира», показали, что у данных хозяйствующих субъектов в понимании рациональности существуют принципиальные отличия» [394]. Им присущи такие явления, как скидка при продаже товара родственнику, предоставление земли в аренду или кредита на льготных условиях земляку или единоверцу, предпочтение в найме по принципу крови и т. п. [41; 400].

«Подобный вид экономического поведения исследователи предложили рассматривать на основе понятия субстантивной рациональности (М. Вебер), по которому критерием рационального поведения является не эгоистический, а альтруистический критерий[1]»[394]: «соответствие экономической деятельности определенным социальным ценностям и психосоциальным нормам» [277, с. 41]. В качестве примера такой нормы можно привести норму взаимности, предполагающую смещение акцента экономических взаимоотношений (коммерческих, обменных) в сторону предоставляемых друг другу услуг (как материальных, так и не материальных), либо субсидирования субъектами социальных взаимодействий друг друга на основе некоммерческих мотивов (родственные связи, дружеские отношения и т. п.). Более того, «последующие исследования показали, что соотношение понятий эгоизма и альтруизма

[1] В этом отношении особенный интерес представляет работа английского психолога Д. Колларда «Альтруизм и экономика». – Оксфорд, 1978.

в экономическом поведении у разных народов разнятся (С. Колм). Тем самым было показано, что невозможно использовать какой-либо один-единственный принцип (эгоизм, гедонизм, альтруизм) в качестве критерия рациональности экономической деятельности. Интересно, что задолго до специалистов экономической психологии немецкий социолог Макс Вебер писал о том, что существует неопределенное число возможных стандартов ценностей, которые в смысле их применения к экономическому поведению «рациональны». Тем самым представление о том, что стремление максимизировать прибыль (жажда наживы) является рациональной компонентой глубинной экзистенциальной потребности, атрибутивной человеческой природе было признано некорректным. Да и сама способность к полноценному рациональному анализу, в силу ограниченности когнитивных способностей человека, была поставлена под сомнение, заменена понятием «ограниченная рациональность» (Г. Саймон)» [394].

В связи с обсуждаемой темой интерес вызывают работы таких представителей институционального направления экономической науки как Дж. Р. Коммонс, Дж. Б. Кларк, К. Митчелл, А. Пигу и других. По мнению К. Митчелла, рациональное (разумное) поведение для большинства людей не характерно. Чаще ими управляют глупость, страх, жажда удовольствия [380]. Дж. Коммонс также усматривал в экономическом поведении неэкономические и нерациональные факторы: «… на величину стоимости влияет деятельность банкиров, политиков и судов, а также миллионов людей с их психологией надежды или страха» [351, с. 87]. Согласно Дж. Коммносу, не «… рациональное состояние общества определяет действия людей. Участники сделок оказываются перед лицом изумительно иррациональной и сложной конфигурации ожиданий. <…> нет перегородок между политэкономией, этикой и правом. Политэкономия – наука о человеческой культуре» [380, с. 87].

Тезис о рациональном поведении был поставлен под сомнение и основателем французского институционализма А. Пигу, который продемонстрировал, что выбор людей в рыночной экономике базируется на иррациональной системе предпочтений, ориентированной на немедленный успех, немедленные результаты в ущерб удовлетворения потребностей будущих поколений [380].

Представители «новой волны» институционализма – новой институциональной экономики (НИЭ) – продолжили линию критики абсолютизации рационального начала в экономическом поведении личности. В частности, ведущий теоретик данного

направления Л. Тевено утверждает, что рациональность в реальной жизни никогда не бывает безупречной, и она не является важнейшей причиной действий человека. Скорее, наоборот, человек ориентируется на мнение общества, ближайшего окружения, на привычки и традиции, на те ожидания, которые он имеет относительно будущего, включая надежды, вдохновения и т. п. [432]. Его позиция не совпадает с общепринятыми в современной экономической науке представлениями о рациональном экономическом человеке, сходным образом действующим во всех жизненных обстоятельствах, пытаясь максимизировать собственную прибыль. Следовательно, как отмечает Т. Л. Александрова, «… рациональность здесь утрачивает свой традиционный оптимизационно-калькулирующий характер, становясь способом интерпретаций значений в рамках конкретной системы социальных связей» [7, с. 44]. Таким образом, к сугубо интеллигибельным проявлениям экономического поведения (рациональности) были привнесены такие элементы, которые требовали учета внеэкономических факторов и внерационального поведения, рассмотрения экономики в ее переплетении с политикой (Дж. Гелбрэйт), моралью (А. Этциони), с индустриальными структурами (Л. Тевено и Л. Болтянски).

Не менее строгой критике подвергся и тезис о том, что рациональность в поведении означает стремление максимизировать собственную выгоду (прибыль), крайним вариантом которой выступает жажда наживы. Одним из серьезных оппонентов названной позиции выступил Й. Шумпетер. Рассматривая понятие «истинного предпринимателя», он, в частности, отмечал, что данному персонажу чуждо стремление к приобретению благ: «… типичного предпринимателя мало заботят гедонистические результаты его труда. Он трудится, не зная покоя, потому что не может иначе» [512, с. 191–192]. Схожие мысли высказывал и известный предприниматель Г. Форд, который утверждал, что производитель не нуждается в прибыли как таковой [451].

Современные исследователи в области человеческой психологии и человеческого поведения также утверждают, что далеко не каждый человек мечтает о наживе. В частности, российский психолог Ю. Я. Ольсевич пишет по этому поводу: «Представление (бытующее как в марксистской, так и в неоклассической теории), будто почти каждый мелкий собственник стремится стать крупным собственником, капиталистом, а каждый наемный работник – топ-менеджером корпорации, либо

активно участвовать в управлении ею, имеет мало общего с реальностью» [318, с. 205].

Подтверждением данного тезиса может служить то обстоятельство, что, как мы уже отмечали, существует неравенство возможностей в получении прибыли в зависимости от видов деятельности. Занятия в реальном секторе экономики, такие как сельскохозяйственный труд, либо промышленное производство не может конкурировать с ростовщическо-спекулятивными практиками получения прибыли, и соответственно, не инициирует ориентацию на «сверхприбыль», идея которой может реализоваться лишь в финансово-спекулятивном секторе экономики. Не каждый человек желает быть финансовым игроком-спекулянтом. Люди, связывающие свою трудовую активность с производительностью, питаются иной нормативностью, о которой писал М. Вебер. М. Вебер усмотрел в данном стремлении самораскрытия личности путем производительности в реальном секторе экономики реализацию норм протестантской этики. Как комментирует данную ситуацию А. С. Панарин: «Протестантский аскет, для которого занятия предпринимательством выполняли роль душеспасительного поприща, не мог позволить себе, в отличие от традиционного ростовщика и спекулянта, легкой наживы в области «игр обмена», как не позволял себе и расточительства на стадии распоряжения полученной прибыли. Аскеза предпринимательского труда и предпринимательского потребления выражалась в страсти к производственному накоплению: норма накопления как экономическое понятие оказалась в зависимости от степени аскетического самоотречения предпринимателя-протестанта, т. е. обретала контуры культурно-религиозного и этического понятия» [335, с. 29].

На возможность существования не только эгоистической, экономической мотивации в широкой экономической, (в частности, производственной) деятельности в незападных регионах мира указывали и другие западные теоретики. Фридерик Гаррисон указывал: «В обширных, долговечных обществах, в течение длинных исторических периодов, такие народы, как Египтяне и Индийцы, при строгой кастовой системе, обнаруживали изумительное развитие промышленного духа, непосредственно возбуждаемого обычаем, общественным инстинктом и требованиями религиозного долга и лишь в очень незначительной степени стремлением к личной выгоде. В теократических обществах, при самых различных видах культа, весьма энергичная промышленная деятельность в размерах, исключающих в смысле опыта всякое сомнение, вызывалось чисто религиозными мотивами. Некоторые из наиболее

блестящих, вечно памятных, завоеваний промышленности, – расчистка девственных почв, грандиозные общественные сооружения, как например, мосты, памятники и храмы, – воспитание целых племен дикарей в привычках трудовой жизни выполнялись чисто религиозными корпорациями, монахами, миссионерами, священниками, и под влиянием чисто-религиозных мотивов» [цит. по 209, с. 104–105].

Тем не менее, анализируя мировоззренческие презумпции современности, усматривающие именно в экономической сфере безусловную доминанту социокультурной динамики, многие авторы рассматривают их не как наносные, новомодные тенденции общественного сознания, но как исторически выношенные идеи, уходящие своими корнями в далекое прошлое. Серьезное внимание этому вопросу уделяли, прежде всего, представители исторической школы западноевропейской науки (Ф. Лист, Г. Шмоллер, М. Вебер, В. Зомбарт), сторонники институционализма (К. Поланьи, Т. Веблен), а также немецко-австрийский исследователь Рудольф Гильфердинг и другие. Острые дискуссии вызывает этот вопрос и у современных авторов (Н. Зарубина, К. Лаваль, П. Клински, П. Розваллон и др.).

Буржуазный уклад и религиозная Реформация сменившие собственной нормативностью в новоевропейский период феодальный тип отношений и традиционную христианскую мораль, «не просто «переинтерпретировали» смыслы социальных, культурных норм и отношений, существовавших в средневековом обществе, но полностью перевернули их. Первое, что подверглось ревизии и модернизации, это духовно-нравственная, моральная сфера общества. Усердно сдерживаемые пороки получили одобрение, недостойное поведение было признано возможным и желательным. Совершенно откровенно об этом написал английский философ- моралист и писатель Бернард Мандевиль (1670–1733). Его книга с характерным названием «Басня о пчелах, или пороки частных лиц – блага для общества» представляет собой своеобразную «порокодицею» – оправдание пороков, гнездящихся в глубинах человеческой личности» [382].

«Сюжет басни повествует о пчелах в улье, жизнь которых с точностью копировала устои человеческого общества со свойственным ему процветанием пороков и страстей. В этом рассаднике грехов улей был счастлив и богат. Но вот однажды взбунтовавшиеся пчелы захотели «очистить свои души» и стать праведными, не наживаться путем обмана и преступлений. В итоге – они честны, но несчастны и бедны. Мораль сей басни такова:

хочешь быть богатым – будь порочным. И эта константа относится как к отдельному человеку, так и к обществу в целом. Б. Мандевиль убеждает читателя» [382] :

Нам – это все понять должны –
Тщеславье, роскошь, ложь нужны;
В делах нам будучи подмогой,
Они приносят выгод много….
Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок [281, с. 21].

О жажде денежного богатства довольно ярко написано голландцем фон Деккерсом в трактате «Похвала страсти к деньгам» (1703), в котором он от лица страсти говорит людям о тех деяниях, которые для них совершает данная страсть: помогает заключать браки, организовывать дружеские союзы, основанные на корыстных интересах, способствует созданию городов и государств [цит. по 305, с. 113].

«Эволюцию идеи эффективного использования порочности личности в качестве основы развития экономических отношений в обществе проследил в своей известной книге «Страсти и интересы» американский исследователь А. Хиршман. Он показал, что развитие данной идеи осуществлялось не стихийно-спонтанно, но было обеспечено теоретической поддержкой целого корпуса научно-теоретических работ представителей западноевропейского истеблишмента» [391]. Иллюстрируя эту мысль, он ссылается на труды Дж. Вико, А. Смита, И. Гердера, целого ряда янсенистов, Г. В. Ф. Гегеля и других мыслителей [480]. «А. Хиршман отмечает, что в XVIII веке страсти подвергались тщательному изучению, в результате чего возобладала идея о том, что их разрушительная сила может превратиться в нечто конструктивное. К примеру, Джамбатиста Вико снискал славу необычайно неординарного ума за то, что вывел максиму о возможности из свирепости, скупости и честолюбия создать войско, торговлю и двор, другим словами – силу, богатство и мудрость. И данную подмену понятий новоевропейское общество восприняло как гениальную интуицию: свирепость называют силой, в скупости усматривают путь к богатству, честолюбие почитают мудростью. Существенный вклад в это нарушение законов тождества общественной логики внесли и другие авторы. Например, Адам Смит, в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», полностью посвященное страсти, традиционно известной как алчность и скупость изящно называет эти пороки «преимущество» или

«интерес». В итоге подобных интеллектуальных модернизаций менее чем за сто лет стяжательство и связанная с ним деятельность (например, торговля и банковское дело) получили статус высокочтимых занятий. Западноевропейская культура, избрав для себя идеалом материальное благополучие (о чем говорит даже самоназвание порожденной этой культурой эпохи – капиталистическая), как на уровне индивидуального существования, так и общественного идеала признала алчность важнейшим положительным качеством человека» [382].

Итогом названных преобразований стало изменение, начиная с рубежных десятилетий XVI–XVII веков, социокультурных характеристик общества, которые теперь в значительной степени определялись рациональной логикой, абсолютизирующей экономическую составляющую в социальных взаимодействиях. Данное общество «создало свой специфический культурно-исторический и социально-экономический проект, ранее неведомый мировосприятию традиционного общества. В традиционном обществе регуляторами общественных отношений выступали институты церкви, обычного права, культурные традиции, сохраняющие моральные постулаты как неотчуждаемые презумпции социальности, придающие значение межличностным отношениям, родственным, клановым и цеховым связям. В эпоху Нового времени на первый план выходят индивидуалистические тенденции: личный интерес, очень быстро эволюционировавший в категорию экономического интереса, теория общественного договора, легитимирующая право субъекта на личный выбор. Тем самым не столько была расширена степень свободы личности, сколько увеличилась доля непрогнозируемого, рискованного в создаваемых социальных проектах. Это можно увидеть в иррационализме революционных стихий, хлынувших одна за другой в освобожденную от власти традиций и надындивидуальных законов нравственности Европу и в последовавшие её примеру государства. Мыслящиеся как рациональные проекты разума, науки и просвещения, данные революции продемонстрировали обратный эффект: на алтарь собственных идей они бросили жизни сотен и даже тысяч людей, чье несчастье заключалось в том, что они стали современниками описываемых событий» [391].

В целом стоит обратить особое внимание на то обстоятельство, что «восходящая капиталистическая эпоха уделяла «социокультурному сопровождению» своих предпринимательских практик чрезвычайно много внимания. И это неудивительно.

Успех такого грандиозного предприятия – создание капиталистической системы – вовсе не мог совершиться исключительно экономическими методами. Для того чтобы вовлечь в систему капиталистических отношений значительные слои общества, изменить существующие между ними нормы взаимодействия и тем самым произвести смену общественно-экономической формации (К. Маркс), необходимо было сменить весь строй общественной жизни – от моральных до юридических норм» [382].

Немецкий исследователь В. Зомбарт пишет о том, что само по себе накопление ни в коем случае не является достаточным основанием для того, чтобы учредить капиталистическое предприятие. Важнейшим условием становления предпринимательства является «капиталистический дух», вне которого владелец денежных средств никогда не превратится в капиталиста, стремящегося увеличивать прибыль, принцип максимизации которой объявить главным условием хозяйственной деятельности. В. Зомбарт отмечает, что «капиталистический дух» необходимо рассматривать как совокупность психических установок и качеств, свойственных предприимчивому человеку, которые проявляются в таких чертах как «стремление к наживе, счетная способность, экономический рационализм» [188, с. 218]. По мнению автора, названный экономический рационализм является основой такого типа личности как «экономический человек», образ которого «активно используется в политической экономии» [188, с. 218]. Эпоха Возрождения и далее Новое время стремились воспроизвести данный тип личности для реализации глубинных своих интенций по накоплению капитала, поскольку приумножение богатства не могло реализовываться бесконечно долго исключительно насильственным путем. Другими словами, эпоха накопления капитала нуждалась в специфическом типе личности – экономическом человеке, который готов был трудиться ради того, чтобы расширять мощности собственного предприятия, увеличивать прибыль и личное потребление.

Новый, не ведомый традиционному обществу, тип человека был возможен при смене картины миропонимания. Кардинальная смена представлений об окружающем мире, о ценностях и принципах социального взаимодействия не могла произойти автоматически. Безусловно, здесь нужны были специальные усилия, средства и приемы, применение которых не заставили себя ждать. В Новоевропейский период общественного развития активно публикуются книги-наставления (Альберти, Франклина и других), о том, как следует вести хозяйственную жизнь. Молодым людям

активно прививается мысль о том, что необходимо иметь сбережения, экономить время, не тратить его впустую. Пустым времяпрепровождением считались охота, увеселения и даже обучение, если оно было «чрезмерным». «Время – деньги» – максима капиталистического мышления входит в плоть и кровь общественного сознания.

Серьёзный вклад в осуществление данного социокультурного переворота внесла, как уже отмечалось, религиозная Реформация, о чем прекрасно написал в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» немецкий социолог Макс Вебер. Он показал, что возникновение таких религиозных ответвлений протестантизма, как кальвинизм, получивший распространение в XVI–XVII веках в Англии, Франции и Нидерландах, выросший на почве кальвинизма пиетизм (Англия, Голландия в конце XVII века), а также лютеранство, методизм, перекрещенство и вышедшие из него секты, проповедовавшие *аскетизм*, способствовали становлению и активному развитию капиталистического духа [98].

Инерция возникшей социокультурной установки на обогащение оказалась столь велика, что порожденные ею нормативы на сегодняшний день практически полностью вытеснили неутилитарный этос традиционного общества. Сегодня воспринимается обыденно, что не логика священного задает моральные императивы социальных отношений, но принципы выгоды, коммерческого успеха, востребованы соответствующие им характеристики личности. Не бессребреники и нестяжатели являются творцами культурных идеалов, но алчущие наживы богачи, не знающие пределов своей непомерно разросшейся страсти. Данные метаморфозы воспринимаются как приемлемые на самых разных уровнях социального функционирования. К примеру, ведущий теоретик американской экономической мысли Д. К. Гелбрейт убежден в конструктивности отрицательных и негативных черт личности, таких как алчность, нашедших «удачное применение» в принципах деятельности современных крупных корпораций: «Источником энергии, которая впоследствии подчиняется общественному контролю и служит интересам общества, являются в силу совершенно случайного парадокса стяжательство, скупость и алчность – отнюдь не самые святые человеческие качества. Однако когда собственность отделяется от управления, возникает мучительная проблема. Носителями стяжательства, скупости и алчности – незаменимых движущих сил системы (крупной корпорации – *прим. С. С.*) – являются менеджеры, техноструктура, а плоды действия этих сил достаются собственникам. Управляющие же

ничем этим собственникам не обязаны. Итак, система действует благодаря тому, что именно те, кто наиболее склонен к стяжательству, сознательно готовы трудиться на благо других. Алчность является филантропией, когда она служит другим» [144, с. 123–124]. Взгляды Д. К. Гелбрейта, скорее, типичны, нежели экзотичны, для современного европейского общества. Поэтому неудивительно, что искренняя убежденность в благости алчности, стяжательства открыла дорогу для признания и других негативных черт личности, тщательно выбраковывавшихся культурными нормами традиционного общества.

Однако не только моральными увещеваниями и новыми религиозно-идеологическими вдохновениями питалась формирующаяся капиталистическая формация. Насильственный дух завоевателя никуда не исчез. Буржуа, с одной стороны, отказались от идеи обогащения через насилие, «сублимировав» дух завоевателей в изнурительное самоограничение трудовой аскезы, но с другой, сосредоточившись на обогащении, жесточайшим образом вынудили остальную часть населения (крестьянство) принять условия жизни, необходимые для успешного развития предпринимательской экономики. Это хорошо известная экономическая Английская революция, названная «революцией богатых против бедных» (К. Поланьи). Принятые законы о бедности, когда бедняки превратились в преступников, а работные дома представляли собой каторгу для нищих – характерная их черта.

Таким образом, мы наблюдаем своеобразную диалектику общественного развития. Расточительство средневековой эпохи сменяется накопительством Нового времени. В Новейшее время двойным отрицанием – синтезом – выступает идея накопления с целью потребления и роскошной жизни. Проблема статусных потребностей как атрибут элитной жизни по-новому ставит проблему социального расслоения общества. Разделительные линии, отделяющие новых илотов от новых господ, проходят уже не по грани распределения совокупно произведенного продукта, но по семантическому каркасу имиджа и престижа.

Как справедливо отмечает российская исследовательница И. А. Левандина: «Перед человечеством стоит сложная и долговременная задача – освободиться от пороков, которые накопились у «экономического человека» в течение длительного времени и осуществить переход от этого исторического типа к качественно новому «человечному человеку». Человеку нужно преодолеть сложившуюся излишнюю

экономизацию общества, чрезмерное поклонение экономическим ценностям, повысить уровень культуры и интеллекта» [256, с. 26].

Насущная потребность в этом ощущается и на уровне теоретического знания. Даже экономисты как наиболее заинтересованные в развитии и распространении экономических отношений в обществе субъекты перестают удовлетворяться голыми математическим расчетами при оценке перспектив человеческого поведения, а пытаются выйти за рамки мэйнстрима, найти более адекватную теорию, описывающую хозяйственную деятельность человека и общества. Приходит понимание того, что человек действует под влиянием социокультурных факторов. Его экономическое поведение зависит от воспитания, привычек, традиций и стереотипов. Это обстоятельство признают даже самые ярые поклонники либерализма[1]. Поэтому не рациональный выбор, основанный на логико-математических калькуляциях, движет людьми в их повседневном поведении, а совершенно иные вещи. Как пишет доктор экономических наук, профессор А. Н. Нестеренко, «в реальности индивид чаще всего просто следует своему воспитанию, привычкам, традициям и стереотипам, и, таким образом, его поведение оказывается продуктом культуры, а не выбора» [312, с. 282]. В итоге, по мнению профессора, именно социокультурные факторы выступают главенствующими в поведении людей: «Можно признать, что в реальной жизни принцип максимизации отодвинут назад социально-культурными императивами человеческого поведения» [312, с. 283]. Свой вывод он подтверждает следующими рассуждениями: «Стандартная теория отрывает индивида от общности, в которой он существует и взаимодействует с другими индивидами. Экономический человек (homo economicus) – это, по определению, изолированный индивид. Правомерно ли рассматривать общество как простую совокупность индивидов? Иными словами, правомерно ли рассматривать целое как простую сумму составляющих ее частей? Подобная «арифметика» неприменима к социальной жизни: общество есть не просто сумма образующих его индивидов, а более высокая структура. Ее отличие от обыкновенной суммы индивидов состоит в том, что взаимодействие между индивидами привносит новое качество в социальную организацию. Источник этого нового качества – связи между индивидами, которые расширяют потенциал той структуры, которая образована данными индивидами. Проще говоря, целое больше суммы тех элементов, которые его (целое)

---

[1] См. работу Ф. Хайек «Индивидуализм и экономический порядок» (1948).

образуют, и это приращение есть проявление «связей» между элементами» [516, с. 283].

«Таким образом, специфическая сориентированность сознания, усматривающего в явлениях социальной действительности исключительно экономические составляющие, является социокультурно обусловленным феноменом, в рамках которого человеческая личность утрачивает связь с иными, неэкономическими схемами и интерпретационными моделями, предписывающими нормы поведения как отдельно взятой личности, так и обществу в целом» [394].

Не случайно современные исследователи все более настойчиво обращают внимание на данную когнитивную составляющую. Так, например, исследователи Пол Хейне, Питер Боутке, Дэвид Причитко в известной работе «Экономический образ мышления» отмечают следующее: «Смотреть на жизнь с точки зрения экономиста – это значит систематизировать хорошо известные всем явления с помощью таких понятий, как «спрос», «альтернативная стоимость», «предельный эффект» и «сравнительная выгода» [478, с. 523]. «Именно данные смысловые конструкты, став неотъемлемой составляющей мышления личности, делают ее тем, что позволяет говорить о ней как об «экономическом человеке». Современные исследователи констатируют: «Наиболее успешными во всех смыслах являются страны, правительство которых уделяет внимание гармоничному развитию личности в обществе. Когда экономические цели стоят на третьем месте, вслед за духовными и культурными, общество добивается лучших экономических результатов <…> И все же человечество всем иным ценностям предпочитает ценности экономические, а наиболее активно обсуждаемый в мировой науке тип человека – «человек экономический» [277, с. 17].

«Тем не менее, из стадии постулирования примата экономических принципов над иными, неэкономическими, нормами, современные (как экономические, так и неэкономические) науки переходят к осознанию необходимости ревизии установившихся принципов, проверки их на соответствие запросам современного общества» [394]. Как отмечают российские специалисты, экономические науки вступают в эпоху постепенного пересмотра сложившихся методов и доктрин, начиная с основы основ – модели homo economicus, рационального экономического человека [1; 3; 318]. «Параллельно с экономистами пересмотр представлений о человеке как о действующем экономическом субъекте осуществляют другие науки. Свой вклад в этот процесс должна внести и философия. Именно она, размышляющая о предельных

основаниях всякого явления и действия, должна ответить сегодня на вопрос: homo economicus – это абстрактная модель теоретического сознания или феноменологически явленная реальность? При отрицательном ответе необходимо осмыслить и обосновать ответ на вопрос о том, чем заполнен этот образовавшийся зазор между теорией и реальностью. Другими словами, выявить, в чем состоит сущность современного человека, и как именно она проявляется в пространстве современного социума» [394].

Ответ на данный вопрос сегодня является чрезвычайно актуальным еще и потому, что благодаря развитию техники и технологий возможности общества по реализации собственных экономоцентричных интенций возрастают в экспоненциальном порядке. Ситуация усугубляется тем, что разработка и внедрение новейших технологий сопряжены с ростом неопределенности, поливариантности общественного развития, следствием чего выступает усиление рискового потенциала социума, культуры и собственно самого человека, о чем с озабоченностью пишут современные исследователи [309; 379].

Как известно, машины возникли как средства, меняющие способы ведения хозяйственной жизни, преобразующие формы коммуникации и т. п. (т. е. как прикладные, вторичные по отношению к человеку и генеральным смыслам его жизнедеятельности образования) [341]. Однако уже в Новое время, благодаря произошедшим экономическим революциям, когда общество стало ориентироваться на цели максимального извлечения прибыли при осуществлении хозяйственной деятельности, заинтересованность в развитии техники и технологий, как способствующих реализации данной цели, возросла многократно. Именно поэтому стали поддерживаться научные разработки, связанные с усовершенствованием машин. Техника стала атрибутом общественной жизни. Достаточно вспомнить, что технические устройства были известны в культуре достаточно давно. К примеру, в древней Александрии знали об устройстве паровой машины. Однако это обстоятельство никак не повлияло на производство, оставаясь периферийным фактом общественной жизни (применялось для развлечений). Стремление к усовершенствованию техники и технологии как важнейшему фактору уменьшения издержек производства возникла лишь в стремительно «экономизирующуюся» эпоху Нового времени. Именно эта экономическая подоплека, по мнению многих мыслителей (в частности, об этом хорошо писал М. Вебер), вызвала в XVII в. лихорадочную погоню за изобретениями. Мысль о

perpetuum mobile (вечном двигателе) – одна из иллюстраций этого общего движения, породившего к XX веку целую плеяду «машинопоклонников» (Норберт Винер).

Впоследствии, достаточно быстро ориентируясь на запросы общества, все более озабоченного тем, чтобы удовлетворять потребности экономики, машины стремительно стали приближаться к той черте, за которой из средств они превратились в цель человеческой деятельности и даже, превосходя эту цель, оттеснили самого человека на периферию целеполагания (наглядная иллюстрация названной ситуации описана в известной работе Э. Тоффлера «Футурошок»). Уместно задаться вопросом: сегодня техника тотально «определяет сознание» человека, приспосабливая его под логику собственного функционирования, или все же за многочисленными техническими новациями скрывается власть «волящего разума»?

Формируемый сегодня ответ может быть дан не в пользу человека: техника и технологии стремительно переходят из разряда произвольно созданных феноменов в объективную, ускользающую от человека реальность, не только конструируя мир вокруг него, но и подвергая собственно самого человека модификациям [378; 379]. Сегодня процесс зашел настолько далеко, что это позволило известным неомарксистам М. Хардту и А. Негри заявить о новом «антропологическом исходе» [474]. За десяток прошедших лет эта мысль стала практически устоявшейся. Отметим, что названные процессы протекают на фоне актуализации идей антропологического оптимизма, свойственных еще эпохе модерна (М. Сервет, Ж. Ж. Руссо) и усиливающихся в постмодерновскую эпоху позицией технологического оптимизма. В качестве ярких иллюстраций последней могут быть названы такие работы как «Новый цифровой мир» Э. Шмидта и Д. Коэна, «Искусственный интеллект: этапы, угрозы и стратегии» Н. Бострома, «Четвертая промышленная революция» К. Шваба, «Будущее человечества» М. Каку, «Третья производственная революция» Дж. Рифкина, «Homodeus» Ю. Харари и другие, оказывающие самое серьёзное влияние на общественное сознание современного социума, о чём свидетельствует, например, тот факт, что названные книги продаются огромными тиражами по всему миру [248].

Поэтому устоявшееся в социогуманитарном знании мнение о том, что власть материальных средств производства столь велика, что определяет фундаментальнейшие характеристики жизни человека и социума, сегодня очевидно, как никогда. Революционные преобразования затрагивают не только саму технику, но и весь строй

человеческой жизни: трансформируют способы коммуникации, социальные институты и даже восприятие пространства и времени. Как полагает, к примеру, американский исследователь Маршалл Маклюэн «все социальные перемены суть последствия внедрения новых технологий» [272, с. 7]. Мыслитель убежден, что нововведения способствуют таким структурным перестройкам в обществе, которые полностью меняют его облик: от специфики человеческой взаимосвязи до стереотипов мировоззрения [273].

Не абсолютизируя роль техники и технологий в развитии социума, тем не менее, отметим, что вне обращения к анализу технической составляющей социодинамики понимание и решение тех проблем, которые разворачиваются в пространстве экономоцентричного общества, и особенно в части, касающейся собственно самого человека, невозможно. Развитие техники и технологий являются тем инструментом, с помощью которого идеи, рождающиеся в недрах экономоцентричного общества, могут быть реализованы в практике повседневной жизни. Именно поэтому сдержанное отношение к технизации социума, характерное для традиционного общества, в Новоевропейский период развития общества сменилось техноцентризмом – внимание к техническому развитию возросло многократно. При этом стремительный рост технических изобретений был связан не столько с желанием человека реализовать свою творческую активность, сколько со стремлением с помощью эффективного инструмента – техники – преобразовать общество, извлечь максимальную выгоду из технически усовершенствованного способа производства.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к концепции технологических укладов, разработанной в XX столетии зарубежными и отечественными специалистами. Названная концепция опирается на инновационно-циклические теории экономического развития, разработанные известными экономистами Н. Д. Кондратьевым и Й. А. Шумпетером. Н. Д. Кондратьев выдвинул идею о наличии в экономическом развитии экономических циклов «волн конъюнктуры» различной длительности (от «коротких», протекающих на протяжении нескольких лет до «больших», в среднем равняющихся пятидесяти годам) [225]. На основе этой теории Й. Шумпетер выдвинул идею о существовании волн изобретательской активности, проявляющихся в стремительном росте инноваций [569]. Причем, по мнению Й. Шумпетера, кондратьевские «длинные волны» экономического развития и инновационная активность

сопряжены между собой. Они способствуют возникновению ядра нового технологического уклада в глубинах старого.

Как определяют понятие технологического уклада современные исследователи – это «процесс последовательного замещения целостных комплексов технологически сопряженных производств» [125]. Хронологические рамки технологических укладов очерчены сегодня достаточно отчетливо и считаются общепризнанными [124; 141; 310]. *Первый уклад*, ключевым фактором производства в котором выступали текстильные машины, исследователи датируют 1770–1830 годами. Это время использования энергии падающей воды: развитие текстильной промышленности, текстильного машиностроения, выплавки чугуна, обработки железа, а также строительства оросительных каналов, проезжих дорог.

Второй уклад приходится на 1830–1880 годы. Он представляет собой эпоху пара и железных дорог. Здесь происходит активное развитие угольной и станкоинструментальной промышленности, пароходостроения, стимулирующего мировое судоходство. В данный период возникают такие промышленные новации, которые получили наименование «первая промышленная революция», связанные со значительным сокращением ручного и активизацией машинного труда. На смену мануфактурам приходит фабричное производство.

Третий уклад относят к 1880–1930 годам. Важнейшим источником энергии в рамках данного уклада является электричество. Это время «второй промышленной революции» – тяжелого машиностроения, черной металлургии, производства и проката стали, строительства электростанций, проведения линий электропередач, производства электротехнического оборудования.

Четвертый уклад датируется 1930–1980 гг. Основным источником энергии четвертого уклада становятся углеводороды (нефть, газ). Для данного уклада характерны конвейерное производство, развитие машинной индустрии, химической промышленности, полимеров. Страны, в достаточной степени обладающие названными источниками энергии, преимущественно развиваются по модели сырьевой экономики.

Пятый технологический уклад охватывает период с середины 1980-х годов по настоящее время. Развитие названного уклада сопровождается «третьей промышленной революцией» (Дж. Рифкин), отличительная особенность которой – поиск возобновляемых источников энергии, развитие компьютерных технологий,

цифровизация экономики. В рамках пятого уклада активно развиваются технологии, для обозначения которых используется аббревиатура NBICS (НБИКС: нано, био, инфо, когно, социо). Это такие отрасли как генная инженерия, биотехнологии, нанотехнологии, робототехника, искусственный интеллект, социальные технологии и т.п. Локомотивом в названном конвергентном комплексе научных направлений выступают нано-технологии, ключевое значение в которых приобретает размер изучаемых и создаваемых объектов. По оценкам аналитиков, технологические уклады динамичны, имеют разнородные фазы собственного развития (жизненный цикл): становление, развертывание (К. Перес).

Анализируя развитие первых четырех укладов, российский академик В.С. Степин писал, что на основе новых достижений науки человек создает такие технологические инновации, которые самым существенным образом меняют окружающий мир, вызывают необходимость реализовывать новые виды деятельности, менять устоявшиеся структуры социальных отношений, трансформировать виды человеческой коммуникаций [420]. Однако общество, развивающееся в рамках пятого технологического уклада, лишь отчасти соответствует высказанным положениям.

Непомерно разросшаяся техносфера, для механического распространения которой масштабов планеты уже давно не достаточно (еще в середине XX века человек полетел в космос), находит новый ресурс для свой экспансии в виде проникновения в «пятое измерение» нашего мира – культурно-информационное, духовное пространство социума. Российский исследователь, профессор Ю. В. Яковец отмечает, что сегодня зависимость человека от власти машин все более усиливается, приобретает новое – цифровое – качество [530]. Масштабы и темп развития данной тенденции наиболее наглядно можно проследить, изучая статистику приобщения населения наиболее технически и экономически развитых стран к искусственной жизни в виртуальных мирах. Наиболее интенсивно этот процесс осуществляется в игре, доступ к которой становится все проще. Исследователь виртуальных миров Эдвард Кастронова, описывая «виртуальные миры» («искусственные миры) как «огромное виртуальное пространство, в котором миллионы людей живут общими фантазиями», указывает на их способность в короткое время находить себе тысячи и миллионы поклонников [204]. «Современные кибер-геймеры, чтобы достичь высоких показателей в какой-нибудь популярной виртуальной игре нередко играют в режиме «нон-стоп» (иначе, двадцать четыре на

семь). При этом следует подчеркнуть, что данные процессы имеют много негативных проявлений. Под воздействием Интернета у человечества возникла новая болезнь – нетаголизм. Нетаголики – люди, зависящие от Интернета. По данным различных исследователей, в XXI веке не менее чем у 10 % пользователей формируется зависимость от интернета[1]». По оценкам российских специалистов, на 2010 год в РФ их насчитывается 4–6 % [346]. Интернет-зависимость принимается в расчет многими странами, осознающими, что к зависимым от интернета людям требуется особое отношение. К примеру, такие люди в некоторых странах могут рассчитывать на отсрочку от армии, как это практикуется в Финляндии [346].

Несмотря на то, что осуществляемые технико-технологические революции сопряжены с преобразованием производства, т.е. в первую очередь, входят в структуру экономических отношений общества, на сегодняшний день они в такой степени затрагивают собственно самого человека, что уверенность научного сообщества в том, что мы имеем дело с антропологической революцией [460] и стоим на пороге «постчеловеческого будущего» (Ф. Фукуяма) является вполне обоснованной. Принципиальное отличие новаций пятого и последующего технологических укладов от четырех предшествующих заключается в том, что первые уклады меняли мир вокруг человека, начиная с пятого уклада, они меняют собственно самого человека. Это позволило Швабу заявить на Давосском форуме в 2011 году о начале новой, «четвертой промышленной революции» [501], которая приведет общество к шестому технологическому укладу. Суть данной революции заключается в том, что свойственные пятому технологическому укладу цифровые технологии приобретают конвергентный характер. Подобно тому, как в современном экономоцентричном обществе фиксируется неразличимость явлений на уровне экономической и неэкономической реальности, о чем убедительно писали в начале текущего тысячелетия неомарксисты М. Хардт и А. Негри [474], на уровне технологий также происходит слияние физического, биологического и цифрового измерений жизни человека и социума [501]. Данное слияние создает особую социокультурную ситуацию для существования человека, связанную с экспоненциально растущми возможностями преобразования человека в самых глубинных основаниях его существования. Специфика ситуации заключается в

[1] Это, приблизительно, более двухсот миллионов человек, что составляет население трех-четырех средних по количеству населения стран.

том, что локомотивом названных изменений выступают не запросы собственно самого человека, направленные на реализацию его важнейших потребностей и преодоление существующих проблем социума (голода, болезней, повышения качества жизни), но диктуются императивами экономических отношений. В данной ситуации собственносам человек, его специфика как биологического вида, интеллектуальные и психические возможности становятся основой получения прибыли, причем в не опосредованном виде (как результат творческой деятельности), но непосредственно – в силу модификаций собственно человеческого в человеке.

Необходимо подчеркнуть, что названный вектор технологических трансформаций формируется не объективно-линейным путем развития, но носит объективно-субъективный характер, в котором субъективная составляющая доминирует все больше. Сущность названной субъективности раскрывается сквозь призму ценностей и культурных норм экономоцентричного общества, абсолютизирующих роль прибыли, накопления (сверхпотребления) в жизни социума. В данной иерархии, где на вершине потребностей находится запросы самовозрастающего финансового капитала, ценность человека нивелируется. Новый технологический уклад, сопрягающий производства, оборачивается для человека «вызовом» не просто для способа обустройства человеческой жизни, но вопрошанием о перспективах сохранения собственной идентичности (человечности) в нем. Современности хорошо известна максима о многовариантности, плюральности предполагаемых ответов на поставленный вопрос. Именно в возможности утвердительного ответа на заданный вопрос содержится главный социокультурный риск экономоцентричного общества – риск исчезновения из пространства социума и культуры собственно самого человека. Какую социокультурную реальность смогут сконструировать постчеловеческие существа, в какой степени она будет комплементарна заменяемой человеческой, будет ли возможность сохранить «человека естественного» в условиях постчеловеческого будущего – вопросы, требующие специального исследования и коллективных усилий специалистов самых различных отраслей человеческого знания.

На основе изложенного выше, могут быть предложены следующие выводы:

Во-первых, обращение к антропологическому измерению экономоцентричного общества с необходимостью требует выявить связи между складывающимся в обществе типом хозяйствования и воспроизводимым им типом личности. В частности, на основе

историко-компаративного анализа условно можно выделить четыре основных социокультурных типа, реализовывающих свои хозяйственные практики особым, характерным для них способом: «воина», «торговца», «труженика», «игрока-спекулянта». Важнейшим индикатором для выявления поведенческой специфики указанных типов личности выступает реализация ими идеи накопительства.

Во-вторых, ретроспективный анализ хозяйственной деятельности, осуществляемой на различных этапах развития общества и культуры, позволяет выделить четыре основные формы накопления капитала: военно-силовым путем, на основе производства, путем торговли, наконец, благодаря фиктивным финансовым манипуляциям. Каждая из названных форм имеет свою историю возникновения, ареал действия и границы применимости, а также становится возможной благодаря возникновению и распространению в обществе соответствующих типов личности. Доминирование того или иного типа в системе социальных взаимодействий способствует формированию определенного социокультурного контекста, влияющего на реализацию в обществе определенных идей. В частности, преобладание насильственно-силового накопления было характерно для ранних форм существования общества, проявлялось в практиках присваивающего хозяйства, а также в колониальной экспансии и других формах военно-экономического насилия. Торговые отношения пришли на смену военным, при этом, не всегда замещая последние, но сопрягаясь с ними. В результате формируется социокультурный тип торговца, авантюрные черты, жесткость ведения коммерческих дел которого очень часть переходили грань мирных экономических отношений, обнажая насильственно-силовую подоплеку его действий. Социокультурный тип труженика принципиально отличается от описанных типов личности, поскольку ориентируется на производящую и воспроизводящую деятельность, направленную на созидание реальной потребительной стоимости. Тип труженика-созидателя выступает основным несущим субъектом позднего традиционного, а также индустриального общества, промышленные масштабы производства которого требовали аскетики трудового энтузиазма, полную вовлеченность в хозяйственно-экономические взаимодействия, мобилизационной экономической активности. Данный тип воспроизводился индустриальным обществом в промышленно значимых масштабах, причем на самых различных уровнях: от наемного работника до собственника-промышленника, успех экономической деятельности которого во многом

зависел от лично приложенных им трудовых усилий. Наконец, четвертый тип – финансиста, тяготеющего к образу азартного игрока-спекулянта, отчуждающегося от тягот повседневного труда, но претендующего не просто на прибыль в хозяйственно-экономической деятельности, но на гигантскую сверхприбыль. Названная установка игрока, максимизирующего азартными играми собственную прибыль не просто формирует тип экономики-казино, но порождает рисковые ситуации социокультурного развития в целом, главный из которых заключается в возможности исчезновения собственно самого человека как уникального биосоциодуховного существа, замена его модифицированным вариантом – постчеловеком.

3.2 Принцип хозяйственно-культурной целостности как антитеза экономоцентричной парадигме развития социума

Одним из важнейших вопросов современного общества, все более отчетливо осознающего степень рискового потенциала той стратегии развития, которую оно реализовывает в последние столетия, является вопрос о путях выхода из сложившейся ситуации. Исследовательская рефлексия, рассматривающая данную проблему, ищет опору в различных интеллектуальных стратегиях: от реконструктивистских (обращающихся к потенциалу прошлого) до новаторских, ориентирующихся на абсолютно новые идеи и принципы.

Несмотря на то, что, как полагает К. Поппер, «каждая эпоха имеет тенденцию непрерывно продолжать движение, наблюдаемое современниками» [353], согласимся во многом с теми авторами, которые, реактуализируя диалектический подход к пониманию социокультурной динамики, указывают, что важнейшими слагаемыми будущего является «отрицание предшествующей системы как целого» [82, с. 9]. В свете обсуждаемых проблем становления и развития тенденций культуры, благодаря которым современное общество может мыслиться как экономоцентричное, хотелось бы уточнить, что именно необходимо подвергнуть «отрицанию». Нормативный посыл, отсылающий к сфере долженствования, предлагается нами не случайно, поскольку мы разделяем точку зрения тех ученых, которые полагают, что эпистемологические функции научного знания

реализовываются в контексте ценностно-мировоззренческих ориентаций вне зависимости от того, осознают это сами исследователи или нет [12; 31; 196; 335; 423; 554]. В связи с этим представляется, что важнейший выбор, который предстоит сделать современному обществу, это выбор социокультурной парадигмы, фундируемой такими ценностными ориентациями, которые могли бы рассматриваться в оптимистическом ключе – как повышающие вероятность жизнеспособного развития.

Собственно в среде экономистов в последнее время при поисках ответа на вопрос о путях преодоления рисков и кризисов современного социума проявляется тенденция к усилению левого крыла теоретизирований, ищущего опоры в учении К. Маркса и его последователей (В. И. Ленина, Р. Люксембург, Д. Лукача, А. Грамши, Ж.-П. Сартра, Ф. Энгельса, Г. Батищева, Н. Злобина, Э. Ильенкова, А. Негри, М. Хардта, Б. Олмана, И. Мессароша и др.). Снятие табуирования, характерного для отечественной науки рубежных десятилетий XX–XXI веков, с использования работ представителей названного направления экономической мысли, отрицающих капиталистическую систему как таковую, выглядят вполне закономерным явлением: «тенденции самоотрицания позднего капитализма» (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов) слишком очевидны не только интеллектуальной элите, но и профанному большинству общества, сотрясаемому чредой участившихся экономических кризисов, все чаще принимающих мировой масштаб.

Действительно, ретроспективный взгляд на характер кризисов, имевших место в различных обществах за последние два столетия, со всей очевидностью обнаруживает, что большинство из них носило общезначимый, мировой характер [135]. Мировой характер возникающих кризисов способствует мобилизации мировой научной мысли по вопросам предотвращения возможных кризисных проявлений и путях выхода из сложившихся кризисных ситуаций. В свете рассматриваемых тенденций, представляется, что важнейшие постулаты неоклассической экономической мысли, предлагающей свой вариант выхода из кризисных ситуаций современности, опирающийся на идейное наследие классического универсализма, в самом своем фундаменте выступают как утопичные, а потому вовлекающие исследователей в «теоретический романтизм».

Представители раннего марксизма (В. И. Ленин, В. П. Струве, М. И. Туган-Барановский и другие) подобный «романтизм» усматривали в теоретических

разработках экономистов-народников (В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниэльсона и т. п.), апеллирующих к идее социокультурной специфики экономических отношений, невозможности оперирования универсальными схемами-рецептами при решении задач хозяйственно-экономического характера в конкретном (в частности, российском) обществе. Сегодня история расставляет новые акценты: изыскания и теоретические положения «романтиков» оказываются более реалистичными, аргументированными и состоятельными, чем исследовательские выкладки их интеллектуальных оппонентов. Это наглядно видно на примере тех теоретических дискуссий, которые интеллектуальное сообщество ведет по проблемам, касающимся причинных оснований и перспектив социоэкономической динамики.

К примеру, размышляя о путях оптимального социального развития, философия признает актуальным Гегелевский посыл о свободе, как о маркере подлинно прогрессивного развития общества. Феномену свободы в теоретизированиях современного интеллектуального авангарда уделяется значительное внимание. В частности, неомарксисты уверены в том, что общество обречено на прогрессивно-поступательное развитие, что в ходе неизбежного (в силу самоотрицания капиталистической системы) «заката» «царства необходимости» (К. Маркс), понимаемого ими в значительной степени как «закат, прежде всего, экономических отношений» (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов), наступит искомое обществом «царство свободы».

Однако здесь следует отметить, что в свое время К. Маркс писал о том, что «царство свободы» лежит «по ту сторону» процесса материального производства, но не выносит за скобки собственно экономические отношения: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно *материального производства* (курсив наш. – С. С.)» [285, с. 386–387].

Выдвинем положение о том, что если общество не преодолеет, не изживет экономоцентричную парадигму развития, то в ближайшем будущем будет наблюдаться не «рождение царства свободы», о чем с надеждой пишут неомарксисты, но прямо противоположный процесс — тотальное закабаление человечества, основой которого будет система неорабства: утрата социально-экономической, социокультурной и политической субъектности большинством общества, присвоение этого права узкому

меньшинству. При этом демонтаж, дефетишизация, деконструкция экономоцентричной парадигмы вовсе не означает маргинализации экономических отношений как таковых. Для реализации той вероятности развития, в которой бы социокультурный риск в большей степени тяготел к шансу, необходимо не ожидать «заката» экономических отношений (что невозможно), но реализовать запрос на создание таких теоретических и практических основ ведения экономической деятельности, которые составили бы реальную альтернативу экономоцентричному подходу.

Также особое внимание стоит обратить на то, что в рамках экономоцентричной парадигмы могут рождаться и другие, некапиталистические социально-экономические системы. Коммунизм, предложенный К. Марксом, замещал собой капитализм, но оставался в рамках экономоцентричной парадигмы, и поэтому принципиального отличия в социокультурных установках мы не находим: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Родовое сходство (при видовом разнообразии) таких общественно-экономических укладов, как социализм и капитализм, становится сегодня предметом дискуссий значительного числа отечественных исследователей [297; 336]. Российский исследователь А. С. Панарин отмечал: «… презумпция раннего модерна, рассматривающая весь мир всего лишь как сырье, подлежащее переработке в гедонистически-материалистических целях безграничного человеческого самоутверждения, роднит либерализм и коммунизм как разновидности прометеевой (фаустовской) культуры» [335, с. 44].

При реактуализирующей исследовательской позиции представляется необходимым обратиться к трудам идейных оппонентов К. Маркса или альтернативных ему мыслителей. В частности, в связи с обсуждаемой проблемой интерес представляет такое течение философско-экономической мысли, как философия хозяйства. Данное философское течение выступает альтернативой общему экономоцентричному умонастроению эпохи, предлагает совершенно иное понимания принципов ведения хозяйственной деятельности, и апеллирует к принципу холизма, т.е. воспринимает хозяйство и культуру как целостность, противопоставляет идее накопительства принцип «достатка», указывая на возможность существования иной, альтернативной экономоцентризму, хозяйственно-экономической парадигматики, центральным основанием которой выступает уже не экономика (экономический детерминизм), но культура (культуроцентризм).

Отметим, что в целом идея о наличии различающихся в своих глубинных основаниях стратегий в понимании проблем социоэкономического развития социума осознаются современными экономистами в полном объеме. В частности, С. П. Макаров указывает на существование двух типов экономической парадигматики: рыночной и нерыночной, также рассматриваемой им в аристотелевском терминологическом пространстве как «хрематистической» и, собственно, «экономической» [270].

Для различения данных парадигм автор предлагает ряд характеристик. По его мнению, рыночная парадигма трактует экономику исключительно в коммерческом ключе, выдвигая на первый план следующие показатели: частная собственность, прибыль, экономический интерес, рыночная свобода индивида, деньги как символ богатства, конкуренция как основа отношений между субъектами экономической деятельности. В названных смысловых координатах человек воспринимается исключительно как экономический агент, подчиняющийся императивам «невидимой руки рынка» [270]. Характеристики второй (нерыночной) парадигмы определяются автором иначе. Это система общественного хозяйствования, которая ориентирована не на получение прибыли как таковой, но на удовлетворение потребностей личности и социума. При этом потребности предполагаются как имеющие разумные основания и грани развития. Вместо конкуренции здесь реализовывается принцип сотрудничества, частный интерес согласуется с общественным благом и общественной пользой [270].

Представляется, что выделенная автором хрематистическая направленность научного теоретизирования относительно проблем экономики адекватна логике экономоцентричной социокультурной парадигмы и находит легитимное отношение со стороны соответствующего ей типа общества. В то же время развитие идей, альтернативных, неаутентичных латентным запросам экономоцентричной парадигмы, способствует приближению к ситуации смены социокультурной парадигмы. В связи с этим, данным альтернативным течениям внутри собственно экономической мысли необходимо уделять самое пристальное внимание.

В развитие альтернативных подходов к пониманию современных хозяйственно-культурных процессов значительный вклад может внести русская философия и политэкономия. Имея широкую теоретическую направленность, русские философы и политэкономы, безусловно, не оставляли в стороне вопросы хозяйственно-экономического порядка в их соотнесенности с культурными процессами в целом. Здесь

достаточно вспомнить труды В. С. Соловьева «Экономический вопрос с нравственной точки зрения», Н. А. Бердяева «Философия неравенства», А. Чаянова «К вопросу о теории некапиталистических экономических систем», А. Янжула «Экономическое значение честности», С. Ф. Шарапова «Богатство и бедность» и другие.

В частности, В. С. Соловьев выступает против идеи о существовании объективных, универсальных, культурно необусловленных закономерностей экономического развития. Он пишет: «..подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, *от себя действующим* экономическим законам, есть лишь вымысел плохой метафизики, не имеющей и тени основания в действительности» [407, с. 478]. Русский философ полагает неправомерным «выносить за скобки» императивы совести, разума. По его мнению, хозяйственная область подчиняется высшему нравственному началу в не меньшей степени, чем какая-нибудь другая. Необходимо, чтобы хозяйственная жизнь общества реализовывалась прежде всего как «организованное осуществление добра» [407, с. 478].

Для русской философии (преимущественно религиозной) и политэкономии в целом характерно рассматривать хозяйственные отношения в расширительном смысле – как хозяйственно-культурную целостность, вне учета органического строения которой невозможно понять процессы, происходящие собственно в экономической сфере. В связи с этим позитивисткий методологический посыл здесь невозможен. Ярко выраженная нормативная ориентация представителей отечественной философии выражается в создании соответствующих концептуальных моделей, описывающих проблемы хозяйственного порядка. Например, это востребованность идеи «праведного хозяйства» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. В. Гоголь, П. Кулиш, Г. С. Сковорода, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, С. Л. Франк, Д. Чижевский и др.), где постулировалась необходимость отношения к собственности, построенного на христианско-нравственных принципах, как со стороны владельцев собственности, так и со стороны неимущих, представляется актуальным предложенный А. С. Панариным «новый формационный прорыв», основанный на нормативности православной культуры. По мнению автора, не капиталистический, буржуазный, а именно христианский дух культуры является фактором ее жизнеустойчивости: «..феноменология православного христианского духа таит в себе нечто, напоминающее «прибавочную стоимость» К. Маркса, которую рабочий, сам не зная того, несет буржуазному обществу. Если бы это общество жило по

собственному закону, закону эквивалентов, – оно давно бы уже рухнуло» [333, с. 411]. Именно поэтому, по мнению А. С. Панарина, современное, сотрясаемое кризисами общество, должно уделять самое пристальное внимание сохранению и актуализации принципов христианской (православной) нормативности.

Позиция А. С. Панарина, а также целой плеяды современных обществоведов, высказывающих сходные идеи (Ю. М. Осипов, В. А. Катасонов, Н. В. Сомин и т. д.), имеет под собой серьезную основу. В русской культуре в самых глубинных ее основаниях присутствует желание быть сопричастным не преходящему, но вечному, не мнимому, но подлинному [211; 212]. Ностальгия по основательному, космически устойчивому просматривается в теоретических интенциях философов-космистов. Непреходящие ценности и жизнь в соответствии с вечными гармониями – извечная тема русской философии. Тяготение к широкому – синтетически сочетающему в себе императивы экономической и неэкономической сфер функционирования социума – пониманию феномена хозяйства для русской философии является очевидным. Тем не менее, подобно тому как в европейской мысли сложились разночтения при ответе на вопрос: в чем состоит сущность философии экономики (философии хозяйства), в русской интеллектуальной традиции прослеживается та же дихотомия. В духе отчетливо оформившейся в XIX веке дискуссии об исторических судьбах развития России между «западниками» и «славянофилами», между «почвенниками» и «космополитами» в вопросах оснований и предпосылок понимания феномена хозяйства так же существуют полярные позиции. В современной нам действительности среди отечественных исследователей можно встретить «модернистов» – сторонников неолиберализма, неоинституционализма и «традиционалистов» – ориентирующихся на национально-самобытное, культурно инвариантное в развитии социальных, культурных, в том числе, экономических, процессов. Формально возможность определять реальную экономическую политику сегодня имеют сторонники первого подхода, тем не менее, в начальные десятилетия XXI века интеллектуальный (научный) приоритет все более уверенно переходит к представителям второго подхода.

Данные процессы сопровождаются неизбежным методологическим нивелированием принципов экономикса, преодолевается односторонняя трактовка российской экономики и действительности как «неудавшегося модерна», «неэффективного рынка» со слишком большими трансакционными издержками в силу

бюрократизации, коррупции, политической ренты, размытых прав собственности, господства «теневой экономики» и т. п. Бесперспективности взгляду экономикса на невозможность эффективного развития российской экономики и общества в целом, не способного соответствовать высоким стандартам рыночного мышления и рыночного общества, противопоставляется идея о глубинном созидательном потенциале русской культуры и построенной на ее основе экономики [342]. Нетипичность русского пути выступает здесь достоинством, а не недостатком, способным предложить ответ на вызов глобального экономического кризиса. В этом контексте философский анализ хозяйственно-экономической сферы выстроен на смыслах и ценностях, аутентичных культурно-цивилизационным основаниям восточнославянских народов. Он апеллирует к «духовно-антропологической» сущности хозяйства, раскрывает его миросозидательный потенциал.

Разделяя названную позицию, выскажем тезис в духе П. Сорокина (постулирующего следующую неизбежную закономерность социального развития: неизменную смену материально окрашенных смысловых доминант социума на идеационные, духовно направленные): представляется, что реальная альтернатива экономоцентризму лежит в области культуроцентризма (как частный вариант – аксиоцентризма). Переосмысление роли ценностных ориентиров в деле формирования эффективных стратегий общественного развития в целом и принципов ведения хозяйствования в частности является важнейшим императивом современности.

Социокультурная парадигма экономоцентризма представляется как проявление тотальной материальной сориентированности социума, на смену которому должен прийти некоторый идеоцентризм (идеократизм). Опасность здесь заключается в том, что общественная система, не изжившая в себе экономоцентричный принцип мироотношения, может, оттолкнувшись от данного фундамента, отрицать его по диалектическому типу, а это значит, упраздняя внешние формы, сохранять в себе его определенные черты, которые могут вновь способствовать созданию нежизнеспособного в своей фундаментальной основе типа социального устройства. В связи с этим задачей современного научного знания является необходимость дать свой «ответ» на «вызов» экономоцентризма, построенный скорее по принципу «негативной диалектики» Т. Адорно, постулирующей необходимость акцента на собственно отрицающей, антитезисной, стороне развития в деле утверждения новых типов мышления и

принципов социокультурного функционирования.

Как уже указывалось, основными принципами мироотношения экономоцентричной парадигмы выступают антихолизм, мультипликация отчуждения, мультифетишизация, дегуманизация, деэтизация, абсолютизация роли экономики и производных от нее феноменов и т. п. Антитезисными данным установкам могут явиться, к примеру, такие стратегии, как актуализация дискуссий, тематизация в обществе проблем органики процессов (в сфере образования, науки, производства, искусства и т. п.), способствующих высвобождению того личностного творческого потенциала, который гармонизирует отношения человека с обществом и самим собой; реонтологизирующее восприятие действительности и т. п.

По поводу стратегии реонтологизации хотелось бы отметить следующее: возвращение ощущения восприятия подлинности бытия, природы, личности может реализоваться через признание их неотчуждаемой сущности, упразднение товарного подхода по отношению к ним. Не случайно проблема подлинности, онтологизации всегда волновала отечественную философию, развитие которой выступало альтернативой мейнстриму западноевропейского теоретизирования, предполагавшего погружение общества в мир искусственно производимой (воспроизводимой) (К. Маркс) и симулируемой (Ф. де Соссюр, Ж. Бодрийяр и т. п.) реальности.

Онтологизация ума выступает идеалом философствования Н. Ф. Федорова, рассматривавшего мир как единое космическое хозяйство, в котором человеку отведена ведущая роль. Онтологизация личности является необходимым условием хозяйствования согласно воззрениям Н. А. Бердяева. К онтологизации социальности, требующей актуализации дарообменных отношений, призывает и А. С. Панарин. Русский ученый уверен, что человечество подошло к той черте, за гранью которой ему необходимо совершить выбор: либо окончательно погрузившись в азартные виртуальные игры, полностью отлучить себя от космоса, встать на путь самоликвидации, либо реактуализировать великую традицию, в рецепции которой обрести подлинность реального мира, а вместе с ней и подлинную ответственность перед ним [334, с. 48].

В случае принятия стратегии на реонтологизацию неизбежна реабилитация русской культуры и философии, в идейном багаже которых серьезное, ответственное, а не игровое отношение к миру представлено во всей своей полноте. К примеру, путь

реонтологизации является магистральной линией развития философии хозяйства. Основные постулаты названного направления философской мысли утверждались в обществе, весьма основательно продвинувшемся в своих экономоцентричных ориентациях, и потому (в противовес деонтологическим стратегиям последнего) она стремилась осмыслить роль неотчужденных, аутентичных в своей самотождественности принципов функционирования общества и экономики.

Несмотря на то что идея рассмотрения мира сквозь призму хозяйства получила более или менее оформленное звучание в рубежные десятилетия XIX–XX веков благодаря трудам М. Вебера, Г Зиммеля, В. Зомбарта, Г. Шмоллера и др., которые попытались связать логику экономического развития с неэкономическими (психологическими, социальными, ценностными, институциональными и т. п.) факторами общественного развития, особенно четко выраженные постулированные генеральные смыслы названного течения философской мысли можно найти в трудах отечественных философов, и прежде всего в работах С. Н. Булгакова.

С. Н. Булгаков выделил в качестве самостоятельного объекта научного рассмотрения религиозно-метафизические предпосылки хозяйственной жизни, придав названному видению проблем хозяйственно-экономического порядка глубокий методологический смысл. Возникновение данного теоретизирования, альтернативного экономоцентричному, при рассмотрении процессов экономической жизнедеятельности имело огромное общемировое значение – в теоретических презумпциях русского философа был реактуализирован холистический подход к проблемам социоэкономический динамики. С. Н. Булгаков выступил за восстановление принципа хозяйственно-культурной целостности, в противовес утвердившемуся постулату об автономизации экономики, в своем крайнем варианте приведшем к тотальной виртуализации экономической реальности и утверждению безбытийственного мира последней (экономика без труда и субъекта как мир симулякров, произвольных сущностей, обесценивающих всякое творческое начало).

Возможность рождения концепции, альтернативной общепринятым мировым схемам теоретизирования в области экономической парадигматики, указывала на высокий уровень философской рефлексии русских мыслителей. По этому поводу современный исследователь М. Р. Элоян отмечает, что философия хозяйства является не частным, локальным элементом теоретизирования в рамках русской философии, но

выступает «… идеей мирового уровня» [520, с. 13]. По мнению мыслителя, появление такого течения как философия хозяйства возвысило статус русской философии до мирового уровня. С этого момента русская философия воспринимается как мировая философия, а не история оригинальных, но не единых идей.

Отметим, что идеи, в той или иной степени относящиеся к проблемам философии хозяйства, в отечественной интеллектуальной традиции можно найти у целого ряда мыслителей: А. С. Хомякова, Н. К. Михайловского, П. А. Флоренского, С. Н. Трубецкого, П. Б. Струве, П. И. Новгородцева, евразийцев (П. Н. Савицкого, В. Г. Флоровского, Л.П. Карсавина и т. п.) и других. К примеру, А. С. Хомяков предлагал созидать хозяйство на основе принципа «органичности». Его идейный последователь П. А. Флоренский принцип органичности распространял на все обозримое пространство, в рамках которого может осуществляться хозяйственная деятельность человека. Он развивал идею космического хозяйства, основывающуюся на принципе всеединства, вынося хозяйственную деятельность далеко за рамки земного бытия, предлагая трудовое, реалистическое отношение рассматривать как базовое в отношениях человека с миром. О метафизичности бытия рассуждал и русский экономист, социолог П. Б. Струве. Соотношение абсолютного и относительного в общественном идеале, выступающем основой всякой, в том числе и хозяйственной, деятельности, писал П. И. Новгородцев. Он пытался раскрыть перспективы человеческой эволюции, реализацию человеком созидательной деятельности с учетом нравственного начала. В целом, как уже отмечалось, русской философии присущ онтологизм мировосприятия, что в значительной степени отличает ее от западноевропейской философии, для которой подлинностью обладает лишь собственное сознание (самосознание) человека (ярким примером чего является декартовский тезис о мышлении как основе существования). Для русской философии индивидуальное бытие осуществляется в единстве со всеобщим бытием, оно укореняется в нем посредством практической деятельности человека. В этом смысле русская философия хозяйства может рассматриваться как антитезисная картезианскому подходу к миру, движущемуся от мышления к бытию и стремящемуся сконструировать бытие по интеллигибельным лекалам, задающим образ и смысл реальной действительности.

Советский период, прошедший под эгидой марксистского учения, комплементарного экономоцентричной парадигме понимания мира, социума, культуры и

экономической деятельности, не способствовал продуктивному развитию идей, заложенных в философском наследии представителей философии хозяйства. Тем не менее, по оценкам современных специалистов, полному забвению данный подход предан не был. Не оформленная в виде самостоятельного направления философского знания, тем не менее, на уровне отдельных идей, встроенных в экономический и неэкономический контекст обществоведческих наук, русская философия хозяйства сохраняла свои идейные позиции [39].

Результатом данного неявного присутствия идей философии хозяйства в интеллектуальном контексте советской науки стало возрождение в постсоветский период отечественной философии хозяйства как особой отрасли знания. В 90-хх годах XX века стали активно публиковаться работы А. А. Богданова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, В. Н. Вернадского, Н. Д. Кондратьева, В. С. Соловьева, П. А. Сорокина и других. Особо стоит отметить появление под эгидой Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова центра общественных наук, учредившего 1999 года постоянное научное периодическое издание – Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Данный журнал выступил площадкой для публичного обсуждения идей философско-хозяйственной направленности. Представляется, что тематическое содержание и широта обсуждаемых в нем проблем, с одной стороны, указывает на тот глубокий идейный потенциал, который имеется в современной отечественной науке по вопросам хозяйственно-культурного развития социума, с другой – отражает состояние современного общественного сознания и позволяет предположить, что в нем вызревают предпосылки для преодоления существующей экономоцентричной парадигмы развития.

Сегодня философия хозяйства – это не узкая отрасль специфического знания, но разнообразные подходы к проблеме социохозяйственного развития, представленные в самых различных теоретических вариантах. Здесь могут быть названы идеи о решающей роли технологий в развитии общества Э. Тоффлера и Д. Белла; теории «культурного детерминизма», определяющего развитие экономики, П. Козловского, Г. Зиммеля, А. Тойнби и О. Шпенглера; положения структурно-функционального подхода Т. Парсонса, гуманистические идеи Э. Фромма и Ю. Хабермаса, ориентирующие на поиск гармоничных отношений между социумом, культурой, природой и человеком.

На наш взгляд, наибольшим эвристическим антитезисным потенциалом

относительно императивов и нормативности социокультурной парадигмы экономоцентризма обладает русское крыло философии хозяйства, идеи которого актуализируются в исследованиях многих современных авторов. В частности, здесь могут быть названы труды П. А. Рачкова, А. И. Самсина, А. И. Субетто, А. А. Погребняка, В. В. Чекмарева, для которых философия хозяйства является фундаментом методологических построений, лежащих в основе современной экономической теории. В работах Ю. М. Осипова и его последователей прослеживается стремление к рецепции традиций философии хозяйства, представленной религиозной ее ветвью. В рамках названного подхода акцент делается на ценностных аспектах хозяйствования, его смысловых доминантах, антропологических истоках и проекциях. Ряд авторов – Л. С. Гребнев, Д. Ю. Миропольский, Г. В. Фадейчева и другие – реализовывают междисциплинарный подход, рассматривая философию хозяйства в синтетическом пространстве, соединяющем в себе знания из области экономики, философии, истории, психологии, этнологии, политологии.

Несмотря на существование некоторой специфики, различий в понимании проблем философии хозяйства и ее предметного статуса, обнаруживаемого у названных представителей современного научного сообщества, в целом для них характерна общность интеллектуальных стратегий в понимании сущности феномена хозяйства, допустимости или неприемлемости применения определенных методологических и методических подходов для его изучения, возможности приложения идей хозяйства на современную действительность. В частности, для названных авторов в целом характерна критика математизации экономики, свойственная представителям классической и неоклассических школ современной экономики, с одной стороны, и стремление рассматривать хозяйственно-экономические проблемы в контексте конкретных исторических и политических реалий, с другой.

Критика до предела математизированного – эконометрического – подхода к решению проблем, существующих в хозяйственно-экономической сфере, характерна еще для работ С. Н. Булгакова, идейное наследие которого используется представителями современной философии хозяйства в полной мере. В работе «Труды по социологии и теологии», рассматривая проблему математизации экономики, С. Н. Булгаков указывал, что в современной ему экономической науке происходит подмена смыслов: вместо нахождения необходимых для выявления экономических

законов абстракций, основывающихся на выведении логических образов, постижении сущности рассматриваемых феноменов, происходит обращение к цифре, опирающейся на эмпирический факты, что в целом, по его мнению, является ложным подходом, не могущим разрешать существующие в экономике проблемы. Русский мыслитель отмечал, что обращение к математическим исчислениям, конечно, дает простор для построения всевозможных графиков и таблиц, внушающих уважение воспринимающим их людям. Однако подобное приравнивание конкретной человеческой деятельности, ее практических дел к математическим величинам является, по мнению С.Н. Булгакова, недопустимым, поскольку рождает новую схоластику, весьма отдаленную от реальных экономических процессов и действительности в целом [84].

Следует заметить, что стремление чрезвычайно расширить область применения математического инструментария в деле решения хозяйственно-экономических задач основывается на методологическом посыле, постулирующим существование всеобщих универсальных законов социального развития, которые действуют всегда и везде, вне зависимости от конкретно-исторических и культурных условий существования общества. Названная идея наиболее ярко оформлена в работах К. Маркса и его последователей, к числу которых в ранний период своего творчества принадлежал и С. Н. Булгаков. Признание существования подобных универсальных закономерностей позволило сформулировать идею о едином экономическом пути развития для всех народов. При этом природно-географическое положение того или иного народа, равно как и национальная, культурно-историческая специфика их развития не учитывались в предложенных абстрактных схемах. В явной или неявной форме данная идея содержится в работах современных экономистов, представляющих собой так называемое «мейнстрим»-направление в экономике. При этом абсолютизация идеи универсальности экономических отношений, придание им статуса всеобщих законов развития на фоне все более усиливающегося математического аппарата приводит к забвению исторического подхода при решении экономических проблем.

Против данного исторического «усечения» активно выступал С. Н. Булгаков. Он утверждал, что политическая экономия, ставя перед собой цель понять потребности современного социума и найти способы их удовлетворения, тем не менее, не должна отказываться от тех знаний, которые накоплены в глубинах истории, и в особенности экономической истории, поскольку только сравнительный исторический анализ является

незаменимым средством постижения современности. Он способен прояснить тенденции и основания современной хозяйственной деятельности, подсказать ответ на самые трудноразрешимые вопросы [84]. Интересно также отметить, что осознание необходимости исторического «прочтения» экономических явлений находится в тесной взаимосвязи с культурно-цивилизационным подходом к действительности. Методологический инструментарий экономической истории во многом опирается на неокантианское антинатуралистическое обоснование экономической науки, понимаемой как «науки о культуре», а не «науке о природе» [92; 128; 317]. Рассматривая возможности неокантианской методологии и оценивая ее влияние на историческое самосознание, С. Н. Булгаков писал о том, что разделяет позицию Г. Риккерта, утверждающего неспособность социологии к научному предвидению. Вслед за неокантианцами русский философ отказывает социологии в возможности сколько-нибудь достоверно устанавливать «исторические законы» [84, с. 4].

Значение таких направлений мысли как историческая школа экономики и неокантианство в деле определения статуса экономической науки трудно переоценить. Они предложили теоретическое поле осмысления экономики, в рамках которого появился выбор: рассматривать экономику в духе А. Смита как некоторое абстрактное хозяйство вообще, в котором всегда и везде действуют универсальные закономерности, независимые от культурно-исторической среды, либо видеть в ней феномен, тесно связанный с неэкономическими факторами развития, такими как социально-политические, национальные, региональные, религиозные и т. п. Эта «неэкономическая специфика» экономических наук была зафиксирована еще Антуаном де Монкретьеном в его работе «Трактат политической экономии» (1614), который и дал своим названием основание новой науке.

Большое значение для развития идей философии хозяйства оказал также предложенный Г. Шмоллером «историко-индуктивный метод», противопоставленный им классическому «рационально-дедуктивному методу». Именно с этого момента многие исследователи датируют рождение новой эры в экономической науке [188]. Они отмечают, что труды представителей исторической школы в экономике оказали колоссальное влияние на развитие социально-экономической мысли. Развернувшаяся благодаря их работам полемика с представителями классической политэкономии позволила сформировать совершенно новый взгляд на вопросы хозяйственной жизни

социума. Историческая школа аргументированно доказала положение о том, что исторический контекст, национальная специфика, культурные нормы и предпочтения, ценностные ориентации субъектов хозяйственной деятельности оказывают существенное влияние на развитие экономики. Данным положением они поставили под сомнение идеи представителей классической политэкономии о космополитичном, универсальном характере хозяйственной деятельности, наличия у нее единых, применяемых в любых национальных контекстах схем деятельности [39].

Таким образом, альтернативные подходы и взгляды на проблему статуса экономической науки создали необходимое теоретическое многообразие, в рамках которого экономическая наука обрела свою жизнеспособность. Актуализация того или иного альтернативного видения экономических проблем расширяет поле вероятности для выбора верных стратегий развития экономической науки. В русле философии хозяйства данная альтернативность проявляется, к примеру, в понимании самого термина «хозяйства», несовпадающего по своему содержанию с понятием «экономика». Интересным представляется высказывание Ю. М. Осипова о сути хозяйства в сравнении с экономической системой общества: «Хозяйство — не экономика. Хозяйство может осуществляться и без экономики. Это, конечно, естественное, природное, натуральное хозяйство. Это хозяйство, в котором культура не выходит за рамки человеческого естества, не обособляется от жизни, не ставится над природой и человеком и не конкурирует с человеком, жизнью, Богом» [327, с. 112].

Действительно, хозяйство онтологично, экономика, как мы отмечали, претендует на деонтологизацию бытия, социума и собственно самого человека, посредством обращения их в сырье, товар, подвергая данные феномены товарообмену и товарным оценкам. Экономика, по мнению Ю. М. Осипова и его последователей, – лишь некоторая часть хозяйственных отношений, особая их грань, в которой реализовывается товарно-денежные, рыночно-обменные взаимодействия, основанные на расчете, математически выверенных схемах. В то время как хозяйство как особая система имеет гораздо более широкие цели, более глубокие задачи, связанные с воспроизводством условий жизни людей в рамках определенных социальных образований. Соглашаясь с данной позицией, отметим, что если выстраивать соотношение понятий «хозяйство» и «экономика» в их логической соотнесенности, то можно принять понятие экономики как более узкое, а саму экономику рассматривать как видовое по отношению к хозяйству образование,

выступающее некоторой его разновидностью, подсистемой.

Несовпадение экономики и хозяйства имеет ярко выраженный антропологический аспект. Российский философ Г. Ф. Барковский утверждает, что отличие таких разных систем как экономика и хозяйство основывается, прежде всего, на различении того положения, которое в каждой из названных систем занимает человек. В хозяйстве как натуральном, органическом и непосредственном образовании человек «следует природно-жизненному расчету» [38, с. 39–40]. В экономике, искусственной системе, базирующейся на вещном, искусственном, разделенном в своих основаниях подходе к миру, человек вступает в товарно-денежные отношения, опирается на идею прибыли, расчета, экономической выгоды» [38]. Другими словами, вопрос о человеке как о хозяине, созидающем и воспроизводящем материальную, а также духовную действительность, является одним из актуальных для философии хозяйства. Здесь человек-хозяин противопоставляется человеку-игроку-спекулянту, использующему экономику в целях собственного обогащения. Исходя из этого, вполне можно утверждать, что центральной идеей философии хозяйства является не проблема нахождения эффективных путей максимизации прибыли, а вопрос об условиях формирования и развития человека.

Наиболее отчетливо данная мысль прослеживается в размышлениях С. Н. Булгакова о принципах взаимоотношений человека и природы. Человек, по мнению русского мыслителя, не должен относится к природе потребительски, как к пассивному объекту, к которому он может приложить свои силы и получить выгодные для себя результаты, удовлетворить свои нужды, насытить потребности. Человек обязан стать на позиции хозяина, ответственно и творчески относясь к природе, выступая со-творцом Бога. Именно при такой позиции человека может быть реализована концепция софийности хозяйства, под которой автор понимает такое представление о творческой деятельности личности, в свете которого есть возможность наиболее ярко проявить причастность человека Божественной Софии. Эта причастность позволяет проявиться в природном и культурном мире божественным силам Логоса [85]. Таким образом, по мнению С.Н. Булгакова, хозяйство метафизично. Оно проявляет двойственную сущность человека как причастного двум мирам — земному и Божественному. Человек хозяйствующий выступает потенциальным центром антропокосмоса, благодаря чему он, с одной стороны, реализовывается в данном качестве по отношению ко всему, что его

окружает, с другой стороны, выступает продуктом эмпирически обнаруживаемого окружающего мира [85].

Своеобразие философии хозяйства к пониманию места и роли человека в системе хозяйственных отношений проявляется в том, что она противопоставляет модели человека-атома, увлеченного получением сверхприбылей, на которую опирается экономикс, модель коллективного субъекта хозяйствования, в котором отдельный человек понимается как воплощение человечества, выполняющего волю Творца в обустройстве мира. В частности, С. Н. Булгаков писал о том, что человек не отделим от человечества, что он есть настолько же индивидуальное существо, насколько и родовое. Род и индивид в человеке нераздельны, сопряжены и соотносительны. При этом данная связность, по мнению мыслителя, проявляется во всех областях: в политике, этике, экономике, социальной психологии, обычаях и т. д. [85]. Л. Карсавин подчеркивал, что субъектом социальной жизни является народ, который в образном выражении даже представлялся ему телом. Рассуждая о человеческом организме как о биологическом, природном образовании, русский мыслитель проводил аналогию с общностью людей (народом) в целом, усматривая в ней своеобразный «сверхиндивидуальный» организм, состоящий из взаимодействующих друг с другом и с окружающей природой биологических тел. Таким образом, по мнению Л. Карсавина, соотечественники связаны между собой не только культурно, но и организмически, телесно [202]. Характерно, что категория «народ» в целом является опорной для моделей национальных экономик и хозяйств, на что указывают работы представителей исторической школы экономики, а также последователей философии хозяйства [92; 128; 317 и др.]. Также следует подчеркнуть, что философия хозяйства внесла идею диалогичности как основу построения отношений между хозяйствующими субъектами. Рожденная в эпоху модерна, интеллектуальные интуиции которого возвеличивали идею субъект-объектных отношений с миром, философия хозяйства выступила своеобразным антитезисом общему умонастроению эпохи, предложив в качестве основы миропонимания и стратегии хозяйственной деятельности диалог (с природой, культурой, миром в целом, с Богом и другим человеком).

На новом витке своего развития и в ракурсе современных средств познания как интеллектуальная новация философия хозяйства актуализирует традиционные для данного направления проблемы, связанные с осмыслением феноменов справедливости,

нравственности, добра, свободы и необходимости, дара, богатства, капитала, собственности, народного единства и других, предлагает их новое прочтение. В частности, относительно вопроса о роли народа в деле реализации хозяйственных стратегий современный исследователь А. Л. Андреев, стоящий на позициях философии хозяйства, пишет, что нельзя недооценивать значение народа в деле создания некоторой хозяйственно-экономической системы. Очевидно, что народ не может изменить существующую институциональную систему, сложившуюся в государстве, но он может внутренне не принимать ее, чем в значительной степени затруднит развитие данной системы, не позволит ей активно проникать во все сферы жизни человека. Поэтому, по мнению мыслителя, необходимым условием успешного развития экономики является внутренняя согласованность позиций народа и государства, выстраивающего экономическую систему, поскольку системе, сталкивающейся с активным сопротивлением, очень трудно успешно функционировать. Понимание данного обстоятельства должно стать основой взвешенной экономической политики. Автор подчеркивает, что вне обращения к глубинным потребностям народа никакая абстрактная модель экономики не может функционировать эффективно [15].

С этой точки зрения эффективными стратегиями построения экономических взаимодействий представляются развитие местной экономики, а не воспроизводство предпосылок для господства монополистического транснационального капитала. Создание многоуровневых локальных (региональных) агро-культурных и культурно-промышленных систем, назначение которых — создание условий для жизни и развития местного населения, осуществления им самосозидательной культурной и материальной деятельности. В этих стратегиях реактуализируется принцип необходимых и достаточных потребностей. Идея безграничного роста и перманентного накопления отступает как не соответствующая запросам развития локального социума. В данных стратегиях большое значение имеет учет природно-климатических, демографических, культурных факторов.

На основе изложенного выше могут быть сделаны следующие выводы:

1. Развертывание императивов экономоцентричной парадигмы, приближающихся на современном этапе развития социума к своим предельным выражениям, нуждается не просто в осознании их негативных проявлений, но и в преодолении последних. Одной из важнейших задач, встающих перед современным научным сообществом, выступает

задача поиска идей, не просто альтернативных, но антитезисных названным императивам.

2. Антитезисным концептом для экономоцентричной парадигмы развития социума может выступить культуроцентричная / аксиоцентричная парадигма, актуализирующая роль ценностно-этической сферы в функционировании социума. Реализация аксиоцентричной стратегии в экономическом измерении означает смену представлений о сущности и роли экономических отношений в жизни социума. Наиболее адекватной данной стратегии социального функционирования может выступить философия хозяйства, рассматривающая экономику не как самозамкнутую, имманентно детерминируемую сферу, но как хозяйственно-культурную целостность, в которой экономические транзакции тесно переплетены с культурными феноменами.

3. Эвристический потенциал философии хозяйства, антитезисность ее постулатов экономоцентричной парадигме развития социума проявляется, во-первых, в том, что она строится на примате культурного и духовно-нравственного начала над экономическими транзакциями социального взаимодействия; во-вторых, в ее реонтологизирующей тенденции, позволяющей встать на путь отрицания эскалации виртуалистичности и утверждение принципа мира, социума, природы и собственно человека. Обретение подлинности означает реализацию отношений, в которых человек, социум и весь универсум не могут подвергаться экономической редукции: рассматриваться в категориях «ресурсов», «капитала», «товара» и т. п., но выступают как аутентичные неотчуждаемые феномены, бытийствующие в своей уникальности и незаменимости.

4. Императивы философии хозяйства отсылают к необходимости воспроизводства естественно-гармоничных отношений между природой и социумом, опирающихся на взаимодействие культуры, экономики, природы и личности. Аутентичной названным стратегиям является ориентация на создание многоуровневых локальных агро-культурных и культурно-промышленных систем, центральным актором в жизнедеятельности которых выступает не «экономический человек», но «человек хозяйствующий».

3.3 Механизмы сдерживания экспансии экономоцентризма

Рассматривая вопрос о рисковых стратегиях развития современного экономоцентричного социума, необходимо отметить, что в значительной степени эскалация рисков, проявляющаяся в названном типе социума, обусловлена не только объективными условиями его существования, но и имеет ярко выраженную субъективную составляющую, заключающуюся в специфичности транслируемых данным обществом эталонов и норм. Это проявляется, например, в том, что современное научное сообщество, с одной стороны, актуализирует проблему оценки общественного развития, пытаясь выявить «валидные» маркеры диверсификационных оснований, обеспечивающих градацию в жизненных проявлениях на уровне отдельных стран и целых регионов планеты [352], с другой, в качестве названных маркеров избирает исключительно/преимущественно индексы экономического развития: рост ВВП, ВНП, нормы потребительского поведения, а также уровень технико-экономического развития производительных сил, тип складывающихся комплементарных им производственных отношений, глобальную конкурентоспособность, тем самым осуществляя «экономическую редукцию» избираемых оценочных характеристик.

Тенденция универсализации применяемых методов оценки уровня жизни социума все более активно распространяется в обществе, не взирая на то обстоятельство, что в глобальном пространстве наблюдается серьезное неравенство в уровнях жизни между различными странами. Если в одних странах можно наблюдать преимущественное развитие индустриального производства, в большей степени соответствующего четвертому технологическому укладу, закрепление соответствующих этому укладу типов социально-экономических отношений, то повседневностью других становится высокая индустрия, цифровизация экономики, сопряженная с тотальной автоматизацией и компьютеризацией процесса производства самых разнообразных товаров и услуг. Тем не менее, несмотря на разницу в жизненных укладах, современное общество предпочитает универсализировать критерии оценки собственного развития, избирая в качестве приоритетных экономические показатели. Господство в обществе экономоцентричной парадигмы способствует распространению представлений о том, что рост прибылей, фиксируемых в стат-отчетах, сам по себе является условием благополучия. Однако количество накоплений никак не решает проблему общественного развития в целом. Данный факт все более отчетливо осознается современным

обществом. В социально-философской мысли обосновывается тезис о том, что «чистый экономический эффект» – слишком узкий критерий оценки развития общества. Он не отражает существующее качество жизни людей, не указывает, каковы возможности их развития. Активно тиражируется мысль о необходимости дополнить такие показатели как рост ВВП, ВНП и иные сходные с ними экономические критерии, указывающие на экономические возможности субъектов хозяйственного развития, такими показателями, которые бы позволяли выявить степень развития всех сфер общественной жизни (культурной, политической, социальной и т. д.). Такими показателями, по мнению аналитиков, могут выступить уровень развития системы образования, здравоохранения, науки, сферы коллективных благ, обеспечение доступа к ценностям мировой и национальной культуры, психологическое благополучие, как отдельной личности, так и общества в целом и другие. Особенно значимой представляется мысль о том, что для оценки уровня развития общества необходимо использовать не только экономический, но и социокультурный подход. Показатели социокультурного развития являются неотъемлемой составляющей благополучия социума, способные, наряду с материальным производством, обеспечить более высокий уровень развития социальной системы. Внеэкономические факторы сегодня являются не менее значимыми показателями социального развития, чем собственно экономические. Эта мысль прослеживается в трудах многих современных авторов (А. А. Агаповой, Н. Н. Зарубиной, Е.В. Карчагина, Ч.С. Кирвеля, М. Л. Лучко, А. А. Неклесса, И.А. Петровой, В. В. Радаева, О.А. Романова, Т. М. Стасовой, А. И. Субетто, С.С. Сулакшина, И.К. Черёмушниковой и других). Идеи данных авторов во многом пересекаются с интеллектуальными интуициями, характерными для русской философии, ориентирующейся на целостность мировосприятия, выявление неразрывной связи между всеми сферами общественной и индивидуальной жизни, взаимовлияющими друг на друга. Русская философия, преимущественно в лице этико-религиозного своего крыла (В. С. Соловьев, И. А. Ильин и др.) проблему материального благополучия общества не рассматривала вне учета понятий справедливости, нравственного смысла жизни, духовного совершенствования личности. Продолжая названную традицию, современные исследователи, несмотря на господство в обществе социокультурной парадигмы экономоцентризма, не оставляют названные проблемы за пределами своего научного интереса. В частности, С.С. Сулакшиным в 2013 году опубликован

интегральный труд «Теория и феноменология успешности социальной системы», в котором он детально рассматривает существующие системы оценки успешности (жизненной перспективности) социальных систем, разработанные в мировом сообществе в течение последних десятилетий. Данный обзор со всей очевидностью фиксирует то обстоятельство, что уровень развития современного социума, культуры и экономики позволяет утверждать, что при оценках благополучия существования индивида и социума уже не достаточно указывать исключительно на уровень материального жизнеобеспечения личности и общества, сопряженного с физическим их выживанием (несмотря на то, что для отдельных стран эта проблема не утратила своей актуальности). Непосредственную роль в определении уровня данного благополучия играют факторы социокультурного порядка: возможность построения и реализации личностью собственной жизненной стратегии, возможность осуществления социокультурного выбора субъектами социального взаимодействия, степень согласованности организационных процедур, регламентирующих нормы жизнедеятельности личности и общества, эффективность медицинских систем в поддержании здоровья населения страны, уровень развития образования и науки и другие. Однако, как отмечают специалисты, несмотря на объективно существующий социальный запрос на расширение понимания понятия «благополучие социума» неизменно лидирующим ведущим ориентиром для разработки различных индексов успешности социальной системы (государства) по-прежнему выступают экономические показатели, отражающие возможность свободного развития бизнеса в стране, количество произведенных благ (например, рост ВВП). В то же время оценка качества жизни и эффективности экономических процессов с позиций социальной справедливости и гуманизма отсутствует [428]. И хотя в последние десятилетия неэкономическим составляющим жизненного благополучия человека и социума уделяется все больше внимания, тем не менее, индексы развития, описывающие культурную и социальную жизнь личности, все еще не рассматриваются в обществе как приоритетные, требующие первостепенного внимания и оценок.

К примеру, данный вопрос является одним из центральных в исследованиях греческого экономиста К. Золатаса, автора работы «Economic Growth and Declining Social Welfare» («Экономический рост и снижение социального благосостояния»), опубликованной им в 1981 году. В данной работе К. Золатас обосновал положение о том,

что измерение благополучия развития социума исключительно по критерию, указывающему на возможность экономического роста, не является корректным с точки зрения жизненных перспектив личности. Греческий экономист рассуждает о том, что не собственно экономический рост как абсолютная величина значим для социума, но важно то влияние, которое он оказывает на общество (как меняется качество и уровень жизни людей в обществе с растущими показателями экономического роста, насколько выражено ощущение психологического благополучия у людей, проживающих в данном социуме, насколько они чувствуют себя счастливыми, видят возможность реализации собственных жизненных планов, положительно оценивают собственную жизненную перспективу).

Ксенофон Золатас выдвигает положение о том, что современный экономический рост не отвечает вышеперечисленным требованиям. Его отличают количественное увеличение ненужных, а в некоторых случаях и создающих чувство дискомфорта вещей (например, таких, как реклама). В связи с этим, по мнению греческого экономиста, существующая в современном мире экономическая система не способна создать условия для благополучного развития человека, в котором он ощущал бы себя счастливым [577]. Идеи, высказанные в последней четверти ушедшего столетия К. Золотасом близки и многим другим исследователям. В частности, здесь можно назвать такого автора как Ричард Истерлин, опубликовавшего работу под названием «Экономист сопротивляющийся: перспективы экономической теории, экономической истории и демографии», в которой он обосновывает положение о том, что экономический рост, рассматриваемый вне связи с понятием благополучия личности, её жизненных устремлений и возможностей их реализации, не может служить достаточным основанием для признания общества благополучным [543]. Также это труды Германа Дейли («Экономика в целом мире») [541], Джона Гэлбрейта («Экономика невинного обмана») [144], Тима Джексона («Процветание без роста») [159] и другие. Американский исследователь и общественный деятель, широко известный своими трудами в области экономики, Джон Кеннет Гэлбрейт указывает на невозможность применения экономических критериев (в частности, показателя роста ВВП) в качестве единственных и универсальных индикаторов, оценивающих общественное развитие. Гэлбрейт справедливо пишет о том, что рост ВВП – показатель, в первую очередь, необходимый производителям товаров и услуг, поскольку именно они оказываются

прямыми выгодополучателями в случае обеспечения суммарного роста производимых ими предметов. При этом на повышение уровня образования, литературы, науки и искусства экономический рост не оказывает прямого влияния. Гэлбрейт задается вопросом о том, почему в обществе утвердились экономические императивы, не являющиеся прямыми причинами жизненного благополучия [144, с. 31]. Отвечая на этот вопрос, исследователь делает заключение о том, что истоки названной ситуации восходят к корпоративным интересам крупного бизнеса. Дж. Гэлбрейт отмечает: «Корпоративная власть провозглашает, что успех общества – это еще больше автомобилей, телевизоров, разнообразной одежды и прочих потребительских товаров» [144, с. 31]. Американский экономист убедительно пишет, что оценка общества с помощью такого критерия как рост ВВП не является объективной, она не отражает реальный уровень благополучия социума и культуры. Высказанную мысль он обосновывает следующими рассуждениями: «Величайшие достижения прошлого человечества – это, прежде всего, достижения в художественной, литературной, религиозной и научной сферах, их добились общества, в которых они служили главной мерой успеха. Искусство Флоренции, изумительные образцы гражданской архитектуры Венеции, Уильям Шекспир, Рихард Вагнер, Чарльз Дарвин – все они родились в обществах с очень низким ВВП. Им крупно повезло: они были свободными от влияния принципов искусства продаж и управления потребительским спросом. В наше время только в закрытых культурных, художественных и научных сферах жизни можно найти неоспоримое доказательство наличия достижений на благо человечества, а не ради денег» [144, с. 32]. Дж. Гэлбрейт, подытоживая собственные наблюдения, делает вывод о небезопасности для социума ориентации исключительно на такой показатель как рост ВВП в качестве главного критерия общественного развития: «Измерение прогресса общества показателями объема производства навязанной продукции, ростом ВВП – вовсе не безобидное заблуждение» [144, с. 32].

Позиция Дж. К. Гэлбрейта представляется вполне обоснованной. Подтверждением данному тезису служит факт отсутствия прямой корреляции между показателями роста ВВП и изменениями ИУЭБ (индекса устойчивого экономического благополучия), разработанного совместными усилиями экономиста Г. Дейли и теолога Дж. Кобба, заложивших в качестве основных составляющих ИУЭБ такие показатели как уровень индивидуального потребления, рассмотренного в соотнесении с общественным

благосостоянием и качеством окружающей природной среды. Исследования, посвященные изучению характеру динамики ВВП и ИУЭБ, показали отсутствие прямых устойчивых корреляций между двумя данными показателями: «Рассчитанный для Великобритании с 1950 по 1990 год индекс показывает, что «устойчивое экономическое благосостояние» на душу населения поднялось предельно только на 3%, несмотря на 230 %-ное увеличение валового национального продукта на душу населения. После двадцатилетнего периода роста в 1950–1970 годах наблюдается падение устойчивого экономического благосостояния в стране, начиная с середины 1970-х годов, и в настоящий момент данный показатель находится почти на своем начальном уровне 1950 года» [150, с. 230]. Данные результаты свидетельствуют о том, что благосостояние социума и личности — емкая категория, описывающая сложный феномен, для обеспечения развития которого необходимо применять комплексный подход, а не исключительно количественные показатели экономического роста объёма произведенной продукции. Несмотря на обнародование данного факта, большинство современных обществ по-прежнему при оценке общественного благополучия оперируют таким показателем как рост ВВП. Лишь незначительное количество государств, наиболее известным из которых является Бутан, предпочитают вместо показателя объем валового внутреннего продукта (ВВП) использовать другой индекс оценки эффективности общественного развития – валовой индекс национального счастья (ВНС). «Индекс валового национального счастья был разработан в попытке определить индикатор, который измеряет качество жизни и социальный прогресс в более целостном и психологическом плане, а также в их духовном измерении. Однако для того, чтобы внеэкономические критерии в оценке развития общества могли быть популяризированы в общественном сознании, а также востребованы социально-политической практикой, необходимо разработать и утвердить механизмы, позволяющие не только выявлять и оценивать внеэкономические факторы развития социума, но и легитимировать такую шкалу в комплексной оценке благополучия человека и общества, в которой бы данные факторы являлись главенствующими. Именно такой комплексный подход к оценке развития общества и человека предлагает процедура гуманитарной и социогуманитарной экспертизы (ГЭ и СГЭ). Причем последняя (СГЭ) является наиболее значимой, поскольку предполагает возможность рассмотрения успешного развития не только отдельной личности, но и благополучие общества в целом, включающего самые

разнообразные аспекты, начиная от материально-технических и заканчивая экологическими, демографическими» [387]. В западноевропейском интеллектуальном пространстве вопросы ГЭ обсуждаются уже достаточно давно [198; 566; 574], в то время как отечественная мысль только лишь подходит к освоению этого опыта [263; 375; 434; 537].

В зарубежной литературе основным термином при рассмотрении вопросов, например, экспертизы образования является не «expertise» (экспертиза), но «evaluation» (эвалюация) [566; 574]. Этот термин используется для того, чтобы подчеркнуть, насколько состояние экспертируемого объекта соответствует выбранным критериям. Объектом исследования может быть любое явление действительности [263]. Под критериями понимаются любые средства, позволяющие оценить, насколько данное состояние объекта отличается от идеального или желаемого [263, с. 77–78]. Важным аспектом гуманитарной экспертизы является соотнесенность ее с ценностно-мировоззренческими аспектами. Как отмечает Г. Л. Тульчинский, «… по самой своей сути гуманитарная экспертиза оказывается соотнесением нормативно-ценностных комплексов различного уровня: национального, этнического, конфессионального, возрастного, профессионального и т. п.» [434].

Сегодня отечественные исследователи наиболее актуальными полагают для себя следующие вопросы: «Каковы цели ГЭ? Каково ее содержание? Каковы критерии? В чем специфика методики проведения? Кто может быть в ней заинтересован? Кто может ее проводить и при каких условиях?». Ответы в целом сводятся к следующим утверждениям:

1. Цели ГЭ заключаются в том, чтобы оценивать возможные последствия принимаемых в различных отраслях деятельности решений (в том числе и хозяйственно-экономической), выявлять позитивные и негативные воздействия данных решений на развитие личности и общества.

2. С точки зрения формы и содержания ГЭ представляет собой социальную технологию. Стоит отметить, что специфической «ближайшей зоной развития» названных технологий является отраслевое их использование. Так, например, уместным представляется применение данной технологии, прежде всего, в ключевых секторах общественного развития, таких как наука, образование, хозяйственно-экономическая деятельность и т. д. Осознание этого обстоятельства становится важнейшей задачей для

целого ряда современных исследователей [263; 375; 387; 434].

В частности, рассуждая о той роли, которую играет в современном социуме наука, российский исследователь В. Г. Горохов пишет, что ожидание немедленных коммерческих выгод от развития образования и науки не является оправданным, поскольку для рецепции научных разработок на уровне производства и бизнеса, транслировании их через конкретный коммерческий продукт в социокультурное пространство, необходимо создание соответствующих социальных структур, способных обеспечивать благосостояние социума. Исследователь подчеркивает необходимость проведения социально-гуманитарной экспертизы осуществляющихся разработок, верификации их на предмет соответствия глубинным потребностям/запросам человека и общества. В противном случае, утверждает ученый, общество может столкнуться с непредвиденными рисками, в значительной степени понижающими возможность благополучного развития социума и культуры. Важнейшей задачей на пути обеспечения и реализации возможностей социально-гуманитарной экспертизы является повышение уровня гуманитарного образования [137].

«Введение технологий СГЭ способно обеспечить полнообъемное видение проблем при решении вопросов, связанных с развитием хозяйственно-экономической деятельности: каково место того или иного вида экономической деятельности, осуществляемого определенными субъектам хозяйствования, в целостной системе социально-экономических отношений, какие перспективы, возможные риски и тенденции развития для сопряженных с ней неэкономическими секторами общества могут получить наиболее вероятное развитие и многие другие. Такой целостный подход, позволяющий включать в орбиту рассмотрения не только привычную схему анализа (соотношение издержек и полученной прибыли) субъектов хозяйствования, но и оценку их социального, культурного значения является насущной задачей сегодняшнего дня» [387].

Понимание проблемы необходимости введения института социально-гуманитарной экспертизы характерно для целого ряда отечественных ученых, как экономистов, так и неэкономистов. Причем, тенденция по углублению разрабатываемых в рамках названной проблемы вопросов нарастает до такой степени, что озвучивается уже и на уровне учебно-образовательных программ, предназначенных для студенческой молодежи. В частности, здесь можно встретить следующие утверждения: «Ориентация

на целостность анализа, междисциплинарное понимание истины создает предпосылки для активного участия ученых в экспертизах социальных проектов и программ. Необходимы независимые научные экспертизы, ориентированные на выявление рисков принимаемых решений и проектов, усиление взаимодействия факторов власти, управления и знания» [307, с. 88].

«К примеру, российский экономист, автор многочисленных научных работ, А. В. Бузгалин поднимает вопрос о тех методологических подходах, на основе которых сегодня оценивается хозяйственно-экономическая деятельность различных субъектов хозяйствования. В частности, он обращается к конструктивному потенциалу такого методологического принципа, как диалектика. А. В. Бузгалин пишет о том, что забвение данного подхода в современных исследованиях отнюдь не случайно. Диалектика является тем инструментом, с помощью которого социогуманитарная составляющая верифицирует эффективность и возможность развертывания социальной нормативности в том или ином виде экономической деятельности, характерной для отдельных субъектов хозяйствования» [387]. В частности, он пишет: «На протяжении последнего столетия, и особенно на рубеже XX–XXI вв., основные экономические и политические силы совместно со встроенными в эту систему интеллектуалами оказались прямо заинтересованы в решении практических актуальных проблем повышения эффективности функционирования существующей системы. На это сформировался достаточно четкий социальный заказ. Корпоративно организованный бизнес требовал и требует анализа механизмов максимизации прибыли путем рыночной экспансии и обеспечения устойчивости этой системы. Отсюда, в частности, востребованность микро и макроэкономических исследований, а не классической политической экономии с ее диалектическим методом. Он требует исследования возможностей манипулирования покупателем, защиты прав собственности. Отсюда актуальность разработок в области маркетинга, PR'a права и т. д. <…> Диалектика…слишком масштабна для решения проблем функционирования конкретной фирмы. Более того, она может быть разрушительна для этой фирмы, доказывая, что ее деятельность отнюдь не содействует общественному прогрессу» [82, с. 23].

«Вопрос осуществления социогуманитарной экспертизы хозяйственно-экономической деятельности не ограничивается только лишь методологической проблематикой. Актуальными являются вопросы о субъектах ее осуществления, их

статусе и полномочиях в принятии конкретных решений, механизмах реализации данных решений, их легитимности и многие другие. Тем не менее, несмотря на всю сложность названных задач, современное общество подошло к той грани, когда игнорировать проблемы, связанные с комплексным видением человеческого благополучия, оно уже не может. Создание института экспертной оценки жизненно важных видов человеческой деятельности и, в первую очередь, деятельности хозяйственно-экономической является насущной задачей современности. Данный институт сможет стать тем новообразованием, которое создаст видение жизненных проблем человека и общества, альтернативное экономической тотальности современных объяснительных моделей, описывающих социальное развитие» [387]. Это тем более значимо, поскольку, как отмечал П. Бурдье, в ситуации риска необходимость рефлексивного отношения к принципам, порождающим рискогенные практики, максимально актуализируется [87]. Экспликация принципов, содержащих в себе значительный рискогенный потенциал, – первое условие преодоления связанных с ними рисков.

Гуманитарная экспертиза по своей сути требует междисциплинарности. В этом смысле она способствует реализации целостного взгляда на развитие человека и общества и указывает, прежде всего, на то обстоятельство, что наряду с экономической эффективностью существует не менее объективные критерии социальной эффективности и благополучия [263; 292; 375]. «Ведущая роль в создании института социогуманитарной экспертизы, безусловно, принадлежит гуманитарным наукам. Именно их интеллектуальный и ценностный потенциал может быть использован для разработки проблем, связанных с расширением представлений о благополучии современного человека и общества, выходом из тупика экономической рациональности» [387]. Не сокращение, а расширение гуманитарной подготовки специалистов самых разнообразных профилей должно выступать сегодня важнейшей задачей образования. Вне серьезной гуманитарной подготовки невозможно не только сформировать полноценную личность, но и не представляется возможным воспроизводство такого высокосложного института как наука.

«Хорошо известно, что начиная с XVII века, наука из спорадического разрозненного феномена превратилась в социальный институт. А это значит, вступила в систему прав и обязанностей по отношению к обществу. Общество признало науку,

легитимировало ее деятельность, наделило полномочным статусом, даже абсолютизировало ее роль. Еще недавно под грифом «научно доказано» решались абсолютно все проблемы, вплоть до существования посмертной жизни, души, Бога. Данное клише указывало на тот высочайший общественный статус, который занимала наука. Она выступала и как способ получения новых знаний, и как источник развития, и как институт по решению насущных прикладных задач, и даже в качестве духовного кормчего. Сегодня, безусловно, мы наблюдаем колоссальное понижение статуса ученого и науки как таковой [384]. Это связано с сугубо потребительским отношением экономически ориентированных личностей к науке. Данное отношение всецело вписывается в логику взаимодействия капитала с окружающим миром: его интересует лишь перманентная максимизация прибыли. Поэтому вопросы, которые наука может решать в пространстве тех социальных и культурных практик, которые не приносят прямой и очевидной прибыли, представляются капиталодержателю избыточными, ненужными и даже вредными. Не случайно прослеживается стойкая нелюбовь финансистов к таким «нерентабельным» разработкам науки как искусствоведение, философия, культурология, этика, история, духовная культура и многое другое.

Такая позиция неизбежно приводит к утрате определенных человеческих способностей, как в моральном, так и в интеллектуальном смысле. По меткому замечанию известного философа Фрэнсиса Фукуямы, намеренно антиутилитарный этос аристократического общества способствовал достижению таких вершин человеческого ума, о которых современный прагматичный человек не имеет понятия [460]. «Другой зарубежный исследователь – А. Токвиль – разделяет взгляды Ф. Фукуямы. Например, рассматривая жизнь и труды известного французского математика и философа Блеза Паскаля, который еще в детстве самостоятельно разрабатывал геометрические положения Евклида, А. Токвиль находит там невероятный духовный порыв, ничего общего не имеющий с сиюминутной озабоченностью земными благами» [390]. В частности, А. Токвиль пишет: «Если бы Паскаль стремился только к какому-то крупному приобретению или даже если бы его стимулировали только любовь и голод, я не могу себе представить, как мог бы он так направить силы своего ума, как он это сделал, на открытие того, что так тщательно скрывал создатель. Когда я вижу, как он отрывается душой от всего, что было ему дорого, чтобы посвятить себя целиком этим исследованиям, и <...> умирает стариком, не дожив до сорока, я замираю в восхищении

и понимаю, что никакая ординарная причина не может вызвать таких экстраординарных усилий» [цит. по 460, с. 464].

Если оценить характер развития современной науки и процесс подготовки кадров высшей научной квалификации, можно констатировать, что проникновение логики утилитарно-практических отношений в глубинные основания названных процессов не способствуют воспроизводству такого типа ученого, который бы занимался научными исследованиями, в первую очередь, имея мотивацию заинтересованности в получении научного результата как необходимого элемента развития науки в целом и обеспечения потребностей общества, в частности. С тех пор как наука приобрела в обществе статус социального института – из общества любителей мудрости и знаний превратилась в область человеческой деятельности, в которой ученые трудятся на профессиональной основе, для людей науки их занятие стало не только способом творческой самореализации, но и источником дохода. Можно сказать, интерес капиталиста и ученого сошлись в общей точке: оба хотят заработать. По этому поводу представитель чикагской школы либертаристов Г. Беккер писал: «… люди решают посвятить себя научной или какой-либо другой интеллектуальной или творческой деятельности только тогда, когда они могут ожидать от этого выгод – как денежных, так и психологических, – превосходящих то, на что они могли бы рассчитывать в иных профессиях. Поскольку этот критерий остается в силе и при выборе более заурядных профессий, нет никаких причин, почему интеллектуалы должны проявлять меньшую озабоченность своим вознаграждением, больше радеть о благе общества и быть «от природы» честнее, чем все остальные» [48, с. 40–41]. На практике названное стремление к финансированию проявляется, например, в желании получать гранты, привлекать как можно больше инвестиций для осуществления собственных разработок. Гэри Беккер пишет об этом достаточно открыто: «Точно так же, если приток средств из благотворительных или правительственных фондов направляется на изучение каких-то, пусть даже самых нелепых проблем, от заявок на их исследование не будет отбоя» [48, с. 41]. В итоге в условиях экономоцентрично сориентированного социума складывается ситуация, когда цели научной деятельности, избираемые ею приоритеты обусловлены не глубинными потребностями развития научного знания как такового и не запросами социума и культуры, но направляются субъектами финансовых инвестиций, способных оплатить тот результат, в котором данные субъекты заинтересованы. В этих условиях специфика

социального детерминизма, проявляющаяся в его бинарной каузальности (одномоментном существовании как объективной, так и субъективной составляющей в причинной логике социальных процессов), в полной мере переносится и на развития науки со значительным усилением собственно субъективного фактора, влияющего на динамику научной мысли. Это означает, что стратегию и тактику развития научного знания определяет преимущественно крупный бизнес, глобальный капитал, имеющий средства для финансирования осуществляющихся научных разработок.

Поэтому ожидать, что развитие науки будет направлено в интересах всего общества, а не отдельных субъектов социального взаимодействия на сегодняшний день не приходится. Наука становится сферой интеллектуальных услуг, реализовывает интересы определенных социальных, политических и экономических групп. Среди этих групп трудно найти субъектов с «длинной волей», которые стремились бы или были в состоянии вкладывать необходимые средства в долгосрочные проекты.

По мнению современных исследователей, характер заказов для науки сегодня весьма специфичен. Об этом, к примеру, свидетельствует тот факт, что, начиная со второй половины XX века, прослеживается тенденция переориентации науки с энерготехнологического на информационно-коммуникационный путь развития [197]. Данная генеральная направленность способствует нарастанию доли виртуалистичности в современном социуме. Развитие информационно-коммуникативных технологий является необходимым фундаментом для производства и воспроизводства виртуального (финансового) сектора экономики и информационных институций для его легитимации. В то время как реальные процессы жизнеобеспечения связанные с необходимостью развивать реальный сектор экономики, равно как и обеспечивающая данные процессы фундаментальная наука подвергаются остракизму.

Центральный принцип развития науки – работа на перспективу. Путь от возникшей перспективной научной идеи до ее реализации, а тем более коммерческого использования может быть очень долгим: от нескольких десятилетий до сотен лет. Так, например, со времени открытия жидких кристаллов прошло более 100 лет. Впервые в 1888 году их обнаружил австрийский ботаник Фридрих Рейнитцер, наблюдая две точки плавления сложного эфира холестерина – холестерилбензоата. Ученые того времени не обратили внимания на это открытие, долгое время не признавали его. Практическое применение данного открытия в названной ситуации не представлялось возможным.

Спустя время, еще целый ряд попыток донести до научного сообщества идею работы с жидкими кристаллами по-прежнему не приносил желаемого признания. И только после 1973 года, когда группа английских химиков под руководством Джорджа Грея синтезировала жидкие кристаллы из относительно дешёвого и доступного сырья, эти вещества получили широкое распространение в разнообразных устройствах, коммерческая выгода от использования которых растет из года в год.

Еще более длительный путь у идей реактивного движения. Идея реактивного движения и первая ракета родились в Китае примерно во 2 веке н. э. Конкретные расчеты в области космического ракетостроения были произведены Циолковским в первых годах XX века. Возможность реализации космических программ, связанных с полетами в космос, появилась спустя пятьдесят лет. Долгое время ракетостроение оставалось никак не окупаемой отраслью, требующей серьезных государственных вложений. Собственно коммерческое использование космических проектов (прежде всего, спутниковое ТВ) осуществилось еще позднее – в середине 60-х годов. Открытия в области оптоэлектроники датируются серединой XX века, коммерческую выгоду общество стало получать на рубеже тысячелетий. Открытое в 1831 году М. Фарадеем явление электромагнитной индукции практически стало использоваться пол столетия спустя. И таких примеров множество.

Другими словами, если оценивать по критериям мгновенной выгоды, насущной коммерческой эффективности научную деятельность выдающихся ученых прошлого, то она выглядела бы «неудовлетворительно». Поскольку их труды стали основой экономического успеха многих отраслей промышленности намного позже, чем осуществлялась непосредственно исследовательская работа. Отсюда следует вывод, что научно-исследовательскую деятельность нельзя загонять в прокрустово ложе коммерческих выгод. Поскольку коммерческий взгляд, в силу узости понимания роли науки, исключительной ориентации на текущий момент или обозримое ближайшее будущее не способен увидеть перспективу, или, увидев, оценить и поддержать те идеи, которые не предполагают мгновенной окупаемости и прибыли. В этом смысле коммерциализированное сознание выступает своеобразным социокультурным паразитом, поскольку, беззастенчиво пользуясь достижениями ученых и науки как социального института, существовавших в прошлом и получая от этого прямую коммерческую выгоду, оно не желает финансировать дальнейшее развитие

фундаментальной науки, отбирая возможность найти практическое применение фундаментальным исследованиям будущим поколениям.

Подлинная наука не переводима на язык рыночной стоимости, справедливо пишет по данному поводу российский исследователь А. С. Панарин: «Рыночную стоимость фундаментальных открытий в принципе нельзя подсчитать заранее – здесь издержки производства выходят за рамки исчислимых величин, ибо включает все, что определяет биографию творчества: и непредсказуемое влияние предшествующих «мэтров», и влияние литературной классики (известное признание А. Эйнштейна о влиянии на него идей Ф. М. Достоевского), и неожиданные соприкосновения разнокачественных культурных миров, позволяющее избавиться от плена стереотипов» [335, с. 36]. Рыночный подход явно обесценивает значение интеллектуального труда ученого: научное творчество не переводимо на язык логики эквивалентных обменов.

Тесно связанная с наукой область человеческой деятельности такая как образование также утрачивает в социокультурном контексте экономоцентричного социума свой высокий статус, безусловную ценность. Прежде всего это выражается в нивелировании отношения к образованию как к общественному благу, необходимому элементу развития социума, требующему серьезных вложений и поддержки с его стороны. Образование в экономоцентричном обществе низводится до статуса «образовательных услуг», переводится на самоокупаемость, что неизбежно делает его, скорее, придатком экономики, нежели самостоятельным социальным институтом, реализовывающим интересы всего общества. Функционирование в качестве приложения к экономике в значительной степени ухудшает качество образования в целом. Из феномена культуры, назначение которого готовить личностей для социума, образование превращается в цех по производству агентов для техноса. Как справедливо отмечают современные исследователи, в таким образом организованном образовании утрачивается главное качество человека — способность самостоятельно мыслить, поскольку университеты представляют собой уже не «фабрики мыслей», как это было традиционно им свойственно, но «фабрики информации», своеобразные универсамы по ее рекламе и продаже, «предпринимательские университеты» [243; 226]. В результате в образовательной сфере все более широкое распространение получает применение таких отношений, принципов и характеристик, которые присущи экономическому мышлению, экономическому подходу (образовательная услуга, заказчики кадров, нематериальный

товар, образовательный продукт, образовательный менеджмент и т. п.). Подобное восприятие образовательной сферы и относящихся к ней феноменом способствует трансформации не только собственно самой этой сферы, но и общественных отношений в целом. В качестве примера приведем мнение о человеческом разуме, рассматриваемого в качестве нематериального ресурса труда, высказанное белорусским экономистом академиком НАН Беларуси Н.Г. Никитенко: «Организация и управление системой общественного воспроизводства разума (кроме фундаментальных научных исследований) как товара предполагает повсеместное введение его в производственные отношения преимущественно на *рыночных принципах* (курсив наш. – С. С.)» [488, с. 8]. Рыночные принципы по отношению к разуму предполагают возможность его купли-продажи, превращение в объект экономического обмена. Данная ситуация, безусловно, сопряжена не только с вычленением разума из предметной деятельности, но и предполагает возникновение глубинного отчуждения данного феномена от личности человека, поскольку рассматривает разумную деятельность человека не как единый процесс личностной самореализации, затрагивающий всю личность как целостное образование, но как обусловленный внешними обстоятельствами (запросами экономики, в частности) и определяемый спросом на него в качестве некоторого продукта, подлежащего обмену и оцениваемому исключительно в денежном эквиваленте.

По замечанию Э. Фромма, рыночный тип мышления оказывает серьёзное влияние на образование как особый вид деятельности. В частности, он пишет: «… от начальной до высшей школы цель обучения состоит в том, чтобы накопить как можно больше информации, главным образом, полезной для целей рынка. Студентам положено изучить столь многое, что у них едва ли остается силы и время думать. Не интерес к изучаемым предметам или к познанию и постижению как таковым, а знание того, что повышает меновую стоимость – вот побудительный мотив получения более широкого образования» [455, с. 78–79].

Обращаясь к вопросу об оценках роли и значения образования в жизни социума, о его «рентабельности», экономической выгодности для социума, можно заметить определенные различия в оценивании названного феномена, которые были характерны для научных исследований, проведенных по данному вопросу в разное время. Общая тенденция заключается в понижении оценок значимости образования по мере усиления в социуме экономоцентричных его ориентаций. К примеру, в 80-х годах XIX века в

России, постоянной комиссией по техническому образованию были изданы научные статьи ведущих отечественных экономистов А. И. Чупрова, И. И. Янжула и др., посвященные проблемам влияния грамотности на производительность труда. Таким образом авторы стремились оценить образование с точки зрения экономической эффективности: «Собрать воедино всевозможные аргументы экономического характера на пользу народного образования» [503]. Результатом названных исследований стала высокая оценка роли образования в развитии экономики. Было проиллюстрировано, что более высокий уровень образования дает более высокую эффективности (производительность) труда. При этом названные исследователи оценивали образование не по рыночным лекалам, определяя уровень его рентабельности для конкретного экономического агента, но стремились выяснить вопрос о пользе образования для общества. Следует отметить, что подобная исследовательская позиция принципиально отличается, например, от установок экономического империализма (Г. Беккер, Р. У. Саутер), рассматривающего всякую сферу нематериальных отношений как содержащую потенциальную угрозу капитализации.

Идея об эффективности образования, в том числе, по экономическим критериям, долгое время оставалась общепризнанной. Например, в 80-х годах прошлого века в Соединенных Штатах Америки исследования американского Совета по образованию, имеющие характерное название – «Экономическая ценность высшего образования», в своих генеральных выводах дали положительную оценку роли образования. В частности, одни из ведущих разработчиков названной темы экономисты Б. Бринкман и Л. Лесли указали на полную окупаемость инвестиций, вложенных в образование частными лицами, выгодность для них подобных вложений» [163]. Западные авторы в целом сомневаются в филантропических настроениях капитала, выводящего средства из оборота и вкладывающего их в образование, а также в сферу культуры и т. п.. Например, Ж. Бодрийяр обосновывал идею о выгодности для капитала данных вложений, поскольку тем самым, по мнению французского мыслителя, капитал осуществляет инвестирование системы универсальной кодировки, опутывающей все сферы жизни общества и закрепляющей безраздельное господство данного капитала. Автор уверен, что в качестве глубинных оснований любых своих действиях капиталист имеет собственную выгоду, даже в том случае, если внешне данная деятельность выглядит как общественно полезная и конструктивная [67]. Схожие идеи высказывают и российские

экономисты: «Затраты на образование не представляют собой акта филантропии, а являются лишь непосредственным удовлетворением насущнейшей потребности страны в интересах прогресса ее производительных сил. Богатство и процветание России зависят от качества и уровня образования ее народа» [цит. по 169, с. 32].

Однако по мере закрепления в обществе норм экономоцентризма отношение к образованию необратимо меняется. Данный социальный институт рассматривается как «нерентабельный», невыгодный для социума и личности. Исследования, посвященные проблеме эффективности образования, демонстрируют совершенно иные результаты, чем они были получены прежде. В частности, доклад «Отдача на инвестиции в образование» (1993), предложенный общественности представителем департамента «Человеческих ресурсов» Всемирного Банка, известным экономистом Г. Псахаропулосом содержит выводы о снижении уровня социальной отдачи образования по мере роста национального дохода, поскольку совокупные расходы на образование также растут. При этом, по мнению экономиста, существует тесная связь между уровнем образования, уровнем расходов на него и уровнем социальной отдачи, которая выражается следующей закономерностью: чем выше уровень образования, тем больше расход на него и тем ниже социальная отдача. С этой точки зрения наиболее эффективным является начальное образование. Наименее продуктивным — высшее университетское образование как самое дорогостоящее с точки зрения необходимых вложений [163, с. 32]. Опираясь на названные выводы, капитал в снятом виде формулирует запрос на понижение уровня образования, стремится экономить на вложениях в образовательную сферу, минимизируя собственные издержки. Однако снижение инвестиций в сферу образования не может не сказаться на понижении уровня образованности населения в целом, что, безусловно, является рискогенной ситуацией для культуры и социума, поскольку в целом ведет к дерационализации общественного сознания, повышению уровня его внушаемости, открытости для манипулятивных практик.

Рисковый потенциал экономоцентричного социума проявляется в тотализации менового подхода ко всем уникальным, сложноорганизованным феноменам социальной и культурной жизни, в низведении их до статуса товара, предназначенного исключительно для выгодной продажи, хотя значительное число явлений и процессов социальной и культурной жизни не могут рассматриваться как товар, не имея оснований

для эквивалентного обмена. Это означает, что огромное число культурных явлений, равно как и явления социальной жизни, многие принципы и типы человеческой коммуникации не могут войти в пространство рыночных отношений без потерь. Альтруизм, жертвенная любовь, справедливость, гениальность, гуманность, высокий профессионализм, духовность и многие другие феномены, являющиеся основой наиболее сложных происходящих в культуре процессов, с точки зрения необходимых для их осуществления затрат (физических, душевных, духовных, а также материальных), никак не учитываются в плоской логике экономической рациональности, «выносятся за скобки» собственно экономических отношений. Соответственно данные феномены не только не получают должной поддержки, оценки, признания и материального вознаграждения как не переводимые в плоскость обменных, эквивалентных отношений явления, но и подвергаются скрытому остракизму со стороны экономоцентричного социума, паразитирующего на их высоком энергоемком человеческом потенциале. Данная ситуация является вполне объяснимой, учитывая тот факт, что аппелирующая к денежным смыслам культура все в большей степени пронизывается циничным языком денег, о чем писал в своих философских произведениях еще в XIX веке представитель философии жизни Г. Зиммель. Его работа с характерным названием «Философия денег» посвящена тем изменениям, которые привносит в плоскость культурной жизни денежная философия, наиболее яркими чертами которой, по мнению автора, является способность превращать в товар и вовлекать в обменные процессы те явления и феномены жизни, которые по самой своей сути не могут рассматриваться как товар. «Деньгам все глубоко безразлично. Это среда, в которой приравнивание различного осуществляется на практике» – поддерживает позицию Г. Зиммеля в произведении «Критика цинического разума» современный философ П. Слотердайк [402, с. 352]. В этой ситуации достаточно закономерным выглядит факт безвозмездного использования денежным капиталом тех духовных, душевных человеческих сил, способностей и достижений (именуемых в капиталократической логике «ресурсами» и составляющих основу «символического капитала» в понимании П. Бурдье), которые не дают мгновенной прибыли, но способны оказывать положительное влияние на личностный рост и социокультурную динамику в целом. Эти сложные феномены человеческой жизни, для воспроизводства и развития которых требуются согласованные усилия важнейших сфер общественного

функционирования (от культурной до экономической), не могут быть исчислены на основе метрического подхода, оценены по достоинству на основе количественных критериев. Данное обстоятельство в полной мере осознается многими современными исследователями, которые пишут: «вся сложная культурная, духовная, политическая деятельность в условиях регулирующей деятельности рынка оценивается уже не по качественным, а по количественным критериям» [183, с. 50]. Они подчеркивают, что неэффективными с точки зрения экономической рентабельности признаются такие явления социальной и культурной жизни, которые не дают мгновенной прибыли, но могут принести значительную пользу в среднесрочной перспективе и отделанном будущем. Это такие явления как фундаментальная наука, достижения высокого искусства, протекционизм в социальной сфере, связанный с поддержкой наименее защищенных слоев населения (малолетние дети, многодетные семьи, студенческая молодежь, пенсионеры, инвалиды и т. п.). «Нерентабельные» элементы социальных отношений вытесняются из повседневности социальной жизни, подвергается остракизму со стороны рыночного сознания [216]. На практике это оборачивается демонтажом идеи социально ориентированного государства, размыванием среднего класса, стремительным сокращением программ по поддержке наименее защищенных слоев населения. Социум в целом рассматривается как «периферия» экономики. Итогом данных процессов является усиление количественных показателей в оценке перспектив развития социума и культуры, преобладание их над качественными, происходит смена социокультурных доминант развития: большинство культурных и социальных отношений и практик исчисляются цифрами, денежными эквивалентами, процентами прибыли. «Оцифровывание», «овеществление» и «оденеживание» социума связано с нарастанием доли экономических отношений во всех, без исключения, слоях человеческой жизни. По словам одного из теоретиков постиндустриального общества Р. Хайлбронера, «экономическая наука наконец вышла за пределы ее прежнего царства – царства производства и распределения – и может теперь заявить свои права на обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права» [555, p. 3].

Сложность ситуации заключается в том, что избирательность количественного подхода способствует понижению уровня функционирования системы как целого. Это означает невозможность обеспечения высокого качества общественной и культурной

жизни, равно как и индивидуального существования, в условиях, когда качественность, требующая избыточности неэквивалентных усилий со стороны субъектов социального взаимодействия, как таковая вытесняется из социокультурного пространства экономоцентричного общества. Понижение уровня развития основных социальных институтов таких как образование и наука, система права и здравоохранения ведет к значительному снижению возможностей личности и социума в обеспечении полноценного существования, чем в значительной степени вскрывается одно из главных противоречий экономоцентризма – рост объема прибыли, которую получают отдельные субъекты экономической деятельности, ни в коей мере не способствует улучшению общественных отношений не ведет к улучшению уровня жизни общества в целом, поскольку соответствующих данной задаче распределительных механизмов в культуре экономоцентричного социума не предусмотрены. Экономоцентричная сориентированность губительна для социума и культуры, практикующих данные принципы. Она выступает источником рисковых ситуаций и многочисленных кризисов в различных областях человеческой деятельности (экономической, политической, культурной, социальной), поскольку рассматривает как издержки необходимость финансирования стратегически важных для жизнедеятельности общества сфер, не желая практически решать важнейшие проблемы, такие как сохранение природы, борьба с голодом и болезнями и многие другие.

Первым шагом на пути преодоления указанных проблем является комплексная рефлексия над сущностью происходящих процессов, что невозможно вне широкой гуманитарной подготовки. Сегодня как никогда актуально мнение К. Леви-Стросса о том, что непременным условием выживания человечества в XXI веке является обязательность усиленной гуманитарной рефлексии. Осознание данного обстоятельства приводит специалистов к необходимости поиска новых критериев (индексов) оценивания успешности развития социума. В частности, специалистами Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования в Российской Федерации была предложена методика, выстраивающая «поверхности успешности сложной социальной системы» [428]. Эвристический потенциал данной методики состоит в том, что она подчеркивает уникальность оптимальных решений (экономических, политических, культурных и т.п.) для каждой страны и цивилизации. Принципиальная уникальность в значительной степени повышает степень свободы

(вариабельность) развития социальной системы, влияет на её жизнеспособность, поскольку логика заимствования, неизбежная при унифицирующем подходе к оценке развития социальной системы, создает неравные возможности для разных стран и цивилизаций в определении перспектив собственного развития, снижает эффективность социального и культурного целеполагания.

На основе изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. Решение проблем современной социоэкономической и социокультурной динамики требует выработки адекватных механизмов для преодоления экономоцентричных ориентаций современного социума. Названными механизмами могут выступить учреждение института социогуманитарной экспертизы и гуманитаризация образования. Социогуманитарная экспертиза необходима для комплексной оценки результатов экономической деятельности, рассматриваемых в контексте тех влияний, которые они оказывают на культуру, общество и собственно самого человека. Социогуманитарная экспертиза дает возможность реализации диалектического подхода в понимании характера протекающих в обществе процессов, выявления уровня жизнеспособности социума как целостной системы, повышает степень уникальности оценок, применяемых к отдельному социуму, учитывает его ментальные, поведенческие, культурные, духовные особенности, специфику мотивации и организации труда, принципы распределения и потребления, приемлемые для данного социума. Это способствует созданию целостной картины жизнеспособности социума и дает возможность выявления его сильных и слабых сторон при осуществлении компаративного анализа с развитием мирового сообщества в целом.

2. Во избежание возможности создания ангажированных экспертных оценок и манипулирования ими необходимо верифицировать цели их разработки, а также дополнить поликритериальными количественными показателями, учитывающими не только узкий набор характеристик развития социума (например, рост ВВП), но широкий спектр показателей, позволяющий выработать интегративную оценку жизнеспособности социума.

3. Гуманитаризация образования выступает необходимым инструментом формирования целостной, гуманистически сориентированной личности, вне фактической представленности которой в современном социокультурном пространстве жизнеспособное развитие социума невозможно.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Необходимость создания эффективных средств научной аналитики и понимания, комплементарных стремительно меняющимся условиям социальной действительности, приводит к тому, что терминологический инструментарий современных социогуманитарных наук неуклонно расширяется. В ряду терминологических новаций значительное место занимают понятия, смысл и содержание которых конституируются, сообразуясь с феноменом экономического («экономоцентризм», «экономизм», «экономоцентричное общество», «экономический фундаментализм», «экономический империализм», «корпоративный капитал», «прекариат», «превратный сектор», «превратный труд», «экономический человек», «финансовый человек» и т. п.), что свидетельствует о возрастании роли экономических факторов в функционировании социума и культуры.

2. Современное общество, маркируемое как экономоцентричный тип социума, имеет инверсивную в своей основе природу, что проявляется в девальвации традиционных ценностей (духовных, хозяйственно-экономических, культурных, природных, антропологических), замещении их экономической ангажированной логикой восприятия природы, общества и человека («природный ресурс», «человеческий капитал», «социальный капитал» и т. п.), в наполнении явлений культуры соответствующими смыслами («денежная цивилизация» (В. Катасонов), «эра денег» (Ж. Аттали), «экономическое человечество» (Ж. Батай).

3. Анализ современной социокультурной динамики, выявление сущностных черт экономоцентричного типа социума предполагают обращение к понятию «социокультурная парадигма». В широком смысле слова социокультурная парадигма – это достаточно однородная система представлений и понятий о человеке, обществе, мире в целом, включающая в себя метафизические, онтологические, аксиологические, гносеологические, праксиологические презумпции, обусловленные конкретным социально-историческим контекстом и императивно конституирующие смысловое пространство общества, согласно заданным в них нормам и принципам.

4. Принятая обществом социокультурная парадигма благоприятствует институционализации тех нововведений, которые способствуют ее полному развертыванию и развитию. Данное комплементарное взаимодействие создает систему

обратных связей между институтами общества и социокультурной парадигмой до тех пор, пока в глубине данных отношений не возникнут тенденции, ведущие к их разрушению, после чего происходит смена социокультурной парадигмы, а также смена типа социального развития.

5. Рассматривая исторические типы европейского общества по линии античность – средневековье – возрождение – новое (и новейшее) время, социогуманитарная рефлексия зафиксировала факт существования некоторой доминанты в смысловой сфере соответствующих обществ, указав на космоцентризм античности, теоцентризм средневековья и антропоцентризм эпохи возрождения, реализовав социокультурный уровень концептуализации представлений о принципах динамики социума и культуры. В то же время представление о новоевропейском периоде общественного развития, несмотря на попытки содержательного наполнения его различными социокультурными оттенками, осталось историко-хронологическим. Обращение к понятию «экономоцентризм», фиксирующему специфику социокультурной парадигмы, развернувшейся в западноевропейском обществе, начиная с эпохи нового времени до настоящих дней, способствует углублению научных представлений о новоевропейском периоде общественного развития, возвышению их до социокультурного уровня анализа соответствующих проблем.

6. Центральной метаориентацией социокультурной парадигмы экономоцентризма является абсолютизация значения экономического как такового. В смысловом пространстве названной социокультурной парадигмы возникают императивы, отрицающие нормативность и принципы мироотношения/миропонимания традиционного общества и функционировавших в его рамках социокультурных парадигм (космоцентризм, теоцентризм и т. д.). В логике экономоцентризма мир утрачивает свойства онтологичности, данности-дара, воспринимается как пластичная, производимая и воспроизводимая реальность. Свойства производности, заимствованные от аутентичных экономике характеристик, сообщаются сначала миру материального, а затем и собственно сфере социальных институтов, общественного и индивидуального осознания, в связи с чем актуализируются экспансионистские и преобразовательные стратегии, как в отношении природы, так и в отношении человека и общества.

7. Экспликации презумпций социокультурной парадигмы экономоцентризма в пространстве современного социума в значительной степени способствуют становление

и эволюция технологических (С. Глазьев, Д. Львов), технико-экономических (К. Перес) укладов общественного развития. Активно наращивающий свой потенциал новый (пятый) технологический уклад, с одной стороны, призван осуществить реиндустриализацию экономики на основе высокотехнологичного производства, а с другой, усиливает социокультурные риски социума, вероятность их возникновения и развития, главный из которых заключается в возникновении технической возможности по формированию модифицированного человека, утрачивающего собственную человечность – постчеловека.

8. Социокультурные риски, указывающие на вероятность реализации неблагоприятной альтернативы развития культуры и социума, снижение уровня их жизнеспособности и невозможности воспроизводства, проявляются на всех уровнях функционирования социума: индивидуального и общественного сознания, на уровне социокультурных институтов и т. п. Фактичность проявления социокультурных рисков современного социума в значительной степени связана с характером осуществляемых в обществе хозяйственно-экономических отношений.

9. Специфика развития современной хозяйственно-экономической сферы проявляется в росте значения собственно финансового сектора. С одной стороны, господство фиктивного финансового капитала подрывает производственную основу современной экономики, способствует деградации сопряженной с ней социокультурной сферы, с другой, благоприятствует нарастанию симулятивных процессов в социально-экономических и социокультурных отношениях. В результате имитационное подменяет собой подлинное, реальное вытесняется на задворки виртуального, формальное приходит на смену содержательному. Индикатором названных процессов может служить факт нарастания в обществе власти количественных, а не качественных процессов, ориентация на исчисляемое, подчиняющееся «цифрократии» – власти цифр.

10. Для нейтрализации социокультурных рисков экономоцентричного общества необходимо осуществить разработку превентивных мер, направленных на снижение вероятности реализации неблагоприятного сценария развития социума и культуры. В рамках названных стратегий в качестве генеральной необходимо сформулировать задачу по осуществлению поворота к культуре, морально-нравственной и духовной сферам общественного функционирования, что возможно в результате гуманитаризации системы образования, с одной стороны, и осуществления социогуманитарной

экспертизы самых широких экономических практик, с другой. Вне реализации императивов, ориентирующихся на потребности личности, социума и культуры, дальнейшее развитие социума невозможно.

Перспектива исследования темы заключается в возможности расширить поиск механизмов нейтрализации социокультурных рисков экономоцентричного общества, обосновать необходимость осуществления поворота к культуре, морально-нравственной и духовной сферам общественного функционирования на основе гуманитаризации системы образования и осуществления социогуманитарной экспертизы самых широких экономических практик;

Основные результаты исследования могут выступить теоретическим фундаментом для проведения дальнейших изысканий по проблемам философии культуры, философии экономики, рискологии. Они могут стать основанием для создания междисциплинарных/межотраслевых исследований в области изучения социокультурной динамики в условиях современности, выявления возникающих новых зон и видов риска, определения характера и раскрытия механизмов влияния их на культуру и социум, разработки инновационных проектов по их превенции. Полученные результаты могут служить для разработки принципиально новых подходов для решения проблем безопасности общества, могут способствовать углубленному пониманию феномена безопасности, расширению представлений о нём, в частности, способствовать разработке понятия «социокультурная безопасность» с учётом специфики современной ситуации развития социума и культуры. Экспликация положений и выводов представленного исследования может стать основой для формирования новых объяснительных моделей, описывающих динамику общественного развития с учетом тех корреляций, которые существуют между социоэкономической и социокультурной динамикой, могут помочь в определении перспектив развития социума и культуры в ближнесрочном и отдаленном будущем.

Литература

1. Абалкин, Л. И. Новый тип мышления / Л. И. Абалкин. – М. : Экономика, 1987. – 187 с.
2. Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер. – М. : Экономика, 2004. – 624 с.
3. Автономов, В. С. Модель человека в экономической науке / В. С. Автономов. – СПб. : Экономическая школа, 1998. – 230 с.
4. Алейников, А. В. О логике политического конструирования трансформации российского бизнеса / А. В. Алейников // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады второй междунар. науч.-практич. конф., посвященной памяти Жана Бодрийяра. Сер. Дискурсология / под ред. О. Ф. Русакова. – 2007. – С. 118–122.
5. Александер, Дж. «Проект марксизма» в истории своего времени / Дж. Александер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 3. – С. 20–23.
6. Александрова, О. А. Социально-политические и культурные основы экономической эффективности / О. А. Александрова // Социальная справедливость и экономическая эффективность: Опыт, проблемы, теория : материалы науч. конф. / под. ред. М. И. Воейкова. – М. : ЛЕНАНД, 2007. – С. 141–144.
7. Александрова, Т. Л. Альтернативы экономического поведения: человек в переходной экономике / Т. Л. Александрова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2000. – 136 с.
8. Алле, М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта / М. Алле // МЭиМО. – 1989. – № 11. – С. 24–40.
9. Альбер, М. Капитализм против капитализма / М. Альбер ; под ред. В. М. Гальперина. – СПб. : Экономическая школа, 1998. – 296 с.
10. Альгин, А. П. Грани экономического риска / А. П. Альгин. – М. : Знание, 1991. – 63 с.
11. Ананьин, О. И. Методология экономической науки: современные тенденции и проблемы / О. И. Ананьин, М. И. Одинцов // Истоки. – М. : ГУВШЭ, 2000. – Вып. 4. – С. 92–137.
12. Ананьин, О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий / О. И. Ананьин. – М. : Инт-т экономики РАН, 2013. – 50 с.
13. Ананьин, О. И. Структура экономико-теоретического знания / О. И. Ананьин. – М. : Наука, 2005. – 244 с.
14. Андерсон, П. Переходы от античности к феодализму / П. Андерсон ; пер. с англ. А. Смирнова. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с.
15. Андреев, А. Л. Этнофилософия и национальная модель экономики / А. Л. Андреев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2000. – № 4. – С. 92–101.
16. Аникин, А. В. Юность науки (жизнь и идеи мыслящих экономистов до Маркса) / А. В. Аникин. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1985. – 366 с.
17. Антипина, О. Н. Тенденции гуманизации экономики при переходе к постиндустриальному обществу / О. Н. Антипина. – М. : ТЕИС, 1998. – 84 с.
18. Антонов, М. Ф. Нравственные устои экономики / М. Ф. Антонов. – М. : Советская Россия, 1989. – 284 с.
19. Антонович, И. И. Современный капитализм: социология кризиса: производство / И. И. Антонович. – Минск : Выш. шк., 1987. – 245 с.

20. Аринин, А. Н. Личность и общество: духовно-нравственный потенциал / А. Н. Аринин, Б. И. Коваль, Т. Б. Коваль. – М. : Северо-Принт, 2003. – 368 с.

21. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. – М. : Территория будущего, 2006. – 472 с.

22. Арриги, Дж. Пространственное и иное «закрепление» капитализма / Дж. Арриги // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 55–58.

23. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644.

24. Артёмов, Г. П. Социокультурный потенциал и политические диспозиции среднего класса в современной России: Политический анализ / Г. П. Артемов. – 2006. – Т. 7. – С. 4–33.

25. Артхашастра // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. / сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. – Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2004. – 718 с. – С. 55–57.

26. Аттали, Ж. Краткая история будущего / Ж. Аттали ; пер. с фр. Е. Пантелеевой. – СПб. : Питер, 2014. – 288 с.

27. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 136 с.

28. Афанасьев, Г. Е. Денежный кризис / Г. Е. Афанасьев. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 232 с.

29. Афанасьев, И. А. Философские основания теории социальных рисков / И. А. Афанасьев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 216 с.

30. Ашкеров, А. Ю. Экономическая и антропологическая интерпретация социального обмена / А. Ю. Ашкеров // Социологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 71–87.

31. Бабосов, Е. М. Современный социум: характер и направленность развития / Е. М. Бабосов, Ч. С. Кирвель, О. А. Романов. – Минск : Изд-во «Четыре четверти», 2013. – 728 с.

32. Бабст, И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала / И. К. Бабст // Избранные труды / под ред. М. Г. Покидченко. – М. : Наука, 1999. – 300 с.

33. Багнычева, Н. В. Формирование рискогенного социокультурного контекста в пореформенном российском обществе : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Н. В. Багнычева. – Краснодар, 2006. – 27 с.

34. Байнев, В. Ф. Социально-экономическое развитие и «ловушки» рыночного либерализма: курс на неоиндустриализацию / В. Ф. Байнев, В. Т. Винник. – Минск : Право и экономика, 2009. – 114 с.

35. Балахонская, Л. В. Современное социокультурное пространство и язык рекламы / Л. В. Балахонская // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 4 (17). – С. 111–114.

36. Балахонский, В. В. Социально-экономическая безопасность: концептуальные основания построения научной теории / В. В. Балахонский // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 4 (64). – С. 114–117.

37. Бальцерович, Л. Социализм, капитализм, трансформация / Л. Бальцерович ; пер. с пол. Н. И. Бухарина. – М. : Наука : УРАО, 1999. – 350 с.

38. Барковский, Г. Ф. Культурно-цивилизационные основания отечественной философии хозяйства : дис. .. д-ра филос. наук : 09.00.11 / Г. Ф. Барковский. – СПб., 2011. – 356 с.

39. Барковский, Г. Ф. Философия хозяйства в культурно-цивилизационном контексте / Г. Ф. Барковский. – Ростов н / Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 140 с.

40. Барсукова, С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами / С. Ю. Барсукова // Великая трансформация Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / сост. Р. М. Нуреев. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – С. 370–392.

41. Барсукова, С. Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара / С. Ю. Барсукова // Мир России. – 2003. – № 2. – С. 81–122.

42. Батай, Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / Ж. Батай. – М. : Ладомир, 2006. – 738 с.

43. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М. : Весь мир, 2004. – 188 с.

44. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.

45. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. / пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.

46. Бегичева, С. В. Генезис: от классической до экономической герменевтики [Электронный ресурс] / С. В. Бегичева, Д. М. Назаров // Интернет-журнал «Науковедение». – 2013. – № 4 (17). – Режим доступа: http://cyberlemnka.ru/article/n/genezis-ot-klassicheskoy-do-ekonomicheskoy-germenevtiki. – Дата доступа: 28.09.2015.

47. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

48. Беккер, Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход = Humanbehavior. Economicalapproach / Г. С. Беккер. – М. : ГУВШЭ, 2003. – 671 с.

49. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл ; пер. с англ. ; под. ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 783 с.

50. Белл, Д. Культурные противоречия капитализма / Д. Белл // Этическая мысль. – М. : Политиздат, 1990. – 480 с.

51. Бентам, И. О насильственных обменах / И. Бентам // Избранные сочинения Иеремии Бентама. – СПб. : Рус. кн. торговля, 1867. – Т. 1. – 678 с. – С. 369–372.

52. Бентам, И. О принципе пользы / И. Бентам // Избранные сочинения Иеремии Бентама. – СПб : Рус. кн. торговля, 1867. – Т. 1. – 678 с. – С. 1–7.

53. Бенуа, А. Идеология труда [Электронный ресурс] / А. Бенуа. – Режим доступа: http://www.nb-info.ru/revolt/ideology_du_travail. htm. – Дата доступа: 20.07.2014.

54. Бергер, П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / П. Бергер ; пер. с англ. – М. : Прогресс-Универс, 1994. – 320 с.

55. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Д. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

56. Бердяев, Н. А. О хозяйстве / Н. А. Бердяев // Философия неравенства / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – С. 251–269.

57. Бертони, С. Л. «Тойотизм» – новая форма взаимоотношения труда и капитала / С. Л. Бертони // Вопросы экономики. – 1994. – № 3. – С. 119–127.

58. Бехман, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехман. – М. : Логос, 2010. – 248 с.

59. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. – М. : Библейское общество, 1995. – 1346 с.

60. Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования / под общ. ред. О. Лейкинд. – СПб.: Лики России, 2001. – 838 с.

61. Блауг, М. Манн Томас / М. Блауг // 100 великих экономистов до Кейнса. –

СПб. : Экономикус, 2008. – С. 191–352.

62. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг. – 2-е изд. – М. : Журнал «Вопросы экономики», 2004. – 415 с.

63. Блауг, М. Тревожные процессы в современной экономической теории. Чем на самом деле занимаются экономисты / М. Блауг // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. – М. : ИМЭМО РАН, 2002. – 71 с.

64. Блэк, Б. Упразднение работы [Электронный ресурс] / Б. Блэк. – Режим доступа: http://anarhobarnaul.org/literatura/baza/bobblack/. – Дата доступа: 17.07.2014.

65. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. Н. В. Суслова. – Екатеринбург : Издательство Уральского Университета, 2000. – 32 с.

66. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М. : Академический проспект, 2007. – 335 с.

67. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. ; послесл. и прим. Е. А. Самарской. – М. : Культурная революция : Республика, 2006. – 269 с.

68. Бокль, Г. Т. История цивилизации в Англии / Г. Т. Бокль. – М. : Мысль, 2002. – Т. 1. – 461 с.

69. Бородай, Ю. Почему православным не годится протестантский капитализм / Ю. Бородай // Наш современник. – 1990. – № 10. – С. 3–16.

70. Бондаренко, В. М. Бескризисное развитие: миф или реальность? / В. М. Бондаренко. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 304 с.

71. Борытко, Н. М. Воспитание человека: гуманитарная парадигма образования / Н. М. Борытко // Грани познания. – 2014. – № 3 (30). – С. 11–14.

72. Бостром, Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. / Н. Бостром; пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 496 с.

73. Бренер, Р. Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 / пер. с англ. А. Гусева, Р. Хаиткулова. – М. : Изд. дом. ГУВШЭ, 2014. – 552 с.

74. Бриттан, С. Капитализм с человеческим лицом / С. Бриттан. – СПб. : Экономическая школа, 1998. – 399 с.

75. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель ; пер. с фр. ; предисл. М. Эмара. – М. : Весь мир, 2008. – 552 с.

76. Бродель, Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель ; пер. с фр. В. Колесникова. – Смоленск : Полиграмма, 1993. – 124 с.

77. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Игры обмена / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля ; ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1988. – 632 с.

78. Бродский, А. И. Нормативная этика: от объективизма к конструктивизму / А. И. Бродский // Этическая мысль. – 2000. – № 1. – С. 148–158.

79. Брушлинский, А. В. Психология субъекта / А. В. Брушлинский. – М. : Институт психологии РАН ; СПб. : Алетейя, 2003. – С. 69–70.

80. Бугаян, И. Р. Глобальный финансовый кризис 2008 года – следствие нарушения меры соотношения хозяйства и офинансонизированной экономики / И. Р. Бугаян // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2008. – № 6. – С. 46–50.

81. Бузгалин, А. В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций / А. В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 20–35.

82. Бузгалин, А. Глобальный капитал / А. Бузгалин, А. Колганов. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2007. – 512 с.

83. Булгаков, С. Н. Капитализм и земледелие / С. Н. Булгаков. – СПб. : Типография и литография В. А. Тихонова, 1900. – 340 с.

84. Булгаков, С. Н. Труды по социологии и теологии : в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 1999. – Т. 1. : От марксизма к идеализму. – 336 с.

85. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 1990. – 412 с.

86. Булгаков, С. Н. Христианский социализм: Споры о судьбах России / Ред.-сост. В.Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 350 с.

87. Бурдье, П. Структуры, практики / П. Бурдье // Современная социальная теория. – Новосибирск : НГУ, 1995. – С. 16–39.

88. Бурдье, П. Формы капитала [Электронный ресурс] / П. Бурдье. – Режим доступа: http: // gtmarket.ru/ laboratory / expertize / 2009 / 2601/. – Дата доступа: 15.08.2014.

89. Бурлачков, В. К. Макроэкономика. Монетарная политика. Глобальный кризис: Анализ современной теории и проблемы построения новой модели экономического развития / В. К. Бурлачков. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 240 с.

90. Бурцев, С. В. Золото. Прошлое. Современность. Будущее / С. В. Бурцев ; под общ. ред. М. Х. Лапидуса. – СПб. : Петрополис, 2012. – 340 с.

91. Бьюкенен, Дж. Конституция экономической политики / Дж. Бьюкенен // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. – М. : Мысль, 2004. – Т. V., Кн. 1. – 767 с.

92. Бюшер, М. Значение идей С. Н. Булгакова для понимания расхождения между этическим и экономическим подходами / М. Бюшер // С. Н. Булгаков: экономика и культура / отв. ред. И. Е. Дискин, Н. А. Макашева. – М. : [Б. и.], 1995. – С. 67–79.

93. Валдигеров, Т. Фиктивный капитал / Т. Валдигеров. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. – 352 с.

94. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 368 с.

95. Вальцев, С. В. Закат человечества / С. В. Вальцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книжный мир, 2010. – 384 с.

96. Валютно-кредитный своп как инновационный инструмент денежно-финансового рынка // ibl.ru – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ibl.ru/konf/070411/31.html. – Дата доступа: 25.10.2014.

97. Вартофски, М. Модели. Репрезентации и научное понимание / М. Вартофски. – М. : Прогресс, 1988. – 508 с.

98. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

99. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.

100. Везерфорд, Дж. История денег. Борьба за деньги от песчаника до киберпространства / Дж. Везерфорд ; пер с англ. Т. Сулицкой, И. Синева. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 320 с.

101. Великая трансформация Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее : сб. ст. / сост. Р. М. Нуреев. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 407 с.

102. Ветошкин, А. П. Философия экономики / А. П. Ветошкин. – Екатеринбург : [Б. и.], 2001. – 334 с.

103. Вильчек, В. М. Алгоритмы истории. Философско-социологические этюды / В. М. Вильчек. – М.: Прометей, 1989. – 129 с.

104. Владимиров, В. Н. Управление рисками: Риск, устойчивое развитие, синергетика / В. Н. Владимиров, Ю. Л. Воробьев. – М. : Наука, 2000. – 429 с.

105. Водопьянов, П. А. Концепт постиндустриализма и реальный социальный процесс / П. А. Водопьянов, Ч. С. Кирвель // Социология. – 2011. – № 1. – С. 20–32.

106. Волкова, Н. Г. Риск как социокультурный феномен / Н. Г. Волкова // Горизонты культуры: от массовой до элитарной. – СПб. : Изд-во филос. об-ва «Роза мира», 2008. – С. 84–90.

107. Волконский, В. А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса / В. А. Волконский. – М. : Наука, 2002. – 261 с.

108. Воронцов, В. П. Производство и потребление в капиталистических обществах / В. П. Воронцов. – СПб. : Типо-лит. Р.С. Вольпина, 1907. – 55 с.

109. Воскресенский, А. А. Философия экономики : дис. .. канд. филос. наук : 09.00.11 / А. А. Воскресенский. – СПб., 2008. – 148 с.

110. Воскресенский, А. А. Философские основания экономической рациональности: инструментальность и альтернативные подходы / А. А. Воскресенский // Философия права. – 2013. – № 5 (60). – С. 17–21.

111. Вотчель, Л. М. Предпринимательство как феномен бытия «человека экономического» / Л. М. Вотчель, В. В. Викулина. – Магнитогорск : МАГУ, 2011. – 159 с.

112. Гадамер, Х. Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики / Х. Г. Гадамер; пер. с нем ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

113. Гаджиев, А. Г. Очерки экономической антропологии / А. Г. Гаджиев [и др.]. – М. : Наука, 1999. – 125 с.

114. Галкова, О. В., Петров, А. В. В поисках хорошего общества: права человека в политике и культуре / О. В. Галкова, А. В. Петров // Вопросы культурологии. – 2014. – № 5. – С. 45–48.

115. Ган, А. М. Конструктивизм / А. М. Ган. – Тверь : Тверское издательство, 1922. – 70 с.

116. Гваттари, Ф. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. – М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с.

117. Гертых, В. Свобода и моральный закон у Фомы Аквинского / В. Гертых // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 87–101.

118. Гесиод. Работы и дни: земледельческая поэма / Гесиод ; пер. с древнегреч. В. Вересаева. – М. : Недра, 1927. – 88 с.

119. Гете, И. В. Фауст / И. В. Гете. – М. : РГБ, 2013. – 448 с.

120. Гильфердинг, Р. Финансовый капитал / Р. Гильфердинг ; пер с нем. И. Степанова. – 5-е изд. – М. ; Л. : Гос. изд. тип. «Красный пролетарий», 1925. – 460 с.

121. Гирц, К. Влияние концепции культуры на концепцию человека / К. Гирц // Антология исследования культуры / под ред. С. Я. Левит. – СПб. : Унив. кн., 1997. – Т. 1. Интерпретация культуры. – С. 115–140.

122. Глазьев С. Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике / С. Ю. Глазьев. – М. : Издательский дом ГОУВПО «ГУУ», 2008. – 91 с.

123. Глазьев С.Ю. Экономичесая теория технического развития / С. Ю. Глазьев. – М. : Наука, 1990. – 232 с.

124. Глазьев, С. Ю., Львов, Д. С., Фетисов, Г. Г. Эволюция технико-

экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов , Г. Г. Фетисов . – М.: Наука, 1992. – 207 с.

125. Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.

126. Гобсон, Дж. Империализм / Дж. Гобсон. – Л. : Прибой, 1921. – 278 с.

127. Голик, Н. В. Этическое в культуре / Н. В. Голик. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – 256 с.

128. Горичева, Л. Г. Культурно-историческая целостность хозяйств западноевропейских стран и России / Л. Г. Горичева. – М. : МАКС Пресс, 2009. – 173 с.

129. Горц, А. Нематериальное знание, стоимость, труд и капитал / А. Горц. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – 208 с.

130. Горюнов, В. М. Философия. Теория социальной относительности / В. М. Горюнов. – СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2014. – 403 с.

131. Грачев, В. И. Социология российского предпринимательства и менеджмента // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 77–80.

132. Гребнев, Л. Мы отстали. Навсегда ли? / Л. Гребнев // Вопросы экономики. – 2010. – № 1. – С. 150–154.

133. Гребнев, Л. С. Философия экономики / Л. С. Гребнев. – М. : Луч, 1991. – 154 с.

134. Гринберг, Р. С. Индивидуум и общество: Экономическая дилемма / Р. С. Гринберг, А. Я. Рубинштейн. – М. : Весь Мир, 2013. – 480 с.

135. Гринин, Л. Е. Глобальный кризис в ретроспективе: краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена / Л. Е. Гринин. – М. : Либроком, 2010. – 336 с.

136. Гриценко, А. А. Социокультурные вызовы информационно-сетевой экономики / А. А. Гриценко // Философия хозяйства. – 2015. – № 1 (97). – С. 77–82.

137. Горохов, В. Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? / В. Г. Горохов // Вопросы философии. – 2010. – № 12. – С. 3–14.

138. Грякалов, А. А. Философия человека и антропология образования / А. А. Грякалов, И. Б. Романенко, В. И. Стрельченко. – М. : АПК и ППРО, 2007. – 118 с.

139. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.

140. Гуревич, А. Я. Ростовщик / А. Я. Гуревич // Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А. Я. Гуревича. – М. : РОСПЭН, 2003. – С. 413–415.

141. Гуриева, Л. К. Концепция технологических укладов / Л. К. Гуриева // Инновации. – 2004. – №10. – С. 70–75.

142. Гутнер, Г. Б. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия / Г. Б. Гутнер. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008. – 248 с.

143. Гутнер, Г. Б. Субъект как энергия / Г. Б. Гутнер // Синергетическая парадигма: Когнитивно-коммуникативные стратегии научного познания. – М. : Наука, 2004. – С. 490–502.

144. Гэлбрейт, Д. К. Экономика невинного обмана / Д. К. Гэлбрейт. – М. : Европа, 2009. – 86 с.

145. Гэлбрейт, Д. К. Экономические теории и цели общества / Д. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1976. – 406 с.

146. Давыдов, Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология:

Актуальные проблемы веберовского социологического учения / Ю. Н. Давыдов. – М. : Мартис, 1998. – 510 с.

147. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Лань, 2013. – 302 с.

148. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор ; пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович. – М. : Логос, 2000. – 184 с.

149. Дейк, Т. А. ван Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

150. Дейли, Г. На общее благо. Переориентация экономики к людям, окружающей среде и устойчивому будущему / Г. Дейли, Дж. Кобб ; пер. с англ. ; под ред. А. Ю. Ретеюма, П. И. Сафонова. – М. : Российское отделение ISEE, 1994. – 323 с.

151. Дейнека, О. С. Экономическая психология : учеб. пособие / О. С. Дейнека. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 160 с.

152. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-эдип / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М. : ИНИОН, 1990. – 107 с.

153. Делокаров, К. Х. Эволюция базовых смыслов современной цивилизации в контексте постнеклассической науки / К. Х. Делокаров // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / отв. ред. В. В. Василькова. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 688 с.

154. Денхофф, М. Г. Границы свободы / М. Г. Денхофф. – М. : Междунар. отношения, 2001. – 230 с.

155. Дери, М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери. – Екатеринбург : Ультра. Культура ; М. : АСТ МОСКВА, 2008. – 478 с.

156. Деррида, Ж. Время платить проценты (картина стертого мира) / Ж. Деррида // Призраки Маркса. – М. : Logos–altera, Eccehomo, 2006. – 254 с.

157. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида ; пер. с фр. ; вступит. ст. и ком. Н. С. Автономовой. – М. : Изд-во «AdMargintm», 2000. – 512 с.

158. Деррида, Ж. Письмо и различение / Ж. Деррида. – М. : Академический Проект, 2000. – 495 с.

159. Джексон, Т. Процветание без роста / Т. Джексон ; пер. с англ. С. В. Зубкова. – М. : Изд-во АСТ-Пресс, 2013. – 289 с.

160. Джерелиевская, И. К. Экономоцентризм как негативный фактор социокультурного развития России / И. К. Джерелиевская // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 25. – С. 14–17.

161. Дзарасов, Р. С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости // Альтернативы. Теоретический и общественно-политический журнал. – 2013. – № 3 (80). – С. 62–98.

162. Дзарасов, Р. С. Экономика «Насаждения отсталости» / Р. С. Дзарасов // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84, – № 4. – С. 291–303.

163. Добрынин, А. И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова. – СПб. : Наука, 1999. – 309 с.

164. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека : пер. с англ. – М. : Весь мир, 2010. – 244 с.

165. Друкер, П. Посткапиталистическое общество / П. Друкер // Социология : хрестоматия для высшей школы / под ред. А. И. Кравченко. – М. : Академический проект: Фонд «Мир», 2004. – С. 135–167.

166. Дугин, А. Г. Война континентов / А. Г. Дугин. – М. : Академический проект,

2014. – 359 с.

167. Дугин, А. Конец экономики / А. Дугин. – СПб. : ТИД Амфора, 2010. – 479 с.

168. Дудник, С. И. Идеологические трансформации марксизма в СССР 20-х гг. / С. И. Дудник, А. Б. Рукавишников // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – Т. 14. – № 2. – С. 165–172.

169. Дятлов, С. А. Человеческий капитал в системе современной экономики : автореф. дис. …д-ра экон. наук : 08.00.01 / С. А. Дятлов. – СПб., 1995. – 46 с.

170. Евграфова, О. В. Философия и дух капитализма : дис. .. канд. филос. наук : 24.00.01 / О. В. Евграфова. – М., 2005. – 140 с.

171. Елецкий, Н. Д. Концепция разумных потребностей в новых цивилизационных и экологических реалиях / Н. Д. Елецкий, М. Ю. Фролов // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2010. – № 2. – С. 219–230.

172. Ефимовских, В. С. Риск в современном обществе : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / В. С. Ефимовских. – Уфа, 2009. – 17 с.

173. Желобов, А. П. Образ человека в русской философии: опыт гуманитарной экспертизы / А. П. Желобов. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. – 160 с.

174. Жижек, С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно / С. Жижек. – М. : Европа, 2012. – 260 с.

175. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню реального / С. Жижек ; пер с англ. А. Смирного. – М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.

176. Жувенель, Б. Этика перераспределения [Электронный ресурс] / Б. Жувенель. – Режим доступа: http://http://lib.rin.ru/doc/i/ 130299p1 .html. – Дата доступа: 10.10.2015.

177. Жуликов, П. П. Матрица развития современной экономики – философия хозяйства (философия хозяйства от С. Н. Булгакова до Ю. М. Осипова) / П. П. Жуликов // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2011. – № 2. – С. 25–32.

178. Журавлев, А. Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов / А. Л. Журавлев, Т. П. Емельянов // Психологический журнал. 2009. – Т. 30 – № 3. – С. 5–15.

179. Загорулько, М. М. Революция в культурном измерении: новые образы человека / М. М. Загорулько, И. А. Петрова, И. К. Черёмушникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 6. – С. 22–29.

180. Залетный, А. А. Финансовый капитал: взгляд изнутри / А. А. Залетный. – М. : ТЕИС, 2014. – 232 с.

181. Зарецкий, А. О ценностных установках в условиях неоиндустриализации / А. Зарецкий // Экономист. – 2015. – № 4. – С. 36–41.

182. Зарубина, Н. Н. Деньги как социокультурный феномен / Н. Н. Зарубина. – М. : Анкил, 2011. – 194 с.

183. Зарубина, Н. Н. Социология хозяйственной жизни / Н. Н. Зарубина. – М. : Университетская книга : Логос, 2006. – 392 с.

184. Заславская, Т. И. Экономическая культура: ее сущность и функции / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина // Социология экономической жизни: Очерки теории / отв. ред. А. Г. Аганбегян. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – С. 96–227.

185. Злотникова Т.С., Летина Н.Н. Методология изучения социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI вв. / Т.С. Злотникова, Н.Н. Летина //

Ярославский педагогический вестник. – Серия гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 178–181.

186. Золя, Э. Собрание сочинений : в 26 т. / Э. Золя. – М. : Голос : Колокол-Пресс, 1966. – Т. 1. – 652 с.

187. Зомбарт, В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / В. Зомбарт ; пер. с нем. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 624 с.

188. Зомбарт, В. Генезис современного капитализма / В. Зомбарт // Современный капитализм. – М. : Издание Д. С. Горшкова, 1903. – 275 с. – С. 205–228.

189. Зубок, Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи / Ю. А. Зубок. – М. : «Мысль», 2007. – 272 с.

190. Иванов, Д. В. Глэм-капитализм / Д. В. Иванов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2008. – 176 с.

191. Ивановская, О.В. Кризис и сакрализация идентичности в глобализующемся мире / О.В. Ивановская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 1 (13). – С. 38–44.

192. Ильин, В. В. От «пост» к «прото»: трансформация «денежного мира» / В. В. Ильин // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2010. – № 6. – С. 20–27.

193. Ильін, В. В. Фіансова цівилізація / В. В. Ильін. – Кіив : Книга, 2007. – 528 с.

194. Иоанн Златоуст. Беседы на послание к Ефесянам : в 2 кн. / Иоанн Златоуст // Творения святаго отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. – СПб. : [Б. и.], 1905. – Кн. 1. – 218 с.

195. История человечества : в 5 т. / под общ. ред. А. Н. Сахарова. – М. : ЮНЕСКО : Издательский дом МАГИСТР–ПРЕСС, 2004. – Т. V. – 500 с.

196. История экономических учений : учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М. : Инфра–М, 2000. – 784 с.

197. Калашников, М. Глобальный Смутокризис / М. Калашников. – М. : Харвест, 2009. – 639 с.

198. Канеман, Д. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – 629 с.

199. Капелюшников, Р И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации») / Р. И. Капелюшников. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 40 с.

200. Капелюшников, Р. В. В наступлении – Homo economicus / Р. В. Капелюшников // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 4. – С. 142–148.

201. Капелюшников, Р. И. Экономическийй подход Гэри Бэккера к человеческому поведению / Р. И. Капелюшников // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 11. – С. 12–16.

202. Карсавин, Л. П. Государство и кризис демократии / Л. П. Карсавин // Новый мир. – 1991. – № 1. – С. 183–193.

203. Карчагин, Е. В. Справедливость как социокультурный феномен / Е. В. Карчагин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2015. – № 4 (30). – С. 28–37.

204. Кастронова, Э. Бегство в виртуальный мир / Э. Кастронова ; пер. с англ. М. Островской. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 214 с.

205. Катасонов, В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной

цивилизации / В. Ю. Катасонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2013. –1072 с.

206. Катон, М. П. Земледелие / М. П. Катон ; пер. и коммент. М. Е. Сергиенко. – Л.; М. : АН СССР, 1950. – 220 с.

207. Каутский, К. Происхождение христианства / К. Каутский; пер. с нем. – М. : Политиздат, 1990. – 463 с.

208. Кашпур, Л. «Мамаха» с поленом. Из истории нищенского промысла / Л. Кашпур // Родина. – 1996. – № 4. – С. 43–47.

209. Кейнс, Дж. Н. Предмет и метод политической экономии / Дж. Н. Кейнс; пер с англ. Л. Гуковского. – М. : Тип. И. А. Баландина, 1899. – 279 с.

210. Кефели, И. Ф. Диалектика познания глобального мира: между неолиберализмом и «постсоветским марксизмом» / И. Ф. Кефели // Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания / под ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно : ГрГУ, 2015. – С. 150–160.

211. Кибасова, Г.П., Петров, А.В., Галкова, О.В. Россия: история пространств / Г.П. Кибасова, А.В. Петров, О.В. Галкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – 179–186.

212. Кибасова, Г.П., Петрова, И.А., Савицкая, О.Н. Идейные доминанты русской культуры XIV–XVI вв. / Г.П. Кибасова, И.А. Петрова, О.Н. Савицкая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). – С. 167–173.

213. Кибасова, Г.П., Петров, А.В., Фомина, Т.К. «Власть» пространства / Г.П. Кибасова, А.В. Петров, Т.К. Фомина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 1 (16). – С. 26–32.

214. Кизилова, Н. М. Философия экономики: методологическое обоснование экономической рациональности : автореф. дис. .. д-ра филос. наук : 09.00.11 / Н. М. Кизилова. – М., 2007. – 40 с.

215. Кирвель, Ч. С. Глобализация как рукотворная реальность / Ч. С. Кирвель // Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов : моногр. / Ч. С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 532 с.

216. Кирвель, Ч. С. Общество будущего: победа экономического фундаментализма или постэкономическая реформация? / Ч. С. Кирвель, С. З. Семерник // Проблемы управления. – 2010. – № 2. – С. 216–226.

217. Кирдина, С. Г. Экономика X и Y: институциональный анализ / С. Г. Кирдина. – М. : Наука, 2004. – 255 с.

218. Киреев, А. Международная экономика : в 2 ч. / А. Киреев. – М. : Междунар. отношения, 1999. – Ч. 1. – 416 с.

219. Ковалев, Н. И. История экономки и экономических учений / Н. И. Ковалев. – М. : Феникс, 2008. – 412 с.

220. Коваль, Т. Б. Религия и экономика: Труд, собственность, богатство / Т. Б. Коваль. – М. : Изд. дом. ВШЭ, 2014. – 349 с.

221. Коваль, Т. Б. «Тяжкое благо». Христианская этика труда / Т. Б. Коваль. – М. : ИЭиА РАН, 1994. – 278 с.

222. Колесников, А. С. Проблемы субъективности в постструктурализме / А. С. Колесников // Формы субъективности в философии XX века. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 79–106.

223. Колониальная политика и литература // Всемирная история. Начало

колониальных империй. Период английской революции. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – 1056 с. – С. 484–489.

224. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 717 с.

225. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев ; редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Экономика, 2002. – 767 с.

226. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке : сб. ст. / ИФ РАН. – М. : Канон+, 2009. – 367 с.

227. Кор, Л. Распад государств / Л. Кор ; под ред. А. И. Фурсова. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 264 с.

228. Корольков, А. А. Духовная антропология / А. А. Корольков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 324 с.

229. Кохен, Д. Страх, алчность и паника на фондовом рынке / Д. Кохен. – М. : СмартБук : И-трейд, 2009. – 364 с.

230. Кравченко, С. А. Играизация общества и ее риски / С. А. Кравченко // Риски в нелинейном глобальном социуме. – М. : Анкил, 2009. – 224 с. – С. 184–195.

231. Красникова, Е. В. Развитие капитализма в России: век спустя / Е. В. Красникова. – М. : ТЕИС, 2003. – 167 с.

232. Кругман, П. Возвращение великой депрессии / П. Кругман. – М.: Эксмо, 2009. – 336 с.

233. Крыленко, А. К. Денежная держава. Тайные механизмы истории / А. К. Крыленко ; пер. с англ. – М. : Институт русской цивилизации, 2009. – 365 с.

234. Куайн, У. О том, что есть / У. Куайн // Слово и объект. – М. : Логос, Праксис, 2000. – 386 с.

235. Кузнецов, Д. А. Человек в обществе потребления: (социально-философский анализ) : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Д. А. Кузнецов ; Ин-т философии РАН. – М., 2010. – 24 с.

236. Кузнецов, Н. В. Координационные стратегии современного государства в условиях неопределенности / Н. В. Кузнецов, Т. А. Кулакова // Конфликтология. – 2013. – Т. 4. – С. 62–73.

237. Кузнецов, О. Л. Устойчивое развитие: научные основы проектирования в системе природа – общество – человек / О. Л. Кузнецов, Б. Е. Большаков. – СПб. ; М. : Дубна, 2001. – 616 с.

238. Кузнецов, Ю. Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис современного капитализма [Электронный ресурс] / Ю. Кузнецов. – Режим доступа: http://libertynews.ru/node/1132. – Дата доступа: 28.09.2015.

239. Куликов, А. Н. Социальные риски в динамике современного общества / автореф. … канд. филос. наук : 09.00.11 / А. Н. Куликов. – Ставрополь, 2013. – 19 с.

240. Куратов, С. Устойчивое развитие [Электронный ресурс] / С. Куратов. – Режим доступа: http://www.greensalvation.org/old/ Russian/Publish/03_rus/03_01.htm. – Дата доступа: 15.03.2013.

241. Кутырев, В. А. Культура и технология: борьба миров / В. А. Кутырев. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 238 с.

242. Кутырев, В. А. Модернизация: против бездумного инновационизма – за контролируемое развитие / В. А. Кутырев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2011. – № 2. – С. 66–77.

243. Кутырев, В. А. Человеческое и иное: борьба миров / В. А. Кутырев. – СПб. : Алетейя, 2009. – 262 с.

244. Лаваль, К. Экономический человек. Эссе о происхождении неолиберализма / К. Лаваль. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 430 с.

245. Лавренов, С. А. Постсоветская модернизация и протестантизм в современной России: социально-философский анализ : дис. .. канд. филос. наук / С. А. Лавренов. – СПб., 2008. – 174 с.

246. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан ; пер с фр. А. К. Черноглазова. – М. : Гнозис, 1995. – 100 с.

247. Лакатош, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатош. – М. : Медиум, 1995. – 236 с.

248. Ларина, Е. Парадокс Ферми и угрозы будущего [Электронный ресурс] / Е. Ларина, В. Овчинский. – Режим доступа: https://izborsk-club.ru/15732. – Дата доступа: 27.09.2018.

249. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: лекции, комментарии : в 2 т. / под ред. чл.-кор. РАН В. В. Окрепилова. – СПб. : Наука, 2007. – Т. 1. 1969–1982. – 479 с.

250. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: лекции, комментарии : в 2 т. / под ред. чл.-кор. РАН В. В. Окрепилова. – СПб. : Наука, 2009. – Т. 2. 1983–1996. – 477 с.

251. Лаптёнок, А. С. Моральный фактор в экономике / А.С. Лаптёнок – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://yandex.by/search/?clid=2186621&text=250.– Дата доступа: 08.08.2019.

252. Лафарг, П. Право на лень. Религия капитала / П. Лафарг. – М. : УРСС, 2011. – 210 с.

253. Лахман, Р. Капиталисты поневоле / Р. Лахман ; пер. с англ. Лазарева. – М. : Территория будущего, 2010. – 456 с.

254. Ле Гофф, Ж. Другое средневековье / Ж. Ле Гофф. – 2-е изд., испр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 326 с.

255. Лебон, Г. Психология масс и народов / Г. Лебон. – М. : АСТ, 2000. – 320 с.

256. Левандина, И. А. «Экономический человек»: концептуальная версия (социально–философский анализ) : автореф. дис. .. канд. филос. наук : 09.00.11 / И. А. Левандина. – Ростов н/Д, 2008. – 27 с.

257. Левина, И. Г. К вопросу о соотношении реального и финансового секторов / И. Г. Левина // Вопросы экономики. – 2006. – № 9. – С. 83–102.

258. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; пер с фр. В. В. Иванова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

259. Лейбниц, Г. И. Избранные философские сочинения / под ред. А. П. Преображенского. – М. : Типолитография «И. Н. Кушнерев и Ко», 1908. – 378 с.

260. Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин. – М. : Книга, 1986. – 500 с.

261. Ленин, В. И. Собрание сочинений : в 20 т. / В. И. Ленин. – М. : Государственное издательство, 1924. – Т. 1 : Первые шаги рабочего социал-демократического движения1893–1900. – 678 с.

262. Леонова, О. Феномен хозяйственной культуры / О. Леонова // Российский экономический журнал. – 1993. – № 9. – С. 88–95.

263. Леонтьев, Д. А. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл / Д. А. Леонтьев, Г. В. Иванченко. – М. : Смысл, 2008. – 135 с.

264. Летенков, Э. В. Печать и капитализм в России конца XIX – начла XX века :

дис. …д-ра ист. наук : 07.00.10 / Э. В. Летенков. – Л., 1988. – 403 с.

265. Лозинский, С. Г. История труда / С. Г. Лозинский. – Петроград : Изд. тов-во «Книга», 1924. – 232 с.

266. Лозинский, С. Г. Средневековые ростовщики / С. Г. Лозинский. – Петроград : Сеятель, 1923. – 157 с.

267. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS: Теория и история экономических сообществ, социальных институтов и систем. Вып. 5 : Риск, неопределенность, случайность. – 1994. – С. 135–161.

268. Люксембург, Р. Введение в политическую экономию / Р. Люксембург ; пер. с нем. – 3-е изд. – М. : КРАСАНД, 2010. – 232 с.

269. Люксембург, Р. Накопление капитала / Р. Люксембург ; пер. с нем. ; под ред. Ш. Дволаицкого. – Т. 1-2. – М.–Л. : ГСЭИ, 1934. – 478 с.

270. Макаров, С. П. Философские основания построения экономической парадигмы / С. П. Макаров // Экономическая теория на пороге XXI века – 2 / под ред. Ю. М. Осипова [и др.]. – М. : Юристъ, 1998. – 768 с.

271. Макклоски, Д. Риторика экономической науки / Д. Макклоски ; пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. перевода Д. Расков. – М. ; СПб : Изд-во Ин-та Гайдара : Международные отношения : СПбГУ, 2015. – 328 с.

272. Маклюэн, М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре ; пер. с англ. И. Летберга. – М. : АСТ : Астрель, 2012. – 219 с.

273. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М. : Акад. проспект, 2005. – 496 с.

274. Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Жуковский : КАНОН-пресс-Ц. : «Кучково поле», 2003. – 464 с.

275. Максимов, С. В. По Русской земле / С. В. Максимов. – М. : Советская Россия, 1989. – 526 с.

276. Макуха, Г.В. Основные культурные парадигмы и философские дискурсы о проблеме существования человека / Г.В. Макуха // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Том 1 (67) – 2015. – № 2. – С. 94–102.

277. Малахов, С. В. «Экономический человек» и рациональность экономической деятельности (обзор зарубежных исследований) / С. В. Малахов // Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 6. – С. 38–46.

278. Малинецкий Г. Г. Чтоб сказку сделать былью…: Высокие технологии – путь России в будущее. – 3-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 224 с.

279. Малиновский, Б. К. Научная теория культуры / Б. К. Малиновский ; пер с англ. И. В. Утехина. – 2-е изд., испр. – М. : АСТ : ОГИ, 2005. – 184 с.

280. Мамардашвили, М. К. Введение в философию / М. К. Мамардашвили // Философские чтения. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – С. 5–170.

281. Мандевиль, Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества / Б. Мандевиль. – М. : Наука, 2000. – 291 с.

282. Марков, Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры / Б. В. Марков. – СПб : Алетейя, 1999. – 296 с.

283. Маркс, К. К критике Гегелевской философии права / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс о печати (1839–1895) / сост. С. М. Гуревич. – М. : Высш. шк., 1972. – С. 57–63.

284. Маркс, К. Капитал: Критика политической экономии : в 3 т. / К. Маркс ; пер. с нем. И. И. Степанова–Скворцова. – 2-е изд. – Л. : Госполитиздат, 1951. – Т. 1. Критика

политической экономии. Кн. 1. Процесс производства капитала. – 794 с. – С. 388–390.

285. Маркс, К. Капитал: Критика политической экономии : в 3 т. / К. Маркс ; под ред. Ф. Энгельса. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 3. Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2. – 551 с.

286. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1989. – 63 с.

287. Маркс, К. Наемный труд и капитал / К. Маркс. – М. : Госполитиздат, 1951. – 45 с.

288. Маркс, К. О колониальной системе капитализма / К. Маркс. – М. : Госполитиздат, 1959. – 337 с.

289. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1960. – Т. 23. – 900 с.

290. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Изд-во полит. лит., 1968. – Т. 46. Экономические рукописи 1857–1859 гг. Ч. 1. – 2-е изд. – 559 с.

291. Матурана, У. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варелла ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.

292. Матьяш, О. И. Деятельность центра экспертизы: взгляд со стороны / О. И. Матьяш // Экспертиза: теория, практика. – Новокузнецк, 1997. – С. 59–65.

293. Машков, В. Н. Психология экономики / В. Н. Машков. – СПб. : Михайлов, 2001. – 187 с.

294. Мень, А. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни : в 7 т. / А. Мень ; предисл. С. С. Аверенцева. – М. : СП «Слово», 1991. – Т. 1. Истоки религии. – 287 с.

295. Милль, Дж. С. Основы политической экономии : в 3 т. / Дж. С. Милль. – М. : Прогресс, 1980. – Т. 1. – 456 с.

296. Можейко, М.А. Проблема воспитания духовности в современной культуре: нравственный потенциал христианской морали в XXI веке / М.А. Можейко // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры : сб. докл. XXIII междунар. Кирилло-Мефодиевских чтений Издательство ООО «Позитив-центр» – 2018. – С. 217–219. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35109325. – Дата доступа: 12.08.2019.

297. Молотков, А. Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке / А. Е. Молотков. – СПб. : Русский остров, 2008 – 395 с.

298. Молчанов, А. В. Социальная феноменология риска: риск как социальный конструкт / А. В. Молчанов // Омский научный вестник. – 2007. – №4 (58). – Серия «Общество. Истина. Современность». – С. 105–108.

299. Молчанов, К. В. Аксиологическое измерение современной экономической философии и новые возможности теоретических исследований и анализа социально–экономического развития конкретной страны / К. В. Молчанов // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2009. – № 3. – С. 95–104.

300. Молчанов, К. В. Концептуальная актуализация современной экономической философии / К. В. Молчанов // Философия хозяйства – 2 (к 10-летию журнала «Философия хозяйства») / под ред. Е. С. Зотовой. – М. ; Екатеринбург : УрТИСИМ, 2009. – С. 143–157.

301. Молчанов, К. В. Феноменология капитализма / К. В. Молчанов. – М. : Край, 2002. – 172 с.

302. Монашеское делание. Сборник поучений Святых Отцов и подвижников благочестия / сост. В. Емеличев. – М. : Свято-Данилов монастырь : Квадрат, 1991. – 210 с.

303. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.

304. Морган, Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов / Л. Г. Морган ; пер. с англ. – М. : Восточная литература, 1983. – 301 с.

305. Мордачев, В. Д. Законы поведения капитала: психология влияния / В. Д. Мордачев. – М. : ИКЦ «МарТ» : Ростов н/Д : Издательский «МарТ», 2003. – 176 с.

306. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность / М. Мосс; пер. с фр. ; послесл. и коммент. А. Б. Гофмана. – М. : Восточная литература, 1996. – 360 с.

307. Миронов, В. В. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М. : Гардарики, 2006. – 639 с.

308. Найт, Ф. Понятие риска и неопределенности / Ф. Найт // Thezis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – № 5. – С. 122–134.

309. Навроцкий, Б. А. Этический риски технологий «улучшения человека» / Б. А. Навроцкий, Н. Н. Седова // Стратегия выживания в контексте биоэтики, философии и медицины. – Кишинев, 201. – С. 8–12.

310. Назарова, Е. А. Многоукладность экономики и технико-инновационный потенциал экономического развития России / Е. А. Назарова // Проблемы современной экономики. – 2007. – № 3 (23).– С. 69–72.

311. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании : монография. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 512 с.

312. Нестеренко, А. Н. Экономика и институциональная теория / А. Н. Нестеренко. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 416 с.

313. Нетипичный взгляд: эпистемологическая функция ценностных ориентаций и языка теории как способ убеждения // История экономических учений : учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М. : ИНФРА-М, 2000. – С. 752–755.

314. Нуреева, Н. А. Особенности процесса первоначального накопления капитала в развивающихся странах : автореф. дис. .. канд. экон. наук : 08.00.01 / Н. А. Нуреева. – М., 1985. – 24 с.

315. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты / под ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов : Наука, 2006. – 289 с.

316. Овруцкий, А. В. Производство и потребление: диалектика взаимодействия / А. В. Овруцкий // Философия хозяйства: альманах Центра общественных наук и экономического фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – № 3. – С. 238 – 247.

317. Ойкен, В. Основы национальной экономии / В. Ойкен ; пер. В. П. Гутника, В. И. Рубцова, А. Ю. Чепуренко. – М. : Директмедиа-Паблишинг, 2008. – 335 с.

318. Ольсевич, Ю. Я. Когнитивно-психологический сдвиг в аксиоматике экономической теории. – СПб. : Алетейя, 2012. – 224 с.

319. Ольсевич, Ю. Я. Психологические основы экономического поведения / Ю. Я. Ольсевич. – М. : Инфра–М, 2009. – 411 с.

320. Ольсевич, Ю. Я. Трансформация хозяйственных систем : сб. ст. / Ю. Я. Ольсевич. – М. : ИЭ РАН, 1994. – 220 с.

321. Осипов, И. Д. Власть и предпринимательство в России: опыт историко-

культурного анализа институциональных траекторий / И. Д. Осипов, А. В. Алейников // Философия и культура. – 2014. – № 1. – С. 79–88.

322. Осипов, Ю. М. Знание об экономике под присмотром естествознания и опекой философии / Ю. М. Осипов // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2010. – № 6. – С. 11–19.

323. Осипов, Ю. М. Курс философии хозяйства / Ю. М. Осипов. – М. : Экономист, 2005. – 320 с.

324. Осипов, Ю. М. Мировой кризис в поле зрения философии хозяйства / Ю. М. Осипов // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2008. – № 6. – С. 11–19.

325. Осипов, Ю. М. Опыт философии хозяйства: Хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система. – М. : МГУ, 1990. – 381 с.

326. Осипов, Ю. М. Финансомика / Ю. М. Осипов // Антология современной философии хозяйства : в 2 т. / под. ред. Ю. М. Осипова. – М. : Магистр, 2010. – Т. 1. – 832 с.

327. Осипов, Ю. М. Хозяйство и экономика: единство, противоречие / Ю. М. Осипов // Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2002. – № 3. – С. 110 – 118.

328. Особенности воспроизводства национального богатства в начале XXI века / Л. И. Абалкин [и др.] – М. : Наука, 2006. – 214 с.

329. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / М. Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – 527 с.

330. Остропольская, З. Н. Концепция хозяйства С. Н. Булгакова: социокультурные аспекты : моногр. / З. Н. Остропольская. – Харьков : Регион-информ, 2006. – 152 с.

331. От конструктивизма до сюрреализма : сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, Гос. Ин-т искусствознания М-ва культуры РФ. – М. : Наука, 1996. – 199 с.

332. Павлов, С. Новое лицо аукциона [Электронный ресурс] / С. Павлов. – Режим доступа: http://offline.computerra.ru/1999/287/2444/. – Дата доступа: 03.01.2012.

333. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 496 с.

334. Панарин, А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) / А. С. Панарин. – М.: Б.и., 1994. – 262 с.

335. Панарин, А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / А. С. Панарин. – М. : Книга по требованию, 2005. – 188 с.

336. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / С. Панарин. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2004. – 640 с.

337. Панченко, А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху [Электронный ресурс] / А. М. Панченко. – Режим доступа: http:// rpp.nashaucheba.ru/docs/index–134850.html. – Дата доступа: 28.09.2015.

338. Пасынков, А. С. Феномен ростовщичества: от Вавилона до глобальной финансовой системы [Электронный ресурс] / А. С. Пасынков. – Режим доступа: http://samlib.ru/p/pasynkow_a_s/usurydata. shtml. – Дата доступа: 11.09.2015.

339. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес; пер. с англ. Ф.В. Маевского. – М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2011. – 232 с.

340. Петрова, И.А., Кибасова, Г.П. Историко-культурная динамика механизмов

социальной толерантности / И.А. Петрова, Г.П. Кибасова // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. – Т. 17. – № 13 (140). – С. 15–17.

341. Петрова, И. А. Зарождение современной промышленной цивилизации / И. А. Петрова // Зарождение современной (промышленной) цивилизации. Социокультурные последствия первой промышленной революции // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. – Волгоград, 2003. – С. 176–184.

342. Петрова, И. А. Современный российский бизнес: динамика процесса развития ценностных ориентаций / И. А. Петрова, А. Л. Кузнецова // Власть. – 2007. – № 11. – С. 56– 61.

343. Пиаже, Ж. Генетическая эпистемология / Ж. Пиаже. – СПб. : Питер, 2004. – 160 с.

344. Пигров, К. С. Техногенная цивилизация: преодоление обреченности на риск / К. С. Пигров // Наука. Философия. Общество : Мат-лы V Российского философского конгресса. – Новосибирск : Парралель, 2009. – С. 279–280.

345. Платонов, О. Русская экономика без глобализма / О. Платонов. – М. : Алгоритм, 2006. – 800 с.

346. Плешаков, В. А. Теория киберсоциализации человека / А. Плешаков. – М. : HomoCyberus, 2011. – 397 с.

347. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи ; пер. с англ. А. А. Васильева [и др.] ; под общ. ред. С. Е. Федорова. – СПб. : Алетейя, 2002. – 320 с.

348. Поланьи, К. Избранные работы / К. Поланьи. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2010. – 200 с.

349. Полкова, Т. В. Экономическая эффективность и социальная справедливость: проблема выбора / Т. В. Полкова // Социальная справедливость и экономическая эффективность: Опыт, проблемы, теория : материалы науч. конф. / Под. ред. М. И. Воейкова. – М. : ЛЕНАНД, 2007. – С. 240–242.

350. Полтерович, В. М. Кризис экономической теории / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1. – С. 46–66.

351. Попков, В. В. Экономический конструктивизм / В. В. Попков. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.

352. Попова, С.М., Шахрай, С.М., Яник, А.А. Измерение прогресса. М.: Наука, 2010. – 272 с.

353. Поппер, К. Открытое общество и его враги [Электронный ресурс] / К. Поппер. – Режим доступа: http://royallib.com/read/popperkarl/otkritoe_obshchestvo_i_ego_vragi.html# – Дата доступа: 12.01.2015.

354. Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Р. Пребиш ; пер. изд. : Capitalismoperiferico. Crisis y transformacion. – М. : ИЛА, 1992. – 337 с.

355. Прохоров, А. Н. Отношение русских к богатству и бедности / А. Н. Прохоров // ЭКО. – 2003. – № 2. – С. 46–68.

356. Псалтирь. – М. : Сретенский монастырь, 2010. – 752 с.

357. Пую, Ю. В. Влияние информационно-психологической безопасности на конструктивное развитие России / Ю. В. Пую // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 104. – С. 57–66.

358. Радаев, В. В. Еще раз о предмете экономической социологии / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 3–14.

359. Радаев, В. В. О парадигме экономической теории / В. В. Радаев // Экономическая теория на пороге XXI века – 2 / под ред. Ю. М. Осипова [и др.]. – М. : Юристъ, 1998. – С. 117–125.

360. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев. // Общественные науки и современность (ОНС). – 2003. – № 2. – С. 5–17.

361. Радаев, В. В. Экономическая социология: курс лекций : учеб. пособие для вузов / В. В. Радаев. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 366 с.

362. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – 2-е изд. – М. : Академический проект, 2006. – 1008 с.

363. Режабек, Е. Я. Капитализм: проблема самоорганизации / Е. Я. Режабек. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1993. – 320 с.

364. Реймон, А. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс [Электронный ресурс] / А. Реймон. – Режим доступа: http://scibook.net/filosofiya-istorii-knigi/popper-filosofiya-istorii-27752.html. – Дата доступа: 10.11.2015.

365. Рикардо, Д. Начала политической экономии / Д. Рикардо // Антология экономической классики : в 2 т. / под ред. И. Г. Черника. – М. : Ключ : Эконов, 1993. – Т. 1. – 356 с.

366. Риск в социальном пространстве / под ред. А. В. Мозговой. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 2001. – 347 с.

367. Рифкин, Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Дж. Рифкин ; Пер. с англ. В. Ионов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.

368. Розвалон, П. Утопический капитализм. История идеи рынка / П. Розвалон ; пер. с фр. А. Зайцевой. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 256 с.

369. Розенберг, Н. Как Запад стал богатым: экономическое преобразование индустриального мира / Н. Розенберг, Л. Е. Бирдцелл мл. – Новосибирск : Экор, 1995. – 352 с.

370. Романов, О. А. Восточнославянская цивилизация в горизонте открытой истории : моногр. / О. А. Романов. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 334 с.

371. Рутенбург, И. Очерки из истории раннего капитализма в Италии / И. Рутенбург. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 227 с.

372. Рындина, М. Н. Методология буржуазной политической экономии / М. Н. Рындина. – М. : Мысль, 1969. – С. 99–103.

373. Сайко, Э. В. Заключение. Созидающий и созидаемый субъект в социокультурном развитии / Э. В. Сайко // Человек как субъект культуры / отв. ред. Э. В. Сайко. – М. : Наука, 2002. – С. 436–441.

374. Салинз, М. Экономика каменного века / М. Салинз ; пер с англ. О. Ю. Артемовой [и др.]. – М. : ОГИ, 1999. – 296 с.

375. Сафуанов, Ф. С. Гуманитарная экспертология: актуальные проблемы и перспективы / Ф. С. Сафуанов // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г. В. Иванченко ; Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2006. – С. 51–62.

376. Свод правительственных мероприятий, а также иных действующих узаконений о нищенстве (1681–1893). – СПб. : [Б. и.], 1896.

377. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство / гл. ред. и сост. О. А. Платонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2006. – 1136 с.

378. Седова, Н. Н. Биоэтика в пространстве культуры / Н. Н. Седова, Н. В. Сергеева. – М. : Триумф, 2010. – 336 с.

379. Седова Н. Н. Технологии улучшения человека в социологическом измерении [Текст] : монография / Н. Н. Седова, Б. А. Навроцкий, М.Е. Волчанский; ВолгГМУ Минздрава РФ. – Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2017. – 171 с.

380. Селигмен, Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмен ; под общ. ред. А. М. Румянцевой. – М. : [Б. и.], 1968. – 600 с.

381. Семенов, Ю. Философия истории. Общая теория, основные идеи и концепции / Ю. Семенов. – М. : «Современные тетради», 2003. – 776 с.

382. Семерник, С.З. Антропологическое измерение социокультурной динамики: экспансия «человека экономического» / С.З. Семерник // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2013. – № 3. – С. 51–61.

383. Семерник, С.З. Дискриминация идеи труда как фактор риска в развитии экономоцентричного общества / С.З. Семерник // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 4. – С. 299–305.

384. Семерник, С.З. Наука и образование: экспансия экономизма / С.З. Семерник // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2012. – № 146. – С. 188–194.

385. Семерник, С.З. Отчуждение социокультурных форм как фактор риска в развитии экономоцентричного общества / С.З. Семерник // Вестник МГОУ. – 2015. – № 3. – С. 67–73.

386. Семерник, С.З. Роль концепта труда в развитии общества / С.З. Семерник // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 3. – С. 139–148.

387. Семерник, С.З. Социогуманитарная экспертиза хозяйственно-экономической деятельности как императив современности / С.З. Семерник // Научные ведомости БелГУ. – 2014. – №/ 29 (187). – С. 12–16.

388. Семерник, С.З. Социокультурные риски как предмет социогуманитарной рефлексии и феномен современного общества / С.З. Семерник, Ю. В. Балахонская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2 (66). – С. 239–244.

389. Семерник, С.З. Экономоцентризм как антитеза духовному развитию общества / С.З. Семерник. // Философия права. – 2013. – № 2. – С. 108–111.

390. Семерник, С.З. Экономоцентризм как деструктивный фактор развития общества / С.З. Семерник // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова – 2012. – № 3 (81). – С. 48–60.

391. Семерник, С.З. Экономоцентризм как доминирующая мировоззренческая установка в развитии современного социума / С.З. Семерник // Сервис Plus. – 2014. – Том 8. – № 3. – С. 81–88.

392. Семерник, С. З. Экономоцентризм как кризисогенный фактор современного общества / С. З. Семерник // Вестник БрГУ Сер. 1. Философия. Политология. – 2011. – № 1. – С. 69–82.

393. Семерник, С.З. Экономоцентризм как фактор риска в развитии современного социума / С.З. Семерник // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии.– 2015. – № 2 – С. 47–53.

394. Семерник, С.З. «Homo economicus» как научная идеализация и тип личности в современном обществе / С.З. Семерник. // Философия права. – 2012. – № 6. – С. 54–57.

395. Сен-Симон, А. Избранные сочинения (1819–1825) / А. Сен-Симон ; пер. с фр. А. И. Рубина [и др.]. – М. ; Петроград : Государственное издательство, 1923. – 211 с.

396. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ;

пер. с англ., под ред. и предисл. А. Е. Кибрика. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2002. – 654 с.

397. Симонов, В. В. Церковь – общество – хозяйство / В. В. Симонов ; отв. ред. Д. С. Львов. – М. : Наука, 2005. – 702 с.

398. Скворцов, В. Н. Ценности российского общества в ракурсе философской антропологии / В. Н. Скворцов, М. Ю. Смирнов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 4. – С. 48–55.

399. Скворцов-Степанов, И. И. Курс политической экономии: Эпоха торгового капитала / И. И. Скворцов-Степанов. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 192 с.

400. Скотт, Дж. Моральная экономика деревни / Дж. Скотт // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М. : Логос, 1999. – С. 541–544.

401. Скрынник, З. Э. «Финансовая цивилизация»: тупик или перспектива? / З. Э. Скрынник // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2011. – № 3. – С. 46–54.

402. Слотердайк, П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2001. – 583 с.

403. Смирнов, С. Социальная экспертиза экономических решений: уже не миф, но еще не реальность // Человек и труд. – 2000. – № 6. – С. 38–41.

404. Смит, А. Исследования о причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2009. – 956 с.

405. Соколов, А. М. Социально-историческая субъективность: эпистемология теоретических репрезентаций / А. М. Соколов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – № 87. – С. 25–36.

406. Соколова, Р. И. «Мужская» и «женская» цивилизации: теории и реальность / Р. И. Соколова // Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 72–85.

407. Соловьев, В. С. Экономический вопрос с нравственной точки зрения / В. С. Соловьев // Оправдание добра / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012. – С. 471–513.

408. Соломин, В. П., Романенко, И. Б., Султанов, К. В. Постнеклассическая картина мира и цивилизационные противоречия // Ритмы бытия : праздник и повседневность в социокультурном измерении [Текст] : сборник научных трудов — Санкт-Петербург, 2017 – С. 8–12.

409. Сомин, Н. Макс Вебер и протестантская этика [Электронный ресурс] / Н. Сомин. – Режим доступа: http://chri-soc.narod.ru/ lecSV_14.htm. – Дата доступа: 04.12.2013.

410. Сорвин, К. В. Проблема аксиоматики экономической науки / К. В. Сорвин // Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы. – М. : ИФРАН, 1997. – 249 с.

411. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

412. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений – СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с.

413. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр ; пер. с фр. ; под ред. А. А. Холодовича. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.

414. Сото, Э. Загадка капитала: почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. Де Сото. – М. : ЗАО «Олимп – Бизнес», 2004. – 272 с.

415. Социологичекая энциклопедия : в 2 т. – М. : Мысль, 2003. – Т. 2. – С. 95–98.

416. София. Сто лет русской философии хозяйства / под ред. Ю. М. Осипова, А. И. Агеева, Е. С. Зотовой. – М. : ТЕИС, 2012. – 367 с.

417. Социальный риск: ментальные, ценностные, коммуникативные основания / А. В. Иванов [и др.]. – Саратов : Издательский центр «Наука», 2012. – 288 с.

418. Спасенников, В. В. Экономическая психология : учеб. пособие / В. В. Спасенников. – М. : ПЕР СЭ, 2003. – 448 с.

419. Ставцев, С. Н. Формы субъективности в философской культуре XX века. Введение / С. Н. Ставцев // Формы субъективности в философской культуре XX века. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 3–9.

420. Степин, В. С. Проблема типов цивилизационного развития / В. С. Степин. – М. : Изд-во РАГС, 2004. – 38 с.

421. Стецюра, Т. Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского / Т. Д. Стецюра. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 303 с.

422. Стребков, А. И. Социально-политический механизм снижения конфликтного потенциала рынка / А. И. Стребков, В. Г. Бондарев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2014. – № 1. – С. 55–64.

423. Стрельченко, В. И. Научная рациональность: RO et CONTRA / В. И. Стрельченко // Философия права. – 2012. – № 2. – С. 128–135.

424. Стрельченко, В. И. Периоды в историческом процессе / В. И. Стрельченко, М. З. Бун // Философия права. – 2013. – № 4 (59). – С. 35–40.

425. Струве, П. Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина / П. Б. Струве ; сост., вступ. статья А. В. Хашковского. – СПб. : РХГИ, 2000. – 352 с.

426. Струве, П. Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России / П. Б. Струве. – СПб., 1894. – 261 с.

427. Субетто, А. И. Капиталократия и глобальный империализм / А. И. Субетто. – СПб. : Астерион, 2009. – 571 с.

428. Сулакшин, С. С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. – М.: Научный эксперт, 2013. – 232 с.

429. Сэмюэл, Л. Люди, машины и история / Л. Самюэл ; пер. с англ. В. А. Алексеева ; послесл. С. В. Шухардина ; под ред. С. В. Шухардина, В. М. Родионова. – М. : Прогресс, 1970. – 431 с.

430. Таркан, И. И. Теоретико-методологические и социально-исторические причины возникновения мир-системного анализа / И. И. Таркан // Весці БДПУ Сер. 2. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, культуралогія. – 2014. – № 2. – С. 95–98.

431. Тарле, Е. В. История Италии в средние века / Е. В. Тарле. – 3-е изд. – М. : Едиториал УССР, 2010. – 200 с.

432. Тевено, Л. Множественнность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире / Л. Тевено // Вопросы экономики. – 1997. – № 10. – С. 69–84.

433. Толстой, Л. Н. Так что же нам делать? [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/ vol_16/01text/0346.htm. – Дата доступа: 20.08.2015.

434. Тульчинский, Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология [Электронный ресурс] / Г. Л. Тульчинский. – Режим доступа: http://hpsy.ru/public/x2871.htm. – Дата доступа: 09.11.2012.

435. Туроу, Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы

формируют завтрашний мир / Л. Туроу ; пер с англ. А. И. Федорова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. – 432 с.

436. Тутов, Л. А. Субъект и объект управления в философии хозяйства / Л. А. Тутов // Вестник МГУ. Сер. Философия. – 1998. – № 3. – С. 97–104.

437. Тяпин, И. Н. Философия экономики : учеб. пособие / И. Н. Тяпин. – М. : Магистр : ИНФРА–М, 2015. – 304 с.

438. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. – СПб. : Лениздат, 1996. – 703 с.

439. Улих, К. «Экономический человек» глазами С. Булгакова / К. Улих // ОНС. – 1996. – № 2. – С. 127–130.

440. Улих, К. С. Н. Булгаков и проблема моральной обусловленности экономической жизни / К. Улих // С. Н. Булгаков: экономика и культура / отв. ред. И. Е. Дискин, Н. А. Макашева. – М. : [Б. и.], 1995. – 164 с.

441. Управление рисками: превентивный подход / под науч. ред. Р. И. Федосовой. – М. : Экономика, 2013. – 261 с.

442. Устьянцев, В. Б. Горизонты амбивалентного человека в обществе риска / В. Б. Устьянцев // Наука. Философия. Общество : Мат-лы V Российского философского конгресса. – Новосибирск : Парралель, 2009. – С. 490–493.

443. Учение. Пятикнижие Моисеево. – М. : Республика, 1993. – 335 с.

444. Февр, Л. Общий взгляд на социальную историю капитализма / Л. Февр // Бои за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1991. – С. 185–202.

445. Федотова В. Г. Православие, Вебер и новый русский капитализм / В. Г. Федотова, Ш. Кросс // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 41–51.

446. Федотова, В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008. – 607 с.

447. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон. – М. : Астрель : CORPUS, 2010. – 431 с.

448. Фетисов, Г. Г. Генезис и эволюция мировой экономической мысли / Г. Г. Фетисов // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. / отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2004. – Т. 1. От зари цивилизации до капитализма. – 718 с.

449. Финн-Енотаевский, А. Финансовый капитал и производительный / А. Финн-Енотаевский. – М. : Финансовое издательство НКФ СССР, 1926. – 160 с.

450. Фомичев, И. Ю. Хозяйственная этика российского постмодерна / И. Ю. Фомичев // Экономическая теория в XXI веке – 5 (12) : Национальная экономика и социум / под ред. Ю. М. Осипова, В. С. Сизова, Е. С. Зотовой. – М. : Магистр, 2007. – 640 с.

451. Форд, Г. Моя жизнь, мои достижения / Г. Форд. – Минск : Поппури, 2015. – 352 с.

452. Франк, А. Г. Развитие неразвитости [Электронный ресурс] / А. Г. Франк. – Режим доступа: http://left.ru/2005/9/frank126.phtml. – Дата доступа: 24.08.2014.

453. Фредер, Г. Манифест к сломлению кабалы процентов / Г. Фредер. – М. ; Мюнхен : Изд-во Фр. ЭерНахф. ГмбХ, 2000. – 36 с.

454. Фридмен, М. Капитализм и свобода / М. Фридмен. – М. : Новое издательство, 2006. – 236 с.

455. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – М.: Коллегиум, 1992. – 256 с.

456. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 207 с.

457. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко. – Минск : Пропилеи, 2003. – 152 с.

458. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко ; пер. с фр. И. К. Стаф. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.

459. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко ; пер с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономова. – СПб. : A-cad, 1994. – 406 с.

460. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 558 с.

461. Фурсов, А. «Кризис-матрешка». Демонтаж капитализма и конец Эпохи пирамид – [Электронный ресурс] / А. Фурсов. – Режим доступа: http://so-l.ru/news/show/6408460. – Дата доступа: 21.01.2013.

462. Фурсов, А. И. Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества / А. И. Фурсов. – М. : ИНИОН, 1990. – 59 с.

463. Фурсов, А. И. Холодный восточный ветер русской весны / А. И. Фурсов. – М. : Книжный мир, 2014. – 320 с.

464. Фурсов, А. Капитал (замогильные записки) – [Электронный ресурс] / А. Фурсов. – Режим доступа: http://novchronic.ru/1239.htm. – Дата доступа: 18.04.2008.

465. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. / Ю. Хабермас ; под ред. Д. В. Скляднева. – СПб., 2000. – 380 с.

466. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Изд-во «Весь мир», 2003. – 416 с.

467. Хайдеггер, М. Парменид / М. Хайдеггер. – СПб. : В. Даль, 2009. – 382 с.

468. Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек. – М. : «Социум», 2010. – 432 с.

469. Хайек, Ф. Капитализм и историки / Ф. Хайек. – Челябинск : Социум, 2012. – 398 с.

470. Хайек, Ф. Конкуренция как процедура / Ф. Хайек // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 12. – С. 6–14.

471. Хайек, Ф. Претензии знания / Ф. Хайек // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 164–167.

472. Хакимов, Г. А. Хронотоп как инструмент социально-философского анализа глобального капитализма / Г. А. Хакимов // Гуманитарные науки. Философия. – 2007. – № 3. – С. 63–69.

473. Хангтингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.

474. Хард, М. Империя / М. Хард, А. Негри ; пер. с англ. ; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.

475. Харари, Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю. Харари. – М. : Синдбад, 2018. – 496.

476. Харре, Р. «Конструкционизм и основа знания» / Р. Харре // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке : сб. ст. / ИФ РАН. – М. : Канон+, 2009. – 367 с. – С. 64–78.

477. Хезмондалш, Д. Культурные индустрии [Текст] / пер. с англ. И. Кушнаревой ; под науч. ред. А. Михалковой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 456 с.

478. Хейне, П. Экономический образ мышления / П. Хейне, П. Боутке, Д. Причитко ; пер. Фурсов с англ. – 10-е изд. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2007. – 544 с.

479. Хикс, Дж. Теория экономической истории / Дж. Хикс. – М. : Журнал

«Вопросы экономики», 2005. – 223 с.

480. Хиршман, А. Страсти и интересы / А. Хиршман. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2012. – 200 с.

481. Хобсбаум, Э. Век капитала / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. Т. Горяйновой, В. Белоножко. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 476 с.

482. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / Э. Хобсбаум. – М. : Изд-во Независимая Газета, 2004. – 632 с.

483. Хомский, Н. Прибыль на людях / Н. Хомский. – М. : Праксис, 2002. – 256 с.

484. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно ; пер. с нем. М. Кузнецова. – М. ; СПб. : Медиум Ювента, 1997. – 312 с.

485. Худокормов, А. Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада : учеб. пособие / А. Г. Худокормов. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 416 с.

486. Чекмарев, В. В. Постмодерн и экономическая онтология / В. В. Чекмарев // Антология современной философии хозяйства : в 2 т. / под ред. Ю. М. Осипова. – М. : Магистр, 2010. – Т. 1. – 832 с.

487. Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / под ред. А. В. Бузгалина. – М. : Экономика, 2011. – 556 с.

488. Человеческий потенциал Республики Беларусь / Под ред. Н. Г. Никитенко. – Минск: Беларуская навука, 2009. – 716 с.

489. Черёмушникова, И. К., Петров, А. В. Культурно-смысловые доминанты как коммуникация в историческом пространстве и времени / И. К. Черёмушникова, А. В. Петров // Философия социальных коммуникаций, 2014. – № 1 (26). – С. 18–24.

490. Четыре книги сентенций: Фрагменты // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья / пер. и прим. А. В. Аполлонов. – СПб. : Российский Христианский гуманитарный институт, 2000. – Т. 1. – 540 с.

491. Чупров, А. И. История политической экономии / А. И. Чупров. – 8-е изд. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. – 223 с.

492. Шабловский, В. Что такое капитализм? / В. Шабловский. – Минск : [Б. и.], 1959. – 24 с.

493. Шадже, Ю. А. Влияние социокультурных рисков на идентификационные процессы / Ю. А. Шадже // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 300–309.

494. Шакирова, Е. Ю. Основания рискогенности современного социокультурного пространства // Человек. История. Культура: исторический и философский альманах. – Саратов : Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, 2014. – С. 35–44.

495. Шамрай, В. В. Социальный субъект и его роль в преобразовани общества : автореф. дисс. .. канд. филос. наук: 09.00.01 / В. В. Шамрай. – Киев, 1991. – 17 с.

496. Шаов, А. А. «Человек экономический» в условиях глобализации / А. А. Шаов, В. Н. Нечай. – М. : Изд-во МГОУ, 2011. – 188 с.

497. Шаов, А. А. Генезис дискурса экономоцентризма как парадигмальной установки / А. А. Шаов // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 7. – С. 151–158.

498. Шарапов, С. Ф. Бедность и богатство / С. Ф. Шарапов, М. Улыбышева. – М. : Ковчег, 2013. – 414 с.

499. Шарапов, С. Ф. Избранное / С. Ф. Шарапов. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. – 743 с.

500. Шарден, Тейяр де Феномен человека / Тейяр де Шарден. – М. : Наука, 1987. – 485 с.

501. Шваб, К. Четвертая промышленная революция /К. Шваб. – М.: ЭКСМО, 2016. 208 с.

502. Швейцер, А. Письма из Ламбарене / А. Швейцер ; изд. подгот. А. М. Ольдерогге. – Л. : Наука, 1978. – 390 с.

503. Шелер, М. Положение человека в космосе / пер. снем. А. Ф. Филиппова // Шелер, М. Избранные произведения / пер с нем. ; под ред. А. В. Денежкина. – М. : Гнозис, 1994. – С. 129–193.

504. Шелов-Коведяев, Ф. В. Полемические заметки политолога об экономике, политике и демографии / Ф. В. Шелов-Коведяев // ОНС. – № 6. – С. 154–159.

505. Шипулина, Н.Б. Смена культурных парадигм: к вопросу о разрешении антиномии устойчивости и изменчивости в культуре / Н. Б. Шипулина // Человек–Философия–Гуманизм : тезисы докл. и выст. Первого Росс-го философ. конгресса: в 7-ми т-х. / под ред. Н. В. Голик, М. С. Кагана. – 1997. – С. 15–17.

506. Ширинский, И. Д. Три стадии развития капитализма в промышленности / И. Д. Ширинский. – М. : Высшая партийная школа при ЦК КПСС, 1956. – 32 с.

507. Шмидт, Э., Коэн, Дж. / Э. Шмидт, Дж. Коэн. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.

508. Шулевский, Н. Б. «Общество знания» или «общество непонимания»? / Н. Б. Шулевский // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2010. – № 6. – С. 28–45.

509. Шулевский, Н. Б. Археология цены в философии хозяйства / Н. Б. Шулевский // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2010. – № 3. – С. 32–57.

510. Шулятиков, В. М. Оправдание капитализма в западноевропейской философии: от Декарта до Э. Маха / В. М. Шулятиков. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 152 с.

511. Шумпетер, Й. История экономического анализа / Й. Шумпетер // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли : сб. ст. / гл. ред. В. Я. Жамин. – М. : Экономика. – 1989. – Вып. 1. – С. 256–265.

512. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – 455 с.

513. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ / Ш. Эйзенштадт ; пер. с англ. А. В. Гордона. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 416 с.

514. Экономика как искусство / О. И. Ананьин [и др.]. – М. : Наука, 2008. – 254 с.

515. Экономическая оценка народного образования: Очерки И. И. Янжула, А. Н. Чупрова, Е. Н. Янжул, В. П. Вахтерова и др. – СПб.: Типогр. А. Бенке, 1899. – 162 с.

516. Экономическая психология. Социокультурный подход / под ред. И. В. Андреевой. – СПб. : Питер, 2000. – 512 с.

517. Экономические концепции для общественных наук / под ред. Т. Сендлера. – М. : Весь мир, 2006. – 374 с.

518. Элиаде, М. Религии Австралии / М. Элиаде ; пер. с англ. Л. А. Степанянц. – СПб. : Унив. кн., 1998. – 319 с.

519. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. / Н. Элиас // Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Н. Элиас ; пер. с нем. – СПб. : Унив. кн. ; М. : Акад. исслед.

культуры, 2001. – Т. 2. – 382 с.

520. Элоян, М. Р. С. Н. Булгаков: Православие и капитализм (философия хозяйства) / М. Р. Элоян. – Ростов н / Д : РГУ, 2004. – 327 с.

521. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. – М. : URSS изд-во ЛКИ, 2007. – 238 с.

522. Эрс, Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты / Ж. Эрс ; пер с фр. М. Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2014. – 320 с.

523. Юдина, Т. В. Рабочие на концессионных предприятиях Российской империи и СССР, (1900-1940-е годы). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – 210 с.

524. Юдина, Т. Н. Значение учения о домостроительстве для формирования институционально-экономической системы России и других стран / Т. Н. Юдина // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2009. – № 6. – С. 132–139.

525. Юдина, Т. Н. Институциональные принципы домостроя / Т. Н. Юдина. – М. : ТЕИС, 2006. – 192 с.

526. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. – М. : [Б. и.], 1959. – 638 с.

527. Явлинский, Г. А. Рецессия капитализма – скрытые причины. Realeconomik [Текст] / Г. А. Явлинский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 185 с.

528. Ядов, В. Труд в системе жизненных ценностей / В. Ядов // Человек и труд. – 2000. – № 1. – С. 39–43.

529. Яковенко, И. Г. Познание России: цивилизационный анализ / И. Г. Яковенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 671 с.

530. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Экономика, 2002. – 411 с.

531. Якунин, В. И. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества / В. И. Якунин [и др.]. – М. : Научный эксперт, 2009. – 466 с.

532. Якунин, В. И. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений / В. И. Якунин [и др.]. – М. : Научный эксперт, 2007. – 160 с.

533. Якунин, В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. М.: Научный эксперт, 2012. – 496 с.

534. Янжул, И. И. Из психологии народов: Экономическое значение «времени» и «пространства» / И. И. Янжул. – Одесса : [Б. и.], 1895. – 56 с.

535. Янжул, И. И. Избранные труды / И. И. Янжул. – М. : Наука, 2005. – 436 с.

536. Янжул, И. И. Экономическое значение честности / И. И. Янжул. – М. : Типо-литография т-ва «И. Н. Кунерев и К», 1912. – 27 с.

537. Ярская, В. Н. Методология конструирующей экспертизы: Из опыта работы эксперта / В. Н. Ярская // Современное российское общество: Власть экспертизы: Межвуз. науч. сб. – Саратов : Из-во Саратовского мед. Ун-та, 2003. – С. 3–15.

538. Angell, R. C. The Integration of American Society / R. C. Angell. – New York : Mc-Graw-Hill, 1941. – 228 p.

539. Bakas A. The Future of Capitalism / A. Bakas. – Pennsylvania: Meghan-Kiffer Press, 2009. – 280 p.

540. Daalder, H. European political traditions and processes of modernissation: Groups, the individuala the state / H. Daalder // Patterus of modernity. – New York, 1987. – Vol. 1. – P. 22–43.

541. Daly, H. Economic in a full world – Scientific American. Sertember, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pages.wustl.edu/files/pages/imce/fazz/ad_5_2_daly.pdf. – Дата доступа: 16.02.2015.

542. Dikhanov, Y. Trends in Global Income Distribution, 1970–2000, And scenarios for 2015 / Y Dikhanov. – New York : UN, 2005. – 49 p.

543. Easterlin, R. The reluctant Economist: Perspectives jn Economics, Economic History, and Demography / R. Easterlin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 306 p.

544. Eisenstadt, S. European civilization in comparative perspective / S. Eisenstadt. – L. etc. : Oxford Univ. Press, 1987. – 159 p.

545. Fanfani, A. Catholicism, Protestantism, and Capitalism / Fanfani. – Norfolk ; Virginia : IHS Press, 2003. – 187 p.

546. Frank, La Rue. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression / La Rue Frank // A/HRC/17/27. – 27 may 2011. – 337 p.

547. Frank, A. G. The Five Thousand Year World System in Theory and Praxis / A. G. Frank, B. K. Gills // World-System History: The Social Science of Long-Term Chang / Ed. by R. A. Denemark. – London : Routledge, 2000. – P. 12–20.

548. Gatlin, G. H. Political and Sociological Theory / G. H. Gatlin. – Ann Arbour, 1964. – 128 p.

549. Gimpel, J. Medieval Machine: The Industrial Revolution of the Middle Ages / J. Gimpel – London.: Penguin Books. – 1977. – 192 p.

550. Global capitalism, deflation and agrarian crisis in developing countries / Utsa Patnaik. – Geneva : UN RISD, 2003. – 347 p.

551. Gorz, A. Adieux au prolétariat / A. Gorz. – Galilée : Le Seuil, 1980. – 152 p.

552. Harrington, M. The Accidental Century / M. Harrington. – New York : Macmillan, 1965. – 322 p.

553. Harvey, D. The new imperialism / D. Harvey. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 288 p.

554. Heilbroner, R. Behind the Veil of Economics. Essays in the Worldly Philosophi. – New York : WW Norton Company, 1988.

555. Heilbroner, R. Economic Problems of «Postindustrial» Society / R. Heilbroner // Dimensions of Society / ed. by D. Potter and Ph. Sarre. – London, 1974. – P. 230–238.

556. Hobsbawm, E. Industry and empire / E. Hobsbawm. – Harmondsworth, Middlesex, UK : Renguin Books Ltd., 1968. – 384 p.

557. Hofsted, G. Culture's Consequences: International differences in work relatedvalues / G. Hofsted. – London : SAGE Publications, 1980. – 328 p.

558. Huntington, S. The clash of zivilizations and the remaking of world order / S. Huntington. – New York : Simon&Schuster, 2011. – 368 p.

559. Katona, G. The mass consumption society / G. Katona. – N.Y., 1964.

560. Katona, G. The Powerful Consumer / G. Katona. – N.Y. : McGraw-Hill, 1960. – 275 p.

561. Lagadec, P. Das grosse Risiko: technische Katastrofen und gesellschaftliche Verantwortung / P. Lagadec. – Nördlingen: Greno, 1987. – 282 s.

562. Masuda, Y. The Information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. –

Washington, D.C. : World Future Society, 1981. – 171 p.

563. Moscovici, S. La Psychoanalyse: Son Image et Sa Publique / S. Moscovici. – Paris. – Presses Universitaires de France, 1961. – 652 p.

564. Konstruktivismen herausgegeben von Fritz G. Wallner, A. Agnese. – Wien : Wilhelm Braumuller, 2001. – 182 p.

565. Mann, M. The sources of social power / M. Mann. – Cambridge : Cambridge Univ. press, 1986. – Vol. 1. A history of power from the beginning to A. D. 1760. – 549 p.

566. Nevo, D. The conceptualization of educational evaluation / D. Nevo // Review of Educational Research. – 1983 – Vol. 53. – P. 117–128.

567. Peetz, H. Volkswissenschaftliche Studien: Darinnen Zuvorderst Unsere Alten Bayernherzoge Des 12. Bis 16. Jahrhunderts Als Bergherren Naeher Beleuchtet Werden (German Edition) / H. Peetz. – M. : Книга– по требованию, 2015. – 416 p.

568. Rapley, J. Few things are as dangerous as economist with physics envy [Electronic resource] / J. Rapley // Aeon/ – Mode of access: https://aeon.co/ideas/few-things-are-as-dangerous-as-economists-with-physics-envy. – Date of access: 20.08.2019.

569. Schumpeter J.A. Business cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. N.Y. Toronto; L.: McGraw-Hill Book Company, 1939. – 461 p.

570. Simon, H. Behavioral Model of Rational Choice / H. Simon // Quarterly Journal of Economics. – 1955. – Vol. 69. – P. 129–138.

571. Systemtheorie und Konstruktivismus in der Kommunikationswissenschaft herausgegeben von Armin Scholl. – Konstanz : UVK, 2002. – 336 p.

572. Tawney, R. H. Religion and the Rise of Capitalism / R. H. Tawney. – New York : Harcourt&Brace&World, Inc., 1926. – 210 p.

573. Trennial Central Bank Survey. Foreign exchange turnover in April 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.bis.org/ publ/rpfx13.htm. – Date of access: 13.09.2013.

574. Trochim, W. An introduction to concept mapping for planning and evaluation / W. Trochim Evaluation and Programm Planning. – 1989. – № 12 (1). – P. 1–16.

575. Wallerstein, I. The capitalist world-economy / I. Wallerstein. – Cambridge : Univ. Press, 1979. – 305 p.

576. Wallerstein, I. The West, capitalism, and modern world system / I. Wallerstein // Prepared as a chapter of Joseph Needham «Science and civilisation in Cina». – 1989. – Vol. 7. – P. 1–64.

577. Zolotas, K. Economic Growth and Declining Social Welfare / K. Zolotas. – New York : New York Univ. Press, 1981. – 200 p.